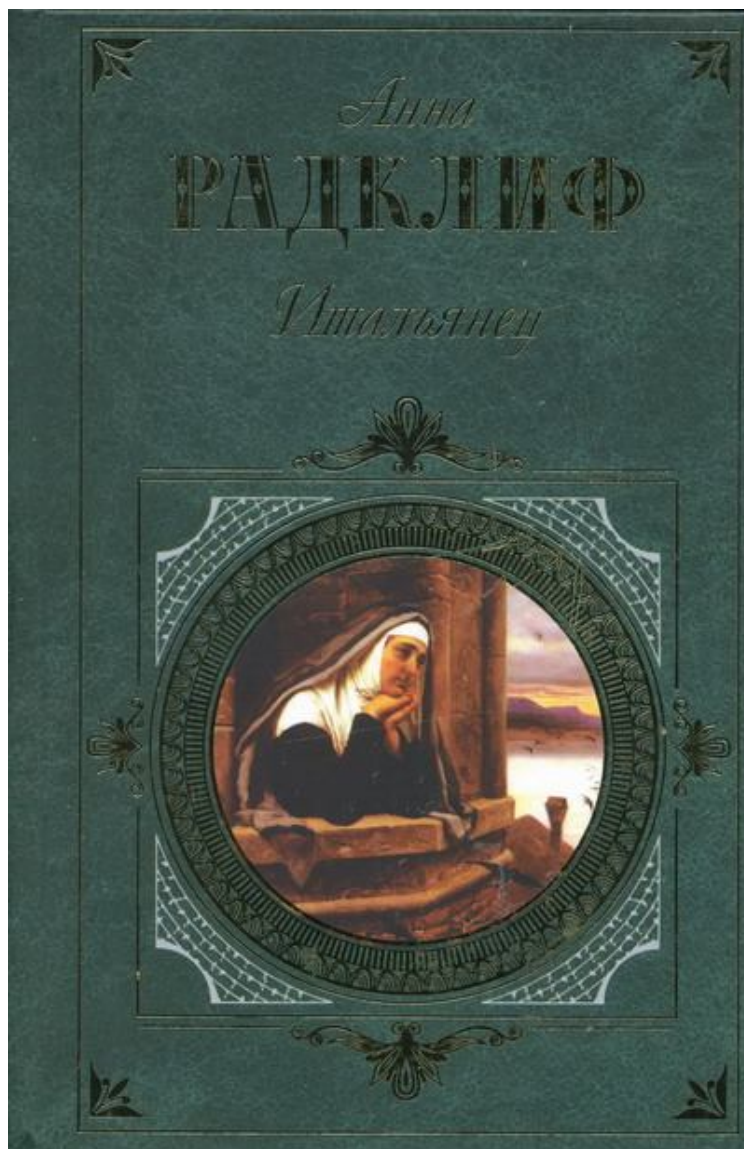

Анна Радклиф Итальянец

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Анна Радклиф "Итальянец"»: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24925-1

Аннотация

Готический роман стал колыбелью многих последующих литературных жанров. И творчество английской писательницы Анны Радклиф в модном в то время направлении литературы было весьма оцутимо и плодотворно. Ее романами ужасов зачитывалась вся Европа, но ярко вспыхнувшая слава писательницы оказалась недолговечной. Судьба Анны Радклиф таила в себе много непонятного и непостижимогo. После своего пятого романа «Итальянец», принесшего ей шумный успех, Радклиф удалилась от света и славы, исчезнув так же загадочно, как многие из ее персонажей...

В книге представлено предисловие В. Скотта «Миссис Анна Радклиф».

Анна Радклиф «Итальянец, или Тайна одной исповеди»

Миссис Анна Радклиф

Жизнь миссис Анны Радклиф, протекавшая под мирной домашней сенью, среди изъявлений родственной любви и приязни, представляется столь же тихой и уединенной, сколь блестящей и громкой была слава творений писательницы. Наиболее достоверными сведениями о времени и месте рождения, семье и внешности миссис Радклиф являются, вероятно, те, что содержатся в посвященной ей статье из сборника биографий современников.

«Она родилась в Лондоне, — пишет автор, — в 1764 году [9 июля]; родители ее, Уильям и Анна Уорд, занимались торговлей, однако, в отличие от всех своих родственников, не только не были зажиточными людьми, но даже не имели прочного достатка. Бабушка миссис Радклиф со стороны отца носила фамилию Чизелден и была сестрой знаменитого хирурга — о его доброте и сердечности мистер Уорд сохранил благодарные воспоминания; некоторые из подаренных им книг я видел собственными глазами. Покойный полковник Чизелден, из Сомерби в Лестершире, как я полагаю, также приходился хирургу племянником. Тетка отца миссис Радклиф, покойная миссис Баруэлл (она проживала вначале в Лестере, а впоследствии в Даффилде, в Дербишире) была ее восприемницей при крещении. Бабушку со стороны матери звали Анна Оутс; она являлась сестрой доктора Сэмюэла Джебба из Стратфорда (отца сэра Ричарда); через эту ветвь семьи миссис Радклиф состояла в родстве с доктором Галифаксом, епископом глостерским, и с другим доктором Галифаксом, королевским медиком. Вероятно, небезынтересно будет знать, что миссис Радклиф вела происхождение от близких родственников голландского семейства Де Витт. В семейных документах, которые мне довелось видеть, утверждается, что некий Де Витт, из семейства Джона и Корнелиуса, явился в Англию, пользуясь покровительством британских властей, с

намерением осушить линкольнширские болота; с собой он привез дочь Амелию, в то время еще маленькую девочку. Планам его помешал, вероятно, мятеж (дело происходило во времена Карла Первого), однако Де Витт, скорее всего, провел остаток жизни в доме вблизи Халлау и оставил после себя много детей; от его дочери Амелии и ведет происхождение миссис Радклиф.

Эта замечательная писательница знакома мне с той поры, когда ей было около двадцати лет; в юности она была необычайно стройна, отличаясь в то же время, подобно своему отцу, а также его брату и сестре, небольшим ростом. У нее был превосходный цвет лица и красивые черты, в особенности глаза, брови и рот. О способностях миссис Радклиф говорят ее произведения. По книгам можно судить также и об ее вкусах. Одним из ее любимейших занятий было созерцать красоты подлунного мира, в особенности наиболее величественные из них; любила она и слушать хорошую музыку. Она также питала пристрастие к любым приятным звукам речи; она просила читать ей вслух отрывки из латинских и греческих классиков, а иногда требовала дать буквальный перевод, с сохранением по возможности всех оборотов речи, сколь бы нелепым он ни выглядел вследствие такой предельной точности. Миссис Радклиф обладала живой фантазией и, как легко можно предположить, многими другими качествами, необходимыми для искусного ведения беседы, однако ей не хватало уверенности в себе и присутствия духа, без которых человек неловко чувствует себя на виду у малознакомых людей. И все же, не испытывая недостатка в хорошем примере, она не могла не знать, как держать себя в многолюдном обществе. Большую часть юности она провела в доме богатых родственников; ребенком она удостоилась чести быть любимицей покойного мистера Бентли — он, когда была основана фабрика, известная под именами Веджвуда и Бентли, надзирал там за всем, что связано с художественной стороной изделий. Мистер Веджвуд был умным коммерсантом и способным химиком; мистер Бентли получил более широкое образование и обладал художественным вкусом. За мистера Бентли вышла замуж одна из сестер матери миссис Радклиф; пока была жива тетка, которая, согласно умеренным — я бы сказал, разумно умеренным — понятиям своего времени, считалась образцом воспитанности и образованности, маленькая племянница была любимой гостьей в Челси, а затем на Тернхэм-Грин, где жили мистер и миссис Бентли. В их доме она встречалась с несколькими известными литераторами и с другими гостями, не столь видными, но заслуживавшими внимания благодаря своему неординарному уму и манерам. К первым принадлежали покойная миссис Монтегю и миссис Пьюцци (с ней, как я предполагаю, миссис Радклиф виделась всего один раз), ко вторым — миссис Орду. Бывал в доме четы Бентли также джентльмен по прозвищу „Афинянин Стюарт“.

Выросшая, таким образом, в респектабельной семье и в достойном окружении, мисс Уорд, в возрасте двадцати трех лет вступив в брак, приобрела фамилию, которую ей предстояло прославить. Муж ее, Уильям Радклиф, получивший ученую степень в Оксфорде, изучал право, однако оставил юридическую науку и сделался впоследствии владельцем и издателем „Инглиш кроникл“.

Все эти родственные связи располагали миссис Радклиф к тому, чтобы она развивала свой литературный талант, и в 1789 году, спустя два года после замужества, в возрасте двадцати пяти лет, она дебютировала как писательница. Ее первый роман, озаглавленный „Замки Этлин и Данбейн“, дает, однако, лишь слабое представление о ее выдающихся литературных возможностях. Действие романа происходит в Шотландии в Средние века, но автор ни разу не пытается воспроизвести особенности национального характера или природы этой страны; правда, при внимательном чтении удастся заметить некоторые зачатки тех способностей и вкуса к описанию таинственного и романтического, которые так замечательно проявились в дальнейшем, однако в целом мы не можем признать этот роман достойным пера миссис Радклиф. Тем не менее любопытно сравнить этот набросок с ее более высоко ценимыми произведениями, ибо при изучении истории развития таланта важно не упускать из виду первых проявлений его; зная их, мы можем в отдельных случаях

проследить, как из неприметного желудя вырастает со временем могучий дуб.

Более ярко проявился дар миссис Радклиф в „Сицилийском романе“, который вышел из печати в 1790 году и, как хорошо помним мы сами (а мы тогда поглощали романы необычайно жадно), привлек немалое внимание читающей публики. В этой книге нашла выход богатая фантазия — главная характеристическая черта автора. Читателя увлекает стремительная, блестящая череда приключений, с захватывающими погонями, во время которых судьба героев висит на волоске; оживляет действие антураж, напоминающий великолепную восточную сказку. Но все же в романе заметны недостатки, естественные для неопытного автора. Сцены связаны между собой недостаточно искусно, небрежно обрисованным характерам не придано индивидуальных черт; сюжет построен по обычному образцу, с пылкими влюбленными, тиранами-родителями, доморощенными негодьями и тюремщиками и прочая — подобные им, с ничтожными различиями в облике и семейных обычаях, рыдали и бушевали на страницах романов уже за четверть века до миссис Радклиф. Тем не менее „Сицилийский роман“ привлек многих читателей, поскольку далеко превосходил обычную печатную продукцию, которой потчевало читателей „Леднхолл-пресс“, — продукцию убогую, устарелую и скучную. Миссис Радклиф заслуживает безусловной похвалы за то, что она первой, благодаря естественности описаний и выразительности рассказа, внесла в художественную прозу красоту и фантазию, какие встречались ранее исключительно в поэзии. Филдинг, Ричардсон, Смоллетт, даже Уолпол, хотя и писали на темы, волнующие воображение, были все же прозаиками. А миссис Радклиф пристало звание первой поэтессы романного жанра (если не считать неслучайной принадлежностью стихов подлинный ритм).

„Лесной роман“, появившийся в 1791 году, сразу утвердил ведущее место писательницы в избранном ею литературном направлении — это превосходство она доказала и последующими работами. В новом романе миссис Радклиф обуздала свою фантазию и подчинила ее требованиям упорядоченного повествования. Писательница проявила много больше мастерства, чем раньше, в описании персонажей, хотя задуманы они, возможно, не очень оригинально; соответственно вырос и успех у публики. Особенно талантливо обрисован Ла Мотт — интерес романа обусловлен по преимуществу неустойчивостью его характера; в целом Ла Мотта можно назвать скорее слабым и порочным человеком, чем злодеем, но тем не менее он постоянно близок к тому, чтобы стать орудием жестокостей, которых в душе не одобряет. Ла Мотт в полной мере соответствует определению „бедняк, знавший лучшие времена“; обозленный на мир, который с презрением его отринул, и будучи вынужден силой обстоятельств искать убежища в уединенном доме, полном тайн и ужасов, он из жажды мести делается угрюмым деспотом, тиранящим собственную семью, а также тех, кого привязывает к нему только сильное чувство долга. На сцене появляется более могущественное действующее лицо — и приобретает власть над этой порочной, но нерешительной душой; прибегая попеременно то к посулам, то к угрозам, он вовлекает Ла Мотта в заговор против добродетели и даже жизни сироты, которую Ла Мотт из благодарности, а также во имя чести и гостеприимства обязан лелеять и защищать.

Героиня, которая, как водится, облечена в одежды невинности, чистоты и наивности (подобающие героине романа, как белое платье — женскому полу), также не лишена привлекательных своеобразных черт. Она благодарна членам семейства Ла Мотт и продолжает испытывать к ним привязанность и полагаться на их честь, даже когда жена Ла Мотта проявляет недоброжелательность, а отец семейства ведет себя как предатель; это придает ее характеру интересные и индивидуальные черты.

Однако, хотя миссис Радклиф, несомненно, куда искуснее, чем раньше, стала задумывать и отделять характеры своих персонажей и тем доказала свое превосходство над большинством романистов, все же не эта сторона ее мастерства принесла ей популярность. Вызывала интерес, даже завораживала публику изумительно построенная интрига; автору удалось внушить читателю трепетное ощущение таинственности и ужаса, пробудить острое любопытство, сопровождающее главу за главой, эпизод за эпизодом.

Интерес испытывал каждый: от ученого-затворника до семьи среднего достатка, собравшейся вечером вокруг свечи, чтобы, углубившись в царство фантазии, отдохнуть от тягот повседневности. Повествование становилось разнообразнее и живее, и еще больше поражало воображение благодаря описаниям развалин и лесов, которые их окружают; эти столь различные — то приятные и безмятежные, то мрачные, то жуткие — картины могли вызвать к жизни лишь тот, кому природа даровала глаз живописца и дух поэта.

В 1793 году миссис Радклиф побывала на Рейне; не решаясь настаивать на своей правоте, мы все же склоняемся к предположению, что „Удольфские тайны“ были написаны или, во всяком случае, исправлены после этого путешествия; полуразрушенные замки германских рыцарей-разбойников, расположенные на диких романтических берегах знаменитой реки, окрылили, вероятно, ее воображение и прибавили яркости ее краскам (по сравнению с „Лесным романом“). Окрестности озер Уэстморленда, которые миссис Радклиф посетила приблизительно в то же время, также должны были послужить мощным стимулом для ее фантазии: в этих диких, но прекрасных местах природа воплотила те самые красоты, которые так любила живописать миссис Радклиф. Со своими впечатлениями от этих стран она ознакомила публику в 1794 году; ее превосходно написанная работа была озаглавлена „Путешествие по Голландии и т. д.“.

Разумеется, публика много ждала от следующего сочинения миссис Радклиф; за „Удольфские тайны“ книготорговцы сочли возможным предложить ей огромную по тем временам сумму — 500 фунтов. Зачастую случается так, что при новой попытке завоевать благорасположение читателей прежняя репутация становится для автора злейшим врагом. Повсеместно возникают повышенные ожидания; критический дух, ранее, благодаря приятной неожиданности, уступивший место одобрению, теперь, исполняясь бдительности, готов обрушиться на писателя за любой промах. Тем не менее популярность миссис Радклиф выдержала это испытание и после „Удольфских тайн“ не умалась, а, напротив, возросла. Само название романа завораживало, и публика, с острым любопытством набросившаяся на книгу, в конце не испытала пресыщения. В больших семьях тома все время переходили из рук в руки — иногда их даже разрывали на части; жалобы тех, кому помешали дочитать книгу, становились данью авторскому таланту. Но в жилище одинокого калеки или всеми забытого приверженца безбрачия сочинительницу ждало иное — и более высокое — признание: под властью ее могучих чар околдованный читатель забывал о своем сиротстве, хворях, людском равнодушии и тайных печалях. Возможно, мы не ошибемся, если сравним такое чтение с опиумом: при постоянном, привычном употреблении он губителен, однако очень благотворен в минуты боли или апатии, когда в голове тяжесть, а на сердце тоска. Если бы те, кто бранит без разбора все подобные сочинения, взвесили, сколько подлинного удовольствия эти книги дают читателю, а более всего, сколько смягчают огорчений, как утешают в несчастьях, то из соображений филантропии умили бы свой самодовольный критический пыл или религиозную нетерпимость.

Но вернемся к „Удольфским тайнам“. Верная своему вкусу писательница, вновь вызывая к жизни мановением волшебного жезла мир чудес и воображения, сумела мудро прибегнуть к более могущественным чарам. И здесь, и в „Лесном романе“ героини испытывают сходные превратности судьбы и горести. Обе они, попав под недобрую власть вероломных деспотов-опекунов, разлучены с предметами своей привязанности; и той и другой приходится жить в обветшалой башне и наблюдать сцены, попеременно сверхъестественные и устрашающие. Однако это общее сходство не выходит за рамки того, которое мы любим наблюдать в картинах, принадлежащих одной и той же кисти и дополняющих друг друга. По сравнению с „Лесным романом“ все в „Удольфских тайнах“ носит на себе отпечаток размаха и величия: сильнее интерес, волнение и трепет читателя, пустынной и внушительней пейзаж, крупнее и неистовей характеры персонажей. Высокомерный Монтони, головорез и капитан кондотьеров, выглядит в сопоставлении с Ла Моттом и его маркизом как один из мильтоновских демонов рядом с подручным ведьмы. Аделина заключена в разрушенном доме, а ее подруга по несчастью, Эмилия, живет

пленницей в громадном замке, напоминающем о временах феодалов; на одну из героинь нападают — и ей же приходят на помощь — вооруженные бандиты; все, что грозит другой, — это визит констеблей и сыщиков. Различны также и масштабы пейзажа: тихое ограниченное лесное пространство первой книги составляет контраст величию итальянских гор, пышно и искусно описанному во второй.

В общем, при своем первом появлении „Удольфские тайны“ были расценены как шаг вперед сравнительно с предыдущей книгой миссис Радклиф, принесший ей большой и заслуженный успех. Вновь прочитав эти две книги несколько лет спустя, мы остаемся при том же мнении. Однако некоторые ценители из числа незаурядных предпочитали простоту „Лесного романа“ более яркому и свободному стилю „Удольфских тайн“; можно спорить о том, имеются ли у такого предпочтения основания более серьезные, чем пристрастие к предмету своей первой любви — а оно зачастую играет в литературе, равно как и в жизни, необоснованно большую роль. Что касается большинства читателей, то они за несравненное великолепие пейзажей и величие характеров отдают пальму первенства более позднему сочинению писательницы.

Судьба распорядилась так, что пятая книга, представленная миссис Радклиф вниманию читающей публики, оказалась последней. Появившийся в 1797 году „Итальянец“, за который книготорговцы заплатили автору 800 фунтов, был встречен читателями так же благосклонно, как и все предшествующие книги. Сохраняя своеобразие своего дарования и стиль, который может считаться ее изобретением, писательница весьма разумно предусмотрела здесь такие существенные отличия в сюжете, что исключила обвинения в однообразии и самокопировании. Новым и мощным двигателем действия романа она избрала папизм в период наивысшего расцвета его власти; таким образом, в распоряжении автора оказались монахи, шпионы, темницы, ханжи, безропотно повинующиеся приказу, и лукавые служители церкви с их мрачным властолюбием — все громы Ватикана и жестокости инквизиции. Благодаря этой счастливой находке писательница смогла обогатить роман целой галереей интересных действующих лиц, которым были даны возможности и мотивы, чтобы стать участниками сцен ужаса; это придало оттенок правдоподобия тем приключениям, которые противоречат естественному ходу человеческой жизни.

Большинство романистов стремятся с первых страниц таким образом преподнести свое повествование, чтобы и вызвать интерес читателя, и подготовить его ум к тому особого рода возбуждению, которого желает добиться автор. В „Итальянце“ миссис Радклиф достигла указанной цели как нельзя более счастливо; ни одна другая часть романа не сравнится по выразительности и силе воздействия с его началом.

Группа путешественников-англичан посещает некую неаполитанскую церковь.

„В тени портика, вдоль колонн, скрестив руки на груди и устремив взгляд долу, по каменным плитам пола расхаживал из угла в угол человек, всецело поглощенный собственными раздумьями. Поначалу незнакомец даже не заметил приближения посетителей, но затем, внезапно обернувшись, словно его встревожили донесшиеся до слуха шаги, стремительно ринулся к дверям и исчез в глубине храма.

Облик незнакомца, далекий от заурядного, а равно и разительная странность его поведения не могли ускользнуть от внимания путников. Высокая, худая фигура, ссутуленные плечи, бледное, с резкими чертами лицо — все в нем было необычно, а взор, брошенный им на путников из-под складок плаща, скрывавшего нижнюю часть его лица, более чем красноречиво свидетельствовал о присущей характеру незнакомца свирепости.

Путешественники, войдя в церковь, стали озиаться по сторонам в поисках незнакомца, однако нигде его не обнаружили. В полумраке длинного нефа показалась еще одна фигура: это был монах из прилежавшей к храму обители, обычно вменявший себе в обязанность сопровождать чужестранцев и рассказывать им обо всем, что наиболее заслуживало их внимания; именно с этим намерением он и приблизился теперь к только что вошедшим посетителям.

<...>

Осмотрев гробницы и прочие достопримечательности, путешественники через полутемный боковой неф направились было к выходу, как вдруг заметили, что тот самый таинственный незнакомец, с которым они столкнулись в портике, устремился к одной из исповедален, расположенных слева. Один из англичан поинтересовался, кто это такой, и монах взглянул в сторону незнакомца, однако не проронил ни слова, но на повторный вопрос, наклонив голову в знак вынужденного повиновения, спокойно ответил:

— Это убийца.

— Как! — вскричал один из приезжих. — Убийца — и разгуливает на свободе?

Сопутствовавший англичанам итальянец невольно улыбнулся изумлению своего приятеля.

— Здесь убийца нашел себе убежище, — пояснил монах, — в этих стенах ему нечего бояться.

— Так, значит, ваши алтари защищают убийц? — воскликнул англичанин.

— Ему более нигде не обрести безопасного пристанища, — кротко заметил монах.

<...>

— Посмотри вон на ту исповедальню, — продолжал итальянец, — за колоннами в левом нефе, под самым витражом. Заметил? Цветные стекла плохо пропускают свет, и потому ее не так-то легко разглядеть.

Англичанин взглянул в ту сторону, куда указывал его друг. В боковом нефе, у самой стены, помещалась исповедальня, построенная из дубовых панелей либо из другого, столь же темного дерева. Именно в нее, по наблюдению англичанина, и вошел только что убийца. Исповедальня состояла из трех отделений, прикрытых черным балдахином. В центре, на возвышении, стояло кресло, предназначенное для исповедника. К среднему отделению примыкали крайние: ступеньки вели к решетчатой перегородке, через которую, опустившись на колени, скрытый от постороннего взора, кающийся грешник мог доверять слуху священника признания в тяготивших его душу преступлениях.

— Теперь видишь? — спросил итальянец.

— Да, — подтвердил англичанин. — Убийца сейчас внутри этой исповедальни. Сооружения мрачнее этого мне еще не доводилось зреть! Самый вид его способен ввергнуть преступника в безысходное отчаяние.

— Нам, итальянцам, подобное настроение не слишком-то свойственно, — с улыбкой возразил его собеседник.

— Так чем же примечательна эта исповедальня? — нетерпеливо поинтересовался англичанин. — Тем, что в ней скрылся убийца?

— Дело вовсе не в этом, он тут ни при чем. Я всего лишь желал обратить твое внимание на эту исповедальню, ибо с ней сопряжены события, из ряда вон выходящие.

— Что же это за события?

— Минуло уже несколько лет с тех пор, как здесь была выслушана связанная с ними исповедь. Твое удивление при виде убийцы, пользующегося свободой, навело меня на воспоминания. Вернемся в гостиницу — и я поведаю тебе всю историю от начала до конца, если только ты не намерен более приятно скоротать время.

<...>

— Нет, погоди! Мне хочется пристальней всмотреться в этот величественный храм и прочнее запечатлеть в памяти указанную тобой исповедальню.

Англичанин еще раз обвел глазами могучий свод и просторные, тонущие в полутьме приделы церкви Санта дель Пьянто. Тут он вновь заметил незнакомца в плаще, который, выскользнув из исповедальни, пробрался на хоры; пораженный новой встречей с ним, заезжий гость отвернулся — и поспешно покинул церковь.

У выхода друзья распрощались. Англичанин вернулся в гостиницу — и вскоре ему доставили объемистую рукопись, за чтение которой он немедленно взялся. Вот эта

повесть...¹

Имея в виду намеки на последующее повествование, которые здесь содержатся, и напряженный интерес, который вызывает это вступление, можно сравнить его с темным арочным проездом старинного замка; за вступлением следует рассказ в том же духе — полный загадок и ужаса; в его деталях проявилось, вероятно, в наибольшей степени искусство миссис Радклиф — великой мастерицы напускать мистический туман, едва-едва приоткрывая завесу над ужасной тайной. И хотя разум в конечном счете подсказывает нам некоторые критические замечания, он, мы полагаем, воздерживается от суждения до того, как прочитана заключительная страница и закрыт последний том; только тогда мы обнаруживаем в себе желание подвергнуть критике то, что пробудило в нас такой острый интерес. Только тут мы осознаем, что фабула не столь уж хорошо построена, события зачастую невероятны, некоторые загадки оставлены без объяснения; несмотря на это, полученное от книги удовольствие не стирается из памяти, так как оно коренится в сильнейшем чувстве любопытства и даже страха, которое не оставляло нас на всем протяжении действия.

Высокородный молодой человек, обладатель большого состояния, влюбляется в девицу бедную, неизвестного происхождения, наделенную всей красотой и талантами, какие полагаются героине романа. Семья молодого человека противится их союзу; виной тому прежде всего гордыня его матери, призывающей на помощь своего духовника отца Скедони — истинного героя повести; никогда раньше не появлялся на страницах романов столь выразительно изображенный персонаж, равно отвратительный как из-за своих прежних преступлений, так и из-за тех, которые он намеревается совершить; человек, чьи таланты и энергия делают его страшным, ханжа и прожигатель жизни в одном лице, бесчувственный, жестокий и неумолимый. Происками этого персонажа Вивальди (любовник) ввергнут в темницы инквизиции, а Эллену, его невесту, безжалостный монах помещает в тайное узилище; там монах, обнаружив, что его сообщник не оправдывает ожиданий, решает убить ее собственной рукой. До этих пор сюжет или, по крайней мере, обстановка представляются нам отчасти знакомыми по „Удольфским тайнам“, однако прекрасная сцена, в которой монах, заноса кинжал над спящей жертвой, узнает в ней свое собственное дитя, исполнена новизны, величия и мощи. Рисуя ужас несчастного, который готовился совершить убийство и лишь в последний миг избежал злодейства еще более чудовищного, миссис Радклиф достигает предельных высот мастерства и создает картину, достойную того, чтобы какой-нибудь большой мастер перенес ее на полотно. В застенках инквизиции грозному Скедони встретился, вступил с ним в противоборство и, в конечном итоге, одержал победу его прежний союзник — персонаж, не уступающий ему в порочности. По ходу развития этих интриг разбросано несколько напряженных пауз, с помощью которых миссис Радклиф так хорошо умела поддерживать читательский интерес.

Вновь обдумывая повесть, мы обнаруживаем, что многие эпизоды не получили убедительного объяснения, а некоторые детали писательница, несомненно, намеревалась использовать при построении какого-то сюжетного поворота, но затем забыла о нем или передумала. К числу их относится эпизод, когда главный инквизитор проявляет удивление при звуках странного голоса, который, несмотря на присутствие грозного трибунала, задает вопросы, присваивая себе тем самым прерогативу судей. Сцена сама по себе очень выразительна. Вивальди, с повязкой на глазах и привязанного к дыбе, допрашивают; в это время начинает задавать вопросы еще один голос; он принадлежит таинственному персонажу, который неоднократно пересекал Вивальди дорогу, но неизменно ускользал, когда тот пытался его найти; все собравшиеся цепенеют от изумления.

— Кто явился среди нас? — повторил он [главный инквизитор] еще громче. Вопрос по-прежнему остался без ответа — и вновь со стороны возвышения, где восседал трибунал,

¹ Перев. С. Сухарева.

донеслось тревожное перешептывание; все, казалось, оцепенели. В общем гуле Вивальди не мог ясно различить ни одного голоса, но в зале явно происходило нечто необычайное — и Вивальди дожидался развязки со всем терпением, на какое только был способен. Вскоре он услышал, как двери распахнулись и какие-то люди с шумом покинули залу. Воцарилась глубокая тишина, однако Вивальди чувствовал, что прислужники все еще стоят возле него, готовые приступить к пытке».²

Все это, несомненно, производит большое впечатление, но по поводу человека, нарушившего ход допроса, миссис Радклиф говорит только, что он — служитель инквизиции. Это объясняет его присутствие на допросе Вивальди, но ни в коей мере не оправдывает его вмешательства в допрос к неудовольствию главного инквизитора. Последний, безусловно, не удивился бы от того, что рядом находится один из его собственных подчиненных, и не испытал бы благоговейной робости, как бы тот себя ни вел, ибо присутствие подчиненного объяснялось бы служебным долгом, а странное поведение было бы расценено как дерзость. Можно также добавить, что отсутствует удовлетворительное объяснение беспощадной враждебности Дзампари к Скедони; те причины, которые можно отыскать в тексте романа, неубедительны и мелки.

Отметим пример еще большей небрежности. В романе имеется эпизод, связанный с разрушенным дворцом барона Камбруска; из намеков крестьянина, проводника Скедони, начинает складываться повесть ужасов, которая, как представляется, тревожит большую совесть монаха, и читатель ожидает, что за этим последует цепь значительных событий. Несомненно, по замыслу изобретательного автора, недосказанная повесть должна была перекликаться с некоторыми деталями намеченной фабулы; однако окончание романа было написано в большой спешке — или в иной манере, чем предполагалось первоначально, — и сочинительница, как беспечная вязальщица, не позаботилась «закрыть все петли». Таким образом, воображение читателя оказывается обманутым, а этого авторам подобного рода книг следует остерегаться. В то же время критикам нужно из милосердия вспомнить о том, что гораздо легче сплести сложную цепь захватывающих событий, чем успешно ее распутать. Драйден, как известно, нередко ругал изобретателей пятого акта в драме, а авторы романов едва ли помянут добрым словом того, кто придумал главы, где содержатся разъяснения сюжетных загадок.

Нам говорили, что в этом замечательном романе обычаи и принципы инквизиции представлены искаженно; такое обвинение легче выдвинуть, чем обосновать; во всяком случае, оно несущественно, даже если и справедливо, так как законы инквизиции, к счастью, мало нам знакомы. Имеется и более уязвимая для критики и, соответственно, более крупная ошибка: вкрапления итальянской речи, введенные для придания местного колорита, выбраны неудачно и имеют привкус искусственности. Но пусть миссис Радклиф не понимала глубоко итальянского языка и нравов, она, как показывает нижеследующий отрывок, прекрасно умела живописать природу Италии, которую могла видеть только на полотнах Клода или Пуссена.

«Во время этих прогулок они добирались иногда до Пуццуоли, посещали Байю, приближались к крутым лесистым склонам Посилиппо; на обратном же пути их лодка скользила по освещенным луной водам залива — и мелодичные неаполитанские напевы придавали особое очарование расстилавшейся перед ними панораме берега. Нисходила вечерняя прохлада — и до их слуха доносились то слитые в трио голоса виноградарей, отдыхавших после дневных трудов где-нибудь на выступе суши, в отрадной тени тополей; то бойкая музыка, сопровождавшая пляску рыбаков у самой кромки воды внизу. Гребцы сушили весла, пока находившаяся в их лодке компания вслушивалась в голоса, которым подлинное чувство придавало больше выразительности, чем подвластно ухищрениям виртуозов; нельзя было оторвать глаз и от танцевальных движений, исполненных легкой

² Перев. С. Сухарева.

природной грации, какая свойственна неаполитанским простолюдинам. Огибая покрытый густыми зарослями мыс, далеко вдающийся в море, спутники не могли вдовольналюбоваться волшебной красоты видами, оживленными веселящимся народом, — картинами, которые не поддаются кисти даже самого талантливого живописца. Бездонно-ясная глубь залива отражала малейшие подробности пейзажа — причудливые утесы с горделиво красовавшимися на них пышными рощами; проглядывавшую сквозь деревья заброшенную виллу над самым обрывом; хижины крестьян, прилепившиеся к красным склонам; фигуры танцоров на берегу — все это окрашивалось в нежно-серебристые тона тихим сиянием луны. По другую сторону лодки трепетала необозримая полоса искрящегося морского простора, лоно которого бороздили во всех направлениях парусные суда — и зрелище это было столь же грандиозно, сколь и прекрасно».³

Имеются у нее и другие описания, как в «Удольфских тайнах», — более близкие стилю Сальватора Розы.

«Итальянца» ждал столь же восторженный прием, что и два предыдущих романа; и отнюдь не охлаждение со стороны публики причиной тому, что миссис Радклиф, подобно актрисе в расцвете сил и успеха, предпочла в ореоле славы покинуть подмостки. После выхода в свет в 1797 году «Итальянца» миссис Радклиф не подарила публике ни одного произведения.

Нам остается тщетно гадать, по каким причинам столь богатая фантазия была в течение двадцати с лишним лет обречена на бесплодие (по крайней мере, ничего не создала для читателей). Возможно, чувствительную душу миссис Радклиф устрасил голос недоброжелательной критики — не менее частый, чем зависть, спутник успеха; или ей, как это нередко бывает, пришлось не по душе, что тот род сочинений, который она ввела в моду, был опошлен сонмом рабских подражателей, способных повторять и усиливать недостатки ее романов, но не вдохновляться их достоинствами. Как бы то ни было, своему решению она следовала столь неколебимо, что в течение более чем двадцати лет имя миссис Радклиф упоминалось лишь при ссылаках на ее прежние книги, и все полагали (поскольку жила она уединенно), что судьба удалила ее со сцены.

Но пусть новых публикаций не появлялось, все же трудно поверить, что столь сильное воображение, дополненное такой легкостью выразительного пера, могло длительный период оставаться бездейственным; однако же рукописи, над которыми миссис Радклиф, возможно, трудилась, публике до сих пор представлены не были. Мы имеем причины полагать, что она как-то едва не заключила с одним весьма уважаемым издательством соглашение, касающееся некоего романа в стихах, но договоренность была нарушена: писательница то ли передумала, то ли решила отложить публикацию. Надо надеяться, что читатели получат все же возможность ознакомиться с творением, которое — когда бы оно ни увидело свет — доставит им, несомненно, немало удовольствия.

Частная жизнь миссис Радклиф протекала, по-видимому, на редкость спокойно и уединенно. Вероятно, писательница избегала того повышенного внимания, каким лондонское общество окружает обычно признанных литераторов; едва ли найдется еще один автор, повсеместно читаемый и любимый, но в то же время лично почти не знакомый даже наиболее активным представителям того разряда светских людей, которые, претендуя на моду, любят вращаться в литературной среде. Тем не менее жила миссис Радклиф в достатке и ее домашнее благополучие ничем не нарушалось, хотя многие из ее почитателей верили (а некоторые до сих пор верят), что сочинительница «Удольфских тайн», постоянно изобретая ужасы для своих книг, в конце концов сошла с ума и влачила затем печальное существование в одном из частных домов для умалишенных. Такое утверждение широко распространилось и с уверенностью повторялось как в печати, так и в разговорах, поэтому Издатель верил ему и сам, пока через несколько лет, к своему великому удовлетворению, не узнал из надежного

³ Перев. С. Сухарева.

источника, что для этих дурных слухов никогда не существовало ни малейшего повода. Немалое огорчение причинила миссис Радклиф лживая молва иного рода. В переписке мисс Сьюард, среди других свежих литературных сплетен, прямо заявляется, что «Драмы о страстях» написаны миссис Радклиф и что она владеет правами на эту книгу. Миссис Радклиф была очень задета тем, что ее объявили способной позаимствовать у другой одаренной писательницы часть ее славы; покойная мисс Сьюард, без сомнения, страдала бы не меньше, если бы узнала, что абсолютно беспочвенный слух, ею распространенный, так ранит миссис Радклиф. Дело в том, что, находясь в удалении от столицы и живя литературными новостями, мисс Сьюард иной раз излишне доверялась своим друзьям, а те заботились не столько о точности, сколько о свежести доставляемых ими известий.

На протяжении последних двенадцати лет своей жизни миссис Радклиф страдала спазматической астмой, что существенно сказалось на ее общем самочувствии и расположении духа. С 9 января 1783 года хронический недуг фатально усугубился, и февраля того же года, в собственном доме в Лондоне, эта умная и приятная леди ушла из жизни.

Как писательница миссис Радклиф имеет все права быть причисленной к разряду тех немногих счастливых, которые признаны основателями литературных течений или школ. Она изобрела своеобразный, мощно завладевающий умом читателя литературный стиль; впоследствии к нему прибегали многие, но так и не сумели ни сравняться, ни даже приблизиться к его первооткрывательнице; исключение составляет, возможно, лишь автор «Семьи Монторио».

Тот особый вид романа, которым обогатила литературу миссис Радклиф, соотносится с прежними романами приблизительно так же, как современное отклонение от нормы, носящее название мелодрамы, соотносится с настоящей драмой. Новый роман не стремится заставить читателя задуматься, углубляясь в человеческие чувства, не будит страстей сценами, исполненными трагизма, не дает пищи любопытству живым описанием событий и нравов более легких, не пытается искусным юмором вызвать смех. Иначе говоря, этот роман не прибегает, дабы воздействовать на читателя, ни к комедии, ни к трагедии и тем не менее решительно и мощно приковывает к себе интерес с помощью другого средства: он возбуждает (скажу коротко) чувство страха, рисуя действительные опасности или же обращаясь к суевериям. Следовательно, такого рода книги сильны изображением внешних событий, в то время как характеры персонажей, подобно фигурам на многих пейзажных полотнах, полностью подчинены месту действия и имеют только те отличительные черты, которые позволяют им удачно соответствовать главным объектам внимания художника — скалам и деревьям. Персонажи (и здесь также прослеживается связь между мелодрамой и романтическим повествованием) наделены лишь типическими, но не индивидуальными чертами. Мрачный тиран граф, старая карга экономка — хранительница множества семейных преданий, болтливая горничная, легкомысленный весельчак лакей, один или два негодяя, исполнители всех черных дел, героиня — воплощение всевозможных совершенств и жертва всевозможных причуд рока, — вот арсенал романиста, а равно и автора мелодрам; если указанные действующие лица подобающим образом одеты и изъясняются на языке, который соответствует их обстоятельствам и свойствам, то не приходится ожидать, что читатели или слушатели будут хохотать по поводу комического диалога или лить слезы по поводу трагического.

С другой стороны, хотя персонажам не придано индивидуальных черт, необходимо все же убедительно и ярко обрисовать их внешние особенности; их одежды и облик должны гармонировать с обстановкой, язык и поведение должны либо подчеркивать окружающий их ужас, либо, если этого требует сюжет, составлять ему резкий, живой контраст. Воображению миссис Радклиф особенно удавались именно такие персонажи; они являются на страницах ее книг в неверном, колеблющемся свете, требуемом атмосферой тайны, говорят и держатся в соответствии со своим положением и развитием действия. В качестве примера можно

привести великолепное описание монаха Скедони.

«Фигура его поражала — но не соразмерностью: Скедони был высок ростом, но очень худ; руки и ноги его были огромны и неуклюжи; когда он медленно шествовал, закутанный в черное одеяние своего монашеского ордена, весь облик его имел в себе нечто зловещее, нечто почти сверхчеловеческое. Опушенный капюшон, бросая тень на мертвенную бледность лица, подчеркивал суровость застывшего на нем выражения и угрюмую, почти ужасающую безотрадность его взора. Мрачность Скедони была рождена не скорбью чуткого израненного сердца, но жестокостью и беспощадностью его характера. Его физиономия поражала чрезвычайной, трудноопределимой странностью. Она хранила следы многих страстей — словно застывших в чертах, которые эти страсти перестали одушевлять. Мрачность и суровость запечатлелись в глубоких складках его лица. Взгляд, казалось, в одно мгновение проникал в сердца окружающих, читая в них самые сокровенные помыслы; немногие могли выдержать это испытание, и никто не в силах был подвергнуться ему дважды. И все же, несмотря на непреходящую угрюмость и строгость, в нем пробуждалось порой живейшее внимание, преображавшее его внешность; он обладал даром в совершенстве приспособляться к нраву и страстям тех, чье расположение желал снискать, — и почти всегда одерживал безоговорочную победу. Именно этот монах, отец Скедони, и был исповедником и тайным советчиком маркизы Вивальди».⁴

Чтобы нарисовать такой портрет Скедони и некоторые другие портреты, которые встречаются в книгах миссис Радклиф, требуется незаурядный талант, и хотя они принадлежат скорее романам, чем обыденной жизни, впечатление, ими производимое, не становится слабее оттого, что их герои — личности в известном смысле мифические, как феи или великаны-людоеды. Но когда застигнутым врасплох читателям приходится бурно аплодировать, они обыкновенно переходят затем — в отместку — к не менее пламенной хуле; они похожи на детей, которые, устав восхищаться новой игрушкой, с неменьшим удовольствием ее ломают. Не избежала общей участи и миссис Радклиф, подарившая читателям столько восторгов; и критические нападки были тем более обидны, что исходили они нередко от ее одаренных собратьев по перу. Стали раздаваться голоса (в тот период они звучали часто, а впоследствии изредка повторялись), утверждавшие, что сами романы миссис Радклиф и их успех у публики — это дурное знамение времени, свидетельство нарастающего упадка читательского вкуса: вместо того чтобы упиваться, как прежде, Ричардсоном с его чувствительными сценами или описаниями быта и нравов на страницах Смоллетта или Филдинга, публика, впад в детство, жадно поглощает дикие неправдоподобные фантазии, плоды не в меру разгоряченного воображения. В этих суждениях найдется доля истины, если приложить их к толпе копиистов, имитировавших стиль миссис Радклиф, которые присвоили ее волшебный жезл, не умея с ним обращаться. Нельзя ставить в укор автору убожество его рабских подражателей; тенью следуя за оригиналом, они создают туманное и искаженное изображение предмета, который сам по себе ясен и отчетлив. Беда в том, что эта порода сочинителей способна скорее отвлечь публику от того литературного стиля, который они избрали для подражания, чем привить ей вкус к его особенностям.

В приложении к самой миссис Радклиф указанная критика основана, по сути, на стремлении умалить заслуги превосходной писательницы; с этой целью критики доказывают, что она не владеет в совершенстве жанром, полностью отличным от того, который она для себя избрала. Вопрос не в том, обладают ли романы миссис Радклиф достоинствами, которые не только не соответствуют, но даже противоречат задуманному ею плану, а также не в том, сопоставим ли тот разряд художественной прозы, в котором подвизалась писательница, по своему значению с теми жанрами, ведущие роли в которых давно заняты великими старыми мастерами. На самом деле требуется выяснить только одно:

⁴ Перев. С. Сухарева.

если считать изобретенный миссис Радклиф вид романа вполне обособленным жанром, то обладает ли этот вид достоинствами, способен ли доставить удовольствие читателю. При таком допущении сетовать на отсутствие достоинств, чуждых стилю и замыслу книги и принадлежащих к иному жанру, столь же бессмысленно, как сожалеть, что на персиковом дереве не растет виноград или что виноградная лоза не родит персиков. Чтобы излечиться от этой несправедливой и недостойной критической системы, достаточно, вероятно, взглянуть в лицо природы. Тогда мы будем знать, что все звезды сияют по-разному и на лице природы их бесчисленное множество; что кустарников и цветов существуют тысячи, и каждый вид не только отличен от других, но тем более восхищает нас, что является частью многообразия; такая же пестрота царит и на литературных лугах, и о музее художественной прозы можно сказать то же, что и о ее сестрах:

Mille habet ornatus, mille decenter habet.⁵

К вящему стыду упомянутых не знающих меры критиков можно добавить: для удовлетворения бесконечно разнообразных читательских вкусов должны существовать различные жанры литературы, и если бы пришлось выбрать из них тот жанр, который привлекателен для образованных и невежественных, серьезных и веселых, для джентльмена и для шута, то таким жанром, вероятно, окажется именно тот вид романа, который эти суровые критики стараются принизить. Многие люди чересчур непоседливы, чтобы получать удовольствие от превосходно изображенной, но сильно затянутой игры страстей у Ричардсона, иным тугодумам недоступны шутки Лесажа, мрачным натурам чужды естественность и живость Филдинга, — и, однако же, всех их трудно оторвать от «Лесного романа» или «Удольфских тайн». Причина в том, что любопытство, подспудная любовь к таинственному, а также крупница суеверия гнездятся во многих умах и распространены среди обыкновенных людей куда больше, чем подлинный вкус к комическому или истинное чувство трагического. Неизвестный автор «Путей литературы», похваляющийся тем, что он по отношению к обычным повестям ужасов

бесстрашен, словно истый бритт,
Его скелетов пляска не страшит,⁶

признает тем не менее искусство миссис Радклиф подлинным и отдает должное ее мастерству. О некоторых других романистках он отзывается пренебрежительно.

«Правда, все они изобретательные дамы, но слишком часто они в романах хнычут или резвятся, так что у наших девиц от невероятных приключений головы идут кругом, а временами приобретают предосудительную наклонность к демократии. Не такова могущественная волшебница «Удольфских тайн», которую в своих потаенных гротах, меж бледных гробниц готических суеверий, в сумрачной атмосфере волшебства вскормили флорентийские музы; поэтесса, которую Ариосто с восторгом признал бы

La nudrita
Damigella Trivulzia AL SACRO SPECO.⁷ — O.F. c. XLVI».

Это весьма лестное высказывание стало известно миссис Радклиф много позже, когда

⁵ Много имеет прикрас, во все наряды рядиться готова (*лат.*).

⁶ Перев. С. Сухарева.

⁷ Младой Тривульцией, вскормленной в священной пещере (*ит.*).

сатира давно уже была опубликована. Комплимент тем более ценен, что автор обычно проявлял строгость в суждениях, а кроме того, превосходно знал нравы и язык Италии, где разворачивается действие романов Радклиф.

Далее нужно заметить, что те же критики, которые насмехались над неестественностью и неправдоподобием романов писательницы, склонны были также умять ее дар, ссылаясь на то, что перед ней стояла легкая задача. Искусство или талант, говорят они, здесь не нужны, поскольку все высокохудожественные, искусные описания, принадлежащие перу миссис Радклиф, возбуждают в конечном итоге того же рода — и даже менее сильные — интерес и чувства, что и обычные деревенские легенды о привидениях. Однако это критическое суждение обосновано не лучше, чем предыдущее. Да, чтобы возникли чувства напряженного ожидания и страха, характерные для ее романов, достаточно просто коснуться соответствующих пружин, которые, однако, при повторном использовании быстро изнашиваются и теряют силу. Вскоре читатели, подобно Макбету, пресыщаются ужасами и становятся безразличными даже к самым острым *stimuli*.⁸ Величие и мощь таланта миссис Радклиф проявляются, следовательно, в том, что она способна заставить читателя три раза подряд с неослабным аппетитом приниматься за один и тот же пир, в то время как ее многочисленные подражатели с их бесконечными старыми замками, и лесами, и «*antres dire*»⁹ безуспешно пытались привлечь внимание публики — пока не издал своего «Монаха» мистер Льюис (через несколько лет после того, как миссис Радклиф оставила перо).

Отбирая для своих прославленных романов материалы и выразительные средства, писательница никогда не упускала из виду главной цели: поразить читателя намеком на грозящую опасность, преступную тайну, потусторонние явления — словом, на некие ужасы в соединении с чудесами. С этой целью обстановка в ее романах обычно столь же мрачна, сколь и сюжет, а персонажи таковы, что от их хмурого взгляда мрак еще более сгущается. Миссис Радклиф почти везде (исключением была только ее первая книга) выбирала в качестве места действия юг Европы, где, как принято считать, человеческие страсти расцветают под щедрыми лучами солнца так же пышно, как местные сорные травы; там несть числа античным руинам, а также более монументальным развалинам времен Средневековья, там по-прежнему царят над душами ханжей и рабов феодальная тирания и католические суеверия, там надменным феодалам и еще более чванливым священникам дана власть, какая обычно не может не развратить сердце и не помутить разум. Умелый выбор обстановки придает правдоподобие событиям романа, которые на английской почве казались бы чересчур большим насилием над истиной. Но все же, даже со скидкой на чужие обычаи и нравы, нескончаемая череда напастей, которые обрушиваются на героиню, поражает нас своей неестественностью. Героиня постоянно борется с враждебными происками, которые увлекают и захлестывают ее, как бурный поток; если и попадают в повествовании более радостные картины, то они даны для контраста, а отнюдь не с целью внести приятную перемену в печальный и мрачный ход событий.

Стремясь возбудить страх, в том числе и суеверный, миссис Радклиф часто прибегает к состоянию неопределенности и тревожного ожидания — самому, вероятно, богатому источнику сильнейших чувств, ибо человек твердого ума способен свыкнуться с почти любой опасностью, если очевидна ее неизбежность и ясен характер, в то время как опасность загадочная и неопределенная заставляла отшатнуться даже отчаянного храбреца. Прерванный на самом интересном месте рассказ, лампа, погасшая, когда еще не дочитан пергамент, который скрывает ужасную тайну, мелькнувшая туманная тень, приглушенные рыдания — никто из романистов не пользовался этим реквизитом так успешно, как миссис Радклиф. Следует признать, что, создавая вышеупомянутые ситуации, автор прибегает к

⁸ Побуждениям (*лат.*).

⁹ «Зловещими пещерами» (*лат.*).

явно искусственным средствам. Героини миссис Радклиф добровольно ставят себя в такие положения, которых одинокие женщины всегда избегают. Они слишком склонны избирать полуночный час для исследования пустой комнаты или потайного хода, а когда изучают самые интересные документы, не запасаются ничем, кроме догорающей лампы. От этого до некоторой степени страдает бесхитрость повествования, словно мы подсмотрели, как облачается привидение, которое должно нас напугать. Хотя этот недостаток искупается обилием красот, его все же не преминули отметить критики.

Главная характерная черта романов миссис Радклиф состоит в одном правиле, которому писательница себя подчинила, а именно: все происшествия, о которых она рассказывает, какими бы таинственными и сверхъестественными они ни казались, должны получить в конце книги естественное объяснение. Надобно признать, что это не всегда удается в полной мере, и в некоторых случаях писательнице оказывается легче пробудить интерес или зловещие предчувствия, чем представить увлекательное или убедительное объяснение придуманных ею сюжетных ходов. Конечно, мы уже отмечали выше, что неизбежное зло — сочинение заключительных глав — превращается в пытку для писателей-романистов: ведь в этих главах необходимо размотать клубок приключений, так старательно ими запутанный, и разгадать все загадки, которые они изо всех сил пытались сделать неразрешимыми. Если бы великим магам, имеющим дело с чудесным и страшным, было дозволено завершать ритуал вызова духов в той же обстановке, в какой он был начат, то есть вдали от дневного светила, среди теней, в неясном, благоприятном для фантазмагорий свете, их задача была бы сравнительно легкой и прекрасный фрагмент под названием «Сэр Бертран» не оставался бы единственным в своем роде. Однако современному автору не дано права воспользоваться таким путем отступления. Нам рассказывали о старом педантичном судье, которому в качестве свидетельских показаний преподнесли слова, услышанные от призрака убитого, — тот объявлял подсудимого виновным. Судья, не отрицая убедительности показаний, не согласился выслушивать их от посредника и отдал распоряжение, чтобы призрак вызвали в суд. Точно так же недостаёт гибкости и современной читающей публике, которая, вопрошая «*quo warranto*»,¹⁰ вынуждает рассказчика дать объяснения; автор стоит перед выбором: либо признать, что сплетенный узел без помощи потусторонних сил не разрубить, и вывести на сцену привидение или самого дьявола, либо, по примеру миссис Радклиф, объяснить все свои чудеса естественными причинами.

Ранее, в кратких заметках о «Замке Отранто», мы уже указывали, что склоняемся к более простому пути — смелому признанию в том, что обратились к механизмам сверхъестественного. В прежние времена повсеместно верили в призраков и ведьм; была широко распространена и поддерживалась властями целая система суеверий. Поэтому от публики не потребуются слишком много наивности, чтобы, читая о судьбе своих предков, на время разделить их пламенную веру в чудеса. И все же, невзирая на успех Уолпола и Метьюрина (добавим к ним еще и автора «Формана»), надобно признать, что такого рода механизмы требуют от писателя особой тонкости обращения. «От великого до смешного один шаг», — говорил Бонапарт, и в наши дни, в век всеобщего скептицизма, трудно без поддержки высших сил описать сверхъестественное так, чтобы не скатиться до нелепостей. *Incredulus odi*¹¹ — возражение более чем существенное.

Есть среди современных авторов такие, которые пытались — и не без остроумия — сочетать старинную веру и современный скептицизм. В их книгах появляются призраки и звучат прорицания, которые загадочным образом сбываются, но не указано определенно, идет ли речь о сверхъестественном вмешательстве — или призрак, как это нередко бывает,

¹⁰ «На каком основании» (лат. — англ.).

¹¹ Не люблю невероятного (лат.).

является плодом разгоряченного воображения, а пророчества сбываются, по всей видимости, случайно, благодаря странному стечению обстоятельств. Однако это способ уклониться от трудностей, а не разрешить их; кроме того, боязнь уйти чересчур далеко в сторону от темы настоящих заметок не позволяет нам пуститься в рассуждения о том, в какой мере сочинителю романа вменяется в обязанность удовлетворять любопытство читателей и не имеет ли он права, будучи живописателем действительности, оставлять кое-что в тени — ведь и реальная жизнь не дает ответа на многие загадки. Не исключаю, что из всех возможных концовок историй о чудесах наиболее удачны именно такие, ибо они примиряют вкусы двух разных категорий читателей: тех, кто, как дети, требуют, чтобы каждому обстоятельству, каждому эпизоду было дано объяснение, и людей с более развитой фантазией — они напоминают созерцателя, который, любясь на прогулке лунным пейзажем, чувствует раздражение, а не благодарность, если добронамеренный, но назойливо-педантичный спутник, разрушая его мечты, совлекает с окружающих предметов покровы, которыми их окутало воображение, и настойчиво восстанавливает их истинный, обыденный и убогий, облик.

Можно отметить как заслугу миссис Радклиф, что ее объяснения тайн вполне правдоподобны. Случалось немало окрашенных романтикой загадочных происшествий, которые, как обнаруживалось впоследствии, были плодом обмана или заговора. Таковы были обманы суеверия во все века, таковыми не гнушались в Средневековье члены Тайного трибунала, а позднее — розенкрейцеры и иллюминаты (на их хитростях основан сюжет замечательного романа Шиллера «Духовидец»). Однако миссис Радклиф к подобным искусственным приемам не прибегала. Нередко она заставляла героиню умирать от ужаса, а читателя — от любопытства из-за происшествий, как потом оказывалось, вполне обыденных и пустячных; и тут мы не склонны восхищаться ее искусством. Чуть слышные шаги за шпалерой способны, разумеется, в некоторых случаях и при определенном нервном напряжении немало повлиять на фантазию, но если затем обнаруживается, что это всего лишь пробежала кошка, то наступает разочарование и жертва его злится на свои органы чувств за обман и на разум за податливость.¹² Мы опасаемся, что то же ощущение обманутых надежд и досады испытывает большинство читателей, когда впервые узнает, что тайна черного покрывала и восковой фигуры — тайна, разгадки которой они на протяжении многих глав ждали, но не получали, поскольку она якобы чересчур ужасна, — разрешена столь неудовлетворительным образом.

Автора, который держит читателя в напряжении, а затем неубедительной концовкой не оправдывает его надежд, постигает одна неприятность: после первого прочтения читательский интерес иссякает полностью и при втором уже не возрождается, поскольку был основан лишь на сильнейшем любопытстве. Напротив, сюжет, удачно запутанный и снабженный остроумной развязкой, доставляет удовольствие и при многократном чтении: любопытство уже исчерпано, но роман интересен, поскольку дает пищу уму; восхищаясь искусством сочинителя, читатель следит за множеством мелочей, угрожающих героям катастрофой, возможности которой он в первый раз из-за спешки не заметил. Однако если под сильные ощущения подведено шаткое основание, читатель чувствует, что его обвели вокруг пальца; он подобен ребенку, который слишком близко увидел сцену театра — картонные кулисы, канаты, блоки — и навсегда утратил иллюзии, возникшие вначале, когда он смотрел на сцену под нужным углом. Таковы трудности и дилеммы, стоящие на пути писателя: публика ждет от него интересного, захватывающего повествования, но в то же время ему не дозволяется при объяснении своих чудес ни ссылаться на будничные причины, слишком банальные, ни прибегать к сверхъестественному вмешательству, слишком неправдоподобному. Не приходится удивляться, что, будучи ограниченной такими тесными

¹² По странному совпадению, ту же идею высказал покойный автор «Дон Жуана» в последней песне этой поэмы. — *Примеч. В. Скотта.*

рамками, миссис Радклиф, большая мастерица возбуждать любопытство, не всегда находила удачные способы его удовлетворять.

Лучшим и наиболее прославленным образчиком ее искусства является таинственное исчезновение Людовико, после того как он взялся провести ночь в покоях, где являются призраки. Оставшись один, он, чтобы развлечься, просматривает превосходную историю о привидениях, что подготавливает ум читателя к неведомой грозной опасности; на этом сцена завершается. Нельзя отрицать, что объяснение загадочного происшествия настолько правдоподобно, насколько требуется в романе, и само по себе вполне удовлетворительно. Это наиболее удачный образчик изощренной изобретательности рассказчицы, в то время как эпизоды с черным покрывалом и восковой фигурой являются примером того, как миссис Радклиф не оправдывает ожиданий читателя и оставляет его полностью разочарованным. С другой стороны, в красивом и выразительном отрывке, где описывается, как маркиза на хорах церкви Сан Николо замышляет вместе со свирепым Скедони убийство Эллены, искусство автора, в соответствии с классическим правилом, присутствует, но в скрытом виде.

«— Постарайтесь избежать ненужного насилия, — добавила маркиза, мгновенно оценив смысл его движения, — но пусть смерть настигнет ее как можно скорее! За преступлением должна следовать кара.

Произнося это, маркиза случайно бросила взгляд поверх исповедальни, и оттуда, выписанные черными буквами, воззвали к ней страшные слова: „Господь слышит тебя!“ Пораженная этим ужасным предупреждением, маркиза переменилась в лице. Скедони был чересчур поглощен собственными мыслями, чтобы заметить — или понять — ее молчание. Вскоре маркиза овладела собой и, вспомнив, что поразившую ее надпись можно обнаружить чуть ли не над каждой исповедальней, предпочла закрыть глаза на заключенное в ней предостережение. Прошло все же некоторое время, прежде чем она смогла возобновить разговор.

— Когда речь шла о выборе удобного места, вы упомянули...

— Да, да, — пробормотал исповедник по-прежнему в раздумье, — в одной из комнат этого дома...

— Что там за шум? — прервала его маркиза. Оба насторожились. Вновь послышались очень низкие, жалобно-рокошующие звуки органа и тут же опять смолкли.

— Что это за скорбная музыка? — спросила маркиза прерывающимся голосом. — Она исполнена робкой рукой! А ведь вечерня давно уже завершилась!

— Дочь моя! — упрекнул ее Скедони не без оттенка суровости в голосе. — Вы говорили, что обладаете мужской неустрашимостью, но я — увы! — убеждаюсь, что у вас женское сердце.

— Простите, отец мой! Я сама не знаю, отчего на меня нашло такое волнение, но мне под силу его побороть. Вы упомянули комнату...

— В которой имеется потайная дверца, устроенная еще в незапамятные времена...

— С какой целью? — робко осведомилась маркиза.

— Прошу прощения, любезная дочь, с нас довольно того, что дверь наличествует и она весьма пригодна для наших целей. Через эту дверцу ночью, когда та, о ком мы говорим, будет спать...

— Я поняла вас. Не сомневаюсь, что у вас имеются свои резоны, но объясните мне, зачем понадобилась потайная дверь в затерянном в глуши обителище отшельника?

— Потайной ход ведет к морю, — продолжал Скедони, не отвечая на вопрос. — Там, на берегу, под покровом тьмы, исчезнет в волнах, не оставив следа...

— Чу! Опять те же звуки!

На хорах вновь раздался слабый вздох органа. Еще через мгновение послышался тихий напев хора, сопровождавшийся нараставшим колокольным звоном, необычайно печальным и торжественным.

— Кто умер? — спросила маркиза тревожно. — Ведь это реквием!

— Да почит в мире! — воскликнул инок, осеняя себя крестом. — Да обретет покой душа усопшего!

— Вслушайтесь в пение, — сказала маркиза дрожащим голосом, — это первый реквием; душа едва успела отлететь!

Они стали молча прислушиваться. Маркиза была очень взволнована; в лице ее бледность то и дело сменялась румянцем, дыхание стало частым и прерывистым, а по щекам даже скатились одна-две слезинки, свидетельствовавшие более об отчаянии, нежели о скорби». ¹³

Язык и изобразительные возможности миссис Радклиф получили заслуженно высокую оценку. Однако в ее описаниях присутствуют следы того пылкого, даже бьющего через край воображения, которым продиктованы ее книги. Одни художники сильны точностью и правильностью рисунка, другие — богатством и выразительностью колорита; миссис Радклиф относится к последним. Ее пейзажи не сравнишь по тщательности и верности натуре с творениями ее современницы, миссис Шарлотты Смит, наброски которой настолько схожи с действительностью, что по ним ничего не стоит и написать картину. Из описаний, сделанных миссис Радклиф, напротив, можно почерпнуть самые величавые и многообещающие идеи, которые помогут сделать картину эффектной, но ясный детальный рисунок художнику придется домыслить самому. Как рассказ ее окутан пеленой таинственности, так и пейзаж словно погружен в дымку, которая смягчает общие очертания и делает интересней и значительней отдельные части его; таким образом автор добивается желаемого воздействия, не давая при этом читателю точного или индивидуального образа. Таково прекрасное описание Удольфского замка, каким Эмилия впервые его видит. Это превосходный сюжет для рисунка, но если бы полдюжины художников попытались изобразить его на полотне, то получилось бы, вероятно, шесть совершенно разных картин, которые, однако, вполне соответствовали бы тому, что описано на бумаге. Этот отрывок длинен, но являет настолько красивый и характерный образец творчества миссис Радклиф, что мы без колебаний приводим его ниже.

«К вечеру дорога свернула в глубокую долину. Почти со всех сторон высились заросшие, неприступные на вид склоны. На востоке открывался просвет, где виднелись Апеннинские горы; они являли зрелище устрашающее; громоздящиеся вершины, которые нескончаемой чередой уходили вдаль, их одетые соснами гребни — столь величественная картина предстала перед Эмилией впервые. Солнце только что спряталось за вершинами гор, с которых Эмилия спускалась, и их длинные тени накрывали долину, но косые лучи, проникая через расщелину в утесах, золотили кроны деревьев на противоположных склонах и заливали ослепительным сиянием башни и зубчатые стены замка — его обширные укрепления тянулись наверху вдоль кромки пропасти. Эти освещенные солнцем строения казались еще ярче рядом с тенью, которая окутывала долину внизу.

— Вот, это Удольфо, — сказал Монтони, уже несколько часов молчавший.

Эмилия окинула печальным и робким взглядом замок, который, как она поняла, принадлежал Монтони; освещенный последними лучами замок все же имел вид мрачный и высокомерно-неприветливый — из-за готического величия его очертаний и полуразрушенных стен темно-серого камня. Пока Эмилия смотрела, стены стали погружаться во тьму; они окрасились в печальный пурпур, который все больше густел, по мере того как вверх по горе ползли тонкие испарения; зубцы тем временем по-прежнему сверкали. Но вскоре лучи погасли и там, и здание облеклось торжественным вечерним сумраком. Безмолвное и величавое, оно царило над своим окружением и хмуρο бросало вызов каждому, кто вздумал бы вторгнуться в его одинокие пределы. Чем больше сгущались сумерки, тем более грозным оно становилось, и Эмилия не сводила с него глаз, пока не осталось на виду лишь скопление башен, которые возвышались над верхушками деревьев —

¹³ Перевод Л. Бриловой.

в их плотную тень вскоре попала карета, когда начался подъем.

Протяженность и сумрак этого исполинского леса породили в мозгу Эмилиии ужасные образы; она бы не удивилась, если бы из-за деревьев вдруг выскочили разбойники. Наконец карета оказалась на поросшей вереском скале и вскоре после этого достигла ворот замка; глубокие звуки привратного колокола, который известил об их прибытии, усугубили не оставлявший Эмилию страх. Пока все ждали слугу, который должен был выйти и открыть ворота, она тревожно оглядывала здание, однако не различила в темноте почти ничего, кроме части внешних очертаний и массивного крепостного вала, и пришла к выводу, что замок громаден, стар и навевает тоску. По тому, что удалось разглядеть, она судила о мощи и величине целого. Ворота, перед которыми она стояла, вели во внутренние дворы и были гигантских размеров; их защищали две круглые башни, увенчанные выступающими башенками с зубцами и бойницами; вместо знамен вверху развевались длинные стебли сорняков — они коренились среди полуразрушенных камней и, казалось, вздыхали, когда по окружающему запустению волной прокатывался ветерок. Обе башни соединяла куртина, также с бойницами и зубчатым завершением, ниже виднелась громадная стрельчатая арка ворот с опускающей решеткой; далее от башни к башне тянулся над пропастью бруствер; его неровный контур, который выделялся на фоне вечерней зари, носил разрушительные следы войны... Задний план был поглощен сумерками».

Нам думается, что будет интересно сравнить эту ослепительно красивую фантазию с точной зарисовкой, вышедшей из-под того же пера, когда писательница действительно копировала природу; вероятно, читатель найдет, что Удольфо — картина изысканная, бьющая на эффект, а Хардуик — поразительно верный портрет.

«К северу от Лондона, за местностью ничем не примечательной, мы должны остановиться, чтобы не пропустить Хардуик, который принадлежит ныне герцогу Девонширскому, а некогда был резиденцией графа Шрусбери, которому королева Елизавета повелела держать в заточении несчастную королеву Марию. Хардуик стоит на плавной возвышенности несколькими милями левее дороги из Мэнсфилда в Честерфилд; пробираться к нему нужно по тенистым тропинкам; здание можно увидеть не раньше, чем достигнешь парка. Только тут за старыми деревьями весьма величественно встают три седые от древности башни; вначале кажется, что они завершаются полуразрушенными зубцами, но вскоре обнаруживаешь, что это превосходно выполненная ажурная резьба, в которой часто встречаются буквы Э. Ш., увенчанные графской короной, — инициалы и памятники тщеславия Элизабет, графини Шрусбери, для которой построено ныне существующее здание. Высокий, необычного оттенка замок очень красив и когда выглядывает меж пышных деревьев, и когда предстает перед наблюдателем на какой-нибудь из полян парка; с полян местами видны Дербиширские холмы. Пейзаж вызывает в памяти изысканные описания Харвуда.

Глубокая тень, которая окутывает Эльфриду и обитателей Хардуика, скрывала некогда прелестную фигуру, достойную стать идеалом поэта и обреченную на горькую судьбу, — подобных трагедий не видел Харвуд.

Напротив больших ворот, ведущих во двор замка, растут красивые старые дубы; местность здесь внезапно понижается, внизу лежит тенистая поляна; от ворот открывается вид на долину Скарсдейла в обрамлении нехоженных гор Пика. Слева, по соседству с современным зданием, находятся разрушенные фрагменты старого замка; густо увитые плющом, они придают пейзажу интерес, особенно в сочетании с поздним (но имеющим более богатую историю) зданием. Тропой, по которой так часто ступала королева Мария, мы не без волнения проследовали к двустворчатой двери большого холла; его внушительные размеры, тишина, предгрозовое небо за окнами вполне соответствовали впечатлению от всего ранее увиденного. Высокие окна плохо пропускали свет, и мы слабо различали большие фигуры на шпалерах над дубовыми панелями и дубовую колоннаду, поддерживающую галерею в глубине холла; напротив входа между двумя окнами висели гигантские лосиные рога. Воображение невольно рисовало сцену прибытия королевы Марии:

чувства, которые она испытывала, вступая под эту торжественную сень, звон лошадиных копыт и хор голосов во дворе, ее гордый, но нежный и меланхолический облик, когда она вслед за лордом-канцлером медленно вошла в холл, выражение лица лорда-канцлера — подобострастное, но бдительно-озабоченное, когда, под впечатлением ее красоты и благородного достоинства, он обратился к мыслям о страхах своей собственной королевы; настороженное молчание ее горничных и шумные хлопоты прочих слуг.

Из холла лестница ведет в галерею небольшой часовни (где еще сохранились стулья и подушки, которыми пользовалась королева Мария) и в помещения второго этажа — из них только одно связано с памятью о ее заточении: ее рукоделье можно видеть на кровати, стене, стульях. Шпалера ее работы богато украшена символическими фигурами, над каждой имеется пояснительная надпись; хранили шпалеру бережно, и она до сих пор цела и выглядит как новая.

По соседству находится столовая, где, как и в прочих помещениях этого этажа, обстановка дополнена несколькими современными предметами; там имеется над камином вырезанный по дубу девиз:

„Нам дано лишь одно: бояться Бога и исполнять его заповеди“.

Насколько же низко ценилось в дни, когда строился этот дом, дерево по сравнению с работой: ступеньки (там, где лестница не из камня) сделаны из цельного дуба, а не обшиты планками. Такая лестница ведет с третьего этажа (это парадный этаж) на крышу; оттуда, как говорят, в ясные дни видна широкая панорама с Йоркским и Линкольнским соборами. Третий этаж — главная достопримечательность дома. За редким исключением все апартаменты здесь были предоставлены королеве Марии, некоторые из них — как парадные; обстановка в этих комнатах такова, какой ее оставила Мария (этому есть помимо внешнего вида мебели и иные свидетельства). Главная комната, или зал для приемов, отличается необычной высотой; вошедшего прежде всего радует ее величина, а уж затем охватывает благоговейное волнение, вызванное почтенным возрастом этих стен и безыскусным рассказом о муках, которые они наблюдали».¹⁴

Сравнивая эти два описания, читатель убедится, что миссис Радклиф одинаково умела копировать натуру и давать волю воображению. Башни Удольфо расплывчаты, безграничны и окутаны туманом и тьмой; руины Хардуика нарисованы такой же свободной и смелой кистью, но более четки по рисунку, и колорит их, вероятно, более холоден и менее великолепен.

Удивительно следующее: миссис Радклиф, составляя свои прекрасные описания иноземных ландшафтов, опиралась исключительно на рассказы путешественников, которые собирала и талантливо обобщала, и поэтому ее пейзажи явственно сходны (во всяком случае, мы так думаем) с фантастическими картинами; однако же многие современники полагали, что это точные зарисовки с натуры, виденной собственными глазами. Так, журнал «Эдинбург ревью» сообщил публике, что мистер и миссис Радклиф посетили Италию; что мистер Радклиф служил в одном из британских посольств в этой стране; что именно там его талантливая супруга пристрастилась к живописным видам, руинам, мрачным таинственным легендам об их прежних обитателях. Это ошибка, ибо миссис Радклиф никогда не бывала в Италии; но, как мы говорили выше, не исключено, что она обращалась к воспоминаниям о величественных рейнских пейзажах (с ними она познакомилась в 1793 году) и хмурых развалинах феодальных замков, которых много на рейнских берегах. Оплошность автора статьи не так уж существенна, в печать попало еще более нелепое сообщение: миссис Радклиф якобы посетила Хэддон-Хаус, красивый старый дом в готическом стиле, и настояла на том, чтобы провести там ночь; тогда она и прониклась тем пылким интересом к готическим строениям, потайным ходам и полуразрушенным стенам, которым отмечены ее

¹⁴ Путешествие по Голландии и вдоль западных границ Германии, с возвращением вниз по Рейну; с добавлением наблюдений, сделанных во время поездки на озера Ланкашира, Уэстморленда и Камберленда. Соч. Анны Радклиф. Ин-кварти. 1795. С. 371. — *Примеч. В. Скотта.*

книги. Мы уверены, что миссис Радклиф никогда не видела Хэддон-Хаус; хотя это место в высшей степени достойно ее внимания и, если бы ей довелось побывать там, подсказало бы, вероятно, одну-две идеи из числа тех, которые занимали ее воображение, все же мы не склонны думать, что такие механические стимулы творчества, такие рецепты для писателя, как ночлег в пустом заброшенном доме, способны дать иной результат, кроме простуды; миссис Радклиф не снизошла бы, вероятно, до подобного показного энтузиазма.

Характерная для романистки пылкость воображения естественным образом связывается с склонностью к поэзии; соответственно, листая ее томики, читатель постоянно с удовольствием находит там песни, сонеты и просто стихи. Подвергать эти стихи критике было бы в данном случае неправомерно, но следует заметить, что они говорят скорее о живой и богатой фантазии, чем о безупречном вкусе и удачном выборе слов. Язык миссис Радклиф недостаточно гибок; не сознавая этого недостатка, она пыталась подчинить его новым стихотворным формам, английской речи не свойственным. Один из такого рода экспериментов — песнь светлячка. Нужно также признать, что иногда автор слишком отдается прихоти воображения и, составив себе, возможно, полное и ясное представление о том, что собирается сказать, не всегда умеет донести это до читателя. Однако в других, более удачных образцах поэзия миссис Радклиф заимствует тот богатый и яркий колорит, который отличает прозаические работы писательницы, но не свободна, вероятно, от общего с ними изъяна и не всегда точно выражает мысль автора. Образцом поэтических возможностей миссис Радклиф может служить нижеследующее обращение к Меланхолии:

Привет, дух скорби и любви!
Вечерним ветеркам внимая,
Призывы слышу я твои,
Слезу с отрадой проливая.

В безмолвный одинокий час,
Когда к закату день клонится,
Твоей волшебной лютни глас
Мечту торопит пробудиться

И оживить поэта взор,
На берег мшистый устремленный,
Где манит дикостью простор,
Фантазией одушевленный.

Веди меня в приют святой,
Тобой заботливо хранимый,
Где под полночную луной
Во храме хор поет незримый.

Мне смутный слышится напев
И умолкает в отдаленье:
По колоннаде в темный неф
Скользят монашеские тени.

Взойдем с тобой по склонам круч:
Сквозь мощных лиственниц вершины
С небес холодный тусклый луч
Там не разгонит мрак лощины.

Дол непроглядной тьмой сокрыт:

Лесам густым не видно края.
К вечерне колокол звонит,
В горах печально замирая.

Сопроводи меня туда,
Где в бухте под веслом прилежным
Чуть слышно плещется вода,
Где парусник в краю безбрежном.

Где о скалистый бьется мыс
Прибой размеренно и шумно,
Утес над волнами навис
И завывает вихрь безумно.

Помедли там в полночный час,
Где под луною потускнелой
Разносит эхо бури глас
И чуть мелькает парус белый.¹⁵

Нам думается, никто не станет отрицать, что прекрасные идеи облечены здесь в соответствующую им стихотворную форму; однако, как и в своих прозаических сочинениях, миссис Радклиф излишне сосредоточивается на внешних объектах, слишком стремится описать то, что сопровождает меланхолию, вместо того чтобы уделить внимание самому чувству. И пусть это сравнение говорит не в пользу нашего любимого автора, мы не можем не противопоставить вышеприведенных стихов стихам Флетчера на ту же тему.

Забавы суетные, прочь!
Они пройдут быстрее, чем ночь:
Жизнь длится миг — не долее.
И кто разумен, тот поймет:
Под солнцем самый сладкий плод —
Отрада Меланхолии!

Крест-накрест руки, грусть в глазах.
Сердца пронзающее «ах» —
Иль вздох, безмолвный неизменно,
И взор, потупленный смиренно:
Ты опечален — поскорей
В густую рощу, где ручей!
Там, при луне, где только совы
Не спят, с души спадут оковы.
Полночный колокол унылый
Насытит сердце новой силой.
Прострись же в тени, на лесном раздолии —
И вдоволь утехи вкуси Меланхолии!

«Чудесная доблесть»¹⁶

¹⁵ Перев. С. Сухарева.

¹⁶ Перев. С. Сухарева.

Читатель отметит, что в этих стихах на первый план выступают чувства человека, приверженного меланхолии, или, вернее, сама эта бледная страсть; что во время чтения мы думаем о печальном страннике и проникаемся его настроением и что «густая роща, где ручей», подобно пейзажному фону портрета, остается на заднем плане. В стихах миссис Радклиф дело обстоит иначе. Хорошо описаны сопровождающие меланхолию второстепенные детали, но наше внимание настолько сосредоточивается на них, что мы едва ли отдаем должное самому чувству. Грусть не является здесь порождением нашего ума, она — следствие печальной обстановки, перед нами представшей. Нечто подобное можно наблюдать и в романах миссис Радклиф: наше любопытство слишком приковано к развитию сюжета, чтобы позволить нашим чувствам сосредоточиться на злоключениях героя или героини. Мы не склонны уделять серьезное внимание личности героев; веря, что автор поможет им выбраться из трудной ситуации, мы больше увлечены развитием событий, чем чувствами и судьбой тех, с кем они происходят.

Однако не следует прощаться с любимым автором словами неодобрения. Быть может, верно, что миссис Радклиф блуждает по стране фей, а не ступает по земле, что она не сильна в изображении страстей людских, неспособна заглянуть в тайники человеческого сердца, не демонстрирует знания жизни и нравов и этим уступает своим собратьям по перу. Но она стала зачинательницей литературного направления, которое затрагивает мощные и общие для всех пружины читательского интереса: дремлющий в нас ужас перед сверхъестественным и любопытство к скрытому и таинственному; и если на этом пути к ней кто-либо приблизился (в чем мы сомневаемся), то, во всяком случае, не только не превзошел, но даже не достиг ее уровня.

Мы слышали намек (как полагаем, из надежного источника), что вскоре должно, вероятно, выйти из печати не публиковавшееся при жизни автора творение миссис Радклиф. Когда бы оно ни появилось и что бы в себе ни заключало, публикация его станет незаурядным событием для читающей публики.

*ВАЛЬТЕР СКОТТ*¹⁷

«Итальянец, или Тайна одной исповеди»

Он, в облаченье тишины и тайны
Свои мученья воплотив в дела,
Их людям шлет на судьбоносных крыльях.
Так нас ведет невидимая Воля
Непознаваемо, неуследимо.

В 1764 году двое путешественников, англичанин и итальянец, осматривая окрестности Неаполя, остановились перед старинной церквушкой Санта-Мария-дель-Пианто, принадлежавшей монастырю ордена Кающихся Грешников. Время не пощадило ее, но портик все еще поражал своей благородной красотой, что вызвало желание у путешественников осмотреть церковь изнутри. Когда они поднялись по мраморным ступеням, их внимание внезапно привлекла одинокая фигура монаха, который, сцепив руки на впалой груди, быстро ходил взад и вперед меж колонн. Он был настолько погружен в свои раздумья, что не сразу заметил посторонних. Однако, услышав за спиной шаги, он резко обернулся и, увидев, что незнакомцы приближаются к нему, тут же исчез в одном из боковых входов в храм.

Его облик и странное поведение не могли не вызвать интереса. Он был высок, крайне

¹⁷ Перевод предисловия — Л. Бриловой.

худ, сутул, со впалой грудью и резкими чертами мертвенно-бледного лица. В его взгляде, который он бросил на незнакомцев из-под низко опущенного на лоб капюшона, была враждебность.

Войдя в церковь, путешественники невольно обвели ее взглядом, надеясь увидеть так поразившего их монаха, однако его нигде не было. Лишь в конце прохода между скамьями появился другой монах, видимо выполнявший здесь роль гида, ибо он тут же направился к ним.

Внутреннее убранство церкви не поражало глаз богатством, которым обычно отличаются церкви Италии и Неаполя в особенности. Здесь царила суровая простота, строгость и величие, которые неизменно находят отклик в душе истинного ценителя прекрасного. Приглушенный спокойный свет под высокими сводами располагал к молитве и возвышенным раздумьям.

Осмотрев древние усыпальницы и другие немногочисленные достопримечательности старинной церквушки, посетители хотели уже покинуть церковь, как вдруг снова увидели высокую мрачную фигуру уже знакомого монаха, которая исчезла в одной из исповедальен. Побуждаемые любопытством, они спросили о нем у их гида. Но тот, прежде чем ответить, проводил взглядом собрата, исчезнувшего в исповедальне, и ответил лишь тогда, когда путешественники повторили свой вопрос.

— Это убийца, — наконец сказал он.

— Убийца? — невольно воскликнул один из путешественников, англичанин. — Убийца и на свободе?

Его спутник, итальянец, улыбнулся недоумению друга, но монах-гид спокойно пояснил:

— Только здесь он смог найти убежище. В этих стенах ему ничего не грозит.

— Следовательно, ваша церковь дает приют убийцам? — не мог успокоиться англичанин.

— У них нет иного убежища, синьор, — попробовал возразить монах.

— Невероятно! — не на шутку разволновался англичанин. — В таком случае ваши законы ничего не стоят, если они позволяют церкви брать под защиту убийц. Чем же он живет? Ведь он не может покинуть церковь в поисках пропитания? Он, таким образом, обречен на голодную смерть!

— Прошу прощения, синьор, но всегда находятся добрые люди, готовые помочь тому, кто сам себе помочь не может. Сострадательные прихожане приносят ему еду.

— И это разрешается? — Казалось, удивлению англичанина не будет конца. С этим вопросом он уже обратился к своему спутнику, итальянцу.

— Не дать же бедняге умереть от голода, — ответил тот. — А это неминуемо случилось бы, не будь добрых людей. Вы часто бываете в Италии и должны были бы знать, что здесь убийства не такая уж редкость.

— Впервые слышу! — вынужден был признаться англичанин. — И все же я не могу сказать, что одобряю это.

— Почему, мой друг? — возразил итальянец. — Если бы мы не были милосердны к таким несчастным, нашим городам грозило бы полностью обезлюдеть. В Италии убийства, увы, случаются довольно часто.

На это англичанин лишь сокрушенно покачал головой.

— Обратите внимание, мой друг, вон на ту исповедальню, что за колоннами у левого притвора под витражом, — постарался отвлечь его итальянец. — Несмотря на свет, падающий из окна, она остается в тени, и вы могли ее не заметить.

Вглядевшись туда, куда указывал его попутчик, англичанин увидел исповедальню темного дуба, тесно примыкавшую к каменной стене храма. Она была похожа на ту, в которой скрылся монах-убийца.

Под навесом из темного бархата он увидел три разделенные деревянными перегородками узкие кабины, в средней из которых на невысоком помосте со ступенями

помещалось кресло исповедника. В боковых кабинах, преклонив колени, исповедующиеся были укрыты от посторонних взглядов.

— Вы хорошо ее разглядели? — спросил итальянец.

— Да, — ответил англичанин. — Она похожа на ту, в которую вошел монах-убийца. Мрачнее места не придумаешь. Любого преступника она должна повергнуть в отчаяние и страх, — заключил он.

— Нам, итальянцам, не свойственно впадать в отчаяние, — улыбнулся его спутник.

— Но что особенного вы нашли в этой исповедальне? — продолжал удивляться англичанин. — Не в нее ли вошел монах-убийца?

— Он не имеет никакого отношения к тому, что я собираюсь вам рассказать, — успокоил его итальянец. — Просто мне хотелось, чтобы вы хорошенько запомнили ее, ибо с ней связаны события поистине необыкновенные.

— Какие же?

— Прошло уже несколько лет, как здесь прозвучали слова одной исповеди, — продолжил свои пояснения итальянец. — Эта исповедальня, монах-убийца и ваше искреннее недоумение по поводу того, что он останется на свободе, заставили меня вспомнить одну печальную историю. Когда вы вернетесь в ваш отель и вам нечем будет занять свободное время, я охотно расскажу ее вам.

— Я готов слушать вас хоть сейчас, — оживился англичанин.

— Это долгая история, и чтобы рассказать ее всю, понадобилась бы целая неделя. Однако я, к счастью, располагаю записью ее и готов предоставить ее в ваше распоряжение. Один нищий студент из Падуи, оказавшись в Неаполе сразу же, как все это произошло...

— Позвольте, — прервал его англичанин, — если это исповедь, то это действительно невероятная история. Мне казалось, что тайна исповеди никогда не разглашается. Исповедник ни при каких обстоятельствах не вправе этого сделать.

— Вы правы, мой друг, — согласился англичанин. — Ни один священник не посмеет нарушить тайну исповеди, разве что только по высочайшему повелению главы церкви или при обстоятельствах столь необычных, когда такое разрешение дается. Когда вы ознакомитесь с той записью, которую я вам вручу, у вас не останется ни тени сомнений, что обстоятельства действительно были необычными. Как я уже сказал, записи сделал студент из Падуи, оказавшийся в Неаполе, и сделал их по моей просьбе. Его настолько поразила эта история, что он охотно выполнил мою просьбу. Отчасти им руководило также тщеславное желание испробовать свои литературные способности, или, возможно, он был мне благодарен за какую-то пустячную услугу. Читая, вы сразу поймете, сколь юн и неопытен в писательском ремесле он был, но мне прежде всего необходимо было точное изложение фактов, а он сделал это тщательно и достоверно. А теперь нам, пожалуй, пора покинуть эту церковь.

— Только после того, как я еще раз ее внимательно осмотрю, теперь уже совсем другими глазами. Особенно эту исповедальню, — согласился англичанин.

Окидывая еще раз взглядом своды и строгую перспективу храма, он опять увидел монаха, который, покинув исповедальню, быстро прошел на хоры. Путешественник вновь испытал неприятное чувство легкого шока при виде этой мрачной фигуры и быстро, отведя глаза, поспешил к выходу.

Вскоре друзья распрощались, и англичанин, вернувшись в отель, через какое-то время получил обещанный пакет. Вскрыв его, он с интересом погрузился в чтение.

Часть 1

ГЛАВА I

Что здесь за новость, что за тайный грех?

Не вскрыть его молитвой покаянной.

Р. Уолпол. Таинственная мать

Винченцо ди Вивальди впервые увидел Эллену ди Розальба в церкви Святого Лоренцо в Неаполе. Было это в 1758 году. Его внимание невольно привлек чей-то мелодичный голос, произносивший слова молитвы. Подняв глаза, он увидел впереди грациозную фигурку девушки с лицом, укрытым под вуалью. Звук ее голоса столь пленил его, что юноша испытал непреодолимое желание увидеть лицо незнакомки. Он был уверен, что оно должно быть столь же выразительным и прекрасным, как ее необыкновенный голос.

Словно зачарованный, он простоял всю службу, не отрывая взгляда от юной незнакомки. Когда же он заметил, что она вместе со своей спутницей, немолодой дамой, которая опиралась на руку девушки, собирается покинуть церковь, он немедленно последовал за ними. Им двигало нетерпеливое желание узнать, кто она и где живет. Девушка и ее спутница шли довольно быстро, не оглядываясь по сторонам, и, когда вышли на людную Страда ди Толедо, он чуть было не потерял их из виду. Ускорив шаги, но продолжая соблюдать осторожность, он успел нагнать их, прежде чем они свернули на террасу, идущую вдоль залива и ведущую на набережную Гран Корсо. Здесь, обогнав их, он наконец осмелился оглянуться, надеясь увидеть лицо девушки, но оно по-прежнему было скрыто вуалью. Он принялся мучительно гадать, как ему представиться или хотя бы обратить на себя внимание, но робость и искреннее восхищение незнакомкой мешали ему что-либо предпринять. Сопровождая их на недалеком расстоянии, он вдруг увидел, что немолодая спутница девушки внезапно оступилась. Юный Винченцо ди Вивальди, не задумываясь, бросился на помощь, и в эту минуту легкий ветерок с залива поднял вуаль на лице девушки. Озабоченная состоянием своей спутницы, подвернувшей ногу, девушка не поторопилась поправить вуаль, и этого мгновенья было достаточно, чтобы юноша увидел ее лицо. Оно показалось ему еще прекраснее, чем он мог предполагать. Тонкие классические черты были преисполнены мечтательности и покоя, взгляд темно-синих глаз светился умом. Хлопоча возле своей спутницы, девушка даже не заметила, какое она произвела впечатление на молодого человека, подбежавшего к ним. Когда глаза их встретились, она торопливо опустила вуаль.

Вывих был не очень сильным, и старая дама пришла в себя. Однако ступала она с трудом, что позволило Винченцо предложить ей опереться на его руку. Поблагодарив его, она отказалась. Винченцо, однако, продолжал настаивать, и в конце концов внимание юноши и боль в лодыжке заставили синьору принять предложение и опереться на руку молодого человека. После этого они втроем проследовали дальше.

Винченцо попытался было заговорить с Элленой, но она ответила сдержанно и односложно. Пока он раздумывал, как бы разговорить ее, они уже подошли к калитке небольшой виллы, стоявшей в саду, полого спускавшемся к водам залива. Отсюда открывался прекрасный вид на Неаполь и залив. От солнца и ветров с залива виллу защищала тенистая сосновая роща и величественные эвкалипты. И хотя небольшой портик и колоннада были из простого мрамора, небольшая вилла говорила о вкусе того, кто ее строил.

Юноша, не посмея без приглашения проследовать дальше калитки, остановился. Старая синьора еще раз поблагодарила его, но не пригласила в дом. Трепеща от волнения и робкой надежды, Винченцо смотрел на Эллену, не в состоянии двинуться с места или что-либо сказать, и старался как можно дальше отдалить момент прощания. Но старая синьора, еще раз поблагодарив его, попрощалась. Медлить было больше нельзя, и Винченцо наконец отважился попросить разрешения навестить синьору, чтобы справиться о ее самочувствии. Получив такое разрешение, он лишь взглядом попрощался с Элленой. Та, в свою очередь, поблагодарила его, и он, сделав над собой усилие, наконец откланялся.

Когда он через рощу спускался к заливу, перед его глазами стоял образ Эллены, а в ушах звучал ее нежный необыкновенный голос. Сердце его трепетало оттого, что она совсем

близко и он даже сможет ее увидеть хотя бы издалека, если она выйдет на балкон вдохнуть глоток свежего прохладного воздуха с залива. Это заставило юношу час, а потом другой провести вблизи виллы. Он то отдыхал в тени сосен, то, спустившись к берегу, карабкался по прибрежным камням, неотступно думая об Эллине, ее улыбке и чарующем голосе.

Лишь к вечеру он наконец вернулся во дворец маркиза ди Вивальди, своего отца. Задумчивый и счастливый, переполненный воспоминаниями, он не смел даже думать о том, что будет дальше.

Вернувшись достаточно рано, он смог сопровождать мать в ее вечерней прогулке в экипаже по набережной. Он провожал взглядами каждый экипаж, проезжавший навстречу или мимо, в надежде увидеть Эллину. Маркиза ди Вивальди не могла не заметить состояние сына и его необычную молчаливость и попыталась, задавая вопросы, удовлетворить любопытство матери. Короткие и неохотные ответы сына лишь разжигали ее любопытство, и, хотя она более не настаивала на душевной беседе, она явно не отказалась от своего намерения возобновить вопросы при первом удобном случае.

Винченцо был единственным сыном маркиза и маркизы ди Вивальди, представителей одного из старейших и самых знатных родов в Неаполитанском королевстве. Отец Винченцо не только был приближен ко двору, но и пользовался особым доверием короля, на которого имел большое влияние. Маркиз, гордившийся своим родом и положением, был независим в своих суждениях, имел высокие понятия о долге и чести и дорожил ими. Его гордость была и его достоинством, и его недостатком. Она одновременно и защищала его, и делала уязвимым.

Мать Винченцо, из не менее знатной семьи, тоже гордилась своим именем и положением в обществе, но это была гордость другого рода. Это скорее была спесь знати, что мало имело отношения к таким понятиям, как добродетель, честь и мораль. Это была женщина сильных страстей, надменная и мстительная, коварная и вероломная, искусная и неутомимая в преследовании своих целей, и горе было тому, кто становился на ее пути. Она любила своего сына, как единственного отпрыска двух старинных семей, но не так, как любит нежная и преданная мать.

Винченцо был во многом похож на отца и совсем мало унаследовал от матери. Его понятия о гордости и чести были столь же возвышенны и благородны, как у Вивальди-старшего, однако страстностью своей натуры он скорее был обязан матери. Однако ему чужды были ее коварство, неискренность, жажда мести. Искренний и открытый в своих чувствах, он порой оказывался беззащитным, легко обижался, но тут же готов был забыть об обидах. Грубое слово или неуважение вызывали в нем справедливый гнев, который он рад был усмирить, если видел искреннее раскаяние. Высокое понятие о чести делало его справедливым, а добрая натура — всегда готовым к примирению, ибо он уважал чувства других.

На следующий день, воспользовавшись разрешением, Винченцо вновь отправился на виллу Алтиери, чтобы справиться о здоровье тетюшки Эллины, синьоры Бианки. Предвкушая встречу с Эллиной, с волнением и надеждой вошел он в калитку сада и даже остановился, чтобы унять отчаянно бившееся сердце.

Попросив встретившую его старую служанку доложить о себе, он наконец вошел в дом. В небольшой зале его уже ждала донья Бианки, сидевшая в кресле с клубком шелковых ниток в руках, которые она перематывала. Стул, стоявший перед пальцами, свидетельствовал о том, что Эллина только что покинула залу. Синьора Бианки сдержанно приветствовала его и была весьма осторожна в своих ответах, когда юноша справился о ее племяннице. Он же, не теряя надежды, ждал, что вот-вот войдет Эллина, и поэтому старался растянуть свой визит, хотя, казалось, он уже истощил весь запас тем для разговора. Наконец донья Бианки своим молчанием дала ему понять, что визит закончен.

Огорченный и разочарованный, юноша вынужден был откланяться. Он был рад тому, что ему удалось испросить разрешения вновь нанести визит синьоре Бианки в ближайшие же дни, хотя видел, с какой неохотой она это сделала. Покинув дом, он то и дело останавливался

на дорожках сада, оглядывался на окна виллы, не мелькнет ли за узорчатыми ставнями милый образ Эллены, не прячется ли она в густой тени платанов. Но все напрасно. Печальный и удрученный, он наконец покинул виллу.

Остаток дня он решил потратить на то, чтобы разузнать, что можно, о семье Эллены, но узнал всего лишь то, что она сирота, находится на попечении тетушки, синьоры Бианки. Семья ее не была ни знатной, ни богатой, и ее единственной близкой родственницей была тетушка.

Однако Винченцо не знал, что Эллена собственным трудом содержала себя и престарелую и больную тетушку, у которой, кроме небольшого поместья и виллы, в которой они жили, никаких доходов более не было. Эллена целыми днями сидела за пяльцами, вышивая шелком для монашек соседнего монастыря. Ее вышитые изделия высоко ценились и охотно раскупались неаполитанскими модницами, посещавшими монастырь. Юноша даже не подозревал, что тонкая вышивка на красивом платье, которое он часто видел на маркизе, сделана руками Эллены, а копии с гравюр античных руин в кабинете отца были тоже созданы ею. Даже если бы он узнал об этом, его чувство к Эллине не изменилось бы и ему по-прежнему была бы дорога эта девушка, с которой судьба обошлась столь сурово. Более того, его чувство лишь окрепло, хотя он понимал, как воспротивится его семья против Эллены, и с его стороны было бы благоразумней забыть о ней.

Эллена, готовая переносить бедность, однако, никогда не смогла бы смириться с жалостью и поэтому всячески скрывала свои занятия, которыми вправе была гордиться. Она не стыдилась их, но содрогалась при одной мысли, что кто-то может со снисходительной улыбкой выразить унижающее ее сочувствие, на которое столь щедры богатые. Она была слишком молода и неопытна, чтобы воспитать в себе презрение к этому, и не успела научиться быть гордой и независимой. Будучи единственной опорой своей стареющей тетушки, она как должное сносила все невзгоды и тягости ухода за часто хворающей синьорой Бианки и старалась всячески облегчить ее страдания, та же платила племяннице искренней материнской любовью. Эллена не знала своей матери, умершей, когда она была еще младенцем. С тех пор синьора Бианки заменила ей мать.

В таком состоянии чистой невинности и тихого счастья от того, что она посильно может исполнять свои дочерние обязанности, пребывала Эллена в тиши и уединении виллы Алтиери, пока не встретила Винченцо ди Вивальди. Встреча с ним не могла не оставить следа в ее юной душе. Ее поразили его искренность и достоинство, открытое честное лицо, свидетельствующее о благородстве души. Но девушка не спешила принимать первое впечатление за нечто большее и искренне старалась забыть эту встречу. Она полностью отдавалась работе, стараясь восстановить прежний покой души.

Тем временем Винченцо, сам потерявший покой, продолжал наводить справки о вилле Алтиери, и скудные и разноречивые сведения укрепляли его в решимости снова побывать там. Он решил сделать это вечером, когда темнота скроет его и он сможет хотя бы мельком в окно увидеть Эллину.

У маркизы ди Вивальди в тот вечер был прием. Заметив несколько странное поведение сына, его нетерпеливость и нервозность, она постаралась весь вечер держать его при себе, то и дело давая разные поручения, связанные с тем, что в этот вечер она собиралась познакомить гостей с новым произведением композитора, которого она открыла и которому теперь покровительствовала. Приемы маркизы считались самыми блестящими и многолюдными. Общество в этот вечер делилось на две группы: тех, кто был поклонником вновь открытого композитора, и тех, кто оставался верен другому, уже хорошо известному. Предстоящий концерт должен был решить этот спор. Для маркизы этот вечер был чрезвычайно важным, ибо от исхода его зависела не только будущая репутация опекаемого ею композитора, но в некотором роде и ее собственная.

Улучив момент, когда можно было незаметно уйти, Винченцо, закутавшись в плащ, покинул дворец и направился на виллу Алтиери, находившуюся в восточной части Неаполя, не столь уж далеко от дворца Вивальди.

Он добрался туда никем не замеченный и, задыхаясь от волнения, вошел в сад через заднюю калитку. Освободившись от светских условностей отчего дома, оказавшись совсем рядом с Элленой, в первые несколько мгновений он ощущал неизъяснимую радость, словно уже увидел Эллену и поговорил с ней. Но это состояние быстро прошло, и глубокая печаль вдруг охватила его, будто ему грозила разлука с той, кто была совсем рядом.

Опустилась ночь, окна виллы не светились, и он понял, что ее обитатели уже спят. Надежда увидеть Эллену угасла. И все же он был счастлив, что он здесь, что может войти в сад, приблизиться к окну и, может быть, случайно увидеть, как она открывает его и смотрит в темный сад. Преодолев преграду из густых кустов, он оказался перед портиком виллы. Была уже полночь, и казалось, что глубокую тишину не нарушает ни ласковый плеск моря внизу, ни приглушенное ворчание Везувия, который время от времени вспыхивал, как факел, освещая горизонт, и снова гас. Величие ночи успокаивало, и юноша в священном трепете прислушивался к прерываемым долгими паузами вздохам огромного вулкана, похожим на рокот далекого грома. Внизу серебрилась гладь залива, были видны еле различимые контуры берегов и серые одиночные силуэты судов, бесшумно покидавших гавань. На безоблачном небе ярко горела Полярная звезда, указывающая им путь. С залива дул легкий, прохладный ветерок, еле колышущий верхушки могучих сосен. Откуда-то до слуха Винченцо донеслись печальные звуки молитвы, сразу же привлечшие его внимание. Это была зауспокойная, и юноша попытался определить, откуда льются эти звуки. Но вдруг они смолкли, словно растаяли в воздухе. Это показалось ему странным. Он вспомнил, что в некоторых провинциях Италии так отпевают умерших, и вместе с тем он был уверен, что совсем недавно слышал эту молитву. И вдруг вспомнил, что слышал ее в церкви из уст Эллены, когда она молилась. Переполненный воспоминаниями, он еще больше углубился в сад и обошел виллу с другой стороны. Теперь, когда пение возобновилось, он не сомневался, что слышит голос Эллены. Он остановился как зачарованный, едва дыша, боясь упустить хоть единый божественный звук милого голоса. Сквозь густые заросли цветущих кустов слабо светилось окно. Узорчатые ставни были раскрыты, и в глубине комнаты перед небольшим алтарем он увидел коленопреклоненную Эллену.

Наконец она медленно поднялась с колен. Лицо ее светилось тихой радостью, когда она подняла опущенные глаза. Волосы, небрежно рассыпавшиеся по плечам, делали ее еще прекрасней. От легкой, похожей на тунику одежды, окутавшей ее стан, она казалось ему прелестной нимфой. Юноша был настолько потрясен и взволнован, что отчаянная мысль мелькнула в его голове: тут же воспользоваться представившейся ему счастливой возможностью и признаться Эллене в своих чувствах к ней. Но он вдруг замер, услышав, как ее уста произнесли его имя. Забыв об осторожности, он потревожил кусты цветущего клематиса перед окном и увидел, как девушка испуганно посмотрела в сад. Но густые ветви разросшихся кустов надежно скрывали его. А когда Эллена подошла к окну, чтобы закрыть его, выдержка изменила юноше, и он невольно вышел из кустов. Эллена замерла, лицо ее побледнело. Дрожащей рукой она захлопнула ставни и покинула комнату. Вместе с ней Винченцо покинула надежда.

Еще какое-то время он оставался в саду виллы в тщетном ожидании огонька в окне или звуков ее голоса, но, так и не дождавшись, опечаленный, побрел прочь.

В голове роились мысли, которые должны были прийти ему раньше. Он понимал, сколь неразумны и опасны его попытки увидеть Эллену. Его родители никогда не дадут согласия на его брак с девушкой не их круга. В глубоком раздумье он продолжал свой путь домой, то решая отказаться от Эллены, то впадая в полное отчаяние от этой мысли. Войдя под полуразрушенную арку развалин крепости над дорогой, по которой он следовал, он вдруг увидел перед собой фигуру человека в монашеской сутане. Лицо его под низко надвинутым капюшоном было в темноте неразличимо.

— Синьор, — вдруг промолвил незнакомец, — за каждым вашим шагом сюда следят. Вам не следует посещать виллу Алтиери.

Сказав это, незнакомец так же неожиданно исчез в темноте, не дав Винченцо времени

вынуть шпагу из ножен или преградить ему путь и потребовать объяснений.

Он громко крикнул в темноту, надеясь, что тот вернется. Но видение исчезло.

Весь оставшийся путь до дворца Вивальди юноша ломал голову над происшедшим, строя всяческие догадки. Он уже начал испытывать известное беспокойство и ревность, ибо почти готов был поверить, что получил предупреждение от соперника, и подобная догадка подтвердила, сколь небезразлична ему Эллена и насколько неосторожны его действия теперь. Он решил, что должен немедленно открыться ей во всем и просить у синьоры Бианки руки Эллены. Бедняга не мог предвидеть, какие тучи сгустились над их головами.

Придя домой, он тут же узнал, что маркизе известно о его внезапном уходе и она неоднократно справлялась, вернулся ли он, и велела тут же ей доложить, когда он придет. Однако, так и не дождавшись, ушла в свои покои. Вслед за Винченцо вернулся домой маркиз, сопровождавший короля в одну из его поездок в загородную виллу. Всем своим видом маркиз дал понять, что недоволен сыном, но оба только обменялись парой незначительных фраз и разошлись по своим комнатам.

Винченцо заперся у себя, намереваясь все хорошенько обдумать, однако бушевавшие его чувства мешали работе разума. Он долго беспокойно ходил по комнатам, то мучаясь беспричинной ревностью, то с тревогой оценивая шаг, который намеревался сделать. Зная отца и некоторые черты характера матери, он имел все основания опасаться, что они решительно воспротивятся его желанию жениться на Эллене. Но то, что он их единственный сын и наследник, позволяло надеяться, что они поймут его и простят, несмотря на его выбор. К этим размышлениям примешивались опасения, что, возможно, Эллена уже нашла своего суженого и им, очевидно, был тот, кто повстречался ему у развалин крепости. Однако, вспомнив, как легко, словно вздох, слетело его имя с уст Эллены, он вновь надеялся и сомневался. Даже если она примет его любовь, вправе ли он просить ее руки, если не уверен, что на их брак дадут согласие его родители? Если нет, то они с Элленой будут вынуждены хранить свою любовь в тайне. Согласится ли на это Эллена? И согласится ли она войти в семью, где ее встретят враждебно и с пренебрежением?

Утро не принесло облегчения, но решение он все же принял. Он готов был пожертвовать всеми удобствами и привилегиями своего происхождения ради счастья с Элленой. Теперь он должен убедиться в чувствах Эллены к нему, нет ли у него соперника, а если есть, то кто он. Желать всего этого было намного проще, чем осуществить. Он мысленно строил всяческие планы, но боязнь оскорбить Эллenu и страх перед гневом родителей заставляли его отвергать один план за другим.

Вконец измученный сомнениями, он решил открыться давнему другу, на которого во всем привык полагаться. Впрочем, ему нужны были не столько его поддержка и совет, сколько беспристрастное суждение.

Однако его друг Бонармо, ничуть не усомнившись в своей способности давать советы, не задумываясь предложил испытанный традицией способ — спеть серенаду под окном любимой. Если девушка к нему расположена, она тут же даст ему знать, а если нет, то даже не подойдет к окну. Однако Винченцо отверг этот совет друга, найдя его слишком грубым и недостойным Эллены и способным лишь повредить ему. Бонармо тем не менее продолжал уговаривать друга, и совсем павший духом Винченцо, чтобы поскорее освободиться от мук неизвестности в отношении чувств Эллены к нему, наконец согласился сделать это в тот же вечер.

Спрятав лютни под плащами, закрыв лица, чтобы никто не мог их узнать, друзья в полном молчании направились на виллу Алтиери. Они уже минули арку, где прошлой ночью Винченцо был остановлен незнакомцем, как вдруг рядом юноша услышал легкий шум и, открыв лицо, увидел фигуру в сутане. Не дав ему опомниться, незнакомец, подойдя вплотную, промолвил:

— Не ходите на виллу, вас подстерегает опасность.

Голос его был глух и зловещ.

— Какая опасность? — не выдержал Винченцо, отступив назад. — Прошу вас, скажите.

Но монах уже исчез.

— Господи помилуй! — испуганно прошептал Бонармо. — Невероятно! Надо немедленно вернуться в Неаполь. Ведь это уже второе предупреждение, мы обязаны прислушаться к нему.

— Нет! — взволнованно воскликнул Винченцо. — В какую сторону он ушел?

— Он прошел мимо меня так быстро, что я не успел его схватить.

— Я все равно пойду на виллу, даже если мне грозит опасность, — решительно заявил Винченцо. — Продолжим наш путь, друг Бонармо.

Однако тот считал это неблагоразумным и убеждал Винченцо вернуться.

— У тебя, бесспорно, есть соперник, — заключил он. — В этом случае твоя храбрость не спасет тебя от кинжала наемного убийцы, — пугал он Винченцо.

Упоминание о сопернике переполнило сердце Винченцо гневом и решимостью.

— Если ты боишься, я иду один, — твердо заявил он.

Обиженный упреком в трусости, Бонармо неохотно последовал за другом. Вскоре они беспрепятственно достигли виллы и через знакомую Винченцо калитку вошли в сад.

— Где же твои наемные убийцы, Бонармо? — насмешливо спросил воспрявший духом Винченцо своего друга.

— Говори потише, — остановил его осторожный Бонармо. — Они могут быть где-то рядом.

— Тем хуже для них! — расхрабрившись, воскликнул Винченцо.

Приятель уже достигли теплицы, примыкавшей к дому, и наконец смогли перевести дыхание и подготовиться к задуманному. Ночь была тихая, лишь где-то внизу слышался приглушенный гул далекой толпы. Внезапно небо осветила яркая вспышка фейерверка — это в королевской вилле на побережье праздновали день рождения одного из принцев неаполитанского двора.

Вспышки огней то и дело освещали толпу зевак на набережной, гладь залива с крохотными суденышками, снующими взад и вперед, густые темные рощи на склонах и раскинувшийся на холмах Неаполь. Плоские крыши домов были усеяны зрителями, освещенную факелами набережную загрохотали экипажи с гуляющей публикой.

Пока Бонармо с интересом наблюдал за празднеством, Винченцо свой взор не отрывал от виллы, надеясь, что на балконе вот-вот появится Эллена, но напрасно. Вилла была погружена в темноту. Приятель сидели на траве у подножия апельсиновых деревьев, как вдруг услышали шелест тяжелых листьев, будто кто-то прошел, разводя ветви рукой. Вивальди окликнул, но в ответ последовала полная тишина.

— За нами следят, — после выжидательной паузы сказал Бонармо. — И возможно, с кинжалом в руках. Не лучше ли уйти отсюда?

— Если бы не пронзила стрела любви мое сердце и не унесла покой... — чувственно продекламировал Винченцо. — Убереги, Господь, моего друга от острого кинжала убийцы. Тебя все еще мучают предчувствия?

— Это не страх, поверь мне, а лишь благоразумие, — вспыхнул Бонармо. — Надеюсь, мне представится возможность доказать тебе это, когда ты меньше всего будешь думать об опасности, — обиженно закончил он.

— Понимаю, друг. Тогда покончим с этим. Если я оскорбил тебя, ты вправе потребовать удовлетворения.

— Конечно! — воскликнул Бонармо. — Даже если ценой удовлетворения станет кровь друга.

— О, никогда, никогда! — воскликнул впечатлительный Винченцо и бросился на шею другу. — Прости мой минутный гнев. Это все от моего состояния.

Бонармо, в свою очередь, обнял друга.

— Достаточно, не будем более об этом. Я снова прижимаю к сердцу моего друга Винченцо.

После этого страстного примирения они покинули апельсиновую рощу и приблизились

к вилле. Встав под балконом, нависшим над окном, где прошлым вечером Винченцо видел Эллину, молодые люди настроили лютни и запели вполголоса серенаду.

У Винченцо был красивый тенор, которому его чувства придали особую чистоту и печаль. Он вложил в звуки песни нежность, мольбу и всю искренность своего чувства. Никогда еще он не изливал так страстно свою душу. Но Эллина не появилась на балконе и не подошла к окну с узорчатыми ставнями. Не слышали они и тихих аплодисментов. Винченцо терялся в догадках. Окна виллы были по-прежнему темны. Ни единый звук не нарушил покоя ночи. Правда, Бонармо в перерывах между куплетами слышались чьи-то голоса поблизости, будто кто-то вполголоса осторожно переговаривался, опасаясь быть услышанным. Он напряженно вслушивался, и ему чудилась опасность. Винченцо уверял друга, что все это просто отголоски гомона толпы на набережной, доносимые сюда ветром. Но Бонармо не так легко было успокоить.

Потерпев неудачу в первой попытке, юноши решили обойти дом с другой стороны. На ступенях террасы они повторили серенаду, но, увы, с тем же успехом. После новой неудачи, потеряв терпение и надежду тронуть сердце жестокой красавицы, они отказались от дальнейших попыток. Винченцо, хотя и в самом начале мало веривший в успех этой затеи, теперь, однако, жестоко страдал от разочарования. Встревоженный состоянием друга, Бонармо пытался увещевать его и теперь столь же горячо утверждал, что у него нет соперников, как до этого убеждал в обратном.

В конце концов друзьям пришлось покинуть сад, хотя Винченцо сопротивлялся и все еще ждал появления того, кто следил за ними, прячась в кустах. Со свойственным ему юношеским пылом он жаждал получить удовлетворение и объяснение непонятных угроз. Но благоразумный Бонармо решительно воспротивился, считая затею друга неразумной и опасной.

Это лишь приведет к тому, убеждал он Винченцо, что его тайна станет тотчас известна тем, кто меньше всего должен о ней знать. Разумеется, он имел в виду родителей Винченцо. Однако урезонить юношу было трудно.

— Если этот дьявол в монашеской сутане снова повстречается мне на том же месте, он не уйдет от меня на сей раз. А если это ему удастся, я все равно его выслежу. Я буду подстерегать его так же упорно, как он подстерегает меня. Я укроюсь в развалинах крепости и буду ждать его, даже если это грозит мне смертельной опасностью! — продолжал упорствовать Винченцо.

Хотя Бонармо напугала та ярость, с которой он произнес все это, и особенно последние слова, прозвучавшие как клятва, он вынужден был уступить и более не спорил с другом, а лишь справился, хорошо ли тот вооружен.

— Тебе может понадобиться оружие, Винченцо. В саду виллы тебе грозила меньшая опасность, чем это может быть на развалинах. Ведь незнакомец предупредил тебя.

— При мне шпага и кинжал. А ты, Бонармо, вооружен?

— Тише, — шепотом предостерег его Бонармо, когда они обогнули выступ скалы, нависавшей над дорогой в Неаполь. — Мы приближаемся к арке. Вот она.

Переброшенная через дорогу арка соединяла два выступа скалы, один из которых густо зарос сосной и дубом, у подножия другого лежали развалины древнеримского форта.

Они молча осторожно ступали по каменистой дороге, с опаской поглядывая по сторонам и ожидая, что перед ними вот-вот бесшумно возникнет фигура зловещего монаха. Но никто не вышел им навстречу.

— Мы пришли раньше его, — облегченно вздохнул Вивальди, когда они укрылись под сводами арки.

— Помолчи, друг, — остановил его Бонармо. — Кроме нас, здесь могут прятаться и другие. Это место мне не нравится.

— От кого еще нам надлежит прятаться, Бонармо? — тоже шепотом спросил Винченцо. — От разбойников? Согласен, эти места словно созданы для них. Но и мне они подходят для осуществления моей задачи.

— Да, ты прав — это охотничьи места, — согласился Бонармо. — Не лучше ли выйти на дорогу, где по крайней мере что-то видно?

Но Вивальди справедливо заметил, что так они сразу себя обнаружат.

— Если нас увидят, это нарушит все мои планы. Тот, кто мне нужен, должен появиться бесшумно и незаметно, или он не появится совсем. Мы не должны его упустить.

Сказав это, Вивальди отступил еще глубже в тень арки, к подножию лестницы, высеченной в скале и ведущей куда-то наверх. Бонармо последовал за ним. Они ждали в молчании, Бонармо о чем-то размышлял, Винченцо же еле сдерживал нетерпение.

— Ты веришь, что нам удастся схватить его? — наконец прервал молчание Бонармо. — Он проскользнул мимо меня так бесшумно, будто он тень, а не живой человек.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Вивальди.

— Я не боюсь признаться, что суеверен. Это место нагоняет такую тоску, что я готов поверить в привидения.

Вивальди улыбнулся.

— Согласись, — продолжал Бонармо, — что он появился при обстоятельствах более чем странных. Откуда ему известно твое имя? Ты говорил, что в тот, первый раз он назвал тебя по имени. Как он узнал, откуда ты и что будешь возвращаться этой дорогой в Неаполь? Каким таинственным образом ему известны твои планы и намерения?

— Я не уверен, что они ему известны, — возразил Винченцо. — Но даже если это так, это отнюдь не означает, что для этого он прибегнул к помощи сверхъестественных сил.

— Мне кажется, что того, что произошло сегодня вечером, вполне достаточно, чтобы убедить тебя в том, что он знает все о твоих планах, — продолжал настаивать Бонармо. — Неужели ты веришь в то, что Эллена, если бы ее сердце было свободным, осталась в такой степени равнодушной к серенаде, что не пожелала даже выйти на балкон или подойти к окну?

— Ты просто не знаешь Эллену, друг Бонармо, — горячо возразил Винченцо. — Поэтому я прощаю тебе твои сомнения. Однако в одном ты прав. Она могла бы подать мне какой-то знак, — в полном отчаянии вдруг согласился юноша и умолк.

— Незнакомец предупредил тебя. Он, видимо, знал, какой прием тебе будет оказан, знал и об опасности, которой ты счастливо избежал в первый раз.

— Да, очевидно, он знал! — не сдержавшись, воскликнул Винченцо, забыв об осторожности. — Он и есть мой соперник и намеренно поселил в моей душе сомнения. Он специально облачился в наряд монаха, чтобы я всему поверил. Неужели я буду покорно ждать его, притаюсь в темноте?

— Ради Бога, Винченцо, умерь свой гнев, — взывал к его благоразумию Бонармо. — Вспомни, где мы находимся. Твои догадки нелепы. — И он принялся успокаивать друга, пока тот наконец не взял себя в руки.

Они долго еще стояли в напряженном ожидании, как вдруг Бонармо наконец различил в темноте, что по дороге от виллы Алтиери кто-то идет к развалинам. Приблизившийся человек ступал столь бесшумно, что его шагов не было слышно. Бонармо лишь видел приближающуюся тень. Но вот незнакомец, подойдя к арке, остановился на дороге, где слабый свет звезд освещал его фигуру. Вивальди, глядевший в другую сторону, не видел его, а Бонармо, зная горячность друга, не спешил его предупреждать. К тому же он считал, что надо прежде убедиться в намерениях незнакомца и в том, что он именно тот, кого они ждут. Когда рост его и одежда убедили Бонармо, что перед ними тот, кто им был нужен, он легонько сжал руку Винченцо. Но прежде чем тот понял его жест, незнакомец, стоявший перед ними, словно растворился в сумерках ночи. Они не слышали ни шума шагов, ни шороха одежды и поэтому были уверены, что он где-то здесь, рядом. Друзья продолжали ждать в полном молчании. Вскоре совсем рядом послышался легкий шорох, движение, и нетерпеливый Винченцо, не выдержав, вышел из своего убежища под аркой и, протянув вперед руки, бросился в темноту, откуда послышался шорох. Во весь голос он потребовал от невидимого незнакомца назвать себя. В ответ наступила полная тишина.

Бонармо, вынув шпагу, пригрозил проткнуть ею любого, кто посмеет приблизиться к ним. То же повторил Винченцо, но ответа не последовало, только друзьям показалось, что кто-то тихо скользнул мимо них. Дорога под аркой была достаточно широкой, чтобы по ней беспрепятственно разминуться, и незнакомец, видимо, воспользовался этим. Винченцо бросился на дорогу, но она была пуста.

— Кто-то прошмыгнул мимо нас совсем близко, — шепотом произнес взволнованный Бонармо. — Мне кажется, я слышал шаги по лестнице, ведущей наверх в развалины.

— Немедленно за ним! — громко воскликнул Винченцо и тут же стал подниматься по полуразрушенным ступеням высеченной в скале лестницы.

— Остановись! Ради Бога, остановись! — испуганно вскричал Бонармо. — Опомнись, что ты делаешь! Не ходи туда, не преследуй убийцу в его логове.

— Это он, монах! — воскликнул Вивальди, продолжая подниматься по лестнице. — На этот раз он не уйдет от меня.

Пока Бонармо у подножия лестницы решал, что ему делать — последовать ли за другом или ждать его здесь, Винченцо уже исчез. Бонармо, испытывая странное чувство стыда и страха перед неизвестностью, наконец взял себя в руки и тоже принялся взбираться по осыпающимся под ногами ступеням на развалины и вскоре очутился на просторной террасе, идущей по всей длине арки, соединяющей два выступа скалы. Кое-где балюстрада террасы еще уцелела, так же как и массивной кладки стены и бойницы. Терраса вела к сторожевой башне, увенчивающей противоположный склон, густо поросший соснами. Отсюда хорошо просматривалась дорога на Неаполь.

Бонармо попробовал окликнуть Винченцо, но ему ответило лишь эхо. После некоторых колебаний он решил углубиться в лабиринт развалин и даже обыскать сторожевую башню, контуры которой были слабо различимы на фоне скалы. Величественная, круглая, она являла собой образец мощи и неприступности.

Войдя под уцелевшие своды крепости, Бонармо очутился в полной темноте. Он еще несколько раз громко окликнул Винченцо, но, не получив ответа, решил вернуться на дорогу. Неожиданно откуда-то до него донесся чей-то голос, и, всмотревшись, он увидел выбежавшего из развалин человека со шпагой в руках. Это был Винченцо. Обрадованный Бонармо бросился к нему.

Винченцо был бледен и задыхался от быстрого бега. Прошло какое-то время, прежде чем он отдышался и смог отвечать на вопросы. До этого он, казалось, не слышал их.

— Уйдем отсюда! — наконец воскликнул он. — И как можно скорее.

— С удовольствием, — охотно согласился Бонармо. — Но где ты был все это время? Я вижу, что с тобой что-то стряслось.

— Не спрашивай меня, уйдем отсюда, — повторил Вивальди.

Когда они спустились вниз и снова очутились под аркой, Бонармо, чтобы развеселить друга, полусхвату спросил его, не собирается ли он сторожить здесь всю ночь. Винченцо так громко сказал «Нет!», что тот испугался.

Не медля, друзья покинули свое убежище под аркой и вышли на дорогу. Бонармо не переставал засыпать вопросами друга, но Винченцо упорно отмалчивался.

— Это был монах? Ты его нагнал? — допытывался Бонармо, поражаясь молчанию друга.

— Не знаю, что и думать, — наконец медленно и нерешительно сказал Винченцо. — Я ничего не понимаю.

— Следовательно, ты упустил его?

— Потом поговорим, но меня не это тревожит. Завтра вечером я снова буду здесь, но уже с факелом. Ты согласен сопровождать меня, Бонармо? — обратился Винченцо к другу.

— Не знаю, стоит ли мне это делать, Винченцо. Я не знаю твоих намерений.

— Не хочу принуждать тебя, Бонармо. А о моих намерениях ты знаешь.

— Значит, ты не нашел незнакомца и по-прежнему не знаешь, кто он?

— Да, не знаю и завтра надеюсь узнать и положить конец всем сомнениям.

— Не понимаю тебя, Винченцо, — удивился Бонармо. — Я только что видел, в каком состоянии ты покинул развалины крепости Палуцци, и тем не менее ты снова собираешься сюда прийти. И почему-то ночью. Днем намного безопасней.

— Не знаю, Бонармо, — ответил Винченцо. — Разве ты не заметил, что в эти подземелья не проникает дневной свет? А мы должны их осмотреть. Поэтому что днем, что ночью здесь без факелов не обойтись.

— Если там так темно, то скажи мне, друг, как тебе удалось оттуда выбраться? — удивился Бонармо.

— Сам не знаю. Я был слишком потрясен, чтобы раздумывать над этим. Я шел, словно ведомый чьей-то рукой.

— В таком случае сюда надо приходить только днем, — убежденно заявил Бонармо. — Если я соглашусь пойти с тобой, то это будет только днем. Было бы безумием приходить сюда ночью. Это место, бесспорно, облюбовано разбойным людом разного рода. Они покидают свои убежища только ночью.

— Я буду ждать его на том же месте, — упрямо стоял на своем Винченцо, — и готов прибегнуть к крайним мерам, если понадобится, а днем это невозможно. К тому же я должен быть здесь именно тогда, когда сюда приходит монах.

— Ты упустил его, — повторил Бонармо. — Ты по-прежнему не знаешь, с кем имеешь дело.

На это Винченцо ничего не ответил, а лишь еще раз спросил Бонармо, согласен ли он сопровождать его.

— Если нет, то я должен найти кого-нибудь, — пояснил он.

Бонармо обещал подумать. Он сообщит о своем решении не позднее вечера следующего дня.

К этому времени друзья уже достигли дворца Вивальди и распрощались.

ГЛАВА II

Оливия

И что тогда?

Виола

У вашей двери сплел бы я шалаш,
К моей душе взывал бы, к той, что в доме;
Писал бы песни о любви несчастной
И громко пел бы их в безмолвии ночи...

В. Шекспир. Двенадцатая ночь

Поскольку Винченцо так и не удалось догнать незнакомца и получить от него объяснения, чтобы избавиться от терзавших его сомнений, он решил снова посетить виллу Алтиери и на этот раз открыто признаться Эллине в своих чувствах к ней.

Он так и поступил утром следующего дня и, прибыв на виллу, велел прислуге доложить о нем синьоре Бианки. Но в приеме ему было отказано. С превеликим трудом он уговорил старую служанку еще раз передать хозяйке виллы его просьбу уделить ему всего несколько минут. На этот раз он был впущен в дом и проследовал за служанкой в комнату с алтарем, где накануне через окно видел молящуюся Эллину. Однако теперь комната была пуста. Служанка попросила его подождать, когда выйдет синьора Бианки.

Пока он ждал, нетерпение все сильнее охватывало его. Перед глазами возникал образ коленопреклоненной Эллины, а сама комната, казалось, была полна ею. Он был уверен, что

она покинула ее совсем недавно. Он скользил глазами по всем предметам, которых могла касаться ее рука, и каждый из них становился для него святыней. Дрожащей рукой он коснулся лютни, издавшей нежный звук, и ему казалось, что это живой голос Эллены. На мольберте он увидел неоконченный рисунок и понял, чья рука провела эти тонкие изящные линии. Это была копия с фресок Геркуланума — танцующая нимфа. Он поразился, с какой легкостью, верностью и изяществом переданы все движения танца, и оценил незаурядность таланта того, кто сделал эту копию. Приглядевшись к другим рисункам на стенах, он с удивлением обнаружил, что во многом это двойники тех гравюр, что украшают кабинет его отца. До сих пор он считал их подлинниками.

Да, несомненно, здесь была Эллена. Только ее руками мог быть составлен этот букет цветов в вазе. Волнение Винченцо было столь сильным, что его вдруг охватил страх и захотелось убежать. Но уже слышались шаги, и сердце его замерло. Синьора Бианки была менее всего похожа на человека, пред которым так следовало бы трепетать, но именно это испытывал бедный юноша. Робким шагом, с тревогою ожидания в глазах пошел он ей навстречу и почтительно склонился над протянутой ему болезненно-бледной рукой. Он со страхом уловил недовольные нотки в ее голосе, когда она поздоровалась. Она была сдержанна, а Винченцо понадобилось время, чтобы овладеть собой и объяснить цель визита. Когда он понял, что его появление здесь не было неожиданностью, он еще более растерялся. Синьора Бианки спокойно и с достоинством выслушала его взволнованное признание в чувствах к ее племяннице и о его серьезных намерениях.

— Меня не может не беспокоить, — начала она, как только Винченцо умолк, — как отнесутся к этому ваши родители. — Говорила она медленно и спокойно. — Пожелают ли они породниться с людьми нашего круга? Я хорошо знаю, как дорожат маркиз и маркиза ди Вивальди знатностью своего рода. Ваше решение не придется им по душе. Возможно, вы даже пожелаете держать его в тайне, но я должна предупредить вас, синьор Винченцо, что, не будучи вам равной по происхождению, Эллена ди Розальба обладает не меньшим чувством гордости и собственного достоинства.

Отчитанный таким образом, юноша окончательно потерялся, и его отчаяние было столь очевидным, что синьора Бианки, которую уже начали одолевать совсем другие, более земные мысли, смягчилась. А думала она о том, что уже стара и обременена недугами, и может стать так, что Эллена останется совсем одна на этом свете. С ее красотой, неопытностью и доверчивостью она может оказаться жертвой зла и обмана. Все это живо предстало в воображении тетушки, и она подумала, что в таких случаях можно пренебречь некоторыми из условностей, если на карту поставлено счастье и благополучие Эллены, и безопасней отдать ее под опеку человека благородного и во всех отношениях достойного. Если отказаться от предубеждений и согласиться на тайную помолвку, а затем бракосочетание Винченцо и Эллены, то не исключено, что появление Эллены в семье жениха в конце концов увенчается ее скорым признанием и прощением, которых ее племянница не может не заслужить.

Но прежде синьора Бианки считала необходимым самой удостовериться в полной искренности юноши и в своей доверии к нему. Поэтому добрая старушка пока благоразумно решила не огорчать его решительным отказом. Однако в свидании с Элленой, о чем он так просил, она ему все же отказала, не желая торопить события. На его сбивчивый вопрос, нет ли у него соперников и не предпочитает ли ее племянница кого-либо другого, старая синьора ответила несколько туманно и неопределенно, чтобы, с одной стороны, умерить настойчивость юноши и, с другой — не вселять надежды, которые могут и не сбыться.

Винченцо, несколько успокоенный беседой с синьорой Бианки, откланялся. Однако он понимал, что пока еще не получил ответ на мучившие его вопросы: о сопернике, о том, как относится к нему Эллена, — тем не менее был счастлив тем, что получил разрешение посетить еще раз виллу и побеседовать с синьорой Бианки. Он решил это сделать на следующий же день и теперь гадал, как доживет до этого счастливого момента.

Так, погруженный в свои волнения и переживания, он достиг развалин. Оглядываясь

вкруг, он как бы ждал, что увидит снова своего мнимого или настоящего загадочного соперника, но дорога была пуста, развалины молчали, и юноша продолжил свой путь домой. «Сегодня вечером, — думал он, — я окончательно все выясню».

Дома его ждала записка отца, в которой тот просил никуда не уходить и дожидаться его возвращения. Винченцо не мыслил не исполнить просьбу отца. День был на исходе, а отца все не было. Маркиза лишь неодобрительно посмотрела на сына, выразив этим свое недовольство и порицание за поведение в последние дни, и полностью нарушила все его планы на вечер, попросив сопровождать ее в Портико. Это означало, что он не сможет встретиться вечером с Бонармо и узнать о его решении — готов ли он снова сопровождать его на виллу Алтиери.

Весь вечер Винченцо провел с матерью в Портико, а вернувшись, узнал, что отец так и не появлялся. Он терялся в догадках, зачем он понадобился отцу и о каком неотложном деле тот должен был с ним поговорить.

Наконец запиской дал знать о себе Бонармо. Он отказался сопровождать его в крепость ночью и еще раз предупреждал, что до добра это не доведет. Лишившись таким образом спутника, Винченцо решил пока отказаться от визита в крепость, но на виллу Алтиери был намерен пойти во что бы то ни стало. Взяв лютню, он незаметно через сад вышел из дома несколько ранее намеченного им часа.

Солнце только что ушло за горизонт, и край неба все еще рдел. На юго-западе были хорошо видны очертания Везувия. Вулкан в темной дымке сумерек был спокоен. Винченцо, подходя к задней калитке сада, слышал далекие голоса портового люда. Войдя в сад, он увидел светящиеся окна виллы, и сердце его затрепетало от надежды увидеть сегодня Эллену. Но он взял себя в руки и, замедлив шаг, дал себе успокоиться. Однако на душе было тревожно. Его мучил стыд, что он так тайком, через удобную заднюю калитку проник в сад и этим посягнул на покой Эллены. Однако соблазн увидеть ее был слишком велик. Он подошел к дому со стороны теплицы через тенистую апельсиновую рощу и вдруг в садовом павильоне у распахнутого окна увидел Эллену. Она сидела, держа лютню в руках, и, видимо, была погружена в свои, дорогие ей, раздумья. Он вспомнил, что однажды уже видел это мечтательное выражение на ее лице. Это было тогда, когда она еле слышно произнесла его имя. Сердце его радостно защемило, и он тотчас готов был выйти из темноты сада и пасть к ее ногам. Губы девушки разомкнулись, и она опять произнесла какие-то слова, словно беседуя сама с собой.

— О, эта нелепая гордыня знати, предрассудки, способные разрушить все... Нет, я никогда не войду в семью, где я нежеланна. Пусть они знают, что и у меня есть своя гордость. О, Винченцо, если бы не эти преграды...

Винченцо, услышав эти горькие слова, замер, не в силах шелохнуться. Он словно впал в транс, но звуки лютни и первые слова песни привели его в чувство. Девушка пела ту серенаду, которую он исполнял вчера вечером под ее окном. Она пела так нежно и проникновенно, столько чувств вкладывала в слова и звуки, будто прочла в них больше того, что вложил в нее сам ее создатель.

Едва она успела допеть первый куплет, как Винченцо повторил его на своей лютне, и его приглушенный голос не смог скрыть глубины его чувств.

Эллена, сразу узнав его голос, сначала побледнела, потом вспыхнула, и Винченцо испугался, что она сейчас потеряет сознание. Однако он не отважился войти в беседку. Девушка, придя в себя, жестом руки остановила его и поднялась со скамьи. Испугавшись, что она уйдет, юноша попросил ее остаться и выслушать его.

— Это невозможно! — испуганно воскликнула она.

— Выслушайте меня, прошу вас. Скажите лишь, что я не противен вам, — торопливо молил ее Вивальди, — что мое вторжение не лишит меня того доверия, которое вы мне только что выказали, произнеся мое имя...

— О нет, нет, никогда! — нетерпеливо прервала его девушка. — Забудьте об этом, я сама не помню, что говорила...

— Эллена, могу ли я забыть это? Эти слова будут согревать меня в часы горького одиночества, станут моей надеждой и поддержкой...

— Я должна уйти, синьор, я более не могу оставаться здесь. Не удерживайте меня, я не должна была вам позволить заговорить со мной. — Все это она произнесла торопливо, строгим голосом, но уголки губ уже тронула улыбка. Однако прежде чем он опомнился, она покинула павильон. Он бросился за ней, но она уже исчезла в густых зарослях сада.

С этой минуты он словно переродился. Мир казался ему прекрасным раем, ничто отныне не может помешать его счастью с Элленой, никакое зло или невзгоды не в силах помешать им любить друг друга. Не чувствуя ног под собой, возвращался он в Неаполь, забыв о зловещем монахе и не желая более встречаться с ним.

Родителей дома не было, и он был предоставлен самому себе и своим сладостным воспоминаниям, в которые немедленно погрузился. Он был счастлив, что никто ему не мешал ходить по комнатам, забыв о сне, и сочинять любовное письмо Эллене. Сочиняя, он одно за другим подвергал их критике и тут же уничтожал. Одни были слишком длинные, другие слишком коротки, но наконец, когда забрезжил рассвет и в доме проснулась прислуга, он закончил то, что удовлетворило его, и, вызвав слугу, незамедлительно отправил его с письмом на виллу Алтиери.

Однако же не успел слуга выйти за ворота, как Винченцо уже бежал за ним, вспомнив, что не сказал Эллене самого главного. Но слуга уже ушел.

В таком состоянии отчаяния и недовольства застал его посыльный от отца, передавший ему, что маркиз желает его видеть. Он понял, что у отца наконец нашлось время выполнить свое намерение поговорить с сыном. Винченцо почти уже не сомневался, о чем пойдет речь.

— Я намерен поговорить с тобой, сын мой, — надменно, с подчеркнутой строгостью, начал маркиз. — Разговор пойдет о делах, имеющих важное значение для твоей чести и твоего будущего. Я также хочу дать тебе возможность опровергнуть те слухи, которые крайне обеспокоили бы меня, если бы я решил им поверить. К счастью, я слишком доверяю своему сыну, чтобы сделать это, ибо знаю, как он понимает свой долг перед тем, что дорого семье и ему самому, и поэтому он не сделает ни одного опрометчивого шага. Цель моей беседы с тобой — получить опровержение тех слухов, что дошли до меня. Этим ты дашь мне возможность должным образом возразить тем, кто счел необходимым уведомить меня об этих слухах.

Винченцо с нетерпением выслушал это пространное введение в беседу отца с сыном и наконец поинтересовался, о чем идет речь.

— Ходят слухи, — наконец перешел к делу маркиз, — о некой молодой особе по имени Эллена Розальба. Кажется, так ее зовут? Знаешь ли ты ее?

— Знаю ли я ее? О, продолжайте, отец, прошу вас!

Маркиз посмотрел на сына суровым взглядом, в котором, однако, мелькнуло любопытство.

— Говорят, что эта молодая особа с помощью хитроумных уловок сумела привлечь твое внимание и...

— Это правда, отец, что синьора Розальба привлекла мое внимание, но без всяких уловок с ее стороны.

— Прошу не перебивать меня, сын, — сам перебивая юношу, сказал рассерженный маркиз. — Утверждают, что она приложила немалые усилия, чтобы понравиться тебе, и сделала это не без помощи родственницы, с которой проживает. Она навязала тебе унижительную роль своего пылкого поклонника.

— Синьорина Розальба оказала мне честь, разрешив стать ее поклонником, отец, — вспыхнул юноша, не в силах сдержать искреннее негодование. Но маркиз не дал сыну продолжить:

— Значит, ты признаешь свой проступок, сын?

— Я горжусь своим выбором, отец.

— Мой юный друг, — продолжал, еле сдерживая себя, маркиз, — если это

строптивость и романтическое увлечение мальчишки, я готов простить тебе, но только в первый и последний раз, и при условии, что ты признаешь свою ошибку и откажешься от этого увлечения.

— О Господи, отец!..

— Ты должен немедленно прекратить встречи с ней, — настаивал вконец раздраженный маркиз, — и чтобы доказать тебе, что я не только строг, но и милостив, я готов дать тебе небольшую сумму денег, чтобы ты возместил девице ущерб, который ты уже нанес ее репутации.

— О Боже милосердный! — вскричал юноша, едва веря тому, что слышит. — Ущерб? — От гнева и возмущения у него перехватило дыхание. — Возможно ль это? Кто посмел очернить честное имя невинной девушки подобной ложью и наветами? Ответьте мне, отец, кто осквернил ваш слух столь подлой ложью, чтобы я мог отомстить негодяю? Вознаграждение?.. О, Эллена! — Слезы нежности и любви звучали в его голосе, когда он произнес дорогое ему имя.

— Мой юный друг, — недовольно прервал его маркиз, обеспокоенный и разгневанный столь бурным проявлением эмоций. — Я не из тех, кто легко верит каждому дошедшему до меня слову, но в этом случае у меня есть серьезные основания поверить в это. Тебя ввели в заблуждение, но из гордости и самолюбия ты будешь утверждать обратное до тех пор, пока я, воспользовавшись своим правом отца, не смогу открыть тебе глаза. Откажись от нее, сын, а я обещаю тебе доказательства, которые подтвердят глубину твоих заблуждений.

— Отказаться от нее? — повторил, не веря своим ушам, Винченцо, и в голосе его звучала уже та воля и энергия, которые никогда прежде не подозревал в сыне маркиз. — Отец, вы всегда доверяли мне и не ставили под сомнение мои слова. Поверьте мне и сейчас. Эллена ни в чем не повинна. Ни в чем! О Господи, в этом я не сомневался и никогда не буду сомневаться. Разве я думал, что когда-то мне придется перед кем-то отстаивать ее доброе имя и честь!

— Сожалею об этом, — холодно заметил маркиз. — Я верю тебе, но верю и тому, что ты искренне заблуждаешься, говоря о добродетели девушки после своих ночных визитов к ней. Ты подумал о том, что ты уже сделал ее несчастной, мой мальчик? Как сможешь ты искупить свою вину перед ней, когда ты уже бросил тень на ее репутацию? Как?..

— Я заявлю перед всем светом, что считаю ее достойной быть моей женой, — решительно и твердо заявил Винченцо с просветленным лицом и смелостью человека, который уже принял важное для себя решение.

— Ты собираешься жениться на ней? — в полном замешательстве вскричал маркиз, но его минутная растерянность тут же сменилась гневом. — Если ты позволишь себе зайти так далеко, сын мой, и забудешь о чести семьи и своего рода, я отрекусь от тебя! — с искренним негодованием произнес маркиз.

— Но почему, отец? — в отчаянии воскликнул бедный юноша. — Разве то, что я встал на защиту невинности той, которую люблю и которую защитить более некому, вы расцениваете как забвение сыновнего долга? Почему нельзя соединить оба столь благородных долга вместе? Я всегда почитал долгом порядочного человека восставать против зла, защищать униженных и восхвалять добродетель, и вы учили меня этому, отец. Если потребуется, я готов поступиться другими менее значительными своими обязательствами ради того, чтобы защитить то, что близко и дорого каждому человеческому сердцу. Отстаивая главное, я этим защищаю честь рода, отец.

— Чего стоят твои принципы, коли они учат тебя неповиновению отцовской воле? — раздраженно возразил маркиз. — Если они несут бесчестье твоей семье?

— Где нет греха, там нет и бесчестья, отец, — возразил сын. — К тому же бывают ситуации, когда неповиновение само по себе может быть актом благородства.

— Странная мораль, — сказал маркиз с явным раздражением. — Весь этот романтический вздор характеризует не только тебя, но и твоих друзей, и ту, которую ты так рыцарски защищаешь. Известно ли вам, синьор, — переходя на официальный тон, с пафосом

произнес маркиз, — что вы принадлежите семье, а не семья принадлежит вам. Вы лишь хранитель ее чести и традиций, не более, и поэтому не вольны распоряжаться собой, как вам заблагорассудится. Моему терпению пришел конец.

В такой же степени иссякло терпение юного Винченцо, вынужденного отражать непрекращающиеся, яростные нападки на репутацию Эллены. Это было тем труднее, что он, несмотря на свой праведный гнев, вынужден был все время сдерживаться и помнить, что перед ним его отец.

К сожалению, оба Вивальди имели самые противоположные представления о границах сыновнего долга. Для отца это было беспрекословное подчинение, для сына понятие сыновнего долга включало стремление к взаимному уважению и пониманию, особенно когда речь шла о таких важных делах, как счастье и брак по любви.

Они расстались, затаив обиду и раздражение друг на друга. Винченцо так и не удалось узнать от отца, кто этот низкий клеветник и доносчик, который посмел бросить тень на репутацию любимой девушки. И смутная и непонятная тревога вдруг овладела юношей.

Маркиз ди Вивальди тоже не добился от сына обещания никогда более не видеться с Элленой ди Розальба.

И вот, еще несколько часов тому назад счастливый, готовый забыть прошлые страхи и думать лишь о радужном будущем, смелый и независимый в своих решениях, Винченцо вновь был ввергнут в пучину неизвестности и душевных страданий.

Разлад с отцом грозил быть затяжным и мучительным, и это угнетало его. Он любил отца, и в другое время сознание, что он мог так прогневить его, доставило бы немало мучений его совести, но не теперь. Отец слишком грубо и непочтительно отозвался о той, кого Винченцо так высоко чтит и любил. Не собираясь расставаться с надеждой, что все уладится, юноша, однако, думал сейчас лишь о том, как отомстить клеветнику.

Сам зная, с чем он столкнется, объявив о своем намерении жениться на Элене, он тем не менее жестоко страдал от того, что произошло между ним и отцом. Отец был слишком несправедлив к Элене. Это еще более укрепило в Винченцо решимость видеться с ней. Чувство нежной любви к ней, однако, на время было отеснено страстным желанием немедленно расквитаться с обидчиком. Прежде всего надо найти негодяя. Внезапно вспомнились слова отца, свидетельствующие о том, что он прекрасно осведомлен о вечерних визитах сына на виллу Алтиери. В новом свете предстали и странные предупреждения монаха. Бесспорно, это он следил за каждым его шагом, он и есть тот, кто бросил тень на их чистые отношения с Элленой.

Еще совсем недавно он готов был считать эти предупреждения полудружескими советами, теперь же все выглядело иначе.

А тем временем в душе Эллены тоже не было покоя — в ней боролись любовь и уязвленная гордость. Знай Эллена, что произошло между отцом и сыном во дворце Вивальди, с ее сомнениями было бы покончено — она, не раздумывая, позволила бы гордости победить в ее сердце это робкое и еще не окрепшее полудетское чувство привязанности к прекрасному юноше.

Синьора Бианки, разумеется, рассказала племяннице о цели визита Винченцо, но скрыла от нее все возможные осложнения, с которыми могут встретиться молодые люди, если объявят о своей помолвке. Но она все же обмолвилась о том, что семья Винченцо, возможно, не очень будет рада этому браку. Испуганная Эллена тут же призналась тетушке, что предвидела это и даже рада, что тетушка отказала Винченцо. Но печальный вздох, слетевший с ее уст, говорил об обратном и побудил синьору Бианки тут же сказать, что, собственно говоря, она не отказала Винченцо окончательно, а оставила ему надежду.

Это привело к тому, что в дальнейшей беседе Эллена поведала тетушке о своем робком чувстве к юноше и вынесла на ее бесспорный суд все свои сомнения. Она уже не столь решительно утверждала, что обстоятельства, задевшие ее гордость, так уж существенны и неустранимы. Синьора Бианки, разумеется, скрыла от племянницы собственные причины, побудившие ее благосклонно выслушать Винченцо ди Вивальди. Эллена, с ее благородным

сердцем и неискушенным умом, едва ли сочла бы возможным, чтобы в таком святом деле, как брачный союз, кроме чувств учитывались бы и иные соображения.

Раздумывая над тем, как важен этот брак для Эллены, старая синьора решила и дальше не противиться визитам Винченцо на виллу Алтиери. Она намеревалась помочь Элене разобраться в своих чувствах. Конечно, Эллену пугало то, что ей придется тайным образом войти в семью Вивальди, однако синьора Бианки, обеспокоенная своим ухудшающимся здоровьем, была намерена поторопить события и по возможности уговорить Эллену не откладывать помолвку на срок более долгий, чем это было бы разумным. В тот вечер, когда Винченцо неожиданно появился в саду и Эллена так неосторожно выдала свои чувства к нему, она, взволнованная и испуганная, во всем открылась тетушке. Поэтому на следующее утро, когда письмо Винченцо, простое и искреннее, произвело свое впечатление на Эллену, синьора Бианки не замедлила воспользоваться этим и снова побеседовала с племянницей.

Винченцо после разговора с отцом провел весь остаток дня в своих комнатах, строя планы, как отыскать того негодяя, который посмел так неблагородно воспользоваться доверием его отца. Вечером он снова отправился на виллу Алтиери, но уже не для того, чтобы тайком спеть любимой серенаду, а открыто быть принятым синьорой Бианки. На этот раз она встретила его не столь сдержанно и холодно, как накануне. Заметив, что юноша чем-то встревожен и озабочен, она объяснила это неуверенностью его в ответных чувствах Эллены. Поскольку ничто уже не удивляло и не настораживало в его поведении добрую старушку, она решила дать бедному влюбленному еще больше надежд. Винченцо с тревогой ждал, что тетушка снова заведет разговор о его родных и их отношении к Элене, однако синьора Бианки решила, видимо, пощадить его. Этот его визит продолжался значительно дольше, и Винченцо ушел почти успокоенный, хотя опять не увиделся с Элленой. Девушка была слишком расстроена намеками и недомолвками тетушки, когда речь заходила о семействе Вивальди, так что предпочла не присутствовать на беседе Винченцо с тетушкой.

Вернувшись домой, Винченцо был крайне удивлен, узнав, что мать в этот вечер дома и хочет его видеть. В будуаре матери его ждала та же сцена, что произошла и в кабинете отца, с тем только отличием, что маркиза была более изощренной и коварной в своих вопросах и лучше владела собой.

Винченцо еще раз убедился, как умеет его мать соблюдать этикет даже в самых сложных семейных обстоятельствах. Скрывая раздражение и даже гнев, она сумела ввести сына в заблуждение относительно того, как она отнеслась к его проступкам. Она не была резка, не журила и не прибегала к откровенным угрозам. Она подчеркивала, что верит в его благоразумие и в то, что он не сделает шагов, способных вызвать губительные последствия.

Винченцо ушел от матери, не убежденный ни ее доводами, ни ее предостережениями. Он не намеревался менять свое решение. Знай он лучше свою мать, он бы не был столь спокоен и уверен, что все обойдется.

А тем временем маркиза, не добившись открытым путем своей цели, решила действовать тайно. Для этого ей нужны были совет и помощь того, в кого она верила и кто согласится быть исполнителем всего, что она задумала. При этом ею руководили не разум и проницательность или же подлинное знание истинной натуры того, на кого она решила во всем полагаться, а всего лишь безошибочное чутье, что он столь же коварен и порочен, как и она, и ей легко будет найти в нем понимание.

В доминиканском монастыре Святого Духа в Неаполе каноник отец Скедони был достаточно известен. Он был итальянцем, о чем свидетельствовала его фамилия, но более этого о нем никто ничего не знал. Сам он предпочитал хранить тайну своего происхождения, что подтверждали многие обстоятельства. Например, он никогда не говорил о своей семье, не произносил имен родственников, если они у него были, не называл место, откуда он родом. Он умело избегал любых разговоров на эту тему и, если кто-то проявлял излишнее любопытство, тут же уходил. И все же бывало так, когда его поступки или вырвавшееся пусть одно лишь слово выдавали в нем человека знатного происхождения, но претерпевшего многие удары судьбы. За замкнутой внешностью угадывался незаурядной силы дух, однако

никто из монахов монастыря не мог бы припомнить его великодушия, а скорее всего, все видели в нем мрачную гордыню неудачника. Появление его в монастыре вызвало интерес и толки. Некоторые считали, что его странное появление, замкнутость и любовь к одиночеству, а также постоянные покаяния — это следствие пережитой драмы, угнетающей его неукротимый дух, другие же были склонны считать все его поведение муками раскаяния за совершенное страшное преступление.

Иногда он уединялся на несколько дней и тогда избегал любого общения, а если в такие дни и вынужден был общаться, то вел себя как человек, полностью отрешенный от внешнего мира. Никто не знал, удалился ли он в свою келью после вечерней молитвы или совсем исчез из монастыря, хотя за ним был установлен негласный надзор и все места, куда он в таких случаях удалялся, были известны. Никто никогда не слышал из его уст жалобы или недовольства. Старшие братья в монастыре хвалили его за способности к учению, но никто никогда не отмечал его прилежание. Ему порой аплодировали за тонкость и глубину аргументов в диспутах, но часто подмечали, что он не способен узреть истину даже там, где она лежит на поверхности. Он мог идти к ней через лабиринт самых изощренных аргументаций, но терял ее из виду, когда она была перед ним. В сущности, истина его не интересовала, он не хотел постичь ее в открытой и честной борьбе, но любил испытывать свои способности и изощренную хитрость поисков ее, когда приходилось преодолевать искусственно созданные преграды. В конце концов, привыкший к ухищрениям и подозрению, его испорченный ум не мог уже принимать за истину все простое и понятное.

Среди знавших его никто не испытывал к нему симпатии, многие просто не любили его, а еще больше было тех, кто явно опасался его. Внешность его была необычной, однако если он и производил впечатление, то отнюдь не своей привлекательностью. Хотя он был высок и излишне худ, руки и ноги у него были непропорционально велики. В черной сутане своего монастырского ордена он невольно внушал страх, ибо было в нем что-то не от человека. Тень от низко опущенного на лоб капюшона падала на его и без того темное с грубыми чертами лицо, подчеркивая его недоброе выражение, мрачный взгляд больших, подернутых печалью глаз отпугивал.

Это не была печаль чувствительного, уязвленного сердца, а скорее печаль мрачной и озлобленной натуры. В лице его было что-то такое, что сразу трудно было определить. Зримые следы пережитых страстей как бы навсегда застыли на его лице и исказили его черты, не покидавшее его мрачное выражение проложило глубокие борозды морщин. Пронзительный взгляд, казалось, проникал в душу каждого, словно хотел выведать все самое сокровенное. Редко кто выдерживал этот взгляд, многие просто стремились лишний раз не заглядывать в эти глаза.

И все же, несмотря на мрачность и неприветливость, на его лице хотя и чрезвычайно редко, но вдруг появлялось то, что могло бы рассказать об истинной натуре этого замкнутого и мрачного человека. Это случалось тогда, когда кто-то пробуждал в нем интерес. Тогда он разительно менялся, чутко улавливал все особенности характера и темперамента собеседника и старался понравиться ему. И это обычно ему удавалось без особых усилий.

Этот доминиканский монах по имени Скедони был духовником и неизменным советником маркизы ди Вивальди. Узнав о недостойном поведении сына и его намерении жениться на простолюдинке, вознегодовавшая и уязвленная маркиза поспешила тут же попросить совета у своего духовника. Она знала, что он, как никто, способен понять ее и помочь ей. От маркизы не ускользнуло сходство их характеров, и она сразу поняла, как они могут быть полезны друг другу. Скедони тоже это знал и тонко и искусно использовал эту дружбу. Семейство ди Вивальди имело имя и влияние при дворе, и Скедони имел право рассчитывать на достойное вознаграждение за свои услуги. Маркизе также льстило частое присутствие монаха в ее доме, придававшее ему еще большее благочестие и известность.

Маркиза и ее духовник, каждый движимый своими интересами и страстями, не посвятив в это главу дома, приступили к исполнению своего плана.

Винченцо, покидая будуар матери, встретил Скедони в коридоре. Тот, видимо, шел к

маркизе. Винченцо знал, что монах является духовником матери, и поэтому ничуть не удивился, увидев его здесь, хотя время было слишком позднее для таких посещений. Скедони, проходя мимо, поклонился, придав своему лицу смиренное и благочестивое выражение. Однако Винченцо, окинув его внимательным взглядом, невольно содрогнулся от недоброго предчувствия.

ГЛАВА III

Ты существуешь?
Не небожитель? Добрый дух? Иль злой?
Коль скоро стынет кровь моя от страха,
Скажи, кто ты такой?

В. Шекспир. Юлий Цезарь

Винченцо стал постоянным гостем синьоры Бианки на вилле Алтиери. Наконец к их беседам начала присоединяться и Эллена. Тетушка, хорошо зная свою племянницу и наблюдая за молодыми людьми, пришла к заключению, что деликатность и такт образованного юноши оказывают на стеснительную и целомудренную Эллenu куда большее впечатление, чем красноречивые признания. Веди Винченцо себя иначе, возможно, он отпугнул бы Эллenu и она бы могла отказать ему. Пока же опасность этого с каждым днем уменьшалась. Винченцо часто навешал их, и они проводили время в тихих душевных беседах.

Теперь синьора Бианки полагала, что следует окончательно убедить Винченцо в том, что у него нет соперников.

До сих пор Эллена решительно отвергала любые попытки нарушить ее покой и уединение. Что касается ее сдержанности, смущающей Винченцо, то тетушка объяснила ему это скорее тем, что гордая Эллена всегда помнила об отношении к ней семьи Винченцо. Обнадеженный этим объяснением, юноша лишь терпеливо ждал, когда она наконец поверит в святую искренность его чувств. В этом ему, как могла, помогала синьора Бианки, чьи разговоры о достоинствах Винченцо Эллена выслушивала со все большим вниманием.

Так прошло несколько недель, и наконец Эллена, уступив настоятельным советам тетушки, к собственной радости, согласилась признать официально ухаживания Винченцо ди Вивальди. Она почти уже не думала о его семье, а если и вспоминала об этом, то с уверенностью и надеждой, что все непременно образуется.

Теперь молодые влюбленные в сопровождении тетушки и ее дальнего родственника, синьора Джотто, нередко совершали прогулки по живописным окрестностям Неаполя. Винченцо был счастлив, что более не требуется скрывать его помолвку с Элленой и он может появляться с ней совсем открыто. Он всячески старался восполнить тот урон, который был нанесен ее репутации его тайными визитами на виллу. Ее чистота и доверчивость усиливали это чувство вины перед ней и его преданную любовь. Все это вытеснило из его головы все мысли о родителях и их гневе.

Молодые люди побывали в Пиццуоте, Байе, на зеленых холмах Паузолино, совершили несколько вечерних прогулок по лагуне, где слушали мелодичные звуки гитар, пение виноградарей или рыбаков, отдохавших после трудового дня. В тихих волнах лагуны отражались темные густые купы деревьев и одинокие полуразрушенные виллы у самой кромки воды. На горизонте виднелись парусники, уходящие в море.

Однажды вечером, когда они сидели втроем в саду, в павильоне, где когда-то Винченцо невольно услышал тайное признание, слетевшее с уст Эллены и сделавшее его таким счастливым, Винченцо отважился наконец попросить синьору Бианки ускорить их бракосочетание с Элленой. Старая синьора на этот раз уже не противилась. Здоровье ее

сильно пошатнулось в последнее время, и с каждым днем она чувствовала себя все хуже. Уставшим и печальным взором глядела она на знакомые холмы, закатное солнце над лагуной, разноцветные паруса судов у причалов и рыбацьи лодки, возвращающиеся из Санта-Люции домой с вечерним уловом, величественную древнеримскую башню в конце мола, на которую косо падал луч заходящего солнца. Все было до боли знакомо, но уже не радовало сердца и не приносило, как прежде, вдохновения.

— Увы! — печально произнесла она. — Как прекрасно уходящее на покой солнце, как тихо и покойно вокруг. Боюсь, мне уже недолго любоваться этим.

В ответ на мягкий упрек Эллены тетушка высказала свое пожелание видеть Эллену счастливой и устроенной и внезапно добавила, что надо поспешить с бракосочетанием, пока она еще жива. Эллена, напуганная мрачными предчувствиями тетушки и той прямоотой, с которой она все сказала в присутствии Винченцо, в смятении и испуге разрыдалась. Юноша между тем, казалось, во всем понимал тетушку.

— Не надо плакать, дорогое дитя, — говорила та. — Времени у меня действительно мало. Я, чувствуя это, не буду скрывать. Исполни мою просьбу, прошу тебя, и свои последние дни я проведу в покое.

Затем, помолчав немного, она взяла Эллену за руку.

— Наша разлука, дорогая, будет тяжким ударом для нас обеих. Да, это так, синьор, — сказала она, повернувшись к Винченцо. — Эллена мне как дочь, а я, надеюсь, была ей доброй любящей матерью. Представьте, что будет с ней, когда меня не станет. Только ваша близость и забота могут помочь ей легче перенести утрату.

Винченцо, бросив на нее встревоженный взгляд, хотел было что-то сказать, но старая синьора продолжила:

— Я не говорила бы об этом так спокойно, если бы не знала, что отдаю мое дитя в добрые и надежные руки. Вам, синьор Винченцо, вручаю я судьбу моей девочки. Заботьтесь о ней, оберегайте ее от всех бед и превратностей судьбы, как старалась делать я. Я бы многое еще сказала, но я слишком устала...

Винченцо взволнованно слушал тихий, слабый голос синьоры Бианки и со щемящим чувством стыда вспоминал, что уже успел стать невольным виновником первых невзгод Эллены, допустив, чтобы недавние слова его отца задели ее честь.

Гнев к отцу и нежность к Эллене переполняли сердце, и он мысленно дал клятву отныне всячески оберегать ее и заботиться о ней, беречь ее покой и доброе имя.

Синьора Бианки молча взяла руки Винченцо и Эллены и соединила их.

На лице юноши она без слов прочла чувства, овладевшие им в эту минуту; подняв на нее глаза, он торжественно поклялся беречь и любить Эллену с той же нежностью и заботой, как это делала она. Он чувствовал, какие крепкие узы связывают его теперь с любимой, более крепкие и прочные, чем даже узы церковного брака. Страстность и сила, с которой юноша произнес слова клятвы, не оставили и тени сомнений в душе синьоры Бианки.

Эллена, не в силах унять рыдания, не промолвила ни слова, но, отняв платок от глаз, посмотрела на Винченцо сквозь слезы, и на губах ее мелькнула слабая улыбка, столь трогательная и доверчивая, что она сказала ему больше любых слов.

Перед тем как покинуть виллу, Винченцо имел еще одну беседу с синьорой Бианки. Было решено, что венчание состоится на следующей неделе, если Эллена даст на это согласие. Об этом он узнает завтра.

Переполненный радостью, юноша пустился в обратный путь. Радость была несколько омрачена тем, что, едва войдя в дом, он был тут же приглашен в кабинет отца. Винченцо догадывался, о чем пойдет речь.

Когда он вошел, маркиз, погруженный в глубокие раздумья, не сразу заметил его. Подняв глаза на сына, в которых отразились и растерянность и гнев, маркиз сурово изрек, глядя на него:

— Ты продолжаешь упорствовать в своем безрассудстве, сын, несмотря на все мои предупреждения. Я дал тебе достаточно долгий срок, чтобы ты обдумал все и достойным

образом отрекся от того, что ты назвал своими принципами и намерениями. Но я не упустил тебя из виду. Мне известно, что все это время ты продолжал бывать на вилле столь же часто, как и прежде, чтобы видиться с этой несчастной девушкой. Мне известно, что ты по-прежнему увлечен ею.

— Вы имеете в виду девушку, которую зовут синьорина ди Розальба, ваша светлость, — ответил Винченцо. — Она не несчастна, а мои чувства к ней остались неизменными. Почему, дорогой отец, вы так противитесь счастью своего сына? — воскликнул Винченцо, подавив в себе гнев, вызванный тоном отца. — Почему продолжаете так несправедливо судить о той, которая, бесспорно, заслуживает не только моей любви, но и вашего восхищения и уважения?

— Я не в том возрасте, сын мой, чтобы бездумно поддаваться чувствам, — сурово заметил маркиз. — Я не юнец, как видишь, и не могу закрывать глаза на очевидные факты. Я верю тем доказательствам, которые у меня есть, а они убеждают меня в том, что я прав.

— Какие же доказательства так легко убедили вас, отец? — вскричал Винченцо. — Что могло столь разительно повлиять на ваше доверие ко мне?

Маркиз опять сурово отчитал сына за неповиновение и строптивость, и хотя он был многословен и красноречив, это не привело к взаимопониманию между отцом и сыном. Маркиз продолжал бездоказательно обвинять во всем Эллину и пугал сына отцовским гневом. Винченцо самоотверженно защищал ни в чем не повинную девушку и убеждал отца в искренности и глубине своих чувств к ней.

Маркиз был непреклонен и опять не пожелал назвать имя своего тайного осведомителя. Винченцо ничуть не пугали угрозы отца, честь Эллины была для него превыше всего, и он мужественно противостоял всем наветам.

Маркиз снова ничего не добился. Гнев и угрозы не помогли ему там, где преуспели бы отцовские понимание и любовь, которые скорее могли бы пробудить в юноше сыновние чувства и, возможно, поколебали бы в душе Винченцо его отчаянную решимость. Но, увы, такового не произошло. Винченцо более не испытывал ни колебаний, ни сомнений.

Отец предстал пред ним высокомерным деспотом, посягнувшим на его священное право на личное счастье, оскорбившим и оговорившим беззащитную и ни в чем не повинную Эллину на основании злостных наветов какой-то ничтожной личности. Поэтому Винченцо не мог испытывать ни угрызений совести, ни сожаления за свое непослушание. Теперь он был полон решимости ускорить свой брак с Эллиной. Только это может сделать его счастливым и спасти Эллину от дальнейших оскорблений.

На следующий день он отправился на виллу Алтиери. Синьора Бианки должна была поговорить с Эллиной и назначить день свадьбы. Задумавшись, он не заметил, как дошел до того места, где арка словно перерезала своей тенью дорогу, и в ту же минуту услышал голос:

— Не ходите на виллу. Там смерть.

Знакомая фигура в сутане исчезла так же быстро, как и появилась. Прежде чем Винченцо опомнился, он был снова один среди развалин. В полном отчаянии он крикнул:

— Чья смерть?

Но кругом была тишина. Он хотел было броситься на поиски исчезнувшего монаха, но тут же понял, что разумнее всего следует немедленно поспешить на виллу.

Каждый, знавший о недомогании синьоры Бианки, подумал бы, что несчастье случилось с ней, но Винченцо испугался за Эллину. В его смятенном мозгу мелькнула страшная мысль, что кто-то покусился на жизнь Эллины. Он уже видел ее распростертой на полу в луже крови, ее мертвенно-бледное лицо и угасающий взор, полный мольбы и упрека, тщетно взывающий о помощи.

Когда он наконец достиг садовой калитки, охватившее его отчаяние было столь велико, что силы изменили ему, и он почувствовал, что не может вставить ключ в замок калитки. Наконец, овладев собой, он вошел в сад и приблизился к дому. Вилла с закрытыми ставнями казалась необитаемой. Обогнув ее, он поднялся по ступеням портика и лишь тогда услышал слабые звуки причитаний, доносившиеся из дома. Не раздумывая более, он бросился к двери

и заколотил в нее. Ему пришлось повторить стук в дверь несколько раз, прежде чем она наконец открылась.

На пороге он увидел старую служанку Беатрису.

Та, увидев его, не дожидаясь расспросов, горестно запричитала:

— О, синьор, горе нам! Кто мог подумать, что ей станет так худо? Еще вчера вечером вы видели ее живой и здоровой. Кто мог подумать, что сегодня смерть отнимет ее у нас!

— Она умерла! — в ужасе воскликнул Винченцо и, войдя в вестибюль, невольно прислонился к колонне, почувствовав, как слабеют его ноги. Беатриса, напуганная его состоянием, поспешила поддержать его, но он, овладев собой, отстранил ее.

— Когда она умерла? — спросил он, задыхаясь. — Почему? Где она?

— Здесь, синьор, здесь, дома, — постаралась успокоить его служанка и разрыдалась. — Думала ли я, что мне придется оплакивать смерть моей госпожи, что она уйдет первой, а я останусь, — печально сокрушалась преданная служанка.

— Отчего она умерла? — прервал ее Винченцо. — Когда это случилось?

— Сегодня в два часа ночи, синьор. О, злосчастный день, зачем ты принес горе в этот дом...

— Все, мне уже лучше, — сказал Винченцо, — проводите меня к ней, я должен видеть ее. Не мешкайте, ведите меня к ней! — нетерпеливо приказал он.

— О, синьор, это так ужасно! Зачем вам видеть ее, она на себя не похожа, — снова запричитала Беатриса.

— Ведите меня к ней, — повысил голос Винченцо. — Иначе я сам найду дорогу.

Старушка, испугавшись его вида и голоса, более не останавливала его, но только попросила позволить ей сначала доложить о его приходе. Но Винченцо не стал ждать этого. Он следовал по анфиладе комнат с затемненными ставнями окнами за семенившей впереди служанкой. Наконец та остановилась у двери последней комнаты и с тревогой посмотрела на него, обеспокоенная его состоянием. Но Винченцо уже овладел собой и смело переступил порог. Приблизившись к постели, он вдруг увидел коленопреклоненную фигуру у изголовья и вздрогнул. Это была Эллена. Она жива!

Девушка испугалась, увидев его, но у него не было ни сил, ни времени объяснять ей, почему он здесь. К тому же он боялся, что в эту скорбную минуту не скроет своей радости, что Эллена жива.

Он пробыл у ложа усопшей синьоры Бианки совсем немного, но сделал все, чтобы утешить и успокоить Эллenu. Затем, оставив ее одну, поспешил отыскать Беатрису, чтобы расспросить ее об обстоятельствах скоропостижной смерти синьоры Бианки. Из ее слов он узнал, что синьора, когда, как всегда, удалилась вечером в свои покои, чувствовала себя как обычно.

— Это случилось ночью, синьор, наверное, около часа ночи. Я проснулась от странного шума в комнате госпожи, — продолжала Беатриса. — Мне стыдно, синьор, но я поначалу даже рассердилась, что меня будят в такой час, да простит меня Святая Дева Мария за это, синьор! Сначала я не хотела вставать с постели, даже попыталась снова уснуть, как вдруг опять услышала шум. Нет, решила я, не иначе как кто-то забрался в дом. Конечно, я испугалась, синьор, но тут вдруг услышала голос молодой синьоры, звавшей меня. О, моя бедная девочка, на ней лица не было. Она стояла в моих дверях, дрожащая и бледная как мел. «Беатриса, — вскричала она, — моя тетушка умирает!» — и, не дожидаясь моего ответа, снова бросилась в комнату синьоры. Святая Мария, я думала, что потеряю сознание.

— Но что случилось с тетушкой? — нетерпеливо воскликнул Винченцо, прерывая пространное повествование старушки о собственном самочувствии.

— О, моя бедная госпожа! Я думала, что у меня не хватит сил дойти до ее комнаты, но, когда я все же, полумертвая, вошла туда, — продолжала верная себе Беатриса, — и увидела ее, лежащую на постели, я не могу передать вам, что я почувствовала. О, бедная, бедная моя госпожа! Я сразу поняла, что она умирает. Она пыталась что-то сказать Эллине, но не могла, хотя была в полном сознании. Видели бы вы, синьор, какими глазами она смотрела на

молодую синьору и как она пыталась сказать ей что-то важное. У меня сердце разрывалось от жалости к ней. Ее что-то мучило, и до последнего вздоха она пыталась высказать это. Она схватила Эллену за руку, и видели бы вы ее молящие глаза. Бедная девочка была в таком отчаянии, она так рыдала, бедняжка! Еще бы, она теряла такого друга. Второго такого ей не найти.

— Она обретет друга не менее верного и любящего, поверьте мне! — не выдержав, страстно воскликнул Винченцо.

— Может, небо сжалится над ней и так оно и будет, синьор, — печально закивала головой старая служанка. — Мы сделали все, что могли, для старой госпожи, но все было напрасно, — продолжила она свой печальный рассказ. — Бедняжка даже не могла проглотить лекарства, которые пытался дать ей доктор. Она так быстро слабела, время от времени из ее груди вырывался долгий печальный вздох, и тогда она крепко сжимала мою руку. Наконец она оторвала свои глаза от Эллены, взор ее помутнел, и казалось, что она более уже никого не видит. О, синьор, я видела, что жизнь покидает ее, она более не сжимала мою руку, и я уже почувствовала, как холодеют ее пальцы. В считанные минуты лицо ее так изменилось. Это было около двух часов ночи, синьор. Когда приехал духовник, все уже было кончено.

Умолкнув, Беатриса заплакала. Винченцо, сам готовый разрыдаться, какое-то время не мог вымолвить ни слова. А ему необходимо было расспросить, каковы были симптомы столь внезапного и резкого ухудшения здоровья синьоры Бианки и случалось ли это с ней прежде.

— Никогда, синьор, — заверила его Беатриса, когда он наконец обрел дыхание и спросил ее, — хотя недомогала она уже давно и здоровье ее все больше ухудшалось. Однако, синьор...

— Что — однако? — быстро спросил Винченцо.

— Даже не знаю, что и думать, синьор, о такой скорой смерти! Конечно, я не могу утверждать, и, может, вы посчитаете это вздором, но тут было так много странного...

— Говорите яснее, Беатриса, вам нечего бояться, что я высмею вас, — взволнованно обратился к ней юноша.

— Я вам верю, синьор, но что будет, если станет известно, что это я вам сказала...

— Никто ничего не узнает, Беатриса, — заверил ее Винченцо, еле сдерживая нетерпение. — Не бойтесь и расскажите мне все, что вас беспокоит.

— Тогда я прямо скажу вам, синьор, что мне не нравится, как умерла госпожа. Не нравится и то, как изменилось ее лицо после смерти.

— Говорите яснее, Беатриса, — повторил Винченцо, — и по делу.

— Увы, синьор, есть люди, которые не понимают, когда им говорят прямо, как я сейчас делаю. Так вот, я не верю, что синьора умерла своей смертью.

— Что? — воскликнул пораженный Винченцо. — Какие у вас основания так говорить?

— Я уже назвала их, синьор. Мне не нравится, что она так внезапно и быстро скончалась, не нравится ее вид и...

— Боже праведный! — воскликнул в отчаянии Винченцо. — Ее отравили?

— Тише, синьор, тише. Я не стану утверждать этого, но умерла она не своей смертью.

— Кто приходил к синьоре Бианки в последнее время? — спросил Винченцо дрогнувшим голосом.

— Увы, синьор, никто не приходил, она жила очень уединенно.

— Никто? — переспросил Вивальди. — Вспомните хорошенько, Беатриса.

— Никто, кроме вас и кузена Джотто. Еще была у нас монахиня из монастыря, которая забирает вышивки у молодой синьоры.

— Вышивки? Из какого монастыря?

— Санта-Мария-дель-Пианто, синьор, он здесь неподалеку от нас, за садами, что спускаются к заливу, за оливковой рощей. Может, синьор даже видел его.

— Как давно она заходила к вам?

— Недели три назад.

— Вы уверены, что больше никто за это время здесь не бывал?
— Уверена, синьор, разве что рыбак, который принес рыбу, да садовник. Был еще лавочник, который доставляет нам макароны. В город ходить далеко, да и времени у меня нет.

— Значит, три недели назад? Вы так сказали, Беатриса? Вы уверены в этом?

— Да, синьор. Вы думаете, мы постились тут все эти три недели? На виллу то и дело кто-то заглядывает чуть не каждый день, я говорю о торговцах.

— Я спросил вас о монахине.

— Ах да, синьор, простите. Это было недели три назад.

— Странно, — задумчиво произнес Винченцо. — Мы еще поговорим с вами об этом, Беатриса, а теперь сделайте так, чтобы я смог взглянуть на синьору Бианки. Только синьорина Эллена ничего об этом не должна знать. И никому не говорите о ваших догадках, Беатриса, даже молодой госпоже. Как вы думаете, у нее нет таких же опасений, как у вас?

Беатриса поспешила успокоить его: нет, у Эллены не возникло никаких подозрений. Служанка пообещала выполнить его просьбу, и как можно скорее.

После этого Винченцо покинул виллу, мрачно раздумывая над случившимся. На ум то и дело приходила мысль, что между внезапной смертью синьоры Бианки и странными предупреждениями монаха существует какая-то связь. Наконец совсем неожиданно он пришел к выводу, что этот таинственный незнакомец есть не кто иной, как Скедони, который в последнее время так зачастил во дворец Вивальди и буквально не покидает покоев матери. Эта догадка вызвала у него неподдельный ужас, и он понял, что отныне не будет знать покоя. Хотя он гнал от себя эту мысль как наваждение, она упорно возвращалась. Он постарался припомнить голос, походку и весь облик таинственного монаха и сравнивал его с духовником матери. Иногда мелькала мысль, что это мог быть кто-то посторонний, взявшийся следить за ним по поручению Скедони или маркизы ди Вивальди. Возмущенный до глубины души недостойным поведением своих скрытных и коварных недругов, он принял решение обличить этого низкого преследователя и заставить его во всем сознаться или же рассказать ему, кто побудил его следить за ним и с какой целью. Теперь он был почти уверен, что его преследователь скрывается где-то в руинах крепости Палуцци.

Он не переставал думать и о том, что рассказала ему Беатриса о монашенке из соседнего монастыря, но не мог найти причину, почему кто-то из монашек хотел бы причинить зло Эллине, которая, как он понял, в течение нескольких лет находилась с ними в наилучших отношениях. Вышивки по шелку, о которых упомянула старая служанка, во многом объясняли характер этих отношений и многое говорили о нелегких обстоятельствах жизни скромных обитателей виллы Алтиери. Это еще больше укрепило в нем уважение и чувство глубокой нежности к девушке. Но мысль о подозрениях Беатрисы не давала покоя. Она казалась порой нелепой, а порой вполне вероятной и возможной. Кому нужна была смерть этой во всех отношениях безупречной женщины? Какие причины толкнули кого-то к столь чудовищному и жестокому поступку? Синьора Бианки действительно недомогала, но столь внезапная смерть и странные ее обстоятельства и многое, что ей предшествовало, заставляли Винченцо мучиться сомнениями. Он надеялся, что, увидев тело усопшей, он, возможно, избавится от терзавших его подозрений. Беатриса пообещала, что, если он вернется на виллу вечером, когда Эллена уйдет к себе в спальню, он сможет побывать в комнате синьоры Бианки. Его мучило сознание, что он должен тихо, как вор, проникнуть в дом своей возлюбленной и делать это втайне от нее в минуты неутешной скорби. Но это необходимо было сделать, чтобы узнать истинную причину смерти синьоры Бианки. Это сейчас казалось ему самым главным. Итак, поиски монаха придется снова отложить.

ГЛАВА IV

Открой же эту тягостную тайну,

Из-за нее в разладе ты с душою.

Р. Уолпол. Таинственная мать

Вернувшись домой, Винченцо справился, у себя ли маркиза, ибо намеревался расспросить ее о Скедони. Правда, он мало надеялся на то, что мать захочет полностью удовлетворить его любопытство, но все же полагал, что хоть что-нибудь да узнает.

Маркиза была в будуаре, и не одна — с нею был ее духовник. «Этот человек вечно стоит на моем пути, как злой гений», — невольно подумал юноша, входя в комнату матери.

Скедони был настолько поглощен беседой с матерью, что не сразу заметил появление Винченцо, который, остановясь на пороге, с любопытством смотрел на изборожденное глубокими морщинами лицо священника. Беседуя, тот держал взор потупленным, но в его застывших резких чертах были жестокость и коварство. Маркиза с величайшим вниманием слушала то, что говорил ей Скедони, близко склонив к нему голову, словно боялась упустить хоть одно слово. На лице ее были раздражение и недовольство. Их беседа никак не походила на исповедь, а скорее на очень важный для обоих разговор.

Винченцо наконец перешагнул через порог и вошел в комнату. Скедони тут же поднял глаза, но выражение лица его ничуть не изменилось, когда его взгляд и взгляд юноши встретились. Он встал, но, кажется, не торопился уходить и лишь коротким кивком ответил на довольно нелюбезное приветствие Винченцо. Все говорило о том, что духовник знает себе цену, а в его манере чувствовалось сознание собственного превосходства.

Маркиза при виде сына слегка смутилась, и резкая складка между бровями стала еще глубже. Это говорило о ее недовольстве неожиданным приходом сына. Однако она тут же попыталась это скрыть улыбкой, которая понравилась Винченцо еще меньше.

Скедони же преспокойно снова опустился в кресло и с легкостью светского человека заговорил о каких-то пустяках. Винченцо оставался сдержанным и молчаливым. Он не знал, как начать разговор, который, как он надеялся, мог бы многое прояснить. Маркиза же, похоже, не собиралась прийти на помощь сыну. Его глаза и уши в конце концов помогли ему если не получить нужную информацию, то, во всяком случае, сделать кое-какой вывод. Прислушиваясь к низкому тембру голоса Скедони, он был почти уверен, что он едва ли похож на голос его непрошеного советчика из развалин крепости Палуцци, хотя понимал, что голос очень легко изменить. Да и ростом Скедони был выше, чем незнакомец, хотя что-то в его облике делало их похожими. Винченцо склонен был объяснить это одинаковым монашеским одеянием — видимо, оба были монахами одного ордена. Что касается черт лица, то Винченцо ничего не мог сказать определенного, ибо не видел лица незнакомца, неизменно спрятанного капюшоном. У Скедони капюшон сейчас был отброшен, и лицо его было открытым. Но Винченцо вспомнил, каким видел вчера духовника, когда тот покидал покои матери. Его лицо было тоже скрыто капюшоном, и тогда сходство его с таинственным преследователем Винченцо было достаточно большим. Фантазия тут же услужливо воссоздала в памяти весь зловещий образ загадочного монаха из развалин. Однако Винченцо тут же остановил себя — все лица монахов под капюшонами кажутся одинаковыми. Это окончательно смутило Винченцо. И все же одна деталь давала ему ключ к разгадке. Если монашеская сутана и капюшон делали всех одинаковыми, то в этом и кроется разгадка, это и должно ввести его в заблуждение. Винченцо тут же решил задать Скедони несколько вопросов, чтобы проверить, как он воспримет их.

Указав на одну из гравюр, украшавших будуар матери и изображавших древние руины, он небрежно заметил, что неплохо было бы пополнить коллекцию матери изображением развалин крепости Палуцци.

— Вы, кажется, недавно побывали там, святой отец? — добавил он, пристально вглядываясь в лицо Скедони.

— Да, это довольно величественное зрелище, — согласился духовник.

— Особенно арка, — продолжал Винченцо, не сводя глаз со Скедони. — Она соединяет

два утеса, на одном из которых высятся развалины крепости, а другой густо порос сосной и дубом. Очень живописно. Но на такой гравюре к месту было бы изобразить еще живописного разбойника, притаившегося среди камней, чтобы неожиданно напасть на путника, или же одинокую фигуру монаха в черной сутане, укрывшегося под темными сводами арки, вестника опасности и беды, ждущих каждого, кто случайно забредет туда.

Лицо Скедони оставалось невозмутимым.

— Великолепная картина, — похвалил он, — я поражен богатством вашей фантазии и той легкостью, с какой вы соединили разбойника с монахом.

— Простите, святой отец, я не собирался проводить какую-либо параллель между ними.

— Полноте, синьор, я такого и не подумал, — произнес Скедони с улыбкой, в которой было что-то недоброе.

Во время беседы, если этот короткий обмен фразами можно было назвать беседой, вошедший слуга вручил письмо маркизе, и та покинула комнату, оставив их вдвоем. Винченцо решил воспользоваться этим и продолжить разговор:

— Похоже, что развалины в Палуцци привлекают не столько разбойников, сколько священнослужителей. Каждый раз, когда я проходил мимо них, мне встречался монах. Он появляется и исчезает столь внезапно, что мне кажется, будто это призрак.

— Поблизости от крепости есть монастырь ордена Кающихся Грешников, — спокойно пояснил духовник.

— Их одеяние похоже на ваше, святой отец? Я заметил, что тот монах, о котором я упомянул, одет в такую же сутану, как ваша. Мне даже показалось, что он одного с вами роста и вообще весьма похож на вас.

— Допускаю, — спокойно ответил Скедони. — Все монахи похожи друг на друга, однако у братьев из монастыря Кающихся Грешников сутаны из мешковины, украшенные особой эмблемой в виде черепа. Не заметить этого вы не могли. Это знак их ордена. Если вы его не заметили, то этот монах принадлежит другому ордену.

— Нет, не заметил, — чистосердечно признался юноша, — но это не имеет значения. Все равно я намереваюсь познакомиться с ним и высказать все, что я думаю о нем, и, надеюсь, на этот раз он не сделает вид, что не услышал меня.

— Что ж, если у вас есть на то причины, то почему бы не сделать это, — глубокомысленно заметил Скедони.

— Следовательно, если на это есть причина, говорите вы? А разве грешно сказать правду даже без особых причин? Неужели нужно, чтобы только обида побуждала людей к откровенности? — Юноше казалось, что он почти достиг цели и Скедони понимает, о чем он говорит. — Позвольте, святой отец, разве я говорил, что мне нанесена обида? — вспыхнул наконец Винченцо. — Если вы достаточно осведомлены обо мне, то должны знать, что вопросы оскорбленной чести я предпочитаю решать иным способом. Итак, вы считаете, что я говорил об обиде?

— Я это понял по вашему тону и немногим словам, — сухо ответил монах. — Когда человек раздражен, речь его становится сбивчивой. Это означает, что в нем говорит ущемленное самолюбие. А тому должна быть причина, реальная или воображаемая, это уже не столь важно. Поскольку я не имею чести быть посвященным в ваши тревоги, я не могу судить, насколько они обоснованны.

— Не сомневаюсь, святой отец, — вызывающе произнес Винченцо, — и поверьте, что в любом случае я искал бы совета не у вас. Но тревоги, увы, реальны, и теперь, мне кажется, я знаю, кто в них виновен. Тайный советчик, втершийся в доверие почтенного семейства, чтобы ложью разрушить в нем мир и спокойствие, гнусный клеветник, посягнувший на святую невинность. Вот он сейчас передо мной! — Винченцо произнес эти слова со всей страстностью, присущей его искренней натуре. Однако он не терял самообладания и достоинства. Он был уверен, что нанес удар Скедони в самое сердце. Но выдержка или гордыня позволили ему сохранить хладнокровие! Однако Винченцо видел, что это дается

ему с великим трудом, ибо лицо монаха потемнело еще больше от еле скрываемой злобы.

Винченцо понял, что видит перед собой человека губительных страстей, способного на любое преступление. Он невольно отступил назад, словно при виде гадюки, поднявшей голову. Сам того не ведая, юноша, однако, неотрывно глядел в глаза монаха, будто тот его заморозил.

Скедони быстро овладел собой. Лицо приняло спокойное выражение, и краска отлила от него. Однако взгляд его был жесток и надменен.

— Синьор, не будучи осведомленным о причинах вашего раздражения, — произнес он многозначительно, — я, однако, не могу понять, почему оно направлено против меня? Не стану строить догадки, — добавил он, повысив голос, — что побудило вас высказать мне в лицо столь оскорбительные предположения, однако...

— Я выдвинул их против автора гнусных клеветнических измышлений, — перебил его Винченцо. — Вам же, святой отец, лучше знать, имеют ли они к вам какое-либо отношение или нет.

— Что ж, в таком случае у меня претензий к вам нет, — ловко вывернулся Скедони с таким поразительным спокойствием, что это просто обескуражило Винченцо. — Если они направлены против некоего автора ложных измышлений, ваше объяснение меня вполне удовлетворяет.

Самодовольство, с которым он произнес эти слова, заставило Винченцо снова усомниться в верности своих заключений. Невозможно, чтобы человек, знающий о совершенном им зле, мог с таким спокойствием и достоинством выдержать град обвинений. Юноша в душе корил себя за горячность и поспешность своих заключений в отношении Скедони, человека уже немолодого, к тому же в сане священника. Даже свирепое выражение его лица юноша уже готов был великодушно объяснить уязвленной гордостью и скорбью по поводу чьей-то грубости. Под влиянием столь противоречивых чувств бедный Винченцо ди Вивальди готов был даже попросить прощения у святого отца. Он, в сущности, тут же и сделал это столь же горячо и искренне, как до этого бросал ему в лицо обвинения. Любой человек с добрым сердцем охотно бы простил его, Скедони же выслушал юношу с явным удовлетворением и не без скрытой насмешки. В глазах Скедони Винченцо был всего лишь зеленым юнцом, не умеющим владеть собой. Он видел в нем лишь его недостатки, не способен был оценить искренность молодости, жажду справедливости и великодушие. Скедони привык видеть в человеке лишь его пороки.

Не будь Винченцо столь юн и неискушен, он без труда заметил бы самодовольное удовлетворение духовника маркизы, презрение и даже злобу, скрытые за лживой улыбкой. Сознывая свое превосходство над Винченцо, Скедони был уверен, что способен читать его, как раскрытую книгу, где есть все его недостатки и пороки, пристрастия и слабости. Он был даже уверен, что смог бы использовать против него даже его собственные несомненные достоинства. И хотя улыбка показного добродушия все еще не сходила с его губ, мысленно Скедони уже предвкушал близкое отмщение.

Но пока бедный Винченцо искренне сокрушался и ломал голову, как загладить свою вину, Скедони уже, казалось, забыл о случившемся, ибо в его голове уже зрел коварный план расплаты.

От внимания маркизы, когда она вернулась, не ускользнули ни некоторая растерянность сына, ни пятна неестественного румянца на его щеках и сосредоточенно нахмуренные брови. Святой отец, однако, был самодовольно спокоен, но взгляды, которые он время от времени бросал на юношу из-под полуопущенных век, не сулили ничего хорошего.

Маркиза, раздраженная странным поведением сына, попыталась выяснить, что произошло, однако Винченцо был менее всего расположен объяснять ей это или же оставаться дольше в ее обществе, поэтому, сославшись на то, что святой отец самым наилучшим образом все ей объяснит, резко повернулся и покинул комнату.

Когда они с маркизой остались одни, Скедони с деланой неохотой рассказал маркизе о

случившемся, скрыв, однако, благородное раскаяние юноши. Наоборот, он лицемерно попросил разгневанную маркизу простить сына.

— Он еще так молод, — добавил он, с удовольствием отмечая, что его рассказ произвел нужное впечатление и еще больше восстановил маркизу против сына. — Молодость — это всегда буйные эмоции, поспешные суждения и выводы. Без сомнения, какую-то роль здесь играет также ревность юного Винченцо к той дружбе, которой вы осчастливили меня, — коварно вставил он. — Ревность сына к друзьям матери не такое уж редкое чувство, и особенно к такой матери, как вы, маркиза ди Вивальди.

— Вы слишком добры, святой отец, — ответила маркиза. Ее чувство раздражения и гнева на сына лишь возрастало по мере того, как Скедони все изощренней и коварней якобы пытался защищать Винченцо от гнева маркизы.

— Вынужден признаться, синьора, — с лицемерным смирением заявил он, — что моя преданность вашей семье и мой долг духовника обязывают меня предвидеть подобные испытания. Но я готов вынести их, если мои советы помогут сохранить честь и покой вашей достойной семьи и уберегут неразумного юношу от неосторожного шага.

Во время этой беседы, полной понимания и взаимной симпатии, Скедони и маркиза как бы забыли о тех недостойных целях, которые каждый из них преследовал, и о недоверии и неприязни, которые неизбежно возникают между заговорщиками, объединенными недобрыми помыслами.

Маркиза, не уставая, благодарила Скедони за бескорыстную преданность семье Вивальди, как бы забыв, что обещала ему ценное вознаграждение, а он делал вид, что ее тревога за сына — это проявление высокого чувства материнского долга, а вовсе не забота о собственном тщеславии и честолюбии.

Обменявшись таким образом взаимными комплиментами, они наконец перешли к главному — что делать с непокорным отпрыском семейства Вивальди. Очевидно, заключили они, одних увещаний уже недостаточно.

ГЛАВА V

А если яд монах мне дал коварно,
Чтобы убить меня, боясь бесчестья...

В. Шекспир. Ромео и Джульетта

Винченцо, немного успокоившись, вдруг по-иному наконец взглянул на некоторые особенности поведения оскорбленного его выходкой монаха, и некоторые из прежних сомнений вновь вернулись. Однако, решив, что это все результат его встревоженного состояния, а не какие-либо достоверные факты, он, пересилив себя, прогнал их прочь.

Близился вечер, и он заторопился на виллу Алтиери. До этого ему предстояла встреча со знакомым врачом, на суждения которого он мог положиться. Встретившись, они вдвоем проследовали на виллу. У Винченцо все еще оставался ключ от потайной калитки в сад, который ему накануне дала синьора Бианки, и он вновь решил воспользоваться им. Открывая калитку, он внезапно почувствовал неловкость оттого, что снова вынужден тайком входить в дом Эллены, что могло бросить тень на ее репутацию.

Беатриса уже ждала их и тут же провела в спальню синьоры Бианки. Винченцо со страхом подошел к изголовью постели, врач последовал за ним и стал с другой стороны. Стараясь не выдать своего волнения в присутствии служанки и сгорая от нетерпения задать врачу роковой вопрос, Винченцо, взяв у Беатрисы лампу, отпустил ее.

Свет лампы упал на посиневшее, изменившееся до неузнаваемости лицо умершей. Винченцо с глубокой печалью глядел на нее, вспоминая, как еще вчера мирно беседовал с ней, а она смотрела на него глазами, полными тревоги и мольбы за судьбу ее дорогой

племянницы, а потом так пророчески предсказала свой скорый конец и соединила их с Элленой руки. Глядя на нее, он в душе повторил данную ей клятву беречь и любить Эллену. Никто и ничто теперь не заставит его нарушить эту клятву, подумал Винченцо.

Еще до того как Винченцо собрался задать свой вопрос врачу, по выражению лица последнего он понял, что был прав в своих догадках. Врач сосредоточенно и с сомнением изучал искаженные черты лица умершей. Винченцо сам уже догадался, что означают эти зловещие темные пятна на мертвом лице. Не решаясь первым нарушить молчание, которое могло еще сулить какую-то надежду на то, что он ошибается, Винченцо терпеливо ждал. А врач, зная, какое ему предстоит вынести заключение о смерти синьоры Бианки, казалось, умышленно медлил.

— Я знаю ваше мнение, доктор, — наконец не выдержал Винченцо. — Оно совпадает с моим.

— Я не совсем уверен, синьор, — неожиданно сказал врач, — хотя понимаю, что вы думаете. Внешние признаки могут ввести в заблуждение, и я не спешил бы делать окончательное заключение. Подобные симптомы могут быть следствием самых разных причин. — И он вдруг пустился в их перечисление, а затем попросил позволения побеседовать со служанкой. — Мне необходимо знать, как чувствовала себя синьора Бианки накануне печального исхода.

После довольно долгой беседы со старой служанкой врач остался при своем мнении о причине столь внезапной смерти. Он не мог с уверенностью утверждать, что смерть наступила от принятия яда. В конце концов он заявил, что склонен объяснить смерть синьоры Бианки естественными причинами. По всему было видно, что он стремится во что бы то ни стало развеять подозрения Винченцо. Во всяком случае, ему удалось убедить юношу не прибегать к официальному расследованию.

Винченцо провел еще какое-то время у ложа усопшей, а затем вышел в сад. Брезжил рассвет, и с набережной доносились голоса рыбаков, готовящих лодки к выходу в море. На фоне светлеющего неба виднелся силуэт развалин крепости Палуцци. Когда совсем рассвело, он вернулся в дом, и вскоре вместе с врачом они отправились в Неаполь.

Понемногу спокойствие возвращалось к Винченцо. Он был рад, что врач развеял его сомнения относительно насильственной смерти синьоры Бианки, и он мог надеяться, что жизни Эллены ничто не угрожает.

Поблагодарив врача и распрощавшись с ним, Винченцо наконец вернулся во дворец, где верный слуга, поджидавший его, бесшумно открыл ему дверь.

ГЛАВА VI

Здесь было их шестеро или семеро,
Кто прятал свои лица даже в темноте.

В. Шекспир

Смерть тетушки, единственного родного и близкого человека, означала для Эллены полное одиночество в этом мире. Скорбь, глубокая жалость и любовь к той, которая ушла из жизни так внезапно и в жестоких мучениях, вытеснили в душе Эллены все другие мысли и чувства. О собственной судьбе она даже не думала.

Погребение синьоры Бианки должно было состояться в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто. Гроб с телом усопшей, по обычаю, был доставлен на кладбище открытым, сопровождали его лишь священник и могильщики.

Эллена до последней минуты находилась у тела усопшей, но теперь она должна была ждать отпевания в монастыре. Ее состояние не позволило ей петь вместе с монахинями, но успокаивающие слова молитвы, их тихая скорбь несколько успокоили бедную девушку.

После погребения настоятельница монастыря увела Эллену к себе. Успокоив ее, как могла, мать настоятельница сказала Эллине, что отныне она, если пожелает, может считать монастырь своим истинным убежищем. Эллиена сама подумывала об этом как наилучшем для себя выходе. Здесь она скорее забудет свою горе, найдет покой и удовлетворение. Когда она покидала покои настоятельницы, все уже было решено — пока она будет жить в монастыре.

Эллиена возвращалась на виллу лишь с одной целью — сообщить о своем решении Винченцо. Привязанность и уважение к нему достигли уже той степени, когда она не считала возможным без его ведома принимать решения, могущие изменить ее жизнь. Благословение тетушки и то, как торжественно она соединила их руки в последний вечер перед смертью, как вручила ему судьбу Эллены, сделали Винченцо еще ближе, и она с трепетом и волнением стала думать о нем как о единственном защитнике и опекуне. Его любовь и привязанность к ней и ее ответное чувство связывали их теперь незримыми, но прочными узами.

После похорон они впервые остались на вилле одни. Решение Эллены временно пожить в монастыре не встревожило Винченцо. Он понимал, что так положено, ибо обычаи требуют от нее одиночества и молитв, да и легче будет перенести горе вдали от стен, которые постоянно тебе напоминают о горькой утрате. Он лишь пожелал узнать, сможет ли он хоть изредка навещать ее там, а когда истечет срок траура, он хочет просить ее руки, как того желала ее тетушка.

Хотя Винченцо и смирился с решением Эллены, все же расставание с ней вселило в него смутную тревогу и страх. Но, успокоенный Эллиной, высоко отозвавшейся о достоинствах и доброте настоятельницы монастыря, он постарался прогнать все страхи и сомнения.

Тем временем мысли о его загадочном преследователе, монахе с развалин крепости Палуцци, оповестившем его о смерти синьоры Бианки, все больше не давали ему покоя. Он снова вернулся к своему решению выследить его и узнать, кто он и чего хочет, почему преследует его и не дает покоя. Юношу пугали зловещие обстоятельства его появления и то, как он исчезал, словно призрак, растворяясь в темноте. Пугало его и то, что пророчества монаха начали сбываться. Все это уже выходило за рамки разумного понимания.

Винченцо был достаточно умен и образован, чтобы не поддаваться бытующим суевериям и предрассудкам. Будь он в другом, более спокойном состоянии, он не видел бы в происходящем столько таинственного и зловещего. Но теперь его юное воображение и любопытство были разбужены, и он, пытаясь разгадать тайну монаха, был бы разочарован, если бы с высот таинственного и неразгаданного был бы сброшен снова на бrenную землю, где все объяснялось бы заурядно и просто.

Он твердо решил в полночь снова побывать на развалинах и, не ожидая появления незнакомца, основательно, с факелом в руках обследовать каждую щель или нишу, чтобы удостовериться, что здесь нет ни единой живой души, кроме него самого. До сих пор ему это мешало сделать отсутствие сопровождающего. Он помнил предупреждение Бонармо — не появляться здесь одному. Пожалуй, тот был прав и поступил разумно, отказавшись его сопровождать. Поскольку у Винченцо других верных друзей не было, он решил взять с собой своего слугу Паоло.

Вечером накануне того дня, когда Эллиена должна была покинуть виллу, чтобы поселиться в монастыре, Винченцо пришел попрощаться с ней. Тревожное состояние не покидало его, хотя он знал, что их разлука будет недолгой и за это время Эллиена не отвыкнет от него и не забудет. И тем не менее ему казалось, что они расстанутся навеки. Тысячи предположений рождались в его мозгу, и среди них самым вероятным казалось, что монашенкам удастся склонить ее навсегда остаться в монастыре. В нынешнем положении ее легко было уговорить на это. Даже заверения Эллены, что этого не случится, не успокоили его, и он был настолько встревожен, что напугал кроткую Эллину, терпеливо убеждавшую его, что его страхи напрасны. Ее ответы на его вопросы становились все более краткими и сдержанными, что повергло юношу в отчаяние.

— Мне кажется, что мои опасения оправдаются и я более не увижу тебя! —

неосторожно воскликнул Винченцо. — Ужасная тяжесть гнетет меня, и я не в состоянии избавиться от нее. Я признаю, Эллена, что во многом твое решение разумно, и верю, что это ненадолго и я вскоре смогу увезти тебя оттуда как свою жену, с которой меня уже ничто не разлучит. Я хотел бы быть полностью уверен, что ничего не случится, но страх мой так велик, что я не в силах побороть его, неужели я потеряю тебя? Почему я должен сейчас покориться жестоким обстоятельствам и предрассудкам? Почему не могу уговорить тебя немедленно сочетаться узами брака, которые никто уже не посмеет разорвать? Почему мы должны полагаться на волю случая, если уже сейчас можно помешать нашей разлуке? Скажи, Эллена, почему условности должны взять верх над нашей любовью? Ты должна войти в церковь Святой Девы Марии лишь для того, чтобы дать брачный обет перед алтарем!

Все это Винченцо произнес на едином дыхании, не дав Эллене ни опомниться, ни возразить. Когда он умолк, она лишь кротко упрекнула его, снова постаралась успокоить, но не согласилась с ним. Она объяснила ему, что ее пребывание в монастыре не только необходимо ей самой, но это дань памяти ее тетушке. Она печально и строго возразила ему, что если он считает ее неспособной сохранить верность своим чувствам без брачного обета, тогда он совершил ошибку, сделав ее своей избранницей.

Пристыженный Винченцо умолял ее простить его горячность и постарался подавить в себе терзавшие его страхи. Он удвоил свое внимание и нежность к ней в последние часы перед разлукой, однако желанного успокоения и уверенности не было. Эллена чувствовала это и, как могла, пыталась помочь возлюбленному совладать с собой. Они прощались со слезами, Винченцо снова и снова возвращался, чтобы услышать из ее уст слова любви и нежности, заверения помнить его. Наконец бедная Эллена с печальной улыбкой заметила, что их расставание на несколько дней действительно похоже на прощание навсегда. Ее замечание лишь усилило тревогу Винченцо и заставило его еще раз вернуться. Наконец он покинул виллу Алтиери и вернулся в Неаполь.

Эллена, чтобы как-то успокоиться, до поздней ночи бродила по комнатам родного дома, в котором прошло ее детство. Он казался ей таким тихим и печальным, каким она никогда его не знала. Оставляя эти милые уютные комнаты, где все еще витала тень дорогой тетушки, она словно прощалась с прежней тихой и счастливой жизнью и вступала в новый, незнакомый ей мир. Чем быстрее приближался час прощания, тем дороже становились ей эти стены, и в последнюю минуту ей казалось, что она не найдет силы покинуть виллу Алтиери.

Она подолгу задерживалась в самых любимых уголках дома и вспоминала. В этой комнате они с тетушкой ужинали в последний вечер перед ее смертью и беседовали. Предаваясь печальным воспоминаниям, она вдруг услышала шорох листвы за окном и, подняв глаза, увидела быстро промелькнувшую в саду фигуру человека. Узорчатые ставни, как обычно, были открыты, пропуская в комнаты свежий ветерок с залива, но Эллена стремительно закрыла их и тут же услышала шум у крыльца и крик Беатрисы в вестибюле.

Напуганная криком служанки, Эллена бросилась к ней на помощь, как вдруг в коридоре, ведущем в вестибюль, увидела троих мужчин в плащах и масках. Эллена повернулась и бросилась бежать обратно, чтобы запереться в той комнате, откуда только что вышла. Она вся дрожала от страха, и силы готовы были изменить ей, однако, когда люди в масках настигли ее, у нее хватило смелости спросить их, кто они и что им здесь нужно. Но те без всяких слов набросили ей на лицо вуаль и, схватив за руки, повели ее, почти не сопротивляющуюся и испуганную, к выходу.

В вестибюле Эллена увидела привязанную к колонне Беатрису и рядом с ней еще одного человека в маске. У него был такой угрожающий вид, что бедная старушка почти лишилась чувств от страха. Пронзительный крик Эллены привел ее в чувство, и добрая служанка громко запричитала, моля пощадить ее молодую госпожу, но мольбы ее были напрасны. Почти бесчувственную, Эллену вынесли из дома и втолкнули в поджидавший экипаж. Когда она пришла в себя, экипаж с огромной скоростью мчался по каменистой, в ухабах дороге и кто-то по-прежнему крепко держал ее за руки. В темноте экипажа она не могла разглядеть своих похитителей, а на все ее мольбы и вопросы они отвечали молчанием.

Они ехали всю ночь, останавливаясь лишь для того, чтобы сменить лошадей. Тогда Эллена криками и мольбами пыталась привлечь к себе внимание посторонних, но окна экипажа были закрыты тяжелыми кожаными шторами, и никто ее не слышал. Ее похитители правильно рассчитали, что люди прежде всего равнодушны и никому не придет в голову поспешить на помощь их пленнице.

Первые несколько часов Эллена была настолько напугана и потрясена происшедшим, что не испытывала ничего, кроме страха и отчаяния. Но потом, заставив себя хотя бы немного успокоиться, постаралась разобраться, что же произошло с ней. Одно ей было ясно — ее разлучили с Винченцо, и, возможно, навсегда. Чья-то безжалостная рука, так грубо вырвавшая ее из прежней жизни, не остановится ни перед чем, и они с Винченцо больше не увидятся. Сознание этого острой болью пронзило сердце, и все другие страхи померкли. Отныне ей стало все равно, куда ее везут и что с ней будет.

С наступлением дня жара усилилась, и тяжелые шторы на окнах были несколько приоткрыты. Это позволило Эллине кое-как разглядеть своих спутников. Их осталось всего двое из тех четырех, что ворвались в ее дом. Они были по-прежнему закутаны в плащи, и лица их скрывали маски. Через небольшую щель в шторах она не могла определить местность, где они находятся. Она видела лишь отвесные скалы в густых зарослях кустарника, нависавшие над дорогой, по которой катил экипаж.

Очевидно, был полдень. Жара была невыносимой. Наконец экипаж остановился у почтовой станции, где им наконец подали воду со льдом. Когда для этого пришлось откинуть занавеску на окне, Эллена успела увидеть, что станция находится на пустынном горном плато. Вдали виднелись кромка леса и высокая горная гряда. Слуги здесь привыкли ко всему и потеряли способность удивляться и сочувствовать, подумала Эллена, глядя на хмурые, изможденные лица, на которых голод и унижения проложили глубокие борозды морщин. Они смотрели на Эллину с вялым любопытством, хотя каждый, в ком было сердце, прочел бы в ее глазах мольбу и отчаяние. У этих бедняг, должно быть, сердце давно окаменело от собственных страданий. Равным образом никто на станции не выразил удивления, увидев людей в масках.

Эллена приняла кружку ледяной воды, первую за все долгие часы путешествия, ее спутники жадно опорожнили свои и снова плотно зашторили окна, несмотря на невыносимую жару. Экипаж снова тронулся. Чувствуя, что почти теряет сознание от духоты, Эллена попросила открыть окно, и один из сопровождающих, скорее следуя своему желанию, чем выполняя ее просьбу, приподнял угол тяжелой занавески. Эллена снова увидела горы, но сколько ни всматривалась, так и не смогла понять, куда мог лежать ее путь. Перед ней были высокие вершины, глубокие пропасти, кое-где пятна кустарника на скалах, карликового дуба или остролиста. Она видела зеленые долины, уходящие к горизонту. Наконец на низких пологих склонах и у подножия гор стали появляться оливковые рощи, а ниже — террасы виноградников, апельсиновые рощи, посадки олеандра, граната и можжевельника.

Долго пробывшая в темноте закрытого экипажа, предоставленная своим нерадостным мыслям, Эллена находила хотя и слабое, но все же утешение, созерцая виды живой природы, и вскоре величие и красота пейзажа настолько ободрили ее, что она, успокаивая себя, решила: что бы ни случилось, на какие бы страдания она ни была обречена, она многое сможет перенести, если ей будет позволено наслаждаться картинами природы, черпать в них силы и получать успокоение. Разве следует падать духом, уговаривала она себя, если Господь благословил нас ходить по его рощам?

Воспоминания о Винченцо вновь вызвали слезы на глазах, однако она решительно подавила минутную слабость и всю остальную часть пути не позволяла отчаянию восторжествовать над ее волей и рассудком.

Когда жара несколько спала и день стал клониться к вечеру, экипаж въехал в длинное темное ущелье, в конце которого, словно в телескопе, Эллена увидела ярко освещенную косыми лучами заходящего солнца равнину. В конце ущелья бурный горный поток, срываясь

с высокой скалы, стремительно падал вниз, разбиваясь в вечернем воздухе на тысячи искрящихся пылинок, а далее вновь устремлялся к другому порогу, чтобы и с него с грохотом обрушиться вниз, пока наконец не вырвется на просторы широкого ложа на дне ущелья, где покатит свои воды дальше. Узкая дорога, вырубленная в скале, петляя, шла вдоль русла реки, все выше поднимаясь в горы, и порой она казалась подвешенной над бурным потоком. Эллена, не испытывая никакого страха, смотрела вниз на бурлящие воды и испугалась лишь тогда, когда увидела впереди утлый мосток, переброшенный через ущелье. Он, с его тонкими перилами, был словно подвешен в воздухе под самыми облаками. Когда экипаж пересекал его, Эллена, сжавшись от страха, почти забыла о всех своих невзгодах. Дорога по ту сторону ущелья пошла вниз и через полмили вышла на обширную равнину, окруженную грядою гор, щедро освещенных косыми лучами предвечернего солнца. Переход из полумрака ущелья к яркому свету уходящего дня был столь разительным, что показался Эллене возвращением к жизни из небытия. Но это впечатление вскоре исчезло, когда среди утесов и ущелий она увидела высокие шпили и террасы прилепившегося над пропастью монастыря. Бедная девушка сразу поняла, какая отныне уготована ей судьба.

У подножия скалы ее спутники покинули экипаж и заставили ее сделать то же самое. Далее подъем был слишком крутым и опасным для экипажа. Отсюда предстояло подниматься пешком. Эллена безропотно, словно овечка, ведомая на заклание, последовала за своими мучителями по узкой каменистой тропе, выходящей вверх под сенью миндальных, фиговых и миртовых деревьев. Сладко пахло жасмином и цветущей мимозой. Иногда за поворотом внезапно открывался вид на зеленую равнину внизу или снежные вершины горной гряды Абруцци вдалеке. Все здесь радовало глаз и поражало неожиданностью: цветущий мох, изобилие цветов и кустарников, зеленые поляны и величественные пальмы. Но на сердце у Эллены было тяжело, а ее спутники не замечали ничего вокруг. Уже вдали между деревьями мелькнули стены монастыря, к которому вела тропа, и наконец она увидела высокий западный витраж храма с острым шпилем и крыши монастырских зданий, затем кусок глухой стены, огораживающей сад со стороны обрыва, и темную арку ворот. Все это постепенно открывалось взору за каждым поворотом, кипарисовой рощей или мощными стволами кедра. В этой медленной смене картин было что-то зловещее, предвещавшее сердцу бедной девушки одиночество и страдание, особенно когда она прошла мимо могил и надгробий монастырского кладбища, спрятавшихся за густыми зарослями кустарника и выступами скал. Когда наконец они приблизились к монастырским стенам, ее спутники остановились у небольшой часовни у края тропы. Здесь, вынув какие-то бумаги, они, к немалому удивлению Эллены, стали о чем-то совещаться. Ей не удалось уловить хотя бы слово, да, в сущности, это уже не имело для нее никакого значения, ибо ничто уже не могло изменить ее участь. Однако ей было любопытно услышать голоса тех, кто так упорно хранил молчание все эти долгие часы их путешествия.

Один из них, оставив другого сторожить Эллenu, вскоре скрылся в монастырских воротах. Эллена безуспешно попробовала разговорить своего стража, но он лишь молча отмахивался от нее рукой и отворачивал лицо. Подчинившись своей участи, Эллена стала ждать, что будет дальше, и тем временем осмотрелась вокруг. Место, где она находилась, не показалось ей ни мрачным, ни суровым, хотя величие гор, вознесенных в поднебесье, должно было бы вселять священный трепет в душу каждого смертного. Перед нею был широкий вид на всю долину, словно непреодолимым бастионом окруженную цепью гор.

Фантазмагорическое нагромождение утесов, высоких и острых, как церковные шпили, глубокие расселины и хаос камней, окрашенных последним отблеском солнца, казались чем-то неправдоподобным. Тишина и опускающиеся сумерки навевали грусть, и девушка сидела, погруженная в свои раздумья. Звуки вечерней молитвы, донесшиеся из монастыря, нежные голоса монахинь немного успокоили Эллenu. Те, кто так проникновенно поет, не могут оказаться бесчувственными к ее горю, думала она. Возможно, она встретит здесь и участие, и добрые слова, столь же целительные, как звуки этой молитвы!

Прошло достаточно времени, как она сидела на мягкой траве склона, под стенами

монастыря, когда наконец в сгущающихся сумерках заметила, что из ворот вышли двое монахов и направляются прямо к ней. Когда они подошли поближе, Эллена увидела их сутаны из серой мешковины и бритые макушки в венчике седых волос. Подойдя к часовне, они обратились к ее стражу и, отозвав его в сторону, стали о чем-то переговариваться. И тут Эллена впервые услышала голос своего стража в маске, хотя говорил он очень тихо. Эллена хорошо запомнила этот голос. Второй из ее похитителей, тот, что ушел в монастырь, так и не вернулся, но было ясно, что двое бритоголовых монахов в серых сутанах пришли сюда по его повелению. Один из них, высокий и худой, чем-то напомнил Эллене именно того из ее похитителей в маске, который ушел в монастырь, поручив другому сторожить ее. Чем больше она вглядывалась в него, тем сильнее ее охватывало тревожное предчувствие. Он был так же высок, сутул и угловат в движениях, как ее похититель в маске. Серая просторная сутана не могла скрыть от нее его характерных угловатых движений, которые ей запомнились за время путешествия. Судя по лицу, у него была душа не монаха, а разбойника, а его пронзительный недобрый взгляд словно выслеживал жертву. Вторым монах, ничем особенным не отличавшийся, был разительно непохож на своего собрата.

Закончив беседу с человеком в маске, они подошли к Эллене и предложили ей следовать за ними в монастырь. Ее страж в маске, вручив ее монахам, тут же покинул их и вскоре исчез за поворотом горной тропы, ведущей вниз.

В полном молчании они поднялись по крутой, выложенной камнем дорожке, ведущей к воротам монастыря, которые открыл им послушник. Эллена очутилась на просторном монастырском подворье, окруженном с трех сторон высокими строениями, а с четвертой стороны — садом. Аллея кипарисов вела к храму, замыкавшему перспективу. В левой части сада за деревьями виднелось одинокое строение, а справа до самых взгорий, служащих как бы естественной оградой монастырских угодий, простирались оливковые рощи и виноградники.

Высокий монах, в котором Эллена заподозрила одного из ее похитителей, направился к двери в северной части подворья и дернул за ручку звонка. Когда дверь отворилась, он без слов передал Эллену вышедшей на крыльцо монахине. Эллена заметила, каким полным понимания взглядом обменялся с ней монах. Он тут же оставил их, а монахиня так же молча повела Эллену по многочисленным пустым коридорам, где стояла мертвая тишина, вдоль грубо раскрашенных стен, на которых были изображены все кары Господни, которые должны были бы сразу же повергнуть грешника в трепет. Всякая надежда на сострадание в этих стенах мгновенно угасла в сердце бедной девушки. Недоброе лицо монахини тоже не сулило ничего хорошего. Видимо, и здесь ей придется испить до дна свою чашу страданий, подумала она с горечью. Шедшая впереди монахиня в белых развевающихся одеждах, когда блики света падали на ее суровые черты и зловеще усугубляли их недоброе выражение, казалась бедной Эллене скорее призраком, восставшим из гроба, чем живым существом. Последний поворот коридора привел их в покои матери настоятельницы. Здесь монахиня остановилась и, повернувшись к Эллене, произнесла:

— Сейчас время вечерней молитвы, подождите здесь, пока не вернется матушка. Она с вами побеседует.

— Какого ордена ваш монастырь? — осмелилась спросить Эллена. — И как зовут мать настоятельницу?

Монахиня ничего не ответила и лишь окинула девушку ледяным взглядом и удалилась.

Бедная Эллена недолго пребывала в одиночестве, ибо вскоре дверь открылась и вошла мать настоятельница, статная особа, преисполненная высокомерия и собственной значимости. С первой минуты она не собиралась скрывать своего презрительного отношения к пленнице. Будучи женщиной знатного рода, она почитала за тяжкий грех, равный святотатству, посягательство на традиции и законы высших кланов Неаполитанского королевства. И то, что Эллена, простая горожанка, осмелилась тайно обручиться с юношей из знатной семьи, делало для нее Эллену достойной самого сурового наказания. Но она намеревалась сделать это по-своему, блюдя внешние приличия и не унижая открыто

провинившуюся.

— Я полагаю, — начала она строго, заметив, как испугалась Эллена при ее появлении, — я полагаю, — снова повторила она, даже не предложив девушке сесть, — что вы и есть та молодая особа из Неаполя.

— Меня зовут Эллена ди Розальба, — ответила бедняжка, обнадеженная кажущейся вежливостью обращения.

— Никогда не слышала такого имени, — ответила настоятельница, — но мне известно, почему вас направили сюда. Здесь вы должны набраться тех знаний, которых вам не хватает, и понять, что такое чувство долга. Поскольку вы отданы под мой надзор и опеку, я все это время буду неукоснительно, с присущей мне ответственностью выполнять эти нелегкие обязанности. Я согласилась взять их на себя исключительно потому, что намерена защитить знатную и благородную семью от посягательств на ее честь и покой.

Эти слова объяснили бедной девушке все. Она слушала их, стоя неподвижно, словно окаменела. Трудно сказать, какие чувства и мысли переполняли ее: сначала это был испуг, потом стыд, а затем ее охватили гнев, чувство протеста и искреннее негодование, что кто-то посмел обвинить ее в попытке вторгнуться в чужой дом против желания его хозяев. Оскорбленная гордость наконец помогла ей обрести силы и дар речи. Она потребовала объяснить, кто посмел ее так грубо похитить, увезти из родного дома и по чьей воле ее хотят насильно заточить в монастырь.

Настоятельница, не привыкшая к возражениям, сразу даже не нашлась, что ответить строптивой послушнице. Эллена уже понимала, какая гроза может обрушиться сейчас на ее голову, но уже не испытывала ни страха, ни бессильного отчаяния.

«Ведь это надо мной совершено насилие, — говорила она себе. — Неужели оно должно восторжествовать, а невинная его жертва понести наказание. Нет, им не удастся добиться от меня смирения и покорности. Мне только надо сохранять присутствие духа, способность оценить своего противника, предугадать его действия. Я должна не бояться, а презирать его и добиться над ним превосходства». Так уговаривала себя бедная девушка, готовясь к худшему.

— Я должна напомнить вам, — наконец обрела дар речи настоятельница, — что в вашем положении вопросов не задают. Лишь чистосердечное раскаяние, смирение и покорность могут смягчить вашу участь. Можете идти.

— Благодарю вас, — с достоинством ответила Эллена, поклонившись. — Мне остается лишь уповать на милосердие моих притеснителей.

Понимая, что дальнейшие протесты бесполезны и даже унижительны, девушка подчинилась своей участи, твердо решив даже в страданиях, если они ей суждены, никогда не терять достоинства.

Уже знакомая монахиня с недобрим лицом провела ее через трапезную, где собрались монахини после вечерней молитвы. Поймав на себе их настороженные изучающие взгляды, заметив улыбки и слыша оживленное перешептывание, Эллена с горечью поняла, что вызывает не только простое любопытство, но и подозрение. Она едва ли может рассчитывать на сострадание и доброжелательность тех, кто, вознеся в храме вечернюю молитву Господу, не очистился от недоброго чувства злорадства при виде чужого горя и унижения.

Крохотная каморка, в которую монахиня провела Эллену, скорее напоминала тюремную камеру, чем монастырскую келью. Небольшое оконце было забрано железной решеткой, на полу лежал матрац, из мебели были лишь стул и небольшой столик, на котором стояло распятие, а рядом легкий молитвенник. Эллена, оглядев стены своего нового жилища, с трудом подавила в себе вздох отчаяния. Ее жизнь внезапно и разительно изменилась. Винченцо далеко и, возможно, никогда не узнает, где она. Слезы душили ее, но она сдержала их, ибо тут же вспомнила о маркизе ди Вивальди. Ее одну она считала теперь повинной во всех несчастьях, столь неожиданно обрушившихся на нее. Вопреки заверениям тетушки, семья Вивальди не пожелала знаться с ней. При мысли, что ее так грубо и жестоко отвергли, все восставало в Эллене. Она корила себя за то, что уступила уговорам тетушки и Винченцо.

Она не должна была соглашаться на тайное обручение. Ей не нужны ни почести, ни привилегии этого брачного союза, если они достаются такой ценой. С гордостью думала она о своем скромном труде, обеспечивавшем им с тетушкой независимое и достойное существование; уверенность в своей полной невинности внезапно уступила место раскаянию.

«Возможно, мать настоятельница была не так уж несправедлива ко мне, — горько сокрушалась Эллена. — Я заслуживаю наказания, осмелившись вступить в брак с Винченцо против воли его родителей. Но все еще можно поправить, можно сохранить и свою независимость, и честь, навсегда отказавшись от Винченцо. Но как смогу я сделать это! Неужели я отрекусь от того, кто так любит меня, обреку и его на страдания? Того, о ком я не могу вспомнить без слез, кому дала обет верности перед Богом по совету и воле моей дорогой тетушки накануне ее смерти! Справедливо ли это будет, возможно ли поступить так? Могу ли я сделать моего возлюбленного несчастным в угоду предрассудкам его семьи?»

Бедная Эллена была в полном смятении. Мысль об отказе от брака с Винченцо казалась столь невозможной, что она тут же прогнала ее, но, вспомнив о его семье, она подумала, что и сама не согласится стать членом ее против воли родителей Винченцо. Мысленно она готова была даже посетовать на бедную тетушку, чья доверчивость была повинна в ее несчастьях, но Эллена слишком любила покойницу, так что тут же пристыдила себя за такие мысли, теперь ей оставалось лишь терпеливо сносить невзгоды, раз так случилось. Она также прогнала мысль о том, чтобы пожертвовать любовью Винченцо ради обретения свободы, или же, если ему вдруг удастся отыскать и освободить ее, потом гордо отвергнуть его. Но чем больше она думала о том, что ему никогда не найти ее, тем больше понимала, как боится потерять его. Она поняла, что то сильное чувство к нему, которое переполняло ее сердце, было слишком дорого ей.

ГЛАВА VII

Часы бьют час.

В. Шекспир

Тем временем Винченцо ди Вивальди, не ведая того, что произошло на вилле Алтиери, отправился на развалины крепости Палуцци, сопровождаемый своим слугой Паоло. Была уже глубокая ночь, когда они вышли из города. Винченцо на сей раз принял все меры предосторожности и не позволил Паоло зажечь факел даже тогда, когда они благополучно достигли арки и укрылись под ее сводами. Он опасался, что его тайный советчик может появиться до того, как он обследует крепость.

Его слуга Паоло был настоящим неаполитанцем. Сообразительный, пытливый от природы, он не лишен был живого воображения и смелости. Увлеченный загородной экскурсией своего хозяина, он вместе с тем воспринял все с чувством здорового простонародного юмора, и по его поведению, выражению лица и полным интереса и озорства глазам было видно, что он охотно принимает правила игры. Он был более других приближен к своему юному хозяину, который, не обладая особым чувством юмора, тем не менее умел ценить его в других. Винченцо нравились открытость и веселый нрав слуги настолько, что между обоими установились отношения допустимой между хозяином и слугой фамильярности и откровенности. Поэтому по дороге в крепость Винченцо успел рассказать своему спутнику столько, сколько счел нужным, чтобы не только разжечь его любопытство, но и предостеречь его о необходимой осторожности. Паоло, от природы не пугливый и не верящий в предрассудки, сразу понял, что его хозяин, однако, не свободен от них и верит в сверхъестественные силы и прочую ерунду, как, например, в то, что в крепости Палуцци творятся странные дела. Он попробовал подшутить над этим, но Винченцо был не в том расположении духа. Он был насторожен и полон зловещих ожиданий. В то время как его хозяин менее всего думал о реальной опасности, практичный Паоло готовился именно к ней,

ибо понимал всю неосторожность посещения крепости глубокой ночью. Винченцо настаивал на том, чтобы первое время они ждали появления монаха в полной темноте, ибо свет факела непременно отпугнет его. Через какое-то время, пояснил он, они зажгут факел. Но Паоло резонно заметил, что, пока они это сделают, монах опять улизнет от них. После некоторых препирательств Винченцо наконец согласился зажечь факел, но велел пока спрятать его в щели между камнями. Спрятав факел, они снова заняли свои места под аркой. Бой часов в соседнем монастыре известил их, что уже перевалило за полночь. Винченцо вдруг вспомнил, что ему рассказал Скедони о монастыре Кающихся Грешников, находящемся где-то вблизи развалин, и поинтересовался у Паоло, не монастырские ли часы только что пробили. Паоло подтвердил, что это были часы церкви Санта-Мария-дель-Пианто. Название храма он запомнил потому, что об этом монастыре ходит немало слухов.

— Это место могло бы заинтересовать вас, синьор. О нем много рассказывают всяких странных историй. Думаю, что и ваш монах оттуда, потому что он тоже ведет себя странно.

— Значит, и ты веришь в таинственные истории, — подколол слугу Винченцо, улыбаясь. — А что же ты слышал об этом монастыре? Говори потише, а то нас обнаружат.

— Эту историю мало кто знает, синьор, — шепотом ответил Паоло, — и я дал слово никому ее не рассказывать.

— Ну, раз ты дал слово, — перебил его Винченцо, — я не разрешаю тебе его нарушать, хотя, думается, ты не прочь это сделать. Видимо, эта история порядком обременяет твою память и тебе не терпится ею поделиться.

— Я не так уж обещал, синьор, и думаю, что ничего страшного не случится, если я расскажу ее вам.

— Что ж, рассказывай. Но прошу, говори потише.

— Хорошо, синьор. Случилось это накануне праздника святого Марко, лет шесть тому назад... — начал Паоло.

— Тише, — прошептал Винченцо.

Они прислушались. Кругом стояла тишина.

Паоло продолжал:

— Так вот, было это накануне праздника святого Марко. Когда прозвучал последний удар колокола, вдруг... — Паоло умолк, услышав совсем рядом шорох.

— Вы опоздали, — внезапно раздался из темноты голос, который Вивальди сразу же узнал. — Сейчас за полночь, она уехала час тому назад. Будьте осторожны!

Хотя Винченцо почувствовал удовлетворение от того, что узнал своего преследователя, он все же удержался от вполне естественного вопроса «Кто уехал?», ибо прежде всего думал о том, что теперь-то он от него не уйдет. Не раздумывая, он бросился в ту сторону, откуда раздался голос, а Паоло от волнения даже выстрелил из пистолета и побежал за факелом. Винченцо был настолько уверен, что на этот раз не упустил монаха, что даже протянул руку, чтобы схватить его.

— Я знаю, кто вы! — выкрикнул он, торжествуя. — Мы еще увидимся с вами в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто. Паоло, где ты, посвети мне!

Быстрый Паоло был уже рядом:

— Сюда, синьор, он поднялся по этим ступеням, я видел его сутану.

— Следуй за мной! — крикнул Винченцо, взбегая по лестнице.

— Иду, иду, хозяин. Только, ради Господа, не упоминайте о монастыре, а то наша жизнь подвергнется опасности...

Они быстро поднялись на террасу и при свете высоко поднятого факела окинули ее взглядом, но терраса была пуста. Огонь высветил лишь грубую кладку полуразрушенных стен и ветви сосен, нависшие над ними.

— Ты видишь кого-нибудь, Паоло? — спросил Винченцо, еще выше подняв факел над головой.

— Вон под этими арками слева, мне показалось, мелькнула тень. Может, это призрак, синьор, кто знает. Быстрым же оказался ваш монах.

— Поменьше говори, Паоло. И будь поосторожней да ступай потише, — сказал Винченцо, опуская факел.

— Слушаюсь, синьор. Глаза должны увидеть, если уши подвели. Освещайте путь, синьор.

— Не паясничай, Паоло, — строго остановил его Винченцо. — Помолчи и, главное, будь осторожен.

Паоло подчинился, и они проследовали дальше под колоннаду, соединяющую уцелевшие части развалин с башней, которая произвела такое отпугивающее впечатление на Бонармо. Увидев ее снова, Винченцо вдруг понял все безрассудство своей затеи и ощутил страх.

Он неожиданно остановился. Паоло, поняв его состояние, попытался уговорить его не продолжать поиски.

— Мы не знаем, кто укрывается в этих развалинах, сколько их там, а нас ведь всего двое. Я только что видел, синьор, как кто-то вошел вон в тот проход, — и он указал туда, откуда, как подумал Винченцо, скорее всего, им могла грозить опасность.

— Ты уверен в этом? — с волнением спросил он. — Как он выглядел?

— Здесь очень темно, синьор, я не успел разглядеть.

Винченцо смотрел на контуры башни, и в душе его яростно боролись самые противоречивые чувства: страх, гнев, решимость. Наконец он принял решение.

— Я продолжу поиски, — сказал он, — меня не пугает опасность. Я должен положить конец этой неизвестности. А теперь, Паоло, решай сам, хочешь ли ты разделить со мной ту опасность, которая может нам грозить. Уверен ли ты в себе? Если уверен, тогда можешь сопровождать меня, если нет — я пойду один.

— Слишком поздно, синьор, задавать мне такие вопросы, — тихо ответил Паоло. — Если бы я этого не решил для себя, я бы не пошел за вами так далеко. У вас и раньше не было причин сомневаться в моей смелости.

— Тогда идем! — воскликнул обрадованный Винченцо и обнажил шпагу. Он вошел в узкий проход, сам неся факел, который отказался вернуть Паоло. Огонь осветил каменные стены прохода, уходящего, казалось, в бесконечность.

Пока они шли, Паоло успел заметить кое-где на стенах бурые пятна, напоминавшие пятна крови, но воздержался сказать об этом хозяину, да и побоялся нарушить тишину.

Винченцо ступал осторожно и бесшумно, временами останавливаясь и прислушиваясь, а затем снова ускорял шаги и знаком приглашал Паоло следовать за ним дальше. Проход заканчивался лестницей, ведущей в подземелье. Винченцо показалось, что впереди уже не впервые мелькнул слабый свет.

Он остановился и, убедившись, что Паоло следует за ним, хотел продолжить свой путь, но тот схватил его за руку.

— Остановитесь, синьор! — прошептал Паоло. — Разве вы не видите человека, который притаился в темноте?

Винченцо, присмотревшись, увидел еле различимый силуэт кого-то, кто словно притаился и поджидал их у лестницы, ведущей вниз. В полумраке трудно было разглядеть его одежду. Тот ли это, кого он ищет? Он поднял было факел повыше, но это ничего не дало, тогда, быстро передав факел Паоло, он ринулся вперед. Когда он достиг лестницы, то убедился, что тот, кто стоял там, исчез столь бесшумно, что даже не было слышно его шагов. Паоло точно указал место, где впервые заметил таинственный силуэт. Винченцо громко крикнул в темноту, но ему ответило лишь долгое эхо из подземелья.

Постояв немного, Винченцо начал спускаться по лестнице вниз. Не прошло и минуты, как следовавший за ним Паоло взволнованно окликнул его:

— Вот он, синьор, я вижу его! Он прошмыгнул в дверь, ведущую в подземелье!

Винченцо ускорил шаги, и Паоло едва успевал за ним. Наконец Винченцо перевел дух и оглянулся. Он уже был здесь в прошлый раз. Ему знакома эта просторная комната под сводами. Паоло заметил, как изменилось лицо его хозяина.

— Вам плохо, синьор? — испуганно прошептал он. — Ради всех святых, давайте уйдем из этого поганого места. Те, кто прячется здесь, по всему видно, люди недобрые. Нам не следует оставаться здесь.

Винченцо не ответил. Он с трудом дышал, а опущенные глаза неотрывно смотрели на пол. Но вдруг в дальнем конце комнаты заскрежетали заржавевшие засовы. Паоло и Винченцо увидели на мгновение открывшуюся в стене дверь. Каждый из них узнал фигуру того, кто стоял у лестницы, и каждый теперь не сомневался, что это монах в сутане. Винченцо, не раздумывая, бросился за своим врагом и успел достичь двери, прежде чем она захлопнулась, и придержал ее рукой.

— Вам не обмануть меня! — вскричал он, входя в дверь. — Паоло, оставайся здесь и сторожи дверь.

Войдя еще в одну обширную комнату подземелья, он оглянулся вокруг. Комната была пуста. Он осмотрел ее стены, но не нашел ни окон, ни дверей, через которые можно было бы незаметно уйти. Крепкая чугунная решетка закрывала отверстие под самым потолком, еле пропускавшее воздух и, видимо, слабый дневной свет.

— Никто не проходил через дверь? — крикнул он Паоло.

— Нет, синьор.

— Невероятно, — удивленно воскликнул Винченцо. — Значит, это не человек, а призрак?

— Если так, — заметил Паоло в раздумье, — тогда зачем ему страшиться нас, а он точно нас испугался, иначе не бежал бы.

— Кто знает, — ответил обескураженный Винченцо. — Может, он хочет заманить нас в ловушку. Давай свой факел, я что-то обнаружил в стене, надо хорошенько рассмотреть.

Паоло отдал ему факел. Но оказалось, что это всего лишь изъяны в кладке, а не потайная дверь или перегородка.

— Непонятно! — воскликнул Винченцо после долгого молчания, пока они тщательно осматривали стены. — Кому нужны эти проделки?

— А что, если это призрак? — задумчиво сказал Паоло.

— Я уже был предупрежден, что мне грозит опасность, — продолжал Винченцо, размышляя вслух, — и предупреждения начали сбываться. Тот, кто это делает, уже не раз попадался на моем пути и каждый раз, как злой дух, ускользал из моих рук, озадачивая меня и заманивая все дальше. Не понимаю, как ему удастся ускользать? Кажется, он рядом, и вот его уже нет.

— Истинная правда, синьор! — согласился Паоло. — Мы никогда его не найдем, и я прошу вас, не надо его искать. Это место заставляет верить в ужасы ада. Уйдемте отсюда, синьор!

— Только призрак мог покинуть это место незамеченным, — продолжал размышлять вслух Винченцо, не слыша Паоло, — только призрак...

— Я могу доказать вам, синьор, что отсюда есть выход, и даже для человека. Вот через эту дверь...

Не успел он произнести эти слова, как дверь с грохотом захлопнулась. Винченцо и Паоло остолбенели от неожиданности. Их охватил неподдельный страх, когда все попытки открыть дверь оказались напрасными. Деревянная массивная дверь была окована железом и казалась столь же неприступной, как дверь тюрьмы.

— О, синьор, если это призрак, то он хорошо знает, что мы-то живые люди. Вот он и заманил нас сюда. Жаль, что мы не можем стать призраками, чтобы выбраться отсюда. Ума не приложу, как простой смертный может это сделать. Вы должны согласиться, синьор, что вас предупреждал совсем не призрак. А если это призрак, то похож на меня...

— Хватит шутить, Паоло, давай лучше поищем, как бы выйти отсюда.

Винченцо снова тщательно обследовал каждую щель в стенах, и в одном из углов он наткнулся на то, что сказало ему, какая участь постигла того, кто побывал здесь до них: на полу лежала чья-то окровавленная одежда. Паоло и Винченцо поняли все. Винченцо первым

пришел в себя. Вместо отчаяния и растерянности он испытал вдруг неожиданную решимость — во что бы то ни стало они должны выбраться отсюда. Однако на Паоло увиденное произвело удручающее впечатление.

— О, синьор, — произнес он, заикаясь, — а что, если под этим тряпьем лежит чье-то изувеченное тело?

Винченцо вздрогнул и невольно посмотрел в угол.

— Там что-то шевелится, синьор, — испуганно вскрикнул Паоло. — Я вижу.

Винченцо инстинктивно отступил назад, но тут же вернулся и, чтобы покончить со страхом, концом шпаги поддел край окровавленного тряпья. Под ним оказалась собранная в кучку нижняя одежда, а под нею следы крови на полу.

Чтобы разубедить перепуганного Паоло, Винченцо еще раз огляделся вокруг, но ничего, кроме одежды, не обнаружил. Видимо, она принадлежала какому-нибудь бедняге, которого сначала ограбили, а потом убили. Мысль, что его и Паоло ожидает такая же участь, привела юношу в отчаяние. Но он тут же отказался от этой зловещей догадки, вспомнив, как они с Паоло попали сюда. Разбойники не стали бы церемониться и изощренно завлекать жертву в ловушку — они просто тут же схватили бы их. Впрочем, почему они не проделали это раньше, когда он был здесь с Бонармо? Маловероятно, что предупреждения таинственного монаха могли быть связаны с планами какой-нибудь банды грабителей. Нет, не похоже, чтобы он стал пленником шайки воров, а если это так, то произошло это чисто случайно. Монах не может иметь к ним отношения. Он слышал его голос в темноте под аркой и узнал этот голос. Паоло видел, как он поднимался по лестнице, а потом они оба видели его у края лестницы, ведущей в это подземелье.

Чем больше он размышлял над случившимся, тем большее смятение охватывало его. Теперь ему уже казалось, что в этом монахе было что-то не от человека.

«Если это мятущийся дух убитого здесь, то он позвал меня сюда, чтобы я предал его кости земле. Но этот дух не был бессловесен, и он заботился не о погребении своих костей, а пекся обо мне, предупреждал меня. Тогда почему он прятался и ускользал от меня? Неужели мне следует верить всяким рассказам, что это дух убиенного?»

Думая так, Винченцо еще раз, теперь уже тщательно, осмотрел зловещее тряпье в углу. Под самым низом он обнаружил монашеское одеяние, которое до этого не заметил. Концом шпаги он поднял сорочку и безрукавную тунику, которые носят монахи. На всем были следы крови. Он застыл, словно увидел привидение. Какое-то время он с ужасом глядел на окровавленную одежду, а потом стряхнул ее со шпаги на пол.

Паоло, безмолвно следивший за действиями Винченцо, вдруг не выдержал:

— Синьор, неужели это одежда того дьявола, который завлек нас сюда? Или это знак того, что нам тоже уготована смерть? Или это одежда сатаны, которую он носит, когда принимает облик человека?

— Ни то ни другое, — тихо промолвил Винченцо, пытаясь совладать с собой и отворачивая лицо от ужасного зрелища. — Лучше попытаемся еще раз поискать выход отсюда.

Но сделать это было нелегко. Они снова попытались выбить дверь, а затем Винченцо, подсадив Паоло, велел ему осмотреть оконце под потолком. Несколько раз они с Паоло принимались громко кричать, взывая о помощи. Наконец, совсем обессилив, Винченцо в полном отчаянии упал на камни пола.

Паоло теперь не переставая корил хозяина за безрассудство, заведшее их в это подземелье, и предрекал им голодную смерть.

— Даже если это не разбойники, синьор, и не сатанинские силы, то все равно готов поклясться святым Януарием, что теперь нам отсюда самим не выбраться. Никто не услышит наших криков о помощи, и мы обречены на смерть от голода.

— Не скажешь, что ты хороший утешитель, — простонал распростертый на полу Винченцо.

— А вы не очень хороший проводник, синьор. Вот мы и квиты.

На это Винченцо ничего не ответил. В безрадостных раздумьях он продолжал лежать на холодных камнях пола. Теперь у него было вдоволь времени, чтобы поразмышлять над тем, что могли означать последние слова монаха, которые, несомненно, касались Эллены. Сообщение о том, что она уехала куда-то? Разумеется, эти слова не могли означать ее смерть. Это невозможно! При этой мысли бедный юноша, охваченный страхом, вскочил на ноги и стал быстро ходить по подземелью. Мрачное отчаяние сменилось тревогой и недобрыми предчувствиями. Ведь монах не ошибся, предупредив его о смерти синьоры Бианки! Винченцо метался как обезумевший по комнате.

Паоло, видя метания хозяина, забыл о своих страхах и постарался, как только мог, успокоить Винченцо. Но тот не слышал ничего, столь велико было его отчаяние.

Однако когда Паоло упомянул о монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, Винченцо прислушался и постепенно пришел в себя. Не с этим ли монастырем связано появление монаха и зловещие намеки на опасность? Он с нетерпением попросил Паоло рассказать ему наконец, что ему известно о мрачных секретах этого монастыря.

Паоло на этот раз весьма неохотно откликнулся на просьбу Винченцо. Прежде чем начать, он настороженно окинул взглядом мрачные стены, словно опасаясь, что кто-то может их подслушать.

— Кажется, мы одни, синьор, — начал он, собравшись с духом. — Но предосторожность не помешает. Садитесь поближе, синьор, я буду за вашей спиной и постараюсь рассказать все, что знаю о церкви Святой Марии на слезах.

Когда они уселись, спина к спине, Паоло, понизив голос до полупшепота, начал:

— Было это в канун дня святого Марко, сразу же, как отзвонили к вечерней молитве. Вы когда-нибудь были в церкви Святой Марии, синьор? Если были, то помните, какая она старая и мрачная. Так вот, как только отзвонил последний удар колокола, к одной из исповедален подошел человек, закутанный с ног до головы в широкий светлый плащ, так что ни лица, ни фигуры его не было видно, вошел в нее и опустил на колени. В церкви было так темно, что, будь он даже в вышитом, как у вас, камзоле, синьор, его все равно никто бы не заметил, потому что притвор, где помещались исповедальни, освещался слабым фонарем, чтобы никто не мог видеть исповедующихся и не заставлял бы их краснеть еще больше за свои прегрешения. Да и деньги за полную тайну исповеди платили в таких случаях охотнее. Монахи в этом деле понимают толк...

— Ты отвлекся, Паоло, продолжай дальше, — остановил его Винченцо.

— Вы правы, синьор, на чем это я остановился? Так вот, вошедший, встав на колени, вдруг стал так громко стонать и причитать, что слышно было во всех углах церкви. Как вы знаете, синьор, монахи монастыря Санта-Марии принадлежат к ордену Кающихся Грешников, и люди, согрешившие более других, охотнее идут именно сюда за отпущением грехов. В канун святого Марко, как обычно, грехи отпускал главный исповедник отец Ансальдо. Он пожурил исповедующегося за громкий голос и попросил его успокоиться. Тот, заставив еще громче, все же послушался и, понизив голос, начал свою исповедь. Что он говорил исповеднику, я, конечно, не знаю. Исповедники блюдают тайну исповеди и разглашают ее разве только в самых крайних случаях. Что уж сказал исповеднику этот человек, никто не знает, но отец Ансальдо, не закончив выслушивать исповедь, вдруг встал и покинул исповедальню. Не сделав и нескольких шагов, он упал на пол и забился в сильных конвульсиях. Когда он пришел в себя, тут же спросил окружающих его прихожан, ушел ли тот, кто только что у него исповедовался, и если нет, то надо его немедленно задержать. Он описал, насколько мог, его приметы, хотя едва разглядел его в полумраке исповедальни. Но даже воспоминание об этом чуть снова не привело отца Ансальдо к новым конвульсиям. Один из монахов, правда, видел, как похожая фигура высокого человека в светлом плаще быстро проследовала к выходу, но никто не обратил на это внимания. Этот человек вышел в боковую дверь, ведущую в церковный двор. Отец Ансальдо тут же велел позвать церковного сторожа. Но тот утверждал, что никто не проходил через церковные ворота в последние четверть часа. Это вполне объяснимо, синьор, если мошенник что-то задумал. Однако

сторож также утверждал, что не видел в этот вечер, чтобы в церковь вошел человек в светлом плаще, каким его описал исповедник. Таким образом, сторож показал себя человеком бдительным и хорошо знающим свою службу, хотя, может быть, он просто спал все это время у себя в каморке. Иначе как объяснить, что этот человек все же вошел в монастырь незамеченным и так же запросто вышел из него?

— Он был в белом? — переспросил Винченцо. — Если бы ты сказал, что он был в черном, я бы сразу подумал, что это мой мучитель.

— Знаете, синьор, я об этом тоже подумал! — воскликнул Паоло. — Ничего не стоит быстро сменить одежду.

— Продолжай дальше, — попросил его Винченцо.

— Выслушав сторожа, святые отцы после недолгих размышлений пришли к выводу, что он скрывается в монастыре. Они обыскали все монастырские строения, но не нашли его.

— Это — мой монах, — заключил Винченцо, — хотя и появляется в разных одеждах. Двух столь похожих по виду и таинственности своего появления и исчезновения просто не может быть.

Его речь внезапно прервал долгий приглушенный стон, словно предсмертный вздох умирающего. Паоло тоже вздрогнул. Они напряженно вслушивались, ожидая чего-то ужасного.

— Это ветер, — наконец сказал Паоло.

— Кажется, стих. Продолжай свой рассказ, Паоло, — попросил его Винченцо.

— После этой странной исповеди, — продолжал Паоло, — отец Ансальдо так и не смог оправиться, он...

— Возможно, что-то в этой исповеди касалось и его лично, — высказал догадку Винченцо.

— Не думаю, синьор. Я ничего такого не слышал. Но вот некоторые странные случайности, которые последовали, говорят об обратном. Через месяц после того, как это случилось, однажды вечером в знойный и душный день, когда монахи вернулись с вечерней молитвы...

— Тише! — остановил его Винченцо.

— Да, слышу. Кто-то шепчется, — тихо промолвил Паоло.

— Не двигайся, — предупредил Винченцо.

Они напряженно прислушивались к чьим-то приглушенным голосам, но так и не могли понять, откуда они доносятся. Возможно, рядом, за стеной, а возможно, под ними. Иногда голоса умолкали, потом снова возобновлялся разговор. Видимо, говорившие были осторожны и не хотели, чтобы их услышали. Винченцо даже подумал, что, может, следует дать им знать, что они здесь. Но не решался.

— Помните, синьор, — сказал Паоло, угадав его мысли, — это как-никак шанс убраться отсюда. Мы умрем от голода здесь, если не рискнем и не воспользуемся этим.

— Рискнем? — печально промолвил Винченцо, тоже шепотом. — Чем рискует такой несчастный, как я? О, Эллена...

И, более не раздумывая, он громко подал голос, Паоло поддержал его. Но их крики и просьбы не возымели желаемого действия, ибо им ответила мертвая тишина. Более они не слышали голосов, привлечших их внимание.

Потеряв надежду выбраться из каземата, они улеглись на полу, оставив все решения до рассвета. Они были настолько огорчены и угнетены неудачей, что Винченцо даже не попросил Паоло продолжить свой рассказ о необычной исповеди в монастыре Кающихся Грешников. У него было слишком много своих забот и горя, чтобы слушать рассказы о чужих невзгодах. Кроме того, рассказ Паоло не имел никакого отношения к нему и Эллене. Сам же Паоло, не привыкший так много говорить и порядком уставший от этого, тоже был рад помолчать.

ГЛАВА VIII

Кто та, что крадучись идет по галерее,
В лучах заката приподняв вуаль,
Черты святыя приоткрыв невольно,
Которые являют добродетель.

После того как Эллена поселилась в монастыре, в течение нескольких дней ей не было разрешено покидать свою келью. Дверь была всегда заперта снаружи, и право входить к ней имела лишь монахиня, которая приносила ей скромную еду. Это была все та же сестра с недобрим лицом, которая встретила ее у дверей монастыря и препроводила к настоятельнице.

На четвертый день, когда были все основания полагать, что заточение обуздало строптивую послушницу, ее вызвала к себе настоятельница монастыря. Она приняла Эллену с таким строгим и суровым видом, что девушка приготовилась к самому худшему.

Беседа началась с беспощадного обличения кощунственного посягательства провинившейся на честь, достоинство и покой одной из самых известных семей Неаполя, мать наставница предложила Эллене сделать выбор: или она должна постричься в монахини и навсегда остаться в монастыре, или она вступает в брак с человеком, которого предложит ей маркиза ди Вивальди, известная своей добротой и благородством сердца.

— Вам никогда не отблагодарить маркизу за ее великодушие, — добавила настоятельница. — Она предоставляет вам самой сделать выбор. После того ущерба, который вы нанесли престижу этого достойного семейства, вы едва ли заслуживаете таких благодеяний. Было бы справедливым жестоко наказать вас, но маркиза позволяет вам самой определить свою судьбу — снова вернуться в привычный вам круг людей и забот, если у вас не хватит мужества, преданности Богу и разума, чтобы покинуть сей греховный мир и служить лишь Ему одному. В случае, если вы предпочтете вступить в брак, то тот, кто должен содержать и опекать вас, ваш супруг, будет из вашего круга, во всех отношениях более подходящий вам, чем тот, на кого вы осмелились поднять глаза.

Лицо Эллены залила краска стыда и справедливого гнева, но она сдержала себя и промолчала. Эта негодная попытка выдать насилие за благодеяние вызвала в душе девушки целую бурю чувств, однако не была для нее неожиданностью или ударом. С первой минуты своего пребывания в монастыре Сан-Стефано она готовила себя к тому, что ее ждут тяжкие испытания, и решила, что бы ни случилось, все принять мужественно и с достоинством. Только так она сможет противостоять козням своих врагов и одержать над ними победу. Лишь вспоминая о Винченцо, она вдруг теряла уверенность в себе, ибо разлуку с ним ничто не могло ей возместить.

— Вы молчите, — заметила настоятельница после выжидательной паузы. — Неужели вы настолько неблагодарны, что не способны оценить великодушие маркизы? Что ж, я не воспользуюсь вашей дерзостью и упрямством и по-прежнему оставляю вам возможность выбора. Вы свободны, можете идти в свою келью. Советую вам хорошенько подумать и принять разумное решение. Но помните, что иного выбора у вас нет. Если вы откажетесь стать монахиней нашего монастыря, вам останется лишь выйти замуж за того, кого порекомендует вам маркиза.

— Чтобы все обдумать, мне нет надобности уединяться в свою келью, — спокойно и с достоинством ответила девушка. — Я уже приняла решение и отвергаю уже сейчас оба ваши предложения. Я никогда не соглашусь остаться в вашем монастыре и не пойду на унижение, которое мне сулит брак по выбору маркизы. Теперь, когда я все вам сказала, я готова на любые испытания, которые мне уготованы судьбой, но знайте, я никогда не примирюсь с тем злом, которое вы против меня замыслили, и в моем сердце не угаснет вера в торжество справедливости. Это придает мне силы все вынести. Теперь вы знаете мое решение и все, что

я думаю об этом. Больше я вам ничего не скажу.

Настоятельница, немало удивленная и еле сдерживая себя, однако, выслушала все до конца, не перебивая Эллену.

— Кто внушил вам подобную самоуверенность? Откуда у вас эта дерзость и неуважение к старшим, и особенно ко мне, настоятельнице этого святого приюта, где вам предоставлен кров? — наконец гневно воскликнула она, когда девушка умолкла.

— Святость этого приюта была нарушена, как только он стал местом заключения, — тихо, с достоинством ответила Эллена. — Когда сама настоятельница монастыря перестает уважать каноны святой религии, которые учат нас справедливости и любви к ближнему, она не вправе ожидать уважения к себе. Чувства, которые вселяет в нас наша вера, побуждают восставать против произвола тех, кто их нарушает.

— Вон! — не смогла сдержаться взбешенная мать настоятельница, поднимаясь с кресла. — Ваши дерзкие кощунственные слова не пройдут вам даром.

Эллена с облегчением покинула покои настоятельницы и была снова препровождена своей надзирательницей в келью. Оставшись одна, она погрузилась в нерадостные раздумья. Правильно ли она повела себя? И тут же испытала гордость, что отстаивала свое достоинство и свои права. В своем разговоре с настоятельницей она была правдива и откровенна. Действительно, как смела та требовать уважения к себе от жертвы своего произвола и жестокости и коварства маркизы? Эллена была убеждена, что сумела верно оценить характер и поведение настоятельницы, и это еще больше укрепило в ней уверенность в том, что она вела себя достойно. Она не позволила чувствам взять верх, не потеряла контроля над собой. Всегда отзывчивая на добрые чувства, она тем не менее не поддавалась страху, столкнувшись со злом, и нашла силы дать ему отпор. И тем не менее Эллена благоразумно решила избегать в дальнейшем подобных обострений в своих отношениях с матерью настоятельницей.

Отныне ее спасением будут сдержанность и молчание. Ее ждут страдания, и она примет их. Из трех зол, выпавших на ее долю, заточение в монастырь казалось теперь не столь страшным, как пострижение в монахини или брак по принуждению. Выбор оказался не так труден и будущее более ясным. Встретив ждущие ее невзгоды со смирением и спокойствием, она уменьшит их тяжесть. В этом неравном поединке она должна рассчитывать на собственный разум.

Несколько дней после разговора с настоятельницей она снова провела в своей келье взаперти. Однако на пятый день ей было разрешено присутствовать на вечерней молитве. Она с наслаждением вдыхала свежий вечерний воздух, когда шла через сад к церкви, и с особым волнением любовалась каждым деревцем и кустиком, все казалось ей чудом после долгих дней заточения. В церкви она стояла вместе с послушницами. Звуки органа и торжественные песнопения успокоили ее.

Прислушиваясь к хору, ее чуткое ухо уловило голос, полный неизъяснимой грусти тоскующего сердца, словно оплакивающего что-то. Ответное чувство отозвалось в душе Эллены, и отныне в хоре голосов и высоких аккордах органа она слышала лишь один этот голос. Она обвела глазами ряды молящихся монахинь. Посторонних в церкви не было, поэтому многие из них откинули покрывала, и Эллена видела их открытые лица. Увы, ни одно из них не задержало ее взора.

Однако ее внимание наконец привлекла одинокая фигура коленопреклоненной монахини в дальнем конце церкви. Свет лампы, падавший сверху, хорошо освещал ее склоненную голову, и Эллена была почти уверена, что этот прекрасный, полный печали голос принадлежит именно ей. Лицо монахини было скрыто под прозрачным покрывалом, но склоненная голова и изящные линии фигуры отличали ее от остальных.

Когда замерли последние звуки органа и молитва была закончена, монахиня поднялась с колен и отбросила покрывало. Ее лицо убедило Эллену, что она не ошиблась. Только у нее мог быть такой прекрасный, полный глубокой скорби и страдания голос. Спокойное и отрешенное лицо было бледно и печально, и это делало ее подобной ангелу. Когда монахиня воздела глаза в молитве, Эллене показалось, что она никогда еще не видела столько мольбы

и смирения в человеческом взоре.

Не спуская с чудесной монахини глаз, Эллена забыла обо всем. Вскоре ей показалось, что, кроме смирения, в этом лице есть какая-то скрытая решимость и энергия, и это почему-то не только обрадовало ее, но и утешило, что в этом монастыре есть кто-то, кому не чужды человеческие чувства. Она пыталась встретиться с ней взглядом и безмолвно выразить ей свою признательность, поведать о своем несчастье. Но монахиня была слишком погружена в молитву.

Но когда сестры покидали церковь, монахиня прошла совсем близко от Эллены, тоже откинувшей с лица вуаль, и глаза их встретились. Во взгляде монахини Эллена увидела не просто любопытство к новенькой, а живой человеческий интерес и даже сострадание. Более того, легкий румянец на мгновение окрасил бледные щеки, и Эллене показалось, что монахиня замедлила шаги, словно хотела остановиться. Казалось, ей было трудно оторвать взгляд от лица Эллены. Но вот она прошла мимо.

Эллена долго провожала ее взором, пока та не скрылась в покоях настоятельницы. Девушка, как бы очнувшись, отважилась наконец спросить у своей сопровождающей, кто эта монахиня.

— Ты, должно быть, говоришь о сестре Оливии, не так ли? — ответила та.

— Да, она очень красивая.

— Среди сестер она не одна такая, — сухо ответила сестра Маргаритой, которую слова Эллены, казалось, задели.

— Я не сомневаюсь, — заметила девушка, — но у нее необыкновенное лицо — открытое, благородное, одухотворенное. И столько грусти в ее глазах. Она не может не привлечь к себе внимания.

Эллена была настолько взволнована этой необыкновенной встречей, что совсем забыла о черством сердце своей надзирательницы, сестры Маргариты. Доверенное лицо матушки игуменьи, та предпочитала на все смотреть глазами недоверия и презрения.

— Конечно, она уже в поре зрелости, — задумчиво размышляла вслух Эллена, пока они шли по длинным коридорам, все еще надеясь на понимание своей сопровождающей, — но она по-прежнему очень красива и, видимо, сберегла все лучшее, что было дано ей Богом, добавив к этому с годами еще и достоинство.

— Ты считаешь, что она средних лет? — раздраженно перебила ее Маргарита. — Но будет тебе известно, если речь идет о сестре Оливии, она старше нас всех.

Эллена невольно взглянула на землистое и худое лицо своей спутницы, которой на вид можно было дать не менее пятидесяти лет, и с трудом скрыла свое удивление, увидев на нем не только самодовольство, но и губительные следы подавляемых страстей. Маргаритой, полная зависти и раздражения, прекратила дальнейший разговор. Проводив Эллену в ее келью, она ушла, заперев за собой дверь.

На следующий день Эллене снова было позволено присутствовать на вечерней молитве. Мысль о новой встрече с той, что так поразила ее, заставила сердце девушки радостно забиться. Войдя в церковь, она сразу же увидела на том же месте коленопреклоненную Оливию, хотя служба еще не началась.

Эллена с трудом сдержала свой порыв немедленно привлечь ее внимание, но монахиня продолжала тихо молиться. Наконец она поднялась с колен, откинула покрывало и посмотрела на Эллену. Обрадованная девушка, забыв, что она в церкви, вскочила со скамьи и была готова броситься к ней, но монахиня тут же опустила покрывало на лицо, и в ее глазах, как успела заметить Эллена, были укор и предостережение. Девушка смутилась и снова села на скамью, но всю службу не сводила глаз со своего неожиданного друга.

Служба кончилась, но Оливия, проходя мимо Эллены, даже не взглянула в ее сторону. Опечаленная и расстроенная Эллена вернулась в келью. Она понимала теперь, как была необходима ей улыбка сестры Оливии, этот лучик надежды и дружеской поддержки.

Ее печальные размышления, однако, были прерваны легкими шагами в коридоре, и вскоре запертая дверь открылась, и на пороге Эллена увидела сестру Оливию. Обрадованная,

она бросилась навстречу гостье, но та предупреждающе вытянула вперед руку, как бы останавливая импульсивную девушку.

— Я знаю, вам трудно привыкнуть к одиночеству, — сказала она тихо. — И к нашей скромной пище, — добавила она с улыбкой и, поставив на стол небольшую корзинку, взяла девушку за руку.

— О, какое у вас доброе сердце! — воскликнула растроганная Эллена. — Ваше сердце способно сочувствовать, хотя вы живете в стенах этой обители. Понять страдания других может лишь тот, кто сам страдал. Как мне выразить вам всю глубину моей благодарности?..

Хлынувшие слезы помешали бедняжке закончить фразу. Оливия еще крепче сжала руку девушки, вглядываясь в ее лицо напряженным, взволнованным взглядом. Но через мгновение она овладела собой, и вновь ее лицо стало спокойным.

— Вы правы, мое сердце много страдало и мне близки страдания других, и ваши тоже, дорогое дитя. Вы заслуживаете лучшей доли, чем заточение в этих стенах.

Она внезапно умолкла, словно поняла, что сказала слишком много, но затем добавила:

— Во всяком случае, вы заслуживаете хотя бы покоя и утешения в том, что у вас есть здесь друг. Верьте мне, это так, но никто не должен об этом знать. Я буду навещать вас, как только смогу, но более не спрашивайте обо мне, а если наши встречи будут короткими, не просите меня продлевать их.

— О, как вы добры, как великодушны! — прерывающимся от волнения голосом воскликнула Эллена. — Вы будете навещать меня, вы сострадаете мне!..

— Тише, дитя мое, — остановила ее сестра Оливия. — Нас могут услышать. Доброй ночи, и да будет ваш сон легок и спокоен.

Не в силах вымолвить слов прощания, Эллена лишь взором, полным слов, поблагодарила сестру Оливию.

Та же, внезапно отвернувшись и еще раз ободряюще пожав руку девушки, быстро покинула келью.

Эллена, совсем недавно выслушавшая жестокую отповедь настоятельницы, от добрых слов сестры Оливии и ее искреннего сочувствия теперь уже совершенно не могла совладать с собой и буквально захлебывалась от слез. Но это были слезы благодарности, очистительные, как щедрый дождь, пролившийся на истосковавшуюся по живительной влаге землю. Они вернули Эллене уверенность и силы, и мысли о разлуке с Винченцо не казались более столь страшными, ибо в сердце снова пробудились надежды.

Утром она обнаружила, что дверь ее кельи не заперта. Она немедленно воспользовалась этим. Выйдя в небольшой коридорчик, она увидела в конце его дверь. Убедившись, что она заперта, Эллена поняла, что по-прежнему прочно отгорожена от всех остальных помещений монастыря. Добрая сестра Оливия оставила дверь кельи незапертой, чтобы дать Эллене хотя бы иллюзию свободы передвижения: сердце девушки переполнилось радостью и благодарностью к своему доброму другу. Счастью ее не было предела, когда тут же в конце коридора она обнаружила узкую лестницу, ведущую вверх. Быстро поднявшись по крутой винтовой лестнице, она оказалась в небольшой, совершенно пустой комнате с окном. Подойдя к нему, она едва удержалась от крика восторга. Ее взору открылась бездонная голубизна неба и зеленые просторы ландшафта внизу. Сознание тюрьмы исчезло, дышалось привольно и легко. Осмотревшись, она вскоре поняла, что находится в одной из небольших угловых башен, возвышающихся над стенами монастыря, а внизу был отвесный гранитный обрыв, поэтому ей казалось, что башня словно подвешена в воздухе. Эллена словно зачарованная смотрела на ущелья, густые поросли горной сосны и лиственниц, на кудрявую зелень ореховых рощ на горных склонах, плавно переходящих в равнину, окаймленную цепью далеких гор. Девушка уже видела эти горы по дороге в монастырь Сан-Стефано. Слева она увидела знакомый, кажущийся таким ненадежным, мост через бурный горный поток, по которому она проехала в экипаже. Вид из окна башни был еще более величественным и прекрасным, чем из окна экипажа.

Для впечатлительной Эллены, чье воображение всегда волновали величие и красота

природы, открытие этой комнаты в высокой башне было неожиданным счастьем. Теперь она всегда сможет приходить сюда за глотком чистого воздуха и успокоением. Эти величественные скалы и нежная зелень равнин, созданные Всевышним, в коих всегда есть Его присутствие, будут неизменно напоминать ей о том, что страдания земные преходящи, а человек мал и бессилен перед величием мироздания. Какими ничтожными и малыми отныне будут казаться ей те, кто посягает на ее свободу!

От этих успокаивающих ее размышлений Эллену вдруг отвлек шум шагов внизу и звук открываемой двери. С бьющимся сердцем она поспешила спуститься вниз, боясь, что сестра Маргаритой узнает ее тайну и никогда более она не сможет подниматься в башню. Но она опоздала, монахиня уже ждала ее в келье.

Удивлению и гневу сестры Маргаритой не было предела. Она тут же расспросила провинившуюся, где та была и как смогла покинуть запертую на ключ келью. Девушка, не укрываясь, ответила, что нашла дверь открытой, и поэтому позволила себе эту невинную прогулку на башню. Она не сомневалась, что не может рассчитывать на доброжелательство сестры Маргаритой, поэтому не закончила свои оправдания просьбой позволить ей и дальше бывать в башне. Сомнений в том, что ей это не будет разрешено, у нее не было. Оставив завтрак на столе, разгневанная монахиня удалилась.

Все последующие дни Эллена была обречена видеть лишь свою суровую надзирательницу, за исключением тех вечеров, когда ей разрешалось присутствовать в церкви на вечерней молитве. Из осторожности она даже не смотрела в ту сторону, где молилась сестра Оливия, опасаясь, что теперь пристально следят за каждым ее взглядом или движением. Она чувствовала на себе взгляды Оливии, но посмотреть в ее сторону не решалась. Однако однажды она осмелилась поймать взгляд сестры Оливии и прочла в нем не только сострадание и обеспокоенность, но и что-то похожее на страх.

Покинув церковь, Эллена более не видела сестры Оливии в тот вечер. Но утром следующего дня она, вместо сестры Маргаритой, принесла ей в келью завтрак. Лицо ее было еще более печальным.

— О, как я рада видеть вас! — импульсивно воскликнула Эллена. — Как мне тяжела была наша разлука. Я все время помнила о ваших предостережениях и старалась не нарушить обещания и не расспрашивать о вас.

— Я здесь по велению матушки игуменьи, — тихо сказала Оливия и присела на край кровати.

— Вам не хотелось видеть меня, — печально произнесла Эллена.

— Нет, я очень хотела вас видеть, но... — ответила Оливия и вдруг умолкла.

— Что случилось? — встревожилась Эллена. — Вы принесли мне дурные вести и не решаетесь сказать об этом?

— Увы, это так, дитя мое, — промолвила сестра Оливия. — Мне действительно будет трудно сообщить вам эту весть. Я знаю, как вы любите жизнь, но мне велено готовить вас к пострижению. Вы решительно отказались от брака, следовательно, остается одно — стать монахиней. Боюсь, это должно произойти, и очень скоро. Не будет даже обычных формальностей. Вы станете монахиней, минуя послушничество.

Оливия умолкла, и Эллена воспользовалась паузой:

— Я понимаю, как вам трудно исполнять чужое недоброе задание. Но я сама сказала настоятельнице, что не соглашусь ни на то, ни на другое, что мне предлагают. Если меня силой поведут к алтарю, произнести клятву брачной верности меня никто не заставит. Если я появлюсь перед алтарем, то только лишь чтобы заявить свой протест против насилия, совершаемого наставницей и теми, кто собирается освятить это насилие.

Судя по всему, ответ Эллены скорее понравился сестре Оливии, чем напугал ее своей смелостью, ибо она неожиданно сказала:

— Я не могу одобрить ваше решение, но не скажу, что осуждаю вас. Кажется, вы совсем одна на всем белом свете, не так ли? У вас нет близких, которым ваш уход в монастырь причинил бы горе и тревогу?

— Да, у меня никого нет, — печально согласилась Эллена и тяжело вздохнула.
— В таком случае почему вы так противитесь пострижению в монахини?
— У меня есть друг, единственный друг, и расставание с ним печалит меня.
— Простите меня за расспросы, — промолвила Оливия, — обещаю более не задавать никаких вопросов, разве только еще один — скажите мне ваше имя.

— На этот вопрос я охотно отвечу, — промолвила девушка. — Меня зовут Эллена ди Розальба.

— Как вы сказали? — воскликнула Оливия, а затем, будто на что-то решилась, переспросила: — Эллена ди...

— Ди Розальба, — повторила девушка. — Почему вы спрашиваете? Вам знакома моя фамилия? Вы кого-нибудь знали?

— Нет, — как-то убито ответила монахиня и поднялась, — просто ваше лицо напомнило мне одного близкого друга. Я не буду более задерживаться, иначе мне могут не разрешить навещать вас. Что мне передать настоятельнице? Если вы намерены отказаться от пострига, то не лучше ли будет, если вы сделаете это не так резко и категорично? Позвольте мне дать вам этот совет, ибо я лучше вас знаю матушку игуменью. И поверьте, дорогая сестра, мне очень больно видеть вас в заточении в этой келье.

— Я тронута вашим сочувствием и благодарю за советы. Я готова во всем следовать им и полагаться на ваши суждения. Вы можете сказать игуменье о моем решении так, как находите нужным. Но прошу вас, у нее не должно возникнуть впечатления, что я отступилась от сказанного ранее. Она не должна принять вежливость за слабость или нерешительность.

— Доверьтесь мне, я постараюсь быть осторожной и осмотрительной во всем, что касается вас. Прощайте, я навещу вас, если удастся, сегодня же вечером, я оставлю дверь открытой, чтобы дать вам возможность подышать свежим воздухом. Эта лестница ведет в башню.

— Я уже побывала там! — воскликнула благодарная Эллена. — Как вы добры. Пребывание там успокоило меня. Если бы у меня были еще с собой книги или карандаши и бумага, я почувствовала бы себя почти счастливой и на время забыла бы о своих невзгодах.

— Вот как? — улыбнулась монахиня. — В таком случае до вечера. Если появится сестра Маргаритой, будьте осторожны и ни в коем случае не расспрашивайте ее обо мне.

С этими словами сестра Оливия покинула келью. Эллена тут же поднялась на башню, где на время опять забыла и о монастыре, и о том, что ждет ее впереди.

В полдень, заслышав шаги сестры Маргаритой в коридоре, она быстро спустилась в келью и была немало удивлена, что на этот раз не последовало ни брани, ни назиданий. Сестра Маргаритой всего лишь сообщила ей, что мать настоятельница соизволила разрешить Эллене обедать вместе с послушницами и она пришла, чтобы препроводить ее в трапезную.

Это известие не очень обрадовало девушку, которая предпочитала обедать в келье, чтобы не подвергаться бесцеремонному разглядыванию и пересудам. Она неохотно последовала за сестрой по пустым коридорам в трапезную для послушниц. Как она и опасалась, стоило ей войти, как взоры всех были устремлены на нее, слышались смешки и перешептывания. Никто не подошел к ней и не поприветствовал, не ободрил и не одарил безмолвным, дружелюбным взглядом.

Эллена молча села за стол, еще сильнее почувствовав свое одиночество под чужими любопытными взглядами. Но вскоре, заметив молодость и невоспитанность юных послушниц, она многое простила им и постаралась держаться спокойно и уверенно.

Вернувшись в келью, она была приятно удивлена, что на сей раз сестра Маргаритой заперла на ключ лишь внешнюю дверь коридора, но оставила дверь кельи открытой. Прodelала она это намеренно неохотно, словно подчеркивала, что против своей воли вынуждена выполнять приказания старших. Эллена оставшееся время дня провела в комнате на башне, любясь видом из окна и постепенно забывая то неприятное впечатление, которое оставила в ее душе встреча с послушницами в трапезной.

Но вскоре, вспомнив о беседе с сестрой Оливией утром, она уже забыла о плохом.

Каково же было ее удивление, когда, спустившись в келью, она нашла там неожиданно появившиеся стол и стул, а на столе — стопку книг и букетик душистых цветов. Растроганная Эллена не смогла удержаться от слез. Наконец, успокоившись, она принялась разбирать книги.

Некоторые из них, мистического содержания, она тут же отложила в сторону, другие, включавшие томики стихов известных итальянских поэтов и две книги по истории Италии, с удовольствием перелистала. Она была немало удивлена, что в личной библиотеке монахини этого монастыря могут оказаться стихи светских поэтов.

Расставив книги, она с удовольствием принялась наводить порядок в ненавистой ей келье, а затем, поднявшись на башню, уселась у окна с томиком Торквато Тассо. Забыв обо всем, она вслед за поэтом ушла в чудесный мир его фантазии и воображения, и лишь меркнувший свет дня и близившиеся сумерки вернули ее к печальной реальности.

Солнце уже село, но вершины гор все еще горели отсветом его лучей. Покой и тишина воцарились вокруг и навевали легкую грусть. Эллена вспомнила о Винченцо и тихонько всплакнула. Увидит ли она его когда-нибудь, станет ли он ее разыскивать? Вспомнились его последние слова, полные предчувствия разлуки. Как, должно быть, поразило его и потрясло ее внезапное исчезновение. Мысль о страданиях бедного юноши оттеснила собственную печаль.

Удары колокола, созывающего на вечернюю мессу, прервали ее воспоминания о возлюбленном. Она спустилась в келью, чтобы подождать там сестру Маргариту, которая должна была сопровождать ее в церковь. В церкви, на обычном месте, она увидела сестру Оливию. После мессы та, подойдя к Элене, предложила ей пройти с ней в сад. Пока они шли под сенью печально застывших кипарисов, Оливия беседовала с ней на самые разные темы, намеренно избегая того, что более всего беспокоило Эллену, — как отнеслась матушка игуменья к ее решению и что ждет ее дальше. Робкие попытки девушки перевести разговор на нужную ей тему неизменно осторожно отклонялись сестрой Оливией.

Когда они наконец оказались в келье Эллены, сестра Оливия с облегчением вздохнула и рассказала девушке о своем разговоре с настоятельницей. То, что услышала Эллена, было малоутешительным. Ее решительность натолкнулась на не менее решительные намерения игуменьи монастыря настоять на своем.

— Что бы вы ни решили, дорогая, — успокаивала встревоженную Эллену сестра Оливия, — надо, чтобы настоятельница оставалась уверенной, что вы в конце концов подчинитесь ее воле. Это удержит ее от принятия крайних мер.

— Разве того, что уже сделано, не достаточно? — возмутилась Эллена. — Почему я должна таиться и лукавить?

— Это необходимо, чтобы избежать ненужных осложнений и страданий, — тихо ответила искренне опечаленная Оливия.

— Я готова выстрадать все, но не терять достоинства, — горячилась Эллена. — Только так я смогу сохранить душевный покой и силы, которые так хотят отнять у меня мои недруги.

Во взгляде девушки, устремленном на монахиню, та прочла что-то похожее на упрек и разочарование.

— Я понимаю ваши чувства, — ответила сестра Оливия, глядя на девушку с состраданием и нежностью. — Боже, как несправедлива судьба, подвергая вас таким испытаниям!

— Не говорите так! — воскликнула Эллена. — Я смирилась с этим, ибо сама сделала выбор. Я готова к испытаниям.

— Дорогое дитя, вы не понимаете, на что обрекаете себя. Не знаете всей жестокости уготованных вам испытаний.

При этих словах, чтобы скрыть слезы, готовые брызнуть из ее глаз, она, быстро отвернувшись, отдалилась от Эллены.

Девушка, напуганная волнением сестры Оливии, попыталась еще раз объяснить ей свое решение.

— Я не уверена, дитя мое, что вы поступаете разумно. Во всяком случае, вам не следует убеждать меня, что это так.

— Почему? — с тревогой спросила Эллена.

— Боюсь, я не смогу объяснить вам этого, — ответила Оливия. — А если бы смогла, то, пожалуй, не решилась бы на это.

— Не решились, — печально повторила Эллена. — Неужели даже ваши доброта и великодушие вынуждены отступить перед злом?

— Более не спрашивайте ни о чем, дитя мое, — мужественно приняла упрек сестра Оливия, ее лицо осталось таким же бледным и спокойным. — Мне достаточно будет того, что вы поймете, сколь опасна открытая борьба, и согласитесь избежать ее.

— Каким образом, мой великодушный друг, могу я поступить так, чтобы не навлечь на себя еще худших невзгод? Ведь я не могу согласиться на этот чудовищный брак с чужим мне человеком по прихоти маркизы. Для меня одинаково ужасны оба ее условия.

— Согласна... — тихо промолвила монахиня и умолкла. — Сама мысль об этом отвратительна... Но, возможно, я смогу помочь вам. Я спасу вас! — сказала она уже уверенно. — Но вы все же должны послушаться моего совета и хотя бы внешне не выказывать сопротивления.

— Как вы добры ко мне, а я, неблагодарная, столь неразумно отвергаю ваши советы. Но иначе я не могу. Мысль о том, что оружием моей борьбы станет обман, может лишить меня сил.

Эллена, сама не зная почему, пристально посмотрела в глаза сестре Оливии. Сомневалась ли она в том, что та искренна с ней, боялась ли, что это ловушка, хитроумно расставленная матерью игуменьей? Эллена содрогнулась от кощунственности подобных сомнений. Оливия, столь добрая и внимательная к ней, завоевавшая ее любовь и доверие, не может так поступить с ней! Но, взглянув еще раз на доброе лицо своего неожиданного друга, Эллена прогнала чудовищные мысли — Оливия не способна на коварство!

— Если я соглашусь на обман, — продолжила Эллена, — как может это мне помочь? Я полностью во власти игуменьи, которая всегда может проверить мою искренность. Узнав, что я ее обманываю, она накажет меня еще строже.

— Обман бывает во спасение, и тогда его можно простить, — неуверенно возразила сестра Оливия. — Мы иногда прибегаем к нему в целях самозащиты. Возникают исключительные обстоятельства, когда никто не вправе осуждать за это, как в вашем случае. Сознаюсь, я жду лишь отсрочки: когда настоятельница поймет, что вы смирились, она предоставит вам большую свободу и даст нужное время для подготовки к постригу. А за это время многое может измениться, дитя мое.

— Как бы мне хотелось в это верить, — сказала взволнованная Эллена. — Но, увы, кто может спасти меня, какая сила? У меня не осталось никого из близких, чтобы попытаться сделать это. На что вы надеетесь?

— Маркиза может сменить гнев на милость.

— Вы надеетесь на это, мой дорогой друг? Если так, то моему отчаянию нет предела. Ибо подобная милость маркизы может грозить мне еще одним унижением.

— Есть и другие выходы. Но тише! Звонит колокол, он созывает монахинь в покои игуменьи для вечернего благословения. Мое отсутствие не пройдет незамеченным. Доброй ночи, сестра. Подумайте над тем, что я вам сказала. Ваше решение должно быть разумным, ибо оно может оказаться для вас роковым.

Монахиня произнесла эти слова столь многозначительно, что бедная Эллена, растерявшись, не решилась расспрашивать дальше. Пока Эллена приходила в себя, сестра Оливия уже покинула келью.

ГЛАВА IX

Он воплощал в себе извечный ужас,
Как обитатель тех ночных развалин,
Где бродят призраки.

Р. Уолпол. Таинственная мать

Тем временем юный Винченцо вместе со своим слугой Паоло, устав от тщетных попыток выбраться из подземелья в развалинах крепости Палуцци, вынуждены были провести там ночь. Проснувшись в полной темноте, поскольку факел давно погас, они вначале перепугались, затем, вспомнив, что с ними произошло накануне, возобновили попытки выбраться отсюда. Они вновь обследовали зарешеченное окно под потолком и теперь при свете нарождающегося дня убедились, что оно выходит в глухой дворик. Это почти не сулило никаких надежд на быстрое освобождение.

Винченцо снова охватило отчаяние. Из головы не шли зловещие слова монаха, что Эллены более нет на вилле Алтиери. «Что с ней?» — с мучительной тревогой думал юноша. Паоло, не в силах успокоить хозяина, сам впал в уныние и, сидя на корточках в углу, время от времени потерянно размышлял вслух об ужасах ждущей их смерти от голода — самой страшной из всех смертей, или же упрекал себя и хозяина в том, что по легкомыслию угодили в ловушку. Так, стеная и браня себя, он вдруг умолк и устался в противоположный угол, туда, где была дверь.

— Что это? — наконец воскликнул он и вскочил на ноги. — Вы видите, синьор?

Винченцо повернулся к нему.

— Да ведь это свет, — обрадованно сообразил Паоло. — Откуда он?

Каково же было его удивление и ликование, когда он обнаружил, что луч света падал из щели под дверью, которая еще вчера была наглухо закрыта. Толкнув дверь, Паоло с радостью убедился, что она свободно открывается. Осторожно высунув голову, он выглянул в соседнее помещение.

Однако Винченцо без всяких раздумий бросился в раскрывшуюся дверь, и Паоло ничего не оставалось, как последовать за хозяином. Кругом стояла тишина, и молодые люди беспрепятственно выбрались из развалин и вскоре достигли знакомой арки над дорогой, ведущей в Неаполь. Лишь здесь Винченцо остановился и перевел дух. Надо было решить, что делать дальше — возвращаться домой или сразу же отправиться на виллу Алтиери. Правда, было слишком рано для визитов, и обитатели виллы, наверное, еще спят. Винченцо заметно воспрянул духом, и мысли об Эллине более не были такими тревожными. С ней ничего не могло случиться, несмотря на зловещие карканья монаха. После недолгих колебаний и несмотря на столь ранний час, он все же решил немедленно отправиться на виллу.

— Прошу вас, синьор, нам не надо более оставаться здесь, — торопил его начавший заметно нервничать Паоло. — Давайте лучше поскорее доберемся до ближайшего жилища да подкрепимся чем-нибудь. Я умираю от голода.

Винченцо, более не раздумывая, повернул на дорогу, ведущую к вилле. Обрадованный Паоло почти вприпрыжку следовал за ним и, не закрывая рта, строил догадки, кому понадобилось запереть их на ночь в крепости, а потом, также необъяснимо, выпустить. Винченцо, хотя и сам задумывался над этим, ничего не мог ему ответить. Скорее всего, решил он, это были проделки воров, скрывающихся в развалинах.

Войдя в сад, Винченцо был немало удивлен тем, что все окна нижнего этажа дома были открыты. Но его удивление сменилось тревогой, когда он услышал стоны и плач, доносившиеся из дома. Взбежав на террасу, он громко подал голос и тут же услышал жалобные причитания Беатрисы за дверью, которая оказалась запертой. Винченцо и Паоло, не раздумывая, проникли в дом через одно из открытых окон. В вестибюле они нашли

старую служанку. Она была привязана к колонне. От нее Винченцо предстояло узнать чудовищную историю похищения Эллены группой вооруженных людей в масках. Бедный юноша был сражен этой вестью. Сначала он просто не был в состоянии поверить в это, но затем забросал служанку вопросами, хотя все еще отказывался поверить, что это произошло. Наконец, взяв себя в руки, он выслушал все, что произошло этой ночью.

По мере того как он слушал бедную перепуганную служанку, он все больше укреплялся в мнении, что между его и Паоло заточением в подземелье и похищением Эллены есть самая прямая связь. Он более не сомневался, по чьей злой воле все это произошло. Без сомнения, его семья приняла все меры, чтобы помешать его браку с Эллени. Не кто другой, как он сам, подсказал им способ, как сделать это. Ведь это он рассказал им о своих странных приключениях в развалинах крепости, и они хитроумно воспользовались этим, чтобы убрать его с дороги в тот момент, когда злодеи беспрепятственно проникнут на виллу. Ведь злополучная крепость была на полпути к вилле Алтиери. Всякий раз, как он навещал Эллени, за ним кто-то следил, и вполне возможно, по распоряжению его матери. Заманить его в подземелье и продержат там всю ночь не составило никакого труда. О его любопытстве к таинственному монаху и тайне крепости было всем в его доме известно.

Чем больше Винченцо думал об этом, тем больше росла уверенность, что без Скедони здесь не обошлось, и весьма возможно, что он и был тем таинственным монахом, который постоянно вставал у него на пути. Советник матери, ее духовник, он стал автором и исполнителем всех этих чудовищных преступлений. И тем не менее Винченцо с удивлением вспоминал свой разговор со Скедони и то, с какой уверенностью и достоинством тот отверг все его подозрения. Неужели он ошибался и это был не монах? «Если не он, то кто же мог так хорошо знать о каждом моем шаге?» — думал юноша. Кто другой решился бы с такой верностью и рвением выполнять коварные задания его матери и, без сомнения, получать немалое вознаграждение? Безусловно, это Скедони. Он даже не считал нужным прятаться или менять привычную одежду монаха.

Винченцо, однако, понимал, что даже если его догадки относительно Скедони верны, то за всем этим прежде всего стоят его родители, маркиз и маркиза ди Вивальди.

Он поспешил вернуться в Неаполь и потребовать у них объяснения. В душе он почти не надеялся его получить, но был уверен, что в разговоре с родителями многое может проясниться. Если же его постигнет полная неудача, он припрет Скедони к стене, прямо бросив ему в лицо обвинение в похищении Эллены. Возможно, так он хоть что-то узнает о судьбе возлюбленной.

Дождавшись, когда маркиз проснулся и вышел из спальни, Винченцо бросился к его ногам, умоляя вернуть Эллени в ее родной дом. При виде сына в таком состоянии маркиз был искренне напуган и взволнован. Это совсем обескуражило и встревожило юношу, но в искренности и возмущении отца тем, что он ему рассказал, у юноши не было никаких сомнений. Отец ничего не знал о похищении Эллены и тем более не мог быть его участником.

— Каким бы предосудительным мне ни казалось твое поведение, мой сын, — с негодованием сделал свое заявление маркиз, — мои понятия о чести не позволили бы мне опуститься до лицемерия и обмана. Сколь бы я ни желал помешать твоему знакомству с этой девушкой, я никогда не прибегну к хитрости и коварству. Если ты твердо решил жениться на этой особе, единственное, на что я способен пойти, — это отречься от тебя и лишить тебя наследства.

С этими словами оскорбленный маркиз покинул комнату. Винченцо не сделал даже попытки остановить его. И хотя отец был с ним на этот раз не более суров, чем прежде, юноша внезапно почувствовал, что над ним и Эллени нависла страшная угроза. Но прежде всего его беспокоило, где теперь Эллени и что с ней. Теперь он только об этом и думал.

Разговор с матерью был совсем другим. Винченцо с первых же слов понял, что она неискренна с ним. Насколько отец был прям и откровенен, настолько скрытна и лицемерна была маркиза. Винченцо не мог рассчитывать ни на ее помощь, ни даже на материнское

сострадание. Нет, маркиза ни словом, ни намеком не поможет ему в поисках Эллены.

Теперь оставался лишь последний источник информации — Скедони. У Винченцо уже не было сомнений, что этот замысел похитить Эллену и спрятать ее от него неизвестно на какое время принадлежит матери и ее духовнику. Исполнителем, бесспорно, был сам Скедони. Был ли он монахом, который преследовал его, это еще предстояло выяснить, но то, что он соучастник маркизы в похищении Эллены, юноша уже не сомневался.

Покинув будуар матери, Винченцо, не откладывая, поспешил в монастырь Святого Духа, чтобы увидеться с отцом Скедони. Послушник, открывший ему ворота монастыря, сообщил, что отец Скедони в своей келье. Винченцо, сгорая от нетерпения, велел провести его к нему.

— Я приставлен к этому месту и не вправе отлучаться, синьор, — возразил привратник. — Пройдите через двор, вон к той двери, спуститесь по ступеням вниз, справа увидите выход на галерею, а там третья дверь и будет в келью отца Скедони.

Винченцо быстрым шагом пересек пустынный монастырский двор, никого не повстречав на своем пути. Кругом царила глубокая тишина. Выйдя на галерею, он за одной из дверей услышал приглушенные слова молитвы, произносимые столь истово, что подумал: так молится лишь грешник. Решив, что это и есть нужная ему келья, он легонько постучал в дверь. За дверью воцарилась тишина. Винченцо повторил стук и, снова не получив ответа, открыл дверь и вошел. Полутемная келья была пуста. Юноша настороженно окинул ее взглядом, боясь, что мог не заметить в темноте ее обитателя. На полу лежал тюфяк, поодаль стояли стол и стул, на столе — распятие Христа и несколько молитвенников и книг, две из них — на незнакомом ему языке. Тут же рядом на столе он увидел нечто похожее на орудия средневековых пыток. Неприятный холодок пробежал по спине Винченцо, когда он разглядывал эти зловещие инструменты, применения которым не знал, но смутно угадывал.

Убедившись, что келья действительно пуста, он поспешно покинул ее. Вернувшись к привратнику, он сообщил ему, что не нашел отца Скедони в его келье. На что тот ответил, что в таком случае святой отец либо в храме, либо в саду. Сегодня утром он не отлучался из монастыря.

— А вчера вечером? — справился Винченцо.

— Да, но он вернулся к вечерней мессе, — ответил удивленный привратник.

— Вы в этом уверены, брат? — переспросил Винченцо. — Следовательно, он ночевал в монастыре?

— Кто вы такой, чтобы задавать мне вопросы? — рассердился монах. — И по какому праву! Если бы вы хоть сколько-нибудь знали правила нашего монастыря, вы бы поняли, сколь неуместны ваши вопросы. Того, кто осмелится не ночевать в монастыре, ждет суровое наказание. Отец Скедони никогда не нарушает монастырских правил. Он один из самых благочестивых и праведных братьев в нашем монастыре. Мало кто превзошел его в молитвах и покаянии. Возложенные им на себя испытания может выдержать лишь святой. Хм, ночевал ли он в монастыре? Лучше пройдите в церковь, синьор, там, возможно, вы и найдете отца Скедони.

Винченцо, ничего не ответив, быстро направился в церковь.

«Лицемер, — подумал он, негодуя, — ничего, я разоблачу его».

В храме было так же пусто и тихо, как на монастырском дворе.

«Куда все подевались? — недоумевал юноша. — Куда бы я ни шел, слышу лишь звуки собственных шагов. Будто здесь всем правит смерть. А может быть, это час размышлений и молитвы и все монахи уединились в свои кельи?»

Проходя вдоль длинных скамей, он внезапно замедлил шаги, ибо услышал усиленный акустикой звук, похожий на захлопнувшуюся где-то дверь.

Вглядываясь в полумрак храма, Винченцо все же надеялся найти здесь того, кто ему нужен. Ожидания его оправдались: в дальнем углу он увидел неподвижную фигуру в сутане и быстро направился к ней.

Монах не собирался прятаться от него, он даже повернулся ему навстречу.

Эта сутулая фигура еще издали показалась Винченцо знакомой, но он все же, чтобы убедиться, заглянул под низко опущенный капюшон. Он не ошибся — это был духовник его матери отец Скедони.

— Наконец-то я нашел вас! — не выдержав, воскликнул Винченцо. — Мне надо поговорить с вами, отец. Но, кажется, храм не совсем подходящее место для нашего разговора.

Скедони ничего не ответил. Лицо его застыло, взгляд был устремлен вниз. Казалось, он не слышал слов Винченцо.

Тот вновь повторил их, уже громче, однако на лице Скедони не дрогнул ни единый мускул.

— Что означает ваше поведение? — воскликнул охваченный гневом Винченцо. — Ваш маскарад вам не поможет, ваши замыслы мне известны. Немедленно верните Эллену ди Розальба в ее дом или скажите, где вы прячете ее!

Но Скедони по-прежнему молчал. Его возраст и сан не позволяли Винченцо силой заставить его отвечать. Ярость и нетерпение юноши разбивались о ледяное молчание застывшего, как статуя, монаха.

— Теперь я узнаю в вас моего преследователя и мучителя, прячущегося в развалинах крепости Палуцци. Это вы столь уверенно предвещаете мне беды, даже смерть несчастной синьоры Бианки, ибо все несчастья — дело ваших рук!

Застывшее лицо Скедони неожиданно пришло в движение, он нахмурился.

— Вы предсказали исчезновение Эллены, вы заманили меня в подземелье и заперли там, вы — зловещий прорицатель и виновник всех моих несчастий!..

Монах наконец поднял глаза. Взгляд, который он обратил на юношу, был ужасен, но он по-прежнему не промолвил ни слова.

— Да, это так! — продолжал Винченцо. — Теперь я не сомневаюсь в этом и хочу, чтобы об этом узнали все. Я сорву с вас эту фальшивую маску святости, все должны узнать о ваших гнусных деяниях, о том горе и несчастье, которое вы причинили. О вас все должны узнать всё!

Монах снова уставился в пол. Лицо его было непроницаемым.

— Негодяй, верни мне Эллену! — не выдержав, в полном отчаянии выкрикнул бедный юноша. — Да скажите ж наконец, где она, где я могу ее найти, иначе я силой заставлю вас сделать это. Куда вы увезли ее?

Когда юноша, повысив голос, громко выкрикнул эти слова, двое священнослужителей, вошедшие в эту минуту в храм, с удивлением остановились. Увидев неподвижную фигуру Скедони и почти обезумевшего от отчаяния Винченцо, они поспешно направились в их сторону.

— Опомнитесь, синьор, — промолвил один из них, схватив Винченцо за плащ. — Перед вами храм Господень.

— Передо мной один из самых гнусных лицемеров! — гневно воскликнул юноша в ответ и, отступив назад, выдернул край своего плаща из рук монаха. — Нарушитель мира и покоя, который он призван охранять! Человек, забывший о своем долге...

— Возьмите себя в руки, синьор, и не гневите Бога, — увещевал его монах. — Не оскорбляйте святой сан нашего благочестивого брата... — сказал он, кивком указав на Скедони. — Покиньте храм, пока вам позволено это сделать добровольно. Вы не сознаете, какой гнев можете навлечь на свою голову, совершая подобное святотатство.

— Я не уйду отсюда, пока не получу ответа на свои вопросы, — ответил Винченцо, обращаясь к Скедони, и в своем гневе даже не удостоил взглядом увещевавшего его монаха. — Я повторяю: где Эллена ди Розальба?

Скедони был неподвижен.

— Это переходит всякие границы, — терял власть над собой Винченцо. — Да говорите же! Иначе я за себя не ручаюсь. Молчите? Вы знаете монастырь Кающихся Грешников, слышали о тайне той страшной исповеди?..

Винченцо показалось, что Скедони изменился в лице.

— В одну из ночей, как утверждает молва, в одной из исповедален монастырской церкви прозвучали слова исповеди, от которой кровь стынет в жилах...

Скедони преобразился, взгляд его, обращенный на Винченцо, был полон откровенной ненависти.

— Изыди! — вдруг изрек он громовым голосом. — Изыди, богохульник! Трепещи, нечестивец, посмевающий осквернить храм!..

И с необычайной быстротой, так что никто не успел даже опомниться, он бесшумно скользнул в проход между скамьями и скрылся в одной из боковых дверей. Винченцо, хотевший броситься вслед за ним, был остановлен монахами. Не зная причин его возбужденного состояния, они были глухи к его попыткам объяснить что-либо и лишь пригрозили ему суровыми мерами. Если он подобру не покинет монастырь, он может быть жестоко наказан за осквернение монашеского сана.

— Видимо, на это он и надеется, — негодовал юноша, но напрасно. — Кто ответит за горе и страдания, которые он причинил? Святые отцы, он позорит ваш орден своими злодейскими деяниями...

— Замолчите! — грозно прикрикнул на него один из монахов. — Монастырь гордится братом Скедони, он предан вере и беспощаден и строг к себе. Да стоит ли объяснять это вам, кто столь непочтителен к храму и святыням нашей веры...

— Отведем-ка его к аббату, — посоветовал другой монах. — Или лучше бросить его в подземелье, — добавил он сердито.

— Идемте, — сказал первый монах и, схватив Винченцо за руку, потащил его к выходу.

Гнев и отчаяние придали юноше силы, он вырвался и бросился в первую же дверь, к счастью выходящую прямо на улицу.

Когда Винченцо вернулся домой, его вид и состояние должны были бы тронуть любого, у кого не очерствело сердце. Однако юноша сознательно решил избежать встречи с отцом, а что касается матери, то он не хотел дать ей повод для торжества. Менее всего он мог рассчитывать на ее понимание и сочувствие.

Когда маркизе стало известно о намерении сына жениться на Эллине ди Розальба, она, не медля, рассказала об этом Скедони с целью просить у него совета, как воспрепятствовать этому. Скедони предложил ей свой план. Маркиза согласилась с ним, тем более что осуществить его представлялось довольно легко. Когда-то она была хорошо знакома с настоятельницей монастыря Сан-Стефано, знала характер этой монахини и полностью доверяла ей. И она в ней не ошиблась и на этот раз. Настоятельница не только согласилась помочь маркизе, но даже проявила особый интерес к плану Скедони. Поскольку все действительно увенчалось успехом, маркиза менее всего собиралась что-либо менять, несмотря на состояние сына и его мольбы и слезы. Как горько раскаивался потом бедный Винченцо, как корил себя за то, что открылся матери, питал какие-то надежды на ее участие и понимание. Он ушел от нее окончательно убитый и подавленный.

Верный Паоло, срочно вызванный к молодому хозяину, не смог ничем обрадовать его, ибо ничего не смог разузнать об Эллине. Винченцо отослал его, велел продолжать поиски и расспросы, и в полном отчаянии заперся в своей комнате.

Вечером не находивший себе места юноша покинул дом и бесцельно бродил по улицам, пока не оказался у причалов. Рыбаки, грузчики и прочий портовый люд заполняли причалы, дожидаясь возвращения запаздывающих рыбацких баркасов из Санта-Лючии. Винченцо, низко надвинув шляпу и сложив руки на груди, прохаживался по краю мола, рассеянно прислушиваясь к разговорам, и с грустью смотрел на белевшие вдали очертания виллы Алтиери. Он думал об Эллине, вспоминая, как они вместе, сидя в беседке, любовались прекрасным видом на залив. Теперь все потеряло для него прежнюю прелесть, краски померкли. Он не видел ни заката, окрасившего золотом гладь вод, ни маяка в конце мола, ни быстро сновавших по заливу рыбацких лодок. Как они всегда восторгались картиной

предзакатного залива! И было это совсем недавно, когда перед самой смертью синьоры Бианки они сидели втроем в саду. В тот вечер старая синьора вручила ему судьбу Эллены. Воспоминания об этом огнем обожгли душу бедного Винченцо. Он казнил себя за то, что сейчас так растерян и напуган, что до сих пор не смог преуспеть в поисках похищенной девушки. В эту минуту он твердо решил уехать из Неаполя, покинуть отчий дом и не возвращаться до тех пор, пока не найдет Эллену. Принятое решение вновь вернуло ему силы.

Он тут же попробовал справиться у рыбаков, где можно взять лодку. Винченцо хотел обследовать побережье, ибо подумал, что Эллену могли морем увезти с виллы Алтиери и спрятать в одном из монастырей, которых немало на побережье.

— У меня, синьор, всего одна лодка, — ответил ему первый рыбак, к которому он обратился. — Она мне самому нужна, но можно спросить у моего приятеля. Эй, Карло, синьору нужна на время небольшая лодка, как твоя.

Но Карло не откликнулся, ибо с интересом вместе с другими слушал то, что рассказывал один из их товарищей. Подойдя поближе, Винченцо хотел было повторить свой вопрос, но был удивлен тем вниманием и интересом, с которыми рыбаки слушали рассказчика.

— Говорю вам, — убежденно отвечал тот на чьи-то сомнения, — все было точно так. Я всегда раза два в неделю возил им свежую рыбу. Это очень хорошие люди, никогда не скупятся и всегда добавляют дукат или два к моей цене. Так вот, как уже сказал, я, как обычно, постучался в дверь и вдруг услышал за нею стоны, а потом голос старой служанки, зовущей на помощь. Как мог я ей помочь, если дверь оказалась запертой? И решил попросить помощи у старика Бертольди, вы его знаете, он живет по ту сторону дороги на Неаполь, но не успел сделать этого, потому что откуда-то появился молодой синьор и, не раздумывая, влез в окно и освободил бедняжку Беатрису. Она-то потом и рассказала мне всю эту историю.

— Какую историю? — не выдержав, воскликнул Винченцо. — О ком вы говорите?

— Всею свое время, синьор, сейчас узнаете, — ответил с достоинством рыбак и вдруг пристально посмотрел на юношу. — Эй, синьор, не вас ли я видел там? Ведь это вы освободили бедняжку Беатрису?

Винченцо давно уже понял, что рыбак рассказывал о том, что случилось на вилле Алтиери. Не дожидаясь конца его рассказа, он забросал рыбака вопросами. Прежде всего его интересовало, в какую сторону похитители увезли девушку. Увы, рыбак здесь ничем не смог ему помочь, ибо сам не знал.

— Эй, синьор, может, это были они! — вдруг воскликнул один из портовых бродяг, тоже с вниманием слушавший рассказ. — Я хочу сказать про экипаж, который с грохотом промчался на рассвете через Браселли. Окна были наглухо зашторены. Может, в нем увезли молодую синьорину?

Этого было достаточно, чтобы павший духом юноша вновь обрел надежду. Он попытался расспросить бродягу поподробней, но тот более ничего не смог ему сказать. Но и этого оказалось достаточно. По времени все совпадало. Винченцо немедленно решил отправиться по следам экипажа, и прежде всего в Браселли. Там от почтмейстера он может многое узнать.

Приняв это решение, он вернулся домой, но отнюдь не для того, чтобы сообщить отцу о своем намерении, а всего лишь для того, чтобы дожидаться верного Паоло, которого хотел взять с собой. Хотя оснований для надежды было не так много, но он был полон решимости немедленно начать поиски.

Убежденный, что о его намерениях никто в доме ничего не знает, он, собираясь, мало думал об осторожности и совсем не думал о том, что его может ждать впереди.

ГЛАВА X

Змее ты в первый раз простишь укус?

В. Шекспир. Венецианский купец

Маркиза, встревоженная недомолвками, странными намеками и всем поведением сына в последние дни, послала за отцом Скедони. Не забывший об оскорблениях, нанесенных ему Винченцо в храме, Скедони выполнил просьбу маркизы без видимой охоты, однако не мог не испытать злорадственного удовольствия при мысли, что это даст ему возможность отомстить юноше. Его особенно задели обвинения в лицемерии и притворстве. Злопамятный и мстительный, он жаждал наказать юношу. Он понимал, какой удар может нанести его репутации размолвка с Винченцо в храме монастыря. Среди монахов многие открыто его недолюбливали, и немало было таких, кто с удовольствием побеждал его на диспутах и был бы рад любому его поражению и неверному шагу. Не поэтому ли он так иступленно морил себя голодом, истязал молитвами, чтобы доказать истовость своего служения вере? Он надеялся, что высшие по сану это непременно отметят. Теперь же он серьезно опасался, что стычка с Винченцо может быть использована его недоброжелателями.

Не на шутку испугали его и намеки Винченцо на то, что ему известно прошлое Скедони. Поэтому он так поспешно покинул храм, боясь, как бы Винченцо в присутствии монахов не сказал о нем чего-нибудь губительного для его репутации. Теперь он готов был пойти на все, чтобы не позволить юноше поделиться с кем-нибудь своими догадками. И все же Скедони понимал, что не должен забываться, когда имеет дело со знатным семейством ди Вивальди.

После встречи с Винченцо Скедони утратил покой, забыл о сне, не прикасался к пище. Братья видели его теперь только коленопреклоненным перед алтарем. Те, кто почитал его за святого, останавливались и одобрительно кивали головами, его же недруги с ухмылкой недоверия проходили мимо. Скедони делал вид, что, погруженный в беседу с Богом, не замечает ни тех ни других.

Жестокие муки и воздержание еще разительнее изменили его облик, и теперь он скорее походил на призрак, чем на живого человека.

Узнав, что его хочет видеть маркиза, он прежде всего подумал, что Винченцо поделился с матерью своими подозрениями, и поначалу решил избежать этой встречи. Но по зрелом размышлении, поняв, что его отказ лишь усилит недоверие к нему в семье Вивальди, если оно уже возникло, он решил принять приглашение маркизы и использовать его к своей выгоде. Для этого надо только пустить в ход все свое красноречие и умение убеждать.

С недобрыми предчувствиями, однако, входил он в покои маркизы; увидев его, та первые мгновения не смогла скрыть своего испуга и какое-то время безмолвно и с тревогой смотрела на неузнаваемо изменившееся лицо монаха. Это еще более обеспокоило Скедони.

— Мир дому вашему, синьора, — смиренно произнес он, опустив глаза, и поторопился занять свое место в кресле.

— Я пригласила вас, святой отец, для того, чтобы поговорить об обстоятельствах известного вам дела, — начала маркиза. — Возможно, вам не все известно, — добавила она поспешно.

Скедони, опустив голову в знак почтительного внимания, ждал, что она скажет дальше, чувствуя, как неприятный холодок пробежал по спине.

— Вы молчаливы сегодня, святой отец. Вас что-то тревожит?

— Вы введены в заблуждение, маркиза! — не выдержав, горячо воскликнул Скедони, осознавая, что выдает себя.

— Простите, святой отец, но мои сведения получены из самых надежных источников. Поэтому я и позвала вас. Вы ведь знаете, как я доверяю вам и ценю ваши советы.

— Не следует быть слишком доверчивой, синьора, — произнес Скедони, едва скрывая свое волнение. — Поспешное доверие — вещь опасная.

— Нет, святой отец, здесь я не ошибаюсь. Нас предали.

— Нас? — повторил за нею Скедони, постепенно овладевая собой. — Что произошло, синьора?

Маркиза немедленно рассказала ему о странном поведении сына, его подозрительных

отлучках и, не колеблясь, высказала предположение, что ему известно, где Эллена.

Скедони с облегчением перевел дух и тут же со всей горячностью стал успокаивать маркизу, а затем, как бы между прочим, посетовал на строптивость нынешней молодежи и пожалел, что своевременно не были приняты более строгие меры.

— Более строгие? — удивилась маркиза. — Неужели пожизненного заключения в монастыре недостаточно?

— Я говорю о вашем сыне, синьора, — уже окончательно овладев собой, мрачно сказал Скедони. — Молодой человек, забывающий о благочестии, почтении к старшим и тем более к своему духовному наставнику, осмелившийся оскорбить того, кто всего лишь исполняет свой долг перед людьми и Господом Богом, заслуживает самого сурового наказания. Обычно я не позволяю себе касаться таких деликатных сторон, как семейные отношения, но поведение юного синьора Винченцо настоятельно требует вмешательства. Не будем говорить обо мне. Этого требуют наши правила приличия. Я могу все стерпеть — неуважение, грубость, посчитав это еще одним испытанием, посланным мне свыше. Но не следует забывать, сколь заразителен дурной пример для других! Непочтение вашего сына к старшим весьма тревожит меня, сестра. Он утратил благочестие, он просто недостойн быть сыном такой матери, как вы!

На столь патетическую речь отца Скедони подвигли скорее личная обида и гнев, и он, обычно скрытный и осторожный, был теперь предельно откровенен.

— О чем вы? — встревожилась маркиза. — О каком непочтении и святотатстве вы говорите, святой отец? Выражайтесь яснее, прошу вас.

— Я вынужден быть откровенным с вами, сестра моя, ибо мною движет глубочайшее уважение к вам. Сильные должны знать правду, какой бы горькой она ни была, лишь слабые нуждаются в снисхождении.

Скедони вовсе не собирался требовать от маркизы принятия каких-либо срочных мер против строптивного отпрыска. Он всего лишь хотел подготовить ее к тому, что таковые могут понадобиться, имея в виду тот день и час, когда придет его черед расквитаться с дерзким юнцом.

Зная, сколь падка на лесть и тщеславна маркиза, он решил в полной мере использовать эти ее слабости. С этой целью он рассыпался в самых изощренных комплиментах ее мудрости, уму, высокой морали, а ее черствость и бессердечие восхвалял как твердость духа.

Затем он рассказал маркизе о поведении Винченцо в церкви Святого Духа, кое-что преувеличив, кое-что придумав, и создал у маркизы представление о действиях ее сына как действительно неблагочестивых и оскорбительных.

Маркиза выслушала его в немом гневе и удивлении и поэтому в дальнейшем с готовностью приняла все его советы. Покидая дворец, Скедони имел все основания праздновать победу и лелеять надежды на отмщение.

Маркиз ди Вивальди был в полном неведении относительно последнего разговора, состоявшегося в ее будуаре. Свое мнение он уже высказал жене ранее в беседах с ней, где подчеркнул, что решительно против каких-либо недостойных мер, в данном случае с тем, что намеревалась осуществить его жена, однако, согласился. В последнее время маркиза вообще предпочитала с ним не советоваться. Да и он сам все больше беспокоился о сыне, замечая его длительные отлучки. Как бы он ни заботился о чести своей семьи и собственного имени, он искренне любил сына и мало, в сущности, верил в серьезность его намерений в отношении Эллены, тем не менее в последние дни он испытывал настоящую тревогу, и его время от времени одолевали сомнения. Новое длительное отсутствие Винченцо сильно напугало его.

Он опасался, что юноша, узнав, где Эллена, из страха потерять ее неосмотрительно свяжет себя с ней обетом брака. С другой стороны, он не менее страшился гнева и отчаяния Винченцо, если ему не удастся найти возлюбленную. Старый маркиз искренне сокрушался о происшедшем и теперь тревожился о судьбе Эллены не менее, чем Винченцо. Он был настолько испуган и растерян, что отдавал слугам столь путаные и противоречивые

указания, отправляя их во все стороны на поиски сына, что те совсем не знали, что им делать. Но поскольку его жена держала от него в секрете, куда увезена Эллена, он не мог указать им точно, где, возможно, следует искать Винченцо.

В то время как маркиз пребывал в мучительном неведении относительно сына, а Скедони продолжал осуществлять свои коварные планы, касающиеся дальнейшей судьбы Эллены, Винченцо проезжал одну за другой деревушки и города, следуя по пути, которым могли провезти Эллену. На почтовой станции в Браселли, к сожалению, он получил столь скудную информацию, что это повергло бедного юношу в отчаяние. Ему просто сказали, что какой-то экипаж с закрытыми окнами действительно проезжал и после смены лошадей в то утро, когда была похищена Эллена, последовал по направлению к Морганье.

В Морганье, куда прибыл Винченцо, след, как казалось, окончательно затерялся. Здесь никто не мог вспомнить ни единого путешественника, проехавшего накануне, тем более того, куда он проследовал дальше. А для Винченцо это было самое главное, ибо Морганья стояла на развилке дорог.

Выбрав наугад одну из них, Винченцо и Паоло проследовали по ней. Юноша полагал, что его мать, скорее всего, попытается заточить Эллену в монастырь, и решил расспрашивать о всех местных монастырях.

Теперь он ехал по одной из затерянных горных дорог Апеннин, по местам, которых почти не коснулась цивилизация и закон и где, думал он, привольно разбойникам. Но и здесь попадались редкие монастыри с примыкавшими к ним крохотными деревушками, отгороженными от остального мира непроходимыми лесами и громадами гор. Это, однако, как отметил Винченцо, позволило уберечь здесь первозданную чистоту и красоту природы. Юноша был поражен тем, как гостеприимно его здесь принимали и с каким вниманием и сочувствием выслушивали, когда он пытался что-то узнать об Элене.

На седьмой день их с Паоло пути к исходу дня дорога привела к дремучему лесу, где столь же коварно вдруг превратилась в несколько троп, исчезающих в дебрях леса. Солнце клонилось к закату. Винченцо заметно погрузтел от многочисленных неудач и необходимости заночевать в лесу. Однако Паоло, как всегда не теряющий присутствия духа и всегда готовый на выдумки, принялся восхвалять свежесть лесного воздуха и удобства ночлега на могучих ветвях лесного ореха. Это куда лучше, заверял он хозяина, грязных и душных комнат на постоялых дворах.

Пока они готовились к ночлегу, ветерок донес до них звуки лютни и голоса поющих. В сумерках леса трудно было что-либо разглядеть, но, прислушиваясь к звукам, они попытались определить, откуда они доносятся. Голоса приближались, послышалось пение, сопровождаемое звуками лютни. Это была вечерняя молитва.

— Мы недалеко от монастыря, синьор! — обрадованно воскликнул Паоло. — Слышите, это молитва.

— Ты прав, Паоло, — согласился Винченцо. — Мы должны двигаться в эту сторону.

— Что ж, синьор, если нам удастся переночевать, как в тот раз, в монастыре капуцинов, это будет ничуть не хуже, чем в лесу на ветвях ореха.

— Ты не видишь стен или шпиля храма? — спросил Винченцо, идя впереди.

— Нет, синьор, но звуки все ближе. Вы слышите, как хорошо они играют. Это не крестьяне. А монастырь совсем близко, хотя его и не видно.

Винченцо и Паоло молча устремились через редящий лес на звуки молитвы, как вдруг они неожиданно смолкли. Однако молодые люди уже вышли на опушку и увидели невдалеке расположившуюся на траве группу паломников. Готовясь к ужину, они оживленно беседовали, слышался веселый смех. Каждый что-то вынимал из своей сумы для вечерней трапезы. В середине кружка сидел, видимо, старший из них в сане священника. У него было добродушное, светящееся лукавством лицо. Он охотно смеялся шуткам и сам что-то рассказывал, получая в качестве вознаграждения тот или иной лакомый кусочек из общих припасов. Перед ним стояло несколько бутылок с вином, к которым он то и дело охотно прикладывался.

Винченцо, которого не покидала тревога, остановился и внимательно окинул взглядом сначала группу паломников на траве, а затем окружавший опушку лес. Отблеск лучей садившегося солнца на стволах деревьев освещал и группу паломников, скорее похожую на веселую компанию, выехавшую на пикник, чем на монахов, идущих на моления в монастырь. Священник и его товарищи, видимо, отлично понимали друг друга. Первый счел ненужным излишнюю строгость и дисциплину и был вознагражден за это дружеским расположением всех. В чертах его лица Винченцо уловил достоинство и благородство и заметил, что его спутники даже его шутки выслушивали с почтением.

Подойдя поближе, Винченцо справился у него, как им выйти на дорогу, ведущую в монастырь. Священник, прежде чем ответить, внимательно окинул его взглядом. От него, видимо, не ускользнула одежда Винченцо и его манера держаться, а в Паоло он, бесспорно, сразу же угадал слугу. Предложив путникам свою помощь, священник пригласил Винченцо сесть по правую руку от него и разделить трапезу.

Винченцо, догадавшись, что они следуют нужной ему дорогой, с благодарностью принял приглашение. Паоло, привязав лошадей к деревьям, занялся приготовлением ужина.

Пока Винченцо беседовал со священником, общительный Паоло уже успел познакомиться с паломниками и вскоре был признан ими самым находчивым и веселым человеком, какого им доводилось встречать. Они уже приглашали его следовать с ними в соседний монастырь кармелитов, куда они все направляются.

Когда Вивальди узнал, что это женский монастырь и он совсем неподалеку, он тут же принял решение идти туда вместе с паломниками. Вполне вероятно, что Эллена находится в заточении именно в этих диких и отдаленных местах. Юноша слишком хорошо знал свою мать. Когда после отдыха паломники тронулись в путь, Винченцо, уступив свою лошадь священнику, пошел с ними пешком.

Крестьяне первой же деревушки, услышав песнопения паломников, вышли им навстречу и наперебой предлагали ночлег, хотя деревушка уже была переполнена паломниками из разных мест.

Паоло, укладываясь на груды соломы в сарае, не раз жалел о несостоявшемся ночлеге в лесу.

Винченцо провел тревожную ночь, с нетерпением дожидаясь рассвета, который, быть может, сулит ему встречу с Элленой. Решив, что одежда пилигрима надежно уберет его от излишних подозрений и даст возможность беспрепятственно все осмотреть, он велел Паоло позаботиться об этом. Паоло без труда, с помощью всего лишь одного дуката, раздобыл ему нужную одежду, и Винченцо, едва забрезжил рассвет, в одиночку направился в монастырь.

ГЛАВА XI

Фиалки, розы, ландыши несите,
Прекрасные в слезах, чтоб путь устлать
Сестре пресветлой нашей.

В такой ранний час на крутой тропе, ведущей к монастырю, встречались лишь одинокие паломники, но и от них Винченцо старался держаться подальше. Он с удовольствием вдыхал благотворный утренний воздух, прислушивался к шуму горного потока внизу, и это успокаивало его и навевало легкую грусть. Постигшие его разочарования умили его юношеский пыл и решимость, однако поселили в душе чувства более высокие и прочные. Со спокойной печалью, отстраненно смотрел он на суровые скалы, бездонные пропасти, далекую линию гор в утренней дымке и силуэт монастырских стен с угловыми башнями на фоне светлеющего неба.

«О если бы я нашел ее здесь! — горестно подумал Винченцо. — Неужели меня снова

ждут разочарования? Нет, я не должен тешить себя иллюзиями. Надо упорно искать Эллену, пока я ее не найду. И все же молю тебя, Господи, сделай так, чтобы я нашел ее здесь».

Достигнув ворот, он быстро спустился по ступеням в монастырский двор и окинул его внимательным взглядом. Увидев вдали привратника, он еще ниже надвинул капюшон на лицо и, плотнее закутавшись в плащ, уверенным шагом прошел мимо, хотя не знал дорогу к церкви. По счастью, он вышел прямо на нее. Величественная и строгая, она стояла отдельно от других монастырских построек. Войдя под ее высокие своды, где царил полумрак, он увидел одинокие фигуры монахов и паломников. Появляясь, они тут же исчезали в конце длинного прохода между скамьями. Решив последовать за ними, Винченцо тоже вышел через боковую дверь во внутренний дворик и здесь у подножия нависшей скалы увидел в пещере часовню с алтарем Богоматери, заступницы кармелиток. Эта часть монастырского двора была словно высечена в скале, и лишь с южной стороны из нее открывался вид на просторы внизу и далекие в голубой дымке горы.

Винченцо вошел в часовню, где стояло изображение Богоматери, украшенное цветами, со множеством горящих свечей вокруг. Преклонив колени, молились паломники. Чтобы не отличаться от них, он тоже встал на колени, однако вскоре звуки органа донеслись из церкви, и голоса известили всех, что утренняя месса началась. Войдя в церковь, он старался остаться незамеченным, укрывшись меж боковых колонн. Торжественные и печальные звуки органа переполнили сердце бедного юноши скорбью, и он собрался было покинуть храм. Однако внезапный звон колокола остановил его. Так звонят об ушедших, подумал он. Вскоре смешанный хор мужских и женских голосов присоединился к редким ударам колокола. Песнопения были столь торжественны и печальны, что все молящиеся в храме разделили эту печаль.

Винченцо протиснулся поближе к проходу, устланному цветами и пальмовыми ветвями, ведущему к алтарю. Черный бархатный покров устилал ступени алтаря, у которого застыли в ожидании священнослужители. Лица молящихся были строги и торжественны. Звуки песнопений приближались, и в конце прохода между скамьями появилась процессия монахинь.

Впереди шла мать настоятельница в парадном облачении с митрой на голове. Ступала она медленно и величаво, с той особой торжественностью, какая и подобала в дни церковных празднеств. За нею следовали монахини, а шествие замыкали послушницы с зажженными тонкими и длинными свечами в руках в сопровождении монахинь-наставниц. Войдя в церковь, они заняли свои места. Винченцо с бьющимся от волнения сердцем справился у стоящего рядом священника, что за церемония предстоит, и узнал, что должно состояться пострижение послушниц в монахини.

— В день Богоматери ранним утром происходит сей обряд, дабы Пречистая Дева сама освятила его. Оставайтесь, брат мой, и увидите всю церемонию, — вежливо объяснил ему священник.

— Как же зовут ту, что готова к пострижению? — спросил Винченцо голосом, выдавшим его волнение.

Прежде чем ответить, священник пристально посмотрел на него.

— Я не знаю ее имени, брат мой, но, если вы подвинетесь ко мне поближе, я укажу ее вам.

Винченцо, еще сильнее надвинув капюшон на лицо, молча последовал совету.

— Она справа от настоятельницы, — просвещал его незнакомец. — Та, что опирается на руку монахини. Она выше ростом, и лицо ее скрыто под белой вуалью послушницы.

Винченцо с дрожью в сердце смотрел на юную девушку, и, хотя не узнал в ее облике Эллену, что-то напомнило ему ее. Возможно, он искал Эллену в каждой из послушниц? Он справился у соседа, как давно эта послушница в монастыре, и еще о чем-то, но священник не смог или не пожелал ему ответить.

Винченцо напряженно вглядывался в послушниц, под покрывалом каждой надеясь найти любимые черты. Жестокосердная маркиза вполне могла уготовить Эллене подобную

участь. Но глубокие складки вуали надежно хранили свою тайну.

Церемония пострига открылась наставлениями игумена монастыря, затем послушница, опустившись на колени на покрытые черным бархатом ступени алтаря, произнесла слова обета, но так тихо и таким испуганным и дрожащим голосом, что Винченцо ничего не расслышал. Когда прозвучал стих гимна, исполняемый попеременно хорами обоих клиросов, ему вдруг показалось, что он слышит голос Эллены. Едва веря себе, он прислушивался, затаив дыхание, боясь потерять хотя бы единый звук, и вспомнил, как впервые услышал милый голос в церкви Святого Лоренцо.

Усилием воли Винченцо подавил охватившее его волнение и решил дожидаться, что будет дальше. Но когда священник приготовился откинуть белую вуаль с лица послушницы, чтобы заменить ее монашеской черной, Винченцо еле удержался, чтобы не броситься к алтарю и не помешать этому.

Наконец длинный белый покров был отброшен, и Винченцо увидел миловидное и совсем незнакомое ему лицо. Слава Богу, это была не Эллена! Юноша облегченно вздохнул и, набравшись терпения, решил отстоять всю службу. Ему показалось, что в хоре он снова слышит голос Эллены, печальный и тоскующий.

Тем временем к алтарю приближалась женская фигура с лицом, наполовину скрытым короткой белой вуалью. Винченцо узнал от соседа, что сейчас будет совершен обряд посвящения в послушничество. Взглянув на молодую девушку, поддерживаемую с двух сторон монахинями, Винченцо вздрогнул: так все в ней напомнило ему Эллену.

Игумен снова начал машинально произносить слова наставления, как вдруг девушка отбросила с лица вуаль и предупреждающе подняла руку. Это была Эллена! Она смотрела на священника полными слез и страдания глазами, моля его не продолжать дальше. Однако это не остановило священника. И тогда девушка решилась. Уверенно и громко прозвучал в тишине храма ее голос:

— В присутствии всех молящихся в храме я хочу заявить, что меня привели сюда насильно, против моей воли и желания. Я протестую...

Последние ее слова потонули в гуле взволнованных голосов, и в это мгновение Эллена увидела Винченцо.

Какие-то секунды она смотрела на него, не веря своим глазам, а потом упала без чувств на руки монахинь.

Винченцо с трудом протиснулся к ней сквозь сбившуюся толпу и, склонившись, прошептал ее имя, чем вызвал любопытство и замешательство монахинь, пытавшихся привести девушку в чувство. Среди них была и сестра Оливия.

Когда Эллена пришла в себя и открыла глаза, взгляд ее сказал Винченцо больше всяких слов. Она тут же попросила увести ее из церкви. Поддерживаемая Винченцо и Оливией, она направилась к выходу, но строгий голос матери настоятельницы приказал монахиням препроводить Эллену в ее келью, а юноше, который повел себя столь дерзко в храме, немедленно явиться в приемную монастыря.

Винченцо, вначале не склонный выслушивать приказание, отданные таким тоном, после просьб Эллены и вежливых увещаний сестры Оливии вынужден был повиноваться. Попрощавшись с Элленой и заверив ее, что они расстанутся совсем ненадолго, он направился в покои настоятельницы, подумав, что, может быть, беседа с ней поможет найти выход и спасти Эллену.

Обращаясь к чувству справедливости и милосердия, он надеялся пробудить в настоятельнице сострадание к беззащитной сироте. Увы, он слишком скоро убедился, сколь по-разному они понимают справедливость, а милосердие и долг мать настоятельница давно принесла в жертву собственной гордыне и пренебрежению к страданиям ближних.

Игуменья кармелиток начала беседу с того, что прежде всего подтвердила свое уважение к маркизе ди Вивальди, дружбой с которой она столь дорожит и гордится, а затем без паузы перешла к сожалениям о том, что сын ее дорогой приятельницы дерзко пренебрег своим сыновним долгом и посмел нанести ущерб доброму имени семьи, сведя знакомство с

девушкой низкого происхождения. Сегодня же он позволил себе нарушить таинство службы в храме монастыря.

Винченцо, сдерживая себя, терпеливо выслушал нотацию о моральном долге каждого и соблюдении приличий и тому подобное из уст той, кто, не дрогнув, нарушала все, что проповедовала, и заточила в монастыре беззащитную девушку, сироту, похищенную негодяями, отняв у нее драгоценный дар — свободу и возможность радоваться жизни. Когда же игуменья заговорила об Эллене и позволила себе неодобрительно, с пренебрежением отозваться о ней и пригрозила суровой карой за непослушание, терпение юноши лопнуло. Он произнес страстную, обличительную речь, увы, ничуть не смутившую настоятельницу кармелиток. Лишь угроза обращения к высшим церковным иерархам, как показалось Винченцо, задела ее самолюбие. Он действительно решил обратиться к игумену монастыря, чтобы образумить самонадеянную и недобрую женщину.

Он так и сделал.

Игумен милостиво и радушно принял его, внимательно выслушал, был предупредителен и доброжелателен к его просьбам. Однако юноша вскоре понял, что кажущаяся мягкость и приветливость отнюдь не означали искреннюю доброту души, а были лишь удобным прикрытием безразличия и лени, порожденных спокойной жизнью, комфортом и привилегиями сана.

Игумен, внешне бывший полной противоположностью надменной и жестокой настоятельнице женского монастыря, в душе был столь же эгоистичен, себялюбив и порочен, ибо, попустительствуя злу, причинял не меньшие страдания, чем те, кто творил зло открыто и намеренно.

Праздность, лень и трусость лишили его всякой воли к действию. Он был скорее осторожен, чем мудр, и так сильно опасался ошибиться, что редко осмеливался на какие-либо поступки.

Он терпеливо выслушал просьбу Винченцо помочь Эллене, охотно посочувствовал ей, посокрушался тому, что Винченцо ослушался родителей, и в конце концов выразил сожаление, что ничем не сможет помочь. Синьорина ди Розальба находится под опекой настоятельницы монастыря кармелиток, и он не вправе вмешиваться в личные дела синьорины. Напрасно просил его Винченцо хотя бы оказать свое влияние на настоятельницу, держащую Эллену ди Розальба в заточении, и посодействовать ее немедленному возвращению в родной дом.

— Я не вправе это сделать, — возразил игумен, удивленный настойчивостью юноши. — Кроме того, я следую разумному правилу: никогда не вмешиваться в дела не своей епархии.

— Неужели вы можете, святой отец, равнодушно взирать на несправедливые деяния, где бы они ни совершались, — горячился Винченцо, — и не сделаете и шага, чтобы помочь? Ведь они обрекли девушку на гибель!

— Повторяю вам, мой друг, я не вмешиваюсь в чужие дела. У меня своих предостаточно.

— Следовательно, в этих стенах побеждает грубая сила, а не справедливость? От лиц, облеченных вашей властью, простые смертные вправе требовать решимости в борьбе со злом. Что же подсказывает вам ваше сердце, святой отец? Обращено ли оно к людям?

— Вы — романтик, мой юный друг. Поэтому я прощаю вам вашу резкость. Вы — рыцарь, готовый бросить вызов всем, кто не разделяет ваших взглядов, — ответил игумен, не теряя добродушия. — Ваш девиз: если миру суждено погрязнуть во зле, я должен стяжать славу борца со злом. Вы — рыцарь, который готов вызвать на поединок каждого, кто, по-вашему, не столь хорош, как вам хотелось бы. Жаль, что вы родились так поздно.

— Бороться во имя добра и человечности... — хотел было продолжить Винченцо, но вдруг в растерянности умолк. Он понял, что бессилен перед трусостью и сытым равнодушием. Он покидал покои игумена, переполненный горечью разочарования. Его попытка прямо и открыто изобличить зло и добиться справедливости кончилась полным

провалом. Оставались другие пути спасения невинной жертвы коварных замыслов маркизы. Однако его искренняя и правдивая натура все еще протестовала против уловок и обходных маневров.

Взволнованная и напуганная Эллена была водворена в свою келью и заперта на ключ. Девушку переполняли самые противоречивые чувства и в немалой степени что-то похожее на ликование. Винченцо нашел ее! Но вскоре все снова сменилось страхами и сомнениями. Сможет ли он освободить ее из заточения? Должна ли она следовать за ним и куда? Воспитанная в самых строгих правилах, она не могла не страшиться принятия подобных смелых решений. Воспоминания о том, что она слышала о надменной и властной маркизе ди Вивальди и строгом и неприступном отце Винченцо, об их решительном отказе принять ее в свою семью повергали бедняжку Эллену в смятение. Она всегда была гордой и независимой. Но тут Эллена вспоминала, с каким уважением и нежностью относится к ней Винченцо, как доверяла ему покойная тетушка, и понемногу приходила в себя и начинала видеть все уже не в столь тревожных тонах. Ведь Винченцо был рядом.

С нетерпением ждала Эллена прихода сестры Оливии, которая могла сообщить ей, чем кончилась беседа Винченцо с настоятельницей.

Сестра Оливия пришла вечером, и вести, которые она принесла, были настолько печальными, что бедной девушке пришлось собрать все свои силы, чтобы не впасть в полное отчаяние. Что ей до того, что думают о ней маркиз и маркиза ди Вивальди? Она впервые осознала, как дорог ей Винченцо, с которым ее ждет новая разлука, теперь уже навсегда.

Монахиня, принеся недобрую весть, была сама глубоко опечалена. Возможно, судьба Эллены напомнила ей о собственной судьбе, ибо глаза ее были полны слез, Эллена не могла этого не заметить. Но сейчас не время было для догадок и расспросов.

Когда Оливия ушла, Эллена поднялась на башню. Здесь она хотела успокоиться и собраться с мыслями. Широкие просторы полей, горы в предвечернем тумане — все это понемногу отвлекло ее от горьких дум. Тихая музыка природы навеяла забытые строки из любимого ею английского поэта Мильтона: «Пастух, слуга владельцев этих мест, чья краткая свирель смиряет ветер, а песня заглушает шум дубрав».

Она сидела, глядя на освещенную последними лучами солнца мирную долину, окрашенные закатом верхушки далеких гор, и вдруг до ее слуха донеслись звуки флейты, слабые, но прекрасные. Звучали они где-то совсем близко, видимо у подножия монастырской стены. Прежде никогда она не слышала звуки флейты в стенах монастыря Сан-Стефано. Тихая грусть охватила ее, когда она прислушалась к жалобному плачу флейты. Кто это играет? Эллена была почти уверена, что это Винченцо зовет ее.

Вглядевшись через резную решетку окна в хаос камней у подножия башни, она вдруг заметила одинокую фигуру на самом высоком выступе скалы, поросшей кустарником. Уже заметно стемнело, но одинокий музыкант был хорошо виден, и она узнала в нем Винченцо. Заметив ее в окне, юноша тихонько окликнул ее.

Винченцо, убедившись, что Эллена находится в монастыре, принял все меры, чтобы разыскать ее. От одного из послушников, работавших в саду, Паоло за пару дукатов узнал, что в окне одной из боковых башен изредка появляется девушка, похожая на Эллену. Рискуя жизнью, Винченцо удалось вскарабкаться на утес у подножия башни, и теперь он был вознагражден.

Напуганная его неосторожностью, Эллена вначале даже отказалась его слушать, но, когда он пригрозил, что не уйдет, пока не сообщит ей что-то важное, она согласилась. Он умолял ее во всем довериться ему и торопливо рассказал о своем плане побега. Он обещал доставить ее туда, куда она пожелает. У подножия горы их будут ждать лошади, послушник за хорошее вознаграждение выведет их за пределы монастыря. Сам Винченцо проникнет в монастырь под видом паломника. Он лишь просил Эллену задержаться в холле после ужина, где он сообщит ей все подробности плана побега.

Согласно обычаю, по большим праздникам мать настоятельница женского монастыря устраивала ужин для игумена и его свиты, на который также приглашались знатные

горожане из Неаполя и кое-кто из паломников. После ужина обычно был небольшой концерт хора монахинь-кармелиток.

На сей раз, в день Пресвятой Девы, ужин был особенно торжественным, и сестры монахини задолго начали готовиться к нему. Он должен был состояться во внешних покоях, в большом монастырском холле, где за узорчатой перегородкой, разделявшей холл надвое, накрывались столы. В другой половине, служившей также музыкальной комнатой, настоятельница принимала сестер высшего сана и кое-кого из своих приближенных. Винченцо надеялся, что в этот вечер каждый будет занят своим делом и, смешавшись с толпой, ему удастся беспрепятственно увидаться с Эллиной. Он уже обдумал все детали побега и что делать дальше, как только им удастся выбраться из монастыря Сан-Стефано. По ее желанию он может отвезти ее на виллу Алтиери или же в монастырь Санта-Мария-дель-Пианто.

В душе Винченцо, однако, надеялся, что Эллена согласится принять его предложение и они, не медля, обвенчаются, но решил пока не упоминать об этом, чтобы его предложение не показалось ей неким условием ее освобождения. В этом случае гордая девушка могла совсем отказаться от его помощи или же, приняв ее, считала бы себя во всем обязанной ему.

Выслушав его, Эллена растерялась. Сначала сердце ее затрепетало от радости при мысли о близком освобождении, но потом смятение охватило ее, как только она подумала о гневе родителей Винченцо. Она поняла, что не в силах сейчас же дать ответ, но также сознавала, сколь опасно задерживать Винченцо здесь, ибо сумерки сгущались и спуск по скалам в темноте мог грозить его жизни. Поэтому она торопливо пообещала все сообщить ему при встрече в холле, куда обещала обязательно прийти. Винченцо, не понимая ее состояния, был немало огорчен, не получив окончательного ответа. Но он был вынужден считаться с гордостью и достоинством девушки.

Он оставался у подножия башни до тех пор, пока совсем не стемнело, а затем, попрощавшись с Эллиной, спустился по камням вниз. Она проводила его взглядом и со страхом долго вслушивалась в вечернюю тишину. Затем, успокоившись, что он благополучно спустился, вернулась в келью. Ей предстояло многое обдумать и на многое решиться, прежде чем она встретится с Винченцо.

Появление Оливии прервало ее раздумья. Обычно сдержанная и спокойная, монахиня была на сей раз чем-то крайне расстроена и опечалена. Прежде чем заговорить, она настороженным взглядом обвела келью и даже выглянула в коридор.

— Как я и опасалась, — наконец промолвила она, — мои наихудшие предположения оправдались. Если вы не хотите, чтобы вас принесли в жертву, вы должны покинуть монастырь этой же ночью.

— О чем вы? — испуганно воскликнула Эллена.

— Мне только что стало известно, — тихо промолвила сестра Оливия, — что ваше поведение сегодня утром в церкви расценено как намеренное оскорбление настоятельницы монастыря, и вы должны понести самое тяжкое наказание, какое здесь известно, — заточение в карцер. Увы, зачем скрывать от вас правду. Это равносильно смерти, ибо никто еще не возвращался из карцера живым.

— Равносильно смерти? — в ужасе воскликнула Эллена. — О Боже милостивый, разве я заслужила это?

— Не об этом нам следует говорить сейчас, дочь моя. Мы должны во что бы то ни стало предотвратить это несчастье. В глубоком подземелье нашего монастыря есть каменный карцер. Туда заключают тех, кто совершает наиболее осуждаемые поступки. Ни о каком помиловании или отсрочке наказания не может идти и речи. Несчастные приковываются цепями и обречены на медленную смерть в крошечной темноте и холоде этого каменного колодца. Вода и хлеб лишь продлевают часы их страданий, пока смерть не смилостивится над ними. В нашем монастыре известно несколько таких случаев. Жертвами оказались монахини, не вынесшие суровость жизни, которую сами необдуманно избрали, не соразмерив со своими силами, или же были насильно помещены в монастырь родными в

наказание или из-за наследства. Только совсем отчаявшиеся из сестер решаются в таких случаях на побег.

Монахиня умолкла. Эллена, подавленная всем услышанным, тоже молчала.

— Мне вспомнился один такой случай. На моих глазах бедняжка вошла в карцер, чтобы уже никогда не выйти из него живой. Я видела, как хоронили ее. Целых два года она провела в подземелье на подстилке из соломы. Ей не разрешалось даже через решетку двери обменяться несколькими словами с теми из сестер, кто сострадал ей. А их было немало. Но суровое наказание грозило всем, кто посмеет сказать ей слова утешения. Видит Бог, я решилась на это и понесла наказание. Однако я тайно торжествовала в душе, что сделала это.

При этих словах лицо Оливии просветлело и стало еще прекрасней. Эллена бросилась на грудь монахине и разрыдалась. Оливия молча ждала, когда девушка успокоится.

— Вы не опасаетесь, дитя мое, — наконец сказала она, — что, почувствовав себя оскорбленной вашим непослушанием, настоятельница, готовая угодить вашим врагам, не воспользуется этим и заточит вас на сей раз не в келью, а в этот ужасный карцер? Это вполне соответствовало бы пожеланиям маркизы и было бы намного легче исполнить, чем силой постричь вас в монахини. Увы, у меня есть все основания опасаться, что именно это и задумано против вас. Мы должны благодарить судьбу, что церковные торжества не позволяют ей сделать это уже сегодня.

Вздых, вырвавшийся из груди бедной Эллены, был скорее похож на стон отчаяния. Девушка поняла, что для колебаний и раздумий нет более времени, — она должна принять предложение Винченцо и немедленно бежать с ним. Сейчас в душе она молилась лишь о том, чтобы усилия его не были напрасными.

Оливия была обеспокоена молчанием девушки.

— Я могла бы привести и другие примеры суровых наказаний, дитя мое, но воздержусь. Лучше скажите мне, чем я могу помочь вам. Пусть я снова буду наказана, но я хочу облегчить участь еще одной жертвы жестокости.

Эллена разрыдалась еще сильнее.

— А если они узнают об этом? — еле смогла вымолвить она, задыхаясь от слез. В ее прерывающемся голосе была благодарность. — О, что тогда будет с вами?..

— Я знаю, — твердо ответила сестра Оливия. — Но я иду на это.

— Как вы добры, как благородны, — шептала Эллена сквозь слезы. — Но вы не должны жертвовать собой...

— Я делаю это и для себя тоже, ибо не в силах безмолвно взирать на чужое горе. Физические страдания ничто в сравнении со страданиями душевными. Я готова на любые муки, если буду знать, что мои жертвы не напрасны. Да, дитя мое, сострадание — это одно из самых сильных чувств. Сильнее его, возможно, лишь раскаяние, муки совести. Но и они полны сострадания. Но что за эгоизм с моей стороны предаваться подобным рассуждениям и еще более усугублять ваше состояние!.. Я казню себя.

Эллена, ободренная симпатией и сочувствием сестры Оливии, рассказала ей о Винченцо и его плане и попросила посоветовать, как ей оказаться в нужное время вблизи покоев настоятельницы, чтобы встретиться с Винченцо. Сестру Оливию обрадовало все, что рассказала ей Эллена. Она посоветовала девушке прийти до ужина и побывать на концерте, на который будет допущено много гостей. Среди них может оказаться и Винченцо. Когда Эллена высказала свои опасения, что настоятельница может увидеть ее, сестра Оливия, обрадованная решимостью девушки, посоветовала ей скрыть лицо под темной монашеской вуалью, которую обещала ей достать. Она также обещала Эллене не только провести ее в покои настоятельницы, но и оказать любую другую возможную помощь.

— Среди монахинь вас едва ли кто-либо узнает, да и у матушки настоятельницы, принимающей гостей, не найдется свободного времени, чтобы разглядывать толпу приглашенных. К тому же она уверена, что вы находитесь взаперти в своей келье. Этот вечер слишком много значит для ее тщеславия, поэтому она не станет отвлекаться на что-либо другое. А теперь, дитя мое, обдумайте, что вы должны сообщить Винченцо, и лучше всего в

записке. Он должен немедленно знать о вашем согласии бежать и еще о том, что вам грозит опасность. Надеюсь, у вас будет возможность передать ему записку.

Их беседу прервал звук гонга, созывающий монахинь в музыкальную комнату, где должен был состояться концерт. Эллена села писать записку Винченцо, а сестра Оливия поспешила за обещанной вуалью.

Часть II

ГЛАВА I

Лужайка красоту ее скрывает,
Как облачко серебристое — луну.
Ужели скрыта облаком луна
От любопытных глаз?

Эллена, скрыв лицо под темной вуалью, спустилась в музыкальную комнату, где незаметно присоединилась к собравшимся в ожидании появления настоятельницы. На половине гостей Эллена не увидела никого, кто мог бы напомнить ей Винченцо. Это встревожило ее, ибо она опасалась, что он сам не сможет ее узнать среди одинаково одетых монахинь. Поэтому она решила, став у края перегородившей залу узорчатой решетки, на какое-то время открыть свое лицо.

Однако, увидев входившую в залу настоятельницу, испытала такой страх, что тут же отказалась от своего намерения. Ей показалось даже, что настоятельница слишком пристально посмотрела в ее сторону.

Тем временем настоятельница, пройдя через залу для гостей и обменявшись несколькими словами с игуменом монастыря и знатными гостями, проследовала к своему креслу в музыкальной комнате. Концерт начался исполнением торжественных и прекрасных арий, которые так чудесно и с таким чувством поют в итальянских женских монастырях. Это в какой-то степени успокоило Эллену, и она вскоре с интересом стала осматриваться вокруг.

В просторной половине залы со сводчатыми потолками, освещенной свечами, собралось около пятидесяти монахинь в праздничном одеянии ордена кармелиток. Возвышенное пение хора, мерцающий свет свечей и величественная фигура настоятельницы в кресле на возвышении, похожем на трон, создавали картину средневекового замка. За ажурной перегородкой в другой половине залы за сервированными столами собрались гости. Во главе стола восседал игумен в окружении знатных гостей в роскошных, расшитых золотом и шелком камзолах, ярким пятном выделявшихся среди темных монашеских сутан. Столь же разительно отличались строгие, не улыбкающие, погруженные в себя лица духовенства и беспечные, полные интереса к жизни и ее удовольствиям лица неаполитанской знати. Темным загадочным фоном среди этой картины были монахи и паломники.

Именно в их сторону чаще всего был обращен взор Эллены, безуспешно пытавшейся отыскать среди них Винченцо. И хотя она продолжала стоять у края решетки, теперь она не отваживалась поднять вуаль и показать свое лицо такому количеству незнакомых людей. А это для нее означало, что Винченцо так и не подойдет к ней.

После концерта она вместе со всеми вышла в ту часть залы, где были накрыты столы и где вскоре должна была появиться настоятельница со своей свитой, лишь тогда обратила она внимание на человека в одежде паломника, который, пряча лицо, старался тоже держаться поближе к решетке.

Эллена, решив, что это Винченцо, не спускала с него глаз, чтобы, уловив момент,

незаметно приблизиться к нему. В то же время она внимательно следила за настоятельницей, занятой беседой с окружившими ее монахинями. Наконец Эллена смогла быстро и незаметно открыть на мгновение лицо и прочла интерес и благодарность в ответном взгляде. Однако она ошиблась — это был не Винченцо. Перепуганная девушка, поняв, как может быть расценен ее поступок, и еще больше огорченная тем, что не нашла Винченцо, поспешно отошла. И в эту минуту другой незнакомец в плаще и с закрытым лицом быстрым шагом приблизился к решетке. Эллена теперь почти не сомневалась, что это Винченцо, но не повторила ошибки и не подняла вуали, а ждала, когда ей будет подан знак. Однако незнакомец быстро просунул между прутьями решетки записку и, не дав Эллене опомниться и передать ему свою, уже исчез в толпе. Девушка было сделала шаг к решетке, но тут же остановилась, заметив, как одна из монахинь, видимо заметившая действия Винченцо, направилась к тому месту, где между прутьями торчала записка, и краем платья задела ее. Записка упала на пол, и Эллена в отчаянии увидела, как монахиня наступила на нее ногой.

В это время какой-то священник, окликнув через решетку монахиню, стал что-то с таинственным видом говорить ей. Эллена совсем пришла в отчаяние, решив, что и тот тоже видел Винченцо и теперь сообщает об этом монахине. Ей оставалось только ждать, когда монахиня поднимет записку и вскоре все станет известно настоятельнице.

К ее великому удивлению, однако не к облегчению, монахиня отодвинула ногой записку поближе к решетке, но не подняла ее. Тревога Эллены усилилась. Когда священник скрылся в толпе, а монахиня тут же поспешила к настоятельнице и что-то начала говорить ей, бедная девушка была уже чуть не мертва от страха. Она более не сомневалась, что Винченцо схвачен, а записка оставлена на полу намеренно, чтобы Эллена, подняв ее, выдала себя. Дрожа от страха и самых дурных предчувствий, она следила за лицом настоятельницы, пока та выслушивала то, что говорит монахиня. Суровая складка на лбу игуменьи зловеще предупреждала Эллену о ждущей ее судьбе. Тем временем монахиня, закончив свое сообщение матери настоятельнице, спокойно отошла и присоединилась к сестрам, а игуменья как ни в чем не бывало продолжала играть свою роль хозяйки.

Эллена понимала, что, пока монастырь полон гостей, никаких особых мер против нее принято не будет. Она не спешила уходить, а также не пыталась поднять злополучную записку, хотя знала, что судьба ее зависит от того, что написано на этом клочке бумаги. Время шло. Она знала, что за ней теперь будут следить. Куда бы она ни посмотрела, ей казалось, что мать настоятельница не спускает с нее глаз, а также монахиня, хотя лицо последней было скрыто вуалью.

Так прошел час. Ужин подходил к концу, гости поднимались из-за стола, и в общей толчее Эллене удалось приблизиться к решетке и поднять записку. Спрятав ее в складках одежды, она едва осмелилась поднять голову, чтобы убедиться, не следит ли кто за ней. Она решила немедленно уйти к себе, как вдруг увидела, что настоятельница покидает залу. Монахини, напугавшей ее, нигде не было видно.

Эллена проследовала за настоятельницей, держась в самом конце потянувшейся за нею свиты. Наконец, заметив Оливию, она успела глазами подать ей знак и тут же поспешила в свою келью. Здесь, заперевав изнутри дверь на ключ, принялась читать записку Винченцо. Еле сдерживая свое нетерпение, жадно пробежала глазами первые строчки, но, неловко перевернув страницу, вдруг загасила слабый огонь лампы. В полном отчаянии девушка не знала, что делать. Идти просить, чтобы ей зажгли погасшую лампу, было невозможно, ибо сразу же стало бы известно, что она отнюдь не пленница, а может покидать свою келью, когда захочет. Если об этом узнают, худо будет не только ей, но и Оливия пострадает за свою доброту. Оставалось молить Бога о скорейшем приходе Оливии, пока еще не поздно сделать то, о чем просит в записке Винченцо. Она сидела в темноте, терзаемая страхами, тщетно водя пальцами по листку бумаги, от которого зависело ее спасение и который она так нелепо не смогла дочитать до конца.

Наконец послышались шаги, и луч света блеснул под дверью. Вовремя сообразив, что это может быть и не Оливия, она постаралась быстро спрятать записку. Но дверь уже

открылась, и вошла Оливия. Эллена, бледная и дрожащая, без слов выхватила у монахини фонарь и принялась жадно дочитывать записку. В ней было сказано, что в ту минуту, как Эллена получит ее, брат Джеронимо будет ждать ее у ворот в сад, где к ним вскоре присоединится и он, Винченцо, чтобы вместе тайком покинуть монастырь. Лошади ждут их у подножия горы. Он умолял ее не мешкать, а сделать все немедленно, пока в монастыре гости и все заняты ими. Иного случая может не представиться.

Эллена в полном отчаянии протянула записку Оливии, прося ее совета, ибо прошло уже полтора часа с того времени, как Винченцо передал ей записку. За это время все могло случиться!

Добрая Оливия, понимая состояние девушки, сострадала ей и готова была помочь. После недолгого раздумья она сказала:

— Сейчас в любом уголке монастыря мы можем встретить кого-либо из монахинь. Но вуаль, которую я вам принесла, уже сослужила вам службу. Думаю, мы можем надеяться, что она поможет нам и в этот раз. Нам придется пройти через трапезную, где сейчас ужинают те из сестер, кто не был приглашен к праздничному столу. Они не покинут трапезную до колокола, собирающего всех на заутреню. Если мы будем дожидаться этого часа, будет уже поздно.

Эллена полностью разделяла опасения сестры Оливии, и, понимая, как опасно медлить, они решили тут же попробовать пробраться в монастырский сад.

По дороге в трапезную им то и дело попадались монахини, но никто не обращал на них внимания. Эллена одной рукой придерживала вуаль, а другой тяжело опиралась на руку Оливии. В дверях трапезной они увидели настоятельницу, которая, окинув взглядом ужинающих и не найдя среди них Оливии, отступила назад, а сестра Оливия вынуждена была, откинув вуаль, предстать пред очи игуменьи, затем они проследовали в трапезную. Эллена, смешавшись со свитой настоятельницы, шла вслед за ними. Монахини, оставшиеся в трапезной, к счастью, были столь возбуждены и взволнованы закончившимися празднествами, что только и говорили об этом. Это позволило Эллене вслед за Оливией выйти в холл.

Здесь то и дело пробегали слуги, которые, собрав со столов грязную посуду, относили ее на кухню. Когда Эллена и сестра Оливия приблизились к выходу в сад, их окликнула монахиня, предупредившая, что колокол на заутреню еще не прозвучал.

Перепуганная непредвиденным препятствием, Эллена крепко сжала руку Оливии, но та что-то спокойно ответила монахине, и они вышли в сад.

Когда они шли по аллее к указанному в записке Винченцо месту, у Эллены от волнения подкашивались ноги, и она испугалась, что не дойдет.

— Силы изменяют мне, я не дойду, — задыхаясь, сказала она. — А если дойду, то будет уже поздно, он не дожидется меня.

Но Оливия, чтобы ободрить ее, указала на освещенные лунным светом ворота в конце аллеи.

— Видите, дитя мое, где кончается тень деревьев? Там и есть место вашего свидания...

Ободренная Эллена прибавила шаг, но заветные ворота, вместо того чтобы становиться ближе, казались, удалялись от нее.

— Я не дойду, я упаду бездыханной... — продолжала шептать бедняжка, когда они были уже совсем у цели.

Наконец Оливия остановилась. Отсюда предстояло подать условный знак, и она ударила поднятой веткой по дереву. Послышался шепот переговаривающихся голосов, но условного ответа не последовало.

— Нас предали, — в ужасе прошептала Эллена. — Но я все равно должна знать правду, — вдруг решительно заявила она и повторила условный знак.

К ее неизъяснимой радости, в ответ раздался три отчетливых сухих стука дерева о дерево. Оливия, все еще соблюдая осторожность, предостерегла Эллenu не торопиться. Но вскоре все сомнения рассеялись. Со скрипом повернулся в замке ключ, ворота открылись, и

две фигуры в плащах вошли в сад. Эллена невольно отступила, но знакомый голос Винченцо тихо окликнул ее, а слабый свет фонаря в руках его спутника осветил лицо юноши.

— О небо! — тихо промолвил дрожащим от радостного волнения голосом Винченцо, сжимая руки Эллены. — Неужели ты опять со мной? Если бы ты знала, как я ждал этого часа!.. — Однако, увидев Оливию, он умолк и отступил назад.

Эллена поспешно объяснила ему, сколь многим она обязана доброте сестры Оливии.

— Нельзя терять ни минуты, — мрачно проворчал Джеронимо. — Мы и так слишком задержались.

— Прощайте, Эллена, — с чувством, тихо промолвила сестра Оливия. — Да хранит вас Господь.

Страхи Эллены теперь уступили место глубокой печали расставания. Она горько плакала, уронив голову на плечо Оливии.

— О, прощайте, мой добрый друг. Я теперь уже никогда не увижу вас, но всегда буду помнить и нежно любить вас. Вы обещали мне дать о себе знать. Помните, я буду в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто.

— Не могли уладить свои дела раньше, — сердился Джеронимо. — Мы задержались на целых два часа.

— Эллена, похоже, ты совсем забыла обо мне, — ласково напомнил о себе Винченцо, осторожно отрывая девушку от сестры Оливии.

Осушив слезы, Эллена одарила его улыбкой, которая показалась ему дороже всяких слов. Еще раз попрощавшись с Оливией, она протянула Винченцо руку.

— Взошла луна, и твой фонарь уже не нужен. Мы только привлечем внимание, — сказал Винченцо своему спутнику.

— Он еще пригодится нам в церкви и на тех темных тропах, по которым я буду проводить вас. Ведь вы не надеетесь, что я выведу вас через главные ворота, синьор, — с достоинством ответил Джеронимо.

— Итак, веди, куда знаешь. В путь! — согласился Винченцо и вышел на аллею, ведущую к монастырской церкви.

Прежде чем последовать за ним, Эллена еще раз обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на сестру Оливию. Монахиня стояла на прежнем месте, и Эллене показалось, что она еле заметно махнула ей рукой. Сердце Эллены переполнило печаль, и слезы снова затуманили ей глаза. Она махнула рукой в ответ, не в силах двинуться с места, пока Винченцо вновь не заставил ее следовать за ним.

— Я завидую твоему другу, — тихо промолвил он, — и этим слезам. Я испытываю зависть. Прошу тебя, не плачь, Эллена.

— Если бы ты знал, что она сделала ради меня и как я ей обязана, — дрожащим голосом ответила Эллена и умолкла.

Пока они шли по темной аллее к церкви, Винченцо не мог скрыть своего беспокойства.

— Ты уверен, брат, что там не будет кающихся в этот час?

— Кающихся в дни празднеств? Скорее в такие дни все получают награды.

— Для нас и то и другое одинаково плохо. Разве мы не можем не заходить в церковь?

Джеронимо заверил его, что это невозможно, и открыл один из боковых входов. Здесь он прибавил свет в фонаре. В церкви было темно, праздничные свечи отгорели, осталось лишь несколько у алтаря. Послушник провел их через храм к боковой двери, выходящей во внутренний дворик к пещере Богоматери, покровительнице кармелиток. Яркий свет свечей в пещере испугал беглецов, и они попятились назад. Но Джеронимо, осмотрев пещеру, успокоил их, объяснив, что свечи горят здесь день и ночь.

Успокоенные, они вошли в пещеру, следуя за Джеронимо в дальний ее конец, где за изображением Богоматери в глубокой нише была небольшая дверь. Сердце Эллены затрепетало от страха, когда послушник отпер ключом узкий проход в скале. Джеронимо вошел первым, однако Винченцо не последовал за ним, а, опасаясь за Эллену, остановился и спросил у проводника, куда он их ведет.

— К месту назначения, синьор, — ответил тот глухим, словно из могилы, голосом. Ответ испугал Эллину и не понравился Винченцо.

— Я доверился тебе и доверил в твои руки судьбу самого дорогого мне человека, — промолвил Винченцо. — Эта шпага, — тут он коснулся спрятанной под плащом шпаги, — будет орудием отмщения за любое предательство, поверь мне. Если ты замыслил зло, остановись и одумайся, иначе не выйдешь отсюда живым.

— Угрозы? — недовольно ответил послушник, повернувшись к ним, и лицо его помрачнело. — Какую пользу принесет вам моя смерть, синьор? Каждый брат этого монастыря поклянется отомстить вам за нее.

— Я не хочу предательства, — воскликнул Винченцо, — и готов защитить синьорину от всех монахов на свете, ты это знаешь. Итак, решай.

В эту минуту Эллине в голову пришла ужасная мысль: а что, если это вход в тот ужасный карцер, о котором рассказывала сестра Оливия, и это ловушка, а Джеронимо просто предал их?

— Если в твоих действиях нет коварства и ты согласен вывести нас из монастыря, почему ты не выбрал любой другой выход, которых, я уверен, здесь немало, а привел нас именно сюда?

— Из монастыря есть единственный выход — через главные ворота, — спокойно ответил Джеронимо. — А этот выход — второй, потайной, и тоже единственный.

— Нельзя ли выйти через главные ворота? — неуверенно спросил Винченцо.

— Нет, ибо сейчас через него входят и выходят паломники и монахи других монастырей. Сегодня их здесь особенно много, — объяснил Джеронимо. — Мы с вами можем пройти незамеченными, а как быть с синьориной? Вы сами знали это, синьор, и потому решились довериться мне. Этот проход выведет нас к утесам, далеко от монастыря. Я уже достаточно рисковал и больше не намерен попусту тратить время. Если не хотите следовать за мной, я оставляю вас здесь, и поступайте тогда как знаете.

Он насмешливо рассмеялся и принялся запира́ть дверь. Встревоженный Винченцо, представив себе все роковые последствия, если его план сорвется, попытался уговорить Джеронимо, а затем перепуганную Эллину, и наконец они в полном молчании, один за другим, Джеронимо впереди, вошли в узкий мрачный коридор, вырубленный в толще скалы. Винченцо одной рукой поддерживал Эллину, а другую не снимал с эфеса шпаги.

Проход был довольно длинный, и, еще не достигнув его конца, они вдруг услышали звуки музыки.

— Они доносятся сюда из той пещеры, которую мы только что покинули, — пояснил Джеронимо. — Это поют молитвы паломники, прежде чем покинуть пещеру. Нам надо поторапливаться, синьор. Меня могут хватить.

Теперь беглецы поняли, какой опасности они себя подвергали, если бы задержались в пещере еще на несколько минут. Кто-нибудь из паломников мог бы заметить их или, не дай Бог, набрел на потайную дверь. Когда Винченцо высказал это вслух, Джеронимо успокоил его:

— Об этом потайном ходе известно лишь немногим братьям нашего монастыря.

Винченцо догадался, что тайный ход существует для того, чтобы незаметно переправлять в святую пещеру все, что может понадобиться для поддержания у паствы предрассудка и веры в разные «чудеса» и явления.

Погруженный в раздумья, он продвигался по коридору, как вдруг услышал далекий звон колокола.

— Звонят к заутрене! — испуганно воскликнул брат Джеронимо. — Я должен быть в храме. Синьорина, поторопитесь, — попросил он, хотя Эллину и так спешила изо всех сил. Наконец она увидела впереди дверь. Но, к ее удивлению, проход здесь не заканчивался, а следовал дальше, минуя открытую дверь. Приблизившись, она увидела, что дверь ведет в едва освещенную сумеречным светом комнату, высеченную в скале.

Винченцо, обеспокоенный светом, спросил, откуда он и что находится в этой комнате.

Джеронимо ответил что-то неопределенное и тут же указал на сводчатую дверь, которой заканчивался подземный коридор. Беглецы повеселели, ибо это означало конец утомительного пути и гнетущей неопределенности. Передав фонарь Винченцо, Джеронимо стал отодвигать засовы, чтобы открыть дверь. Винченцо с облегченным сердцем приготовился вознаградить проводника. Но случилось непредвиденное — дверь не открывалась. Странное подозрение повергло Винченцо в ужас и гнев. Казалось, немало был напуган и сам проводник.

— Боюсь, нас предали, — мрачно промолвил он и посмотрел на Винченцо. — Дверь заперта на второй замок. У меня же ключ только от одного замка.

— Предали, — грозно повторил Винченцо. — И я знаю кто. Вспомни, я тебя предупреждал, и подумай, в чем твоя выгода предать нас!

— Синьор! — протестуяще воскликнул Джеронимо. — Я не обманываю вас, клянусь Пресвятой Девой, что не я запер эту дверь на второй замок. Я открыл бы ее, если бы мог. Новый замок поставлен не сегодня, даже не час тому назад. Я и сам теряюсь в догадках. Тут редко кто бывает. Боюсь, тот, кто побывал здесь, сделал это намеренно, чтобы помешать вашему побегу.

— Твои объяснения не обманут меня! — негодовал Винченцо. — Или ты откроешь дверь, или готовься к худшему! Знай, я не дорожу своей жизнью, но не допущу, чтобы синьорину обрекли на ту страшную участь, которую уготовили ей в вашем монастыре.

Эллена, собрав все свои силы, попыталась успокоить гнев Винченцо, зная, что добром это не кончится, и попробовать уговорить Джеронимо попытаться еще раз открыть дверь. Наконец с трудом это ей удалось. Винченцо тоже стал помогать Джеронимо. Но все было тщетно. Тогда Джеронимо попытался вышибить дверь силой, при этом причитал, что теперь он навлек на себя гнев монастырского начальства и будет строго наказан.

Но дверь не поддавалась. Винченцо теперь понимал, что даже вернуться назад они не смогут: церковь и пещера полны паломников — заутреня еще не кончилась.

Джеронимо, однако, не терял надежды на их освобождение, но допускал, что эту ночь и следующий день им придется провести здесь. Наконец они договорились, что Джеронимо вернется в церковь и попробует организовать их побег через главные ворота. Проводив Эллену и Винченцо в каменную комнату, мимо которой они только что прошли, он решил вернуться назад.

Какое-то время после его ухода они еще лелеяли надежду, что он вернется и выручит их из подземелья, но по мере того, как медленно потянулось время, надежда убывала, и их охватило отчаяние. Только ради спокойствия Винченцо Эллена ничего не сказала ему о назначении этой комнаты в скале, где они теперь пребывали. Мысль о предательстве Джеронимо теперь не покидала ее. Холодные стены похожей на склеп комнаты все больше напоминали ей рассказ сестры Оливии о карцере, в котором заживо была погребена монахиня. Зарешеченное небольшое окошко в потолке пропускало воздух и слабый свет дня. Здесь были стол, скамья и, что самое удивительное, лампа на столе. Как могла попасть сюда зажженная лампа? Здесь, по словам Джеронимо, редко кто бывал. Почему у него самого это не вызвало никакого удивления? Не есть ли это та тюрьма, в которую собирается заточить ее игуменья? Ее охватил такой ужас, что она едва не открылась Винченцо, но, зная его горячий нрав, побоялась, что он решится на какое-нибудь безрассудство и погубит себя.

Так, пребывая между отчаянием и надеждой, она невольно все более внимательно осматривала комнату, чтобы найти хоть что-нибудь подтверждающее или опровергающее ее подозрения, что именно здесь нашла свой печальный конец несчастная послушница. Когда глаза привыкли к темноте, она заметила, как что-то темнеет в одном из дальних углов. Это оказался соломенный матрас, на котором, должно быть, умерла несчастная. Возможно, он еще хранит отпечатки ее тела! Эллену охватил ужас.

Винченцо, видя ее состояние, тщетно пытался узнать, что так взволновало ее, как вдруг они услышали протяжный, похожий на стон вздох. Эллена в страхе схватила Винченцо за руку. Они умолкли и прислушались. Но кругом стояла мертвая тишина.

— Мне это не слышалось, не так ли? — прошептал Винченцо. — Ведь ты тоже слышала?

— Да, — ответила Эллена.

— Это был вздох или стон?

— Да-да, это был вздох.

— Кто-то здесь прячется, — сказал Винченцо, оглядываясь вокруг. — Но тебе не надо бояться, Эллена, я вооружен.

— У тебя шпага, но, увы... Тише! Вот снова...

— Где-то совсем рядом. Эта лампа едва горит. — Винченцо поднял лампу повыше. — Эй, кто там? — крикнул он и сделал шаг вперед. Никто не ответил. — Эй, кто там? Вам, возможно, нужна помощь? — еще раз громко крикнул Винченцо. — Друзья по несчастью поймут вас, отзовитесь. Если же вы враг, то трепещите, ибо мне терять нечего.

В ответ было молчание. Тогда, взяв лампу, Винченцо подошел к стене, где заметил небольшую дверь. Тут он снова услышал звуки, они были похожи на молитву или стенания. Нажав на дверь, он с удивлением убедился, что она легко открывается, и вскоре он оказался в камерке, где перед распятием стоял на коленях человек, столь погруженный в молитву, что даже не заметил появления Винченцо, пока тот не заговорил. Человек поднялся и повернулся к юноше. Это был монах с бледным лицом и седыми волосами. Его кроткое, печальное лицо и ясные глаза, в которых горел особый внутренний огонь, вызвали у Винченцо симпатию и интерес. Он успокоил Эллену, которая застыла на пороге.

Монах был тоже удивлен их присутствием здесь, однако Винченцо, несмотря на симпатию к нему, не торопился отвечать на его вопросы. Наконец монах намекнул, сколь необходима откровенность для безопасности их всех. Подкупленный его искренностью, а отнюдь не из страха, Винченцо, опуская детали, коротко рассказал их историю.

Монах слушал, с состраданием глядя то на Винченцо, то на Эллену, а затем справился, как давно ушел Джеронимо, и сокрушенно покачал головой, когда узнал, что дверь их подземелья оказалась запертой на второй замок.

— Вас обманули, дети мои, — сказал он печально. — Вы молоды и доверчивы, а старость бывает хитра и коварна.

Его слова повергли бедную Эллену в отчаяние, и она разрыдалась, а Винченцо едва удержался от гневных проклятий. Ему с трудом удалось успокоить плачущую Эллену.

— Вас, дочь моя, я видел в храме, — вдруг сказал монах, глядя на Эллену. — Я слышал ваши слова протеста. Увы, дитя мое, вы должны были знать, что за этим последует.

— У меня не было иного выбора, — пролепетала Эллена.

— Святой отец! — воскликнул Винченцо. — Я не поверю, что вы можете быть на стороне тех, кто преследует невиновных, или одобряете их действия! Если бы вы знали печальную историю этой синьорины, то прониклись бы жалостью к ней и сочли бы непременно для себя помочь ей. Сейчас не время рассказывать подробно, но умоляю вас, святой отец, спасите ее, помогите ей бежать из этого монастыря! Если бы время безжалостно не подгоняло нас, я рассказал бы вам, как среди ночи была похищена из родного дома бедная сирота, как была она увезена в этот монастырь и в чьей власти она оказалась. У нее нет ни родных, ни близких, чтобы защитить ее и бросить вызов преследователям... О, святой отец, если бы вы знали... — Голос бедного юноши прервался от волнения.

Монах молча, с состраданием смотрел на Эллену.

— Возможно, вы говорите правду, — сказал он. — Но... — Он умолк в нерешительности.

— Я понимаю ваши колебания, святой отец, — пришел ему на помощь Винченцо. — Вам нужны доказательства? Но как мы можем их представить? Вам остается только верить мне и моему честному слову. Если вы пожелаете помочь нам, то это надо сделать сейчас же, не медля! Ваши колебания будут означать нашу гибель. Мне кажется, я слышу шаги Джеронимо...

Он подошел к двери и прислушался. Все было тихо. Монах тоже вслушивался в

тишину и молчал, погруженный в раздумья. Эллена, судорожно сжав руки, ждала его решения.

— Нет никого. Еще не поздно что-то сделать, святой отец!

— Бедняжка, — словно про себя произнес монах. — В этой каменной могиле, в этом проклятом месте...

— Да, в этом карцере! — не выдержав, воскликнула Эллена, угадав, что думает монах. — Именно здесь нашла свою страшную смерть бедная монахиня. Меня тоже ждет ее участь.

— Да, в этом карцере! — повторил за Элленой Винченцо. — Святой отец, если вы готовы помочь нам, не медлите, прошу вас, иначе все будет напрасно.

Монах, который с явным удивлением поднял глаза на Эллену, когда она упомянула о гибели монахини, вдруг отвернулся и смахнул скупые слезинки. Он, казалось, пытался взять себя в руки, но какое-то страшное воспоминание терзало его душу.

Винченцо, видя, что мольбы не помогают, и ожидая, что вот-вот в коридоре раздадутся шаги Джеронимо, в тревоге ходил взад и вперед по камерке, временами останавливаясь и прислушиваясь. Иногда он снова взывал к состраданию монаха, но тот молчал. Эллена, с ужасом оглядывая стены, то и дело повторяла как бы про себя:

— В этой темнице на соломенном матрасе умирала эта бедняжка. О, что видели эти стены...

Винченцо, не в силах слышать это, вновь обратился к монаху.

— Святой отец, — взмолился он. — Если ее найдут здесь, судьба ее будет ужасна!

— Кто, кроме Бога, может знать, какой будет ее судьба или же моя тоже, если я вознамерюсь помочь вам? Хотя я стар, мое сердце не очерствело еще к чужому горю. Пусть у меня отнимут мои последние годы, но юность должна жить. Если я в силах еще помочь вам, дети мои... Следуйте за мной, — вдруг решительно заявил он. — Я проверю, не откроет ли эту дверь один из моих ключей.

Винченцо и Эллена бросились вслед за ним. Монах не мог торопиться, они часто останавливались и прислушивались, нет ли погони. Но было тихо. Лишь приблизившись к выходу из подземелья, они услышали звуки, доносившиеся по коридору издалека.

— Кажется, они идут, святой отец, — испуганно пролепетала Эллена. — Если ключ не подойдет, мы погибли. Я слышу голоса. Они, наверное, уже обнаружили, что мы покинули комнату.

Старый монах дрожащими руками пробовал ключи. Винченцо пытался помочь ему и ободрял и успокаивал Эллену.

Наконец ключ в замке повернулся и дверь открылась. Перед ними были залитые лунным светом горы. Эллена вскрикнула от радости.

— Не тратьте время, дети мои, не надо благодарить меня, — поспешно сказал монах. — Я должен успеть закрыть дверь и подольше задержать ваших преследователей. Благословляю вас.

Молодые люди едва успели попрощаться с монахом, как он уже закрыл за ними дверь.

Винченцо, крепко взяв Эллену за руку, начал спуск вниз, к тому месту, где уже давно ждал их Паоло. Они видели внизу тропу, ведущую из монастыря, и толпу покидающих монастырь паломников. Винченцо замедлил шаг из предосторожности. Надо было переждать, пока пройдут паломники, смешиваться с их толпой было бы опасно. В полнолуние было достаточно светло, чтобы разглядеть каждого, поэтому они пробирались под стенами монастыря в тени густых кустов, иногда присаживались и отдыхали. Эллена, успокоившись, с удовольствием слушала пение паломников, толпа которых не иссякала.

— Как часто в такой час я бродил вокруг твоей виллы, Эллена, радуясь тому, что ты так близко, — вспоминал Винченцо. — А теперь мы наконец вместе. Прощу тебя, позволь мне повести тебя к алтарю в первой церкви, которая нам попадется по пути!

Юноша совсем забыл, в какой тревожный час он просит ее об этом.

— Не время говорить об этом, — неуверенно произнесла растерявшаяся Эллена. — Мы

еще в опасности, мы на краю бездны...

— Да, ты права, я неоправданно подвергаю нас опасности, задерживаясь здесь, прости. Паломники уже прошли, нам надо продолжать наш путь, — вскочив, произнес Винченцо.

Они снова продолжили спуск к дороге. Эллена обернулась и в последний раз посмотрела на темную громаду монастыря. На минуту ей почудилось, что в окошке знакомой башни появился и исчез огонек. Неужели мать настоятельница с монахинями ищут ее в келье? Страх вновь охватил ее. Но это был лишь лунный отблеск. Монастырь был погружен в темноту.

Наконец они достигли поворота, за которым в глубокой тени деревьев начиналась дорога, и здесь их ждал Паоло.

— О, синьор, как я рад видеть вас! Я уже думал, что монахи заточили вас в свои подземелья.

— Я тоже рад тебя видеть, мой добрый Паоло. А где же одежда паломника, которую я просил тебя раздобыть?

Паоло протянул ему плащ, в который Винченцо тут же укутал Эллену. Сев на лошадей, они тронулись. Они держали путь в Неаполь, где Эллена временно найдет убежище в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто. Винченцо, опасаясь преследования, решил как можно быстрее свернуть с главной дороги на Неаполь. Безопаснее будет ехать в объезд.

Вскоре они достигли перевала. Перед ними было глубокое ущелье, по которому уже проезжала Эллена. В этот час ночи оно казалось еще более мрачным и полным опасности. Но неунывающий Паоло лишь прищипорил лошадь и, весело покрикивая на нее, прислушивался с интересом к собственному эхо. Винченцо вынужден был попросить его вести себя тише.

— О, синьор, я готов во всем вам подчиниться, но сердце мое просит песни. Ведь мы выбрались из этого, как он там называется, монастыря. Мне-то что, я не был в опасности, а вот вас могли убить, покуда я отдыхал, поджидая вас и синьорину. Что это там впереди, синьор? Неужели это мост? Кому взбрело в голову подвесить его так высоко, под самые облака? Представляю, каково по нему ехать.

Винченцо посмотрел вперед. Переброшенный через бурный поток, ниспровергающийся со скалы, закрытый с одной стороны тенью гор и облитый лунным светом — с другой, мост, подвешенный над пропастью, казался миражем.

— Подумать только! — воскликнул пораженный этим зрелищем Паоло. — Смотрите, что делает с людьми любопытство, синьор. Эти путники не побоялись ступить на него.

Винченцо сам уже разглядел на мосту фигуры людей, пересекающих его, однако испытал при этом не удивление, а тревогу. Если это паломники, идущие в монастырь, то они могут невзначай обмолвиться о том, кто им повстречался на пути, но избежать встречи с ними не было возможности. Дорога была слишком узка, чтобы остаться незамеченными.

— Вот они уже благополучно сошли с моста, и никто не свалился в пропасть. Интересно, куда они идут, — размышлял вслух Паоло. — Синьор, эта дорога ведет на мост и нам тоже его не миновать? У меня в ушах гул от шума этой бешеной речки, скалы, как тени, так и давят, а тут еще этот мост, синьор. Зачем вы заставили меня молчать? Лучше бы я пел для храбрости.

— Помолчи, Паоло, — остановил разговорившегося слугу Винченцо. — Путники, должно быть, уже близко, хотя мы и не видим их.

— Значит, эта дорога ведет к мосту, синьор, — грустно вздохнул Паоло. — А вот и они, обогнули скалу и движутся прямо на нас.

— Потихе, Паоло, это паломники, — шепнул ему Винченцо. — Укроемся в тени скал, пока они пройдут. Помни: любая неосторожность может погубить нас. Если они нас заметят и окликнут, отвечать буду я.

— Слушаюсь, синьор.

Беглецы теснее прижались к скале. Голоса паломников звучали все ближе.

— Хотя бы слышишь веселые голоса, и то легче, — проворчал Паоло. — Видимо, веселая собралась компания.

— Паоло, ты забыл, что я тебе сказал, — резко оборвал его Винченцо.

Паломники, заметив их, сразу умолкли. Лишь проходя мимо, один из них, видимо старший, коротко поприветствовал их. Приветствие хором повторили остальные.

— Здравствуйте, — ответил Винченцо. — Утренняя служба уже закончилась, — добавил он и тронул лошадь.

— Но если поспешите, то успеете на вторую мессу, — сказал, не выдержав, Паоло и последовал за господином.

— Вы только что из храма, не так ли, синьоры? Не знаете ли...

— Мы такие же бедные паломники, как и вы, святой отец, и ничего не знаем, — ответил Паоло. — Доброго вам пути, святой отец, вот уже и светает. — Он поторопился догнать Винченцо и Эллену.

Винченцо хорошенько отчитал его за неосторожность.

— Слава Богу, все уже позади, синьор! — облегченно воскликнул Паоло, прислушиваясь к удалявшимся голосам паломников, запевших молитву. — Теперь из всех опасностей нам остался только этот мост. Я надеюсь, мы и с этим справимся.

Они уже въезжали на шаткий настил моста, как позади послышались голоса. Их нагоняла группа паломников, возвращавшихся из монастыря. Их голоса гулко отдавались в ущелье.

Эллена испуганно посмотрела на Винченцо, но он ободрил ее взглядом, хотя и сам встревожился, когда подумал о погоне. Но, прищипорив лошадь, попросил Эллену и Паоло поспешать за ним.

— Это всего лишь паломники, синьорина, — успокаивал Эллену Паоло, — иначе они не кричали бы так громко.

Беглецы ехали так быстро, как позволяла каменистая разбитая дорога, и вскоре голоса паломников уже не долетали до их слуха. Однако Паоло, ехавший последним, оглянувшись назад, вдруг увидел совсем близко двух путников в широких плащах, следующих за ним. Прежде чем он успел предупредить об этом Винченцо, те уже поравнялись с ним.

— Вы возвращаетесь из монастыря, брат мой? — спросил один из них.

Винченцо, услышав голос, обернулся и спросил, кто спрашивает об этом.

— Всего лишь бедные паломники, утомленные трудным путем и просящие подвезти их из сострадания, — ответил голос.

Как бы ни был добр и сострадателен Винченцо, он отлично понимал, что сейчас не время думать о благе случайного ближнего, когда Эллена в опасности. Его подозрение возросло, когда путник, не обескураженный отказом, стал расспрашивать, куда они держат путь, и попросил разрешения присоединиться к ним.

— Эти горы опасны, брат мой. Здесь нередко путника ждут разбойники. Чем больше людей держится вместе, тем безопасней.

— Если вы так устали, брат, то как вам удалось нагнать наших лошадей? — поинтересовался Винченцо. — Более того, вы уже обогнали нас.

— Это страх перед разбойниками, брат мой. Он двигал нами.

— Вам нечего их опасаться. Достаточно замедлить шаг, и вас нагонит большая группа паломников, которые следуют за вами. Они совсем близко.

На этом он закончил беседу с незнакомцем, прищипорил лошадь, и вскоре навязчивые путники остались позади. Когда они исчезли из виду, Винченцо наконец успокоился. Перевал был пройден, и они свернули с главной дороги на пустынную проселочную, ведущую на запад, в сторону городка Л'Акуило.

ГЛАВА II

Там пел пастух дубам и ручейкам.
Шагало утро серыми стопами,

А солнце прокатилось по холмам,
В залив на западе роняя пламя.

Мильтон

С вершины горы их взору открылось сверкающее в лучах взошедшего солнца озеро Челано, а на горизонте — предгорья Апеннин. Отсюда, решил Винченцо, их путь в Неаполь будет более безопасным. Эти глухие места лежали вдали от больших дорог и монастыря Сан-Стефано. Им теперь не должны грозить неожиданные встречи с паломниками. Мысль о монастыре напомнила ему, что в этих краях они тоже, очевидно, есть, и в одном из них они с Элленой могли бы обвенчаться.

Путники спустились в оливковую рощу, и вскоре попавшиеся навстречу крестьяне указали им дорогу на Л'Акуило. Они ехали через апельсиновые и лимонные рощи, вдыхая аромат цветущих деревьев, и мечтали об отдыхе в одной из разбросанных среди деревьев крестьянских хижин.

Однако большинство из них было пусто в этот утренний час. Их хозяева, видимо, трудились в цитрусовых рощах и виноградниках или же пасли овец и коз на лугах. Паоло первым услышал звук пастушьего горна и обратил на это внимание Винченцо.

— Слышите, синьор? Если это пастухи, то у них мы можем раздобыть что-нибудь из еды для синьорины.

Винченцо тоже слышал совсем близко звук пастушьего барабана.

Они последовали через луг на звук рожка и вскоре увидели хижину в тени олив, а невдалеке и ее владельцев. Расположившись под каштаном, пастухи услаждали слух звуками пастушьего рожка и барабана. Эта мирная сценка, еще встречающаяся в далеких предгорьях Абруцци, своей идиллической простотой и покоем вызывала в памяти рассказы об античной Аркадии.

Пастухи, люди с грубыми загорелыми лицами, дружелюбно встретили путников. Старший из них, видимо глава семьи, выслушав их просьбу, тут же провел их в хижину, где угостил козьим сыром, лесным медом и сушеным инжиром.

После завтрака падающая от усталости Эллена получила возможность отдохнуть в сравнительной безопасности. Винченцо сел на скамью у входа, а Паоло, заняв место под оливой, внимательно осматривал окрестности. Вполголоса хозяин и слуга обсуждали завтрак и недавно встревожившую их встречу на дороге.

Час спустя, когда Эллена смогла присоединиться к нему, Винченцо предложил ей не спешить с отъездом, пока не спадет жара. Решив, что Эллена, отдохнув, выслушает его более спокойно и благосклонно, он снова завел речь о том, как важно ускорить их бракосочетание, ибо впереди их могут ждать самые неожиданные осложнения и опасности.

Девушка, задумчивая и печальная, молча слушала. В душе она соглашалась с его доводами, но мысль о том, что отец и мать Винченцо расценят этот брак как бестактное вторжение нежеланной невестки в их дом, приводила ее в ужас. Ведь они открыто высказали свое презрение и враждебность. Их несправедливость уже причинила ей тяжкие страдания, и она едва избежала еще более страшной участи. Незачем быть деликатной и совестливой в отношении их. Но мысль о Винченцо, о себе и их любви и счастье остановила ее и повергла в смятение. Ей хотелось сказать, что она любит его и благодарна за все, и объяснить, что мешает ей дать свое согласие.

— Скажи мне сам, — наконец не выдержала она и перебила Винченцо, — могу ли я стать твоей женой, если твоя семья... твоя мать... — Тут выдержка изменила ей, Эллена мучительно покраснела и разрыдалась.

— Умоляю тебя, Эллена, не плачь. Мне невыносимо видеть твои слезы! — воскликнул в отчаянии и испуге юноша. — Мне тяжело и больно знать, кто повинен в твоих страданиях. Я не хочу сейчас вспоминать о той, чье бессердечие и жестокость заставляют тебя плакать...

Искреннее страдание исказило лицо юноши. Он вскочил и зашагал по комнате, а затем так же внезапно вышел во двор и остановился под деревом.

Но вскоре, овладев собой, снова возвратился в хижину и сел рядом с Элленой на скамью у двери. Взяв девушку за руку, заговорил тихо и проникновенно:

— Эллена, ты не можешь не знать, как дорога мне, и не должна сомневаться в моем чувстве к тебе. Ты давно дала мне обещание, дала торжественно и перед лицом той, кого уже нет с нами, но чье незримое присутствие мы всегда ощущаем, даже сейчас. Это она поручила мне опекать и любить тебя... Умоляю, хотя бы ради этих дорогих нам воспоминаний, довериться мне, забыть о том, что я сын той, кто так жестоко отнесся к тебе! Ни ты, ни я не знаем, какие злые козни плетутся против нас в эту минуту, теперь, когда ты убежала из монастыря Сан-Стефано. Если мы будем медлить, если нас не свяжут сейчас же узы брака, я боюсь... я чувствую, знаю, что потеряю тебя...

Эллена была настолько потрясена его полной отчаяния речью, что не нашла, что ответить. Наконец, осушив слезы, она ласково сказала:

— Поверь, моя обида и негодование не имеют никакого отношения к тебе. Мне кажется, я не испытываю их даже к маркизе, твоей матери. Но есть уязвленная гордость, и она велит поступить иначе. Будь я достаточно горда, я должна была бы тотчас отказать тебе...

— Отказать? — испуганно воскликнул потрясенный юноша. Лицо его побледнело, во взгляде, устремленном на возлюбленную, были недоумение и испуг. — Неужели ты способна сделать это, Эллена?

— Боюсь, что нет, — неуверенно ответила девушка.

— Боишься? Следовательно, это возможно? Неужели я уже потерял тебя? Скажи, что у нас есть еще надежда, и я буду верить и надеяться.

Боль и отчаяние, с которыми он произнес эти слова, тронули девушку. Она почувствовала новый прилив нежности к нему и улыбнулась.

— Страх, надежда! Нет, не они руководят мною сейчас, а такие чувства, как благодарность и привязанность. И я верю, что мне никогда не придется отказаться от тебя, пока ты такой, каким я тебя знаю.

— Верить? И только? О какой благодарности ты говоришь? Зачем эти оговорки? Даже слова, столь мало способные утешить меня, ты произнесла будто по принуждению или же из жалости и благодарности, а не потому, что любишь меня! Ты не испытываешь страха, не лелеешь надежды? Разве любовь бывает без страха... или надежды? Никогда, никогда! — страстно воскликнул Винченцо. — Я постоянно испытываю их. Достаточно одного твоего слова или взгляда, чтобы страх сменился надеждой или надежда уступила место страху. Зачем это холодное официальное слово «благодарность»? Нет, Эллена, ты не любишь меня. Жестокость моей матери охладила твое чувство ко мне.

— О, как ты ошибаешься! — не удержалась Эллена. — Неужели тебе не достаточно того, что я уже сказала? Если ты сомневаешься в искренности моих слов, то прости меня, но гордость не позволяет мне убеждать тебя в этом.

— Как ты спокойна, равнодушна и осмотрительна, — сокрушенно произнес юноша с легким упреком. — Я более не буду тревожить тебя. Прости, что не вовремя и не к месту завел этот разговор. Мы отложим его до того момента, когда почувствуем себя в большей безопасности. Но мог ли я не говорить об этом, если тревога и опасения не дают мне покоя? И что же? Я сейчас еще более встревожен и полон страха...

— Когда ты перестанешь мучить себя? — с укоризной промолвила Эллена. — Ты только что узнал мои сокровенные мысли. Как после этого ты можешь сомневаться в моих чувствах? Я никогда не забуду, как ты пренебрег опасностью ради моего спасения. Могу ли я не испытывать самую горячую и искреннюю благодарность?

— Слово «благодарность» пугает меня. Неужели ты считаешь, что чем-то обязана мне? Кажется, легче было бы услышать, что ты ненавидишь меня, чем слова благодарности, такие спокойные, определенные в своем значении и неперенные.

— Но я придаю им совсем особое значение, — с улыбкой пояснила Эллена. — Я вкладываю в них всю теплоту и нежность моего отношения к тебе, а чувство благодарности, которое ты в них находишь, — это одно из лучших человеческих чувств.

— Ах, Эллена, я слишком рад поверить и не буду подвергать твои слова суровому разбору. Твоя улыбка убеждает меня больше твоих слов. Приму и благодарность, ибо в ней твоя нежность. Но прошу, не повторяй более это слово. Его звук подобен шоку. Я теряю уверенность даже тогда, когда сам произношу его.

Появление Паоло прервало их беседу. Вид у слуги был встревоженным.

— Синьор, — тихо промолвил он, наклонившись к Винченцо. — Как вы думаете, кого я увидел на дороге, пока стоял под оливами? Тех двух босоногих монахов-кармелитов, которые нагнали нас на перевале. Они тут же опять скрылись в лесу, но мне кажется, увидев хижину, они обязательно направятся сюда. Тут есть что раздобыть из еды, а пастухов можно припугнуть падежом овец, если они...

— Я уже вижу их, Паоло, они выходят из леса, — остановил слугу Винченцо, — пересекают дорогу и идут сюда через луг. Где хозяин хижины?

— Неподалеку, синьор. Позвать его?

— Да, — ответил Винченцо. — Нет, погоди. Я сам его найду. Однако если монахи увидят меня...

— А меня, синьор? Но у нас нет выхода. Не можем же мы позвать отсюда хозяина и выдать себя. А если мы не предупредим его, он расскажет, что мы здесь. И то и другое плохо, синьор...

— Тише, Паоло, дай мне подумать, — прервал его Винченцо.

Пока его господин думал, Паоло прикидывал, где им можно спрятаться, если такое понадобится.

— Да, Паоло, зови немедленно хозяина, я должен поговорить с ним.

— А вот и он, прошел мимо окна! — обрадованно воскликнула Эллена.

Паоло вышел и привел хозяина.

— Дорогой друг, — почтительно обратился к нему Винченцо, — предупреждаю вас быть осторожным и не впускать в дом этих двух монахов, которые, как вы видите, направляются сюда. И ни в коем случае не говорите им, что мы здесь. Они и так доставили нам немало неприятностей, когда мы повстречались с ними на дороге. Если вы от этого понесете убытки, я возмещу их вам.

— Убытки будут, если они войдут в дом. Прошу прощения, что прерываю вас, синьор. Мой товарищ этого не скажет, а я скажу. Нам пришлось не сводить с них глаз и следить за своими карманами, пока мы находились в их компании. Иначе мы многого бы недосчитались. Это порядочные мошенники, поверьте моему слову, может, даже переодетые разбойники. Сутана монаха очень удобна для маскировки. Будьте с ними поосторожней и не церемоньтесь. Неплохо было бы послать вслед за ними кого-нибудь проверить, куда они направляются, а то они, чего доброго, уведут овечку или козу.

Старый пастух сокрушенно воздел глаза к небу и поднял руки.

— Подумать только, как земля носит таких, — заметил он. — Спасибо, синьоры, за предупреждение. Я не пущу их даже на порог, не то что в дом, какими бы святошами они ни прикидывались. Это будет в первый раз в моей жизни, что я отказываю святым отцам в хлебе и крове, а жизнь у меня не такая короткая, как вы можете судить по моим морщинам. Как вы думаете, синьор, сколько мне лет? Боюсь, вы все равно не отгадаете. Жизнь в горах...

— Отгадаю, как только вы спровадите их отсюда, — торопливо прервал его Винченцо. — Дайте им что-нибудь из еды, не впуская в дом. Они уже здесь. Поторопитесь, мой друг.

— Если они рассердятся и захотят войти в дом, синьор, я кликну вас на помощь. Мои сыновья на лугу, отсюда не близко.

Винченцо заверил его, что они с Паоло немедленно поспешат ему на выручку, если это понадобится.

Паоло притаился у окна, готовый через решетку наблюдать и слушать.

— Они обогнули угол дома и направляются к двери, должно быть... Я их больше не вижу. Было бы здесь еще одно окно у двери... Чертовски глупо строят эти хижины. Теперь я послушаю, что говорят. — Он на цыпочках подкрался к двери.

— Они посланы из монастыря, — шепнула Винченцо Эллена, — чтобы выследить нас. Если они паломники, почему в эту глушь, почему идут лишь вдвоем? Их послали выследить нас, а о нашем пути им рассказали паломники, видевшие нас.

— Мы должны опасаться этого тоже, но, может, они просто монахи местного монастыря, одного из тех, что расположены вокруг озера Челано.

— Я не могу разобрать ни слова из того, что они говорят, синьор, — шепнул от двери Паоло. — Послушайте сами, синьор. В этой двери ни щелочки, ни трещины. Если я когда-нибудь построю хижину, то первым делом сделаю окно возле двери...

— Тише! — предупреждая прошептал Винченцо.

— Молчу, синьор, — помолчав, со вздохом ответил Паоло. — Голосов не слышно, но я слышу шаги — они подходят к двери. Открыть ее им не удастся, — сказал он и уперся спиной в дверь. — Можете стучать сколько вам влезет, пока руки не отобьете...

— Помолчи, дай узнать, кто они, — снова остановил его Винченцо и вдруг услышал голос хозяина хижины:

— Они ушли, синьор, можете открыть дверь.

— В какую сторону они ушли? — спросил Винченцо, как только пастух вошел в дом.

— Не знаю, синьор, потому что так и не видел их.

— Но я сам видел, как они вышли из леса и шли сюда, — удивился Паоло.

— Тут негде спрятаться, — поддержал его Винченцо. — Куда же они могли подеваться?

— Наверное, снова ушли в лес, — невозмутимо ответил пастух.

Паоло бросил на Винченцо многозначительный взгляд.

— Может, ты прав, друг, — сказал он, обращаясь к пастуху, — и можешь быть уверен, что на уме у них недоброе. Думаю, тебе следует послать кого-нибудь проследить за ними, если ты хочешь сохранить стадо. Поверь мне, они что-то замышляют.

— Мы не привыкли к таким гостям, — ответил пастух, — но если они что-то замышляют, то получают хороший урок.

Сказав это, он снял со стены пастуший рожок и затрубил в него. Эхо в горах повторило звук. Вскоре к хижине сбежались с пастбища молодые пастухи.

— Не тревожьтесь, друзья, — успокоил их Винченцо, — путешественники не могут причинить вам зла, даже если замыслили это. Но поскольку они вызвали у нас подозрение уже на дороге, я обещаю награду тому из вас, кто проедет совсем недалеко по дороге, ведущей к озеру, и проверит, той ли дорогой они пошли.

Старый пастух согласился. Один из молодых пастухов, который вызвался сделать это, уже выслушивал инструкции Винченцо.

— И не возвращайся, пока все не разумеешь, — добавил Паоло.

— Хорошо, синьор, — ответил пастух, — я доставлю их прямо сюда.

— Не вздумай сделать это, друг, а то головы тебе не сносить. Твое дело — узнать, где они, и проследить, куда держат путь, — отчитал его Паоло.

Наконец Винченцо, все растолковав молодому пастуху, отпустил его. Старый пастух вышел, чтобы сторожить подходы к хижине.

Оставшиеся в хижине, беседуя, строили догадки и предположения относительно подозрительных монахов. Винченцо склонен был считать их обыкновенными паломниками, спешащими в свой монастырь. Паоло, однако, придерживался другого мнения.

— Они будут поджидать нас на дороге, поверьте мне, синьор, — высказал он потом свое мнение. — Будьте уверены, они что-то замышляют против нас, иначе они не обошли бы стороной эту хижину, раз они ее заметили.

— Если они что-то замыслили против нас, Паоло, как ты считаешь, то, следовательно,

шли за нами и вместе с нами свернули на эту малоизвестную дорогу. Увидев хижину в этой глуши, они справедливо решили, что мы можем в ней остановиться, однако даже не заглянули в нее, чтобы удостовериться, что это так. Отсюда вывод, что мы их не интересуем и они ничего против нас не замышляют. Что ты скажешь на это, Паоло? Я считаю, что страх и опасения синьорины ди Розальба лишены основания.

— Почему, синьор? Неужели вы думаете, что они попытались бы напасть на нас в хижине, и при том, что семья доброго пастуха обязательно вступилась бы за нас? Нет, синьор, в их интересах было совсем не попадаться нам на глаза, если бы это было возможно. А теперь, убедившись, что мы здесь, они поспешили снова укрыться в лесу. Они будут ждать нас на дороге, по которой, по их предположению, мы поедем, если такая вообще существует в этой глуши.

— Как могли они узнать, что мы здесь? Ведь они даже не были близко к хижине и не разговаривали с хозяином? — удивилась Эллена.

— Они были довольно близко, синьорина. Если хотите знать правду, они увидели меня в окне, — ответил Паоло.

— Брось пугать нас, Паоло, ты великий выдумщик. Ты считаешь, что ночью, даже при луне, в темном и мрачном ущелье они успели разглядеть тебя так хорошо, что смогли узнать через решетку окна с расстояния сорока ярдов? Успокойся, Эллена, нам ничто не грозит.

— Я хотела бы верить в это, — печально промолвила девушка.

— Вам нечего бояться их, синьорина, — бодро поддержал Винченцо слуга. — Им не поздоровится, если они вздумают напасть на нас.

— Разве этого нам надо опасаться? — удивилась Эллена. — Они могут просто заманить нас в ловушку, когда всякое сопротивление будет бесполезно.

И хотя Винченцо признавал справедливость ее опасений, он и виду не подал и лишь шутками постарался успокоить Эллену. Паоло, поймав его предупреждающий взгляд, более не вступал в разговор.

Молодой пастух вернулся скорее, чем его ждали. Он, видимо, и не собирался выполнять все наставления Винченцо и намного сократил свой путь, ибо так ничего и не сообщил им о монахах.

— Я искал их в лесу вдоль дороги, затем поднялся на гору, но никого не видел, ни единой души, только стада наших коз. Задали они мне работы, пока я их всех собрал. Иные, синьор, так далеко забрались в горы, куда я даже побоялся подниматься, чтобы не сломать шею. А они словно дразнили меня: «А ну попробуй поймай...»

Винченцо, который почти не слушал рассказ пастуха, обсуждал в это время с Элленой, стоит ли им задерживаться здесь или немедленно ехать дальше. Задав еще несколько вопросов пастуху относительно монахов и убедившись, что так и неизвестно, в какую сторону те ушли, он предложил не спеша трогаться в путь, тем более что после ухода монахов прошло достаточно времени.

— Они не вызывают у меня опасений, — уверенно добавил он. — А вот нам надо до ночи добраться до места назначения. Дорога горная, пустынная, и мы ее совсем не знаем.

Эллена согласилась с ним, и, распрощавшись с гостеприимным хозяином, которого с трудом уговорили принять плату за еду и кров, они тронулись в путь. Пастух подробно рассказал им о ждущей их дороге. Отъехав, они еще долго слышали мелодичные звуки пастушьего рожка и глухой рокот барабана.

Когда путники спустились в поросшую густым лесом горную впадину, Элленой овладело беспокойство, и она с опаской оглядывалась вокруг, пугаясь каждой тени. Весельчак Паоло то молчал, то принимался петь или что-то насвистывать для храбрости, не забывая следить за кромкой леса, ибо там в его зарослях могли прятаться братья кармелиты.

Наконец дорога вывела их на горные пастбища, усеянные стадами, ибо сейчас был сезон, когда с равнин Апулии их перегоняют на альпийские луга, славящиеся своими травами. Солнце уже клонилось к западу, когда они увидели во всей его красе озеро Челано в кольце гор.

— О, синьор! — не выдержав, воскликнул Паоло. — Какой вид! Точь-в-точь как в родных краях, когда смотришь на бухту в Неаполе. Хотя ее я никогда не променяю ни на какие здешние красоты.

Путники остановились полюбоваться видом и дать лошадям передохнуть после крутого подъема. Лучи заходящего солнца щедро позолотили тихие воды озера, бросили свой отблеск на живописные селения по берегам озера, суровые стены редких замков и шпили затерянных в лесах монастырей — единственные свидетельства цивилизации в этом царстве величественных гор, девственных лесов и альпийских лугов. Винченцо указал Эллине на вершину Челано на севере, где пролегла граница между Римом и Неаполитанским королевством.

— А там гора Корно, похожая на разбойника, суровая и неприступная, южнее — Сан-Николо с голой вершиной. До самого горизонта это все Апеннины.

— Каким контрастом этим величественным нагромождениям вершин служат мирные поля и селения у их подножий, цветущие долины, оливковые рощи, пальмы, — восхищалась Эллена.

— Взгляните, синьорина, не напоминают ли вам эти рыбацьи баркасы, возвращающиеся домой, бухту в Неаполе под вечер? Эта вершина так похожа на Везувий, что только не хватает огнедышащего кратера! — присоединился к ним Паоло.

— Думаю, таких, как Везувий, здесь уже не сыщешь, но когда-то и тут было немало вулканов, — улыбнулся наивному патриотизму неаполитанца Паоло.

— Признаюсь, синьор, они очень красивы, но лучше Везувия нет ничего в мире; вспомните вспышки пламени по ночам, такие сильные, что становится светло как днем. Есть ли еще на свете такие горы! Я видел однажды вспышки Везувия, осветившие даже Капри. Можно было пересчитать все суда у причала, да что суда, всех матросов на палубе. Видели бы вы это зрелище, синьор, — не унимался Паоло.

— Не забывай, Паоло, и об опасности. Вулкан может наделать много бед. Но от воспоминаний вернемся к тому, что перед нами. Там внизу, в двух милях от побережья озера, находится деревушка Челано, куда и лежит наш путь.

Кристально чистый горный воздух позволял видеть очень далеко, и Винченцо нашел взглядом в долине городок Альбу с остатками руин древней крепости, тюрьмой и могилами опальных правителей Древнего Рима. Здесь в заключении коротали они свои дни, взирая через тюремные решетки на первозданные красоты этого края и вспоминая свою бурную и опасную жизнь, полную интриг и несбывшихся тщеславных мечтаний.

— Сюда в пятьдесят втором году до нашей эры, в конце своего правления, прибыл император Клавдий, чтобы по-варварски широко и буйно отпраздновать окончание строительства акведука, соединяющего реку Лирис с озером Челано, чтобы дать воду Риму. Сотни рабов отдали свои жизни в утеху императору, а воды Челано окрасились кровью убитых в жестоких потешных играх, изображающих морское сражение. Позолоченные галеры бороздили некогда тихие воды озера, в которые теперь бросали искромсанные трупы, а с этих живописных берегов толпы ревом приветствовали своего императора.

— Иногда не хочется верить, что история так изобилует примерами человеческой жестокости, — задумчиво произнесла Эллена.

— Синьор! — решил вмешаться не лишенный здравомыслия Паоло. — Пока мы тут наслаждаемся горным воздухом, наши друзья кармелиты притаились и выжидают момента, чтобы застать нас врасплох. Не лучше ли нам продолжить наш путь?

— Да, пожалуй, лошади уже отдохнули, — согласился Винченцо. — А что касается твоих опасений, Паоло, то я их не разделяю, иначе не задержался бы здесь на отдых.

— Да, да, надо ехать, — поддержала Паоло Эллена, к которой вновь вернулась тревога.

— Верно, синьорина, лучше не рисковать. В Челано мы найдем кров и безопасность, надо только добраться туда засветло, — ответил Паоло и шутливо добавил: — Ведь в этих горах нет вулкана, чтобы освещать нам путь. Другое дело, если бы мы были в двадцати милях от Неаполя.

Когда они начали спуск к озеру, Эллена полностью погрузилась в свои нерадостные раздумья. Она слишком хорошо понимала не только сложность своего положения, но и то, что от ее решения зависит теперь ее жизнь и счастье. Казалось, все складывалось благополучно: ей удалось бежать из монастыря Сан-Стефано, Винченцо, ее защитник и спаситель, рядом с ней. Однако он, заметив ее смятение, принял девичью гордость и застенчивость за сдержанность и равнодушие. Теперь он решил более не беспокоить ее своими страхами и сомнениями, пока не доставит в безопасное место, где она, успокоившись, почувствует себя совершенно свободной решать, принять ли его предложение или же отказать ему. Своей деликатностью он возвращал ей чувство собственного достоинства, хотя сам обрекал себя на сомнения и опасения потерять ее.

Они прибыли в Челано до того, как опустились сумерки. Эллена попросила Винченцо разузнать, нет ли здесь женского монастыря, где бы она могла переночевать. Оставив ее на постоялом дворе под охраной Паоло, юноша отправился на поиски. Первый же монастырь, в ворота которого он постучался, принадлежал ордену кармелитов. Это насторожило Винченцо. Не здесь ли могут прятаться те два, несомненно, посланных игуменьей монаха, которые следовали за ними, должно быть, от самого монастыря Сан-Стефано? Именно здесь они, скорее всего, попытаются найти приют, благоразумно заключил он и поспешил поскорее скрыться и продолжать дальнейшие поиски. Вскоре он нашел еще один монастырь. Он принадлежал ордену доминиканцев. Здесь он узнал, что в Челано есть два женских монастыря, но ни один из них не согласится дать приют посторонним.

С этими нерадостными вестями Винченцо вернулся на постоялый двор. Эллена почти примирилась с мыслью, что ей придется заночевать здесь, как вдруг Паоло, энергичный и общительный, вскоре принес весть, что неподалеку есть небольшой рыбацкий поселок, а там монастырь урсулинок, славящийся своим гостеприимством. Отдаленность монастыря от города Челано делала его более надежным местом, где пока могла укрыться Эллена, и Винченцо предложил немедленно ехать туда, если Эллена не устала.

— Ночь будет светлая, синьор, — успокоил всех Паоло, когда они выехали, — и мы легко найдем дорогу, кроме того, она здесь одна, как мне сказали. Городок расположен на самом берегу озера, всего в полутора милях от него. Я, кажется, уже вижу справа шпиль колокольни.

— Нет, Паоло, это всего лишь верхушки кипарисов.

— Простите, синьор, для кипарисов они слишком тонки. Это силуэт города. Ничего, дорога приведет нас туда.

— Вечерний воздух придал мне силы, — промолвила Эллена. — Как тихо и спокойно вокруг, даже суровые горы потеряли свои грозные очертания.

— Теперь они скорее похожи на городские башни или неприступные стены замка, охраняющие от врага.

— В них действительно есть что-то возвышенное, но охраняют они не нас, людей. Они добрые духи вселенной.

— Вы правы, синьора, это духи, — поддержал ее Паоло. — Они превыше и сильнее всего на свете, и ничто не может сравниться с ними. Посмотрите только, как они меняют свои цвета и очертания, когда садится солнце. Как темнеют и скоро исчезнут совсем. Почему путники предпочитают путешествовать лишь днем, а не когда опускается ночная тишина и все вокруг отдыхает! — воскликнул впечатлительный Паоло. — Ночи Италии ни с чем не сравнимы. Синьор, а вот и городок, теперь он уже хорошо виден, даже шпили монастыря. Вон сверкнул огонек вдали, звонит колокол. Начинается вечерняя месса. Где мы будем ужинать, синьор?

— Звук колокола к нам ближе, чем твой город, Паоло, а потом, мне кажется, он доносится совсем с другой стороны.

— Что вы, синьор, просто ветер относит его. Ехать осталось совсем недолго.

— Ты прав, Паоло, скоро мы будем на месте.

Путники начали спуск к озеру. Через несколько минут Паоло воскликнул:

— Смотрите, синьор, еще один огонек, он отражается в воде.
— Я слышу плеск воды, — заметила Эллена, прислушиваясь, — и удары весел по воде.
Нет, Паоло, огонек не в городе. Это лодка на озере.

— Вот он отдаляется от нас, оставляя блеск на воде, — подтвердил Винченцо. — Похоже, Паоло, мы не так близко от городка, как думали. Нам предстоит еще немалый путь.

Берег, к которому они спускались, делал в этом месте изгиб, образуя небольшую бухту. К ней близко подступала кромка леса, прерываемая узкими полосами плодородной земли и высокими утесами, глядящимися в воду. Отсюда уже хорошо был виден город внизу. Его вечерние огни то зажигались, то гасли и были похожи на звезды на затянутом рваными облаками небе. Донеслось пение рыбаков.

Но вскоре путники слышали другие звуки.

— Наконец что-то повеселее! — с облегчением воскликнул Паоло. — Взгляните, синьорина, на тех людей внизу под деревьями. Они пляшут и веселятся. Хотелось бы мне быть среди них. Я хочу сказать, синьор и синьорина, если бы я не был сейчас с вами, конечно.

— Вовремя оговорился. Спасибо, Паоло, — иронично заметил Винченцо.

— Должно быть, у них какой-то праздник. Простые крестьяне умеют веселиться не хуже нас, городских. Хорошо играют. Это верно, что никто не умеет так танцевать, как это делают моряки Неаполя, собираясь в лунные вечера. Вот бы нам, синьор, и вам, синьорина, побывать на их празднике!

— Спасибо за приглашение, синьор Паоло, — церемонно поклонился ему Винченцо. — Скоро мы сможем присоединиться к тем, что внизу, и, надеюсь, нам станет так же легко и весело, как этим крестьянам.

Путники уже въезжали в городок с его узкими, вьющимися вдоль берега улочками. Справившись у прохожих, они направились к монастырю и вскоре остановились перед его воротами.

Привратница почти немедленно открыла ворота на их звонок и, выслушав просьбу, тут же поспешила передать ее игуменье. Вскоре Эллена получила приглашение игуменьи быть ее гостьей и последовала за привратницей. Винченцо остался ждать у ворот, чтобы убедиться в том, что Эллена довольна местом ночлега. Он также был приглашен игуменьей во внешние покои, где ему было предложено отужинать. Но, поблагодарив, Винченцо отказался, сославшись на то, что ему предстоит еще найти ночлег. Игуменья посоветовала обратиться от ее имени к настоятелю соседнего монастыря бенедиктинцев.

Винченцо, попрощавшись с Элленой, не без тревоги в сердце уехал. Девушка понимала его состояние, ибо сама чувствовала страх, оказавшись среди совершенно незнакомых людей. Чувство одиночества лишь усугублялось вниманием игуменьи и любопытными изучающими взглядами некоторых из сестер, проявляющих к ней излишний интерес. Поэтому она поспешила поскорее уйти в отведенную комнату, где наконец ее ждал отдых, в котором она так нуждалась!

Тем временем Винченцо тоже нашел приют в монастыре бенедиктинцев, где приветливо и даже с интересом приняли незнакомца, приход которого скрашивал монотонность замкнутой жизни монастыря. Соскучившись по общению с внешним миром, игумен и кое-кто из братьев бенедиктинцев засиделись за беседой с Винченцо до поздней ночи. Наконец гость, извинившись, попросил разрешения удалиться.

Оставшись наедине, Винченцо вновь вернулся к осаждавшим его мыслям и опасениям потерять Эллenu. Теперь, когда она в безопасности, у него есть все возможности убедить ее. Он был уверен, что среди братьев бенедиктинцев будет нетрудно найти того, кто сможет обвенчать их и наконец вернуть им уверенность и покой.

ГЛАВА III

Прикинувшись, что дружелюбно я
Настроен, и учтивость рассыпая
По одному мне видимой причине,
Я маску легкомыслия надел,
Себя в ловушку заманив.

Мильтон

В то время как Винченцо и Эллена, покинув монастырь Сан-Стефано, начали свое полное опасения возвращение в Неаполь, маркиза, переполненная негодованием и опасениями, что Винченцо отыщет Эллену, тем не менее не меняла своего образа жизни. Она по-прежнему устраивала изысканные приемы и покровительствовала музам. Но это не могло полностью отвлечь от мрачных мыслей и заглушить недобрые предчувствия.

Ее недовольство и раздражение сыном усугубилось после того, как ей стало известно, что отец знатной и богатой девушки, которую маркизе хотелось видеть своей невесткой, в разговоре с мужем намекнул на возможность ее помолвки с Винченцо. Невеста была очень богата и знатного рода, что было немаловажным для тщеславной и алчной маркизы, ибо речь шла о богатстве, превосходящем даже немалое состояние семейства ди Вивальди. Маркиза негодовала, что дерзкий мальчишка своим поведением может поставить под угрозу как честь семьи, так и выгодный брак.

Именно в таком раздраженном состоянии застало ее письмо игуменьи монастыря кармелиток, сообщающее о побеге Эллены. Бежала она вместе с Винченцо. Гневу маркизы не было предела. Забыв о материнских чувствах и тревоге за сына, она помнила лишь одно — он пренебрег интересами семьи, пошел против воли родителей и, возможно, успел уже обвенчаться с этой простолюдинкой. В таком случае он был для нее потерян и планы ее рушатся.

Не в силах успокоиться, она тут же послала слугу за отцом Скедони, ибо лишь ему одному могла довериться и у него могла просить помощи, как расторгнуть этот ужасный брак. Ее состояние, однако, не лишило ее окончательно благоразумия, и, прежде чем показать письмо отцу Скедони, она дала его прочесть мужу. Но, зная его высокие моральные требования к себе и другим, она ничего не сказала о своих намерениях или возможной женитьбе их сына вопреки родительскому запрету.

Однако посланный в монастырь слуга не нашел Скедони. Это привело маркизу в состояние еще большего гнева и раздражения. Она снова и снова отправляла слугу за своим духовником, но все было напрасно.

— Госпожа, видимо, совершила тяжкий грех, что так нуждается в священнике, — поделился своими предположениями слуга на кухне. — За последние полчаса она уже дважды посылала меня в монастырь. Что ж, видно, совесть мучает ее. У богатых, сколько бы они ни грешили, всегда есть надежда, что священник тут же отпустит им грехи за парочку дукатов. Нам, беднякам, для отмаливания грехов и месяца не хватит, да и без розог не обойдешься.

Скедони появился во дворце маркизы ди Вивальди лишь под вечер и подтвердил ее наихудшие опасения. Он уже знал о побеге Эллены и сообщил, что они с Винченцо находятся в Челано и что молодые обвенчались. Он не сказал маркизе, откуда это ему стало известно, но по тем подробностям, которые он ей сообщил, она более не сомневалась в достоверности всего им рассказанного. Маркиза буквально пришла в ярость.

Скедони, не без удовлетворения молча наблюдавший за неистовствующей маркизой, решил, что наступил момент, когда он может привести в исполнение свой план и отомстить Винченцо, не восстановив при этом маркизу против себя. Когда он начал с кажущимся миролюбием объяснять маркизе поступок ее сына чрезмерной молодостью и неопытностью, он был далек от мысли успокоить пришедшую уже в отчаяние маркизу.

— Разумеется, его действия неосмотрительны и опасны, синьора, — вкрадчиво говорил

он. — Но ваш сын так юн и не способен еще предвидеть все последствия своего поступка. Он не понимает, какой удар наносит репутации своей семьи, как это отзовется на его карьере при дворе, положении в свете, общении с людьми его круга, да и с простолюдинами тоже. Поддавшись своим незрелым чувствам, он не в состоянии оценить все привилегии, дарованные ему от рождения. Лишь в зрелом возрасте познаешь их цену. Поэтому он с такой легкостью пренебрегает ими, не зная, что этим сам принижает себя в глазах других. Несчастный юноша, он в одинаковой степени заслуживает как осуждения, так и жалости, — закончил отец Скедони со вздохом, в котором была скорбь.

— Ваша попытка найти ему оправдание говорит лишь о доброте вашей души, святой отец, — промолвила окончательно подавленная маркиза. — Но совершенный им поступок свидетельствует, как низко он пал, как мало думает о семье и чести своего имени. Меня едва ли может утешить то, что в душе он, возможно, не так еще испорчен, но его поступок, увы, невозможно уже исправить.

— Вы слишком категоричны, синьора, в своих заключениях, — заметил Скедони.

— Что вы хотите сказать, святой отец? — с надеждой вскинула на него глаза маркиза.

— Не исключено, что еще можно что-то предпринять.

— Скажите что, святой отец! — воскликнула маркиза.

— Нет-нет, синьора, — словно передумав, вдруг поспешил сказать Скедони. — Пока я ничего определенного не могу сказать вам. Но мне дороги покой и честь вашей семьи, и я не склонен терять надежду... Увы, синьора, порой приходится мириться с ударами судьбы, какими бы тяжелыми они ни были. Нам следует быть мужественными...

— Это жестоко с вашей стороны, святой отец! Вы дали мне надежду и тут же отнимаете ее! — не на шутку разволновалась маркиза.

— Простите, маркиза, — смиренно произнес Скедони, — но мне тяжело было видеть ваши страдания, причиненные беспечным юнцом, и я готов помочь вашей семье избежать позора, но... — Скедони умолк.

— Позора? — испуганно воскликнула маркиза. — Вы хотите сказать, святой отец... О, это слишком сильное слово. Однако, возможно, вы правы. Неужели нам придется смириться с этим?

— Иного выхода может и не быть, — отрывисто промолвил Скедони.

— Боже праведный! — простонала маркиза. — Почему нет законов, ограждающих нас от подобных браков?

— Да, приходится только сожалеть об этом, — печально согласился Скедони.

— Женщина, вторгшаяся в благородную семью и позорящая ее честь, заслуживает самого сурового наказания, как поистине государственная преступница, ибо посягает на покой людей, являющихся опорой нашего государства. Она должна понести самое суровое наказание!.. — неистовствовала маркиза, окончательно потерявшая контроль над собой.

— Равное тяжести своего проступка, — поспешил добавить Скедони. — Она заслуживает смерти, — наконец отважился он.

Монах сделал достаточно длинную паузу, прежде чем продолжить.

— Только смерть может помешать таким особам посягать на чистоту родословной вашего знатного рода, маркиза, — произнес он с пафосом и снова умолк.

Но поскольку ошеломленная маркиза все еще молчала, он поторопился добавить:

— Я часто думал, почему наши законодатели не могут понять справедливости, нет, вернее, необходимости подобных законов и суровых мер наказания...

— Да, странно, — медленно приходя в себя, произнесла маркиза. — Неужели они не понимают, что это угроза и для них самих?

— И тем не менее эта справедливость существует, хотя и не воплощена в наших законах. Она в душе каждого из нас и определяет все наши поступки. И чем меньше мы следуем своему внутреннему чувству справедливости, тем больше потакаем недостаткам, а отнюдь не добродетелям.

— Как верно вы сказали, святой отец! — оживилась маркиза. — Но в этом ни у кого не

должно быть сомнений.

— Прошу прощения, маркиза, — живо возразил духовник. — Позвольте с вами не согласиться. Когда справедливость сталкивается с предрассудками, она отступает. Например, внутреннее чувство справедливости человека подсказывает необходимость применить суровую меру к ослушнице, а законы страны запрещают сделать это. Чему мы подчинимся? Даже вы, женщина поистине мужского характера и ясности ума, — ведь вы тоже будете следовать законам страны и сочтете справедливым подарить ей жизнь, хотя это будет уже не справедливость, а страх...

— О, вы хотите сказать, святой отец, что у меня не хватит смелости мужчины?

— Я просто был откровенен с вами, маркиза, — смиренно ответил монах.

Маркиза, задумавшись, молчала.

— Я выполнил свой долг, — наконец заключил беседу Скедони. — Я указал вам тот единственный выход, который вижу, чтобы избежать позора. Возможно, вам не понравится моя откровенность... Но это все, что я смог сделать для вас.

— Нет, святой отец, нет! — поспешно заверила его маркиза. — Вы не поняли мое состояние... Новые идеи, смелые мысли... Я немного растерялась. Мой ум не сразу воспринял. Ведь я все же женщина и во мне все ее слабости и недостатки...

— В таком случае простите мою чрезмерную горячность, маркиза, — тихо произнес Скедони. — Это моя вина. Если у вас есть слабости и недостатки, то они от вашей доброты и, возможно, достойны скорее похвалы, чем осуждения.

— Как, святой отец! Если они достойны похвалы, то это уже не недостатки.

— Пусть будет так, — согласился Скедони. — Я слишком близко принял к сердцу последние события и, возможно, был излишне категоричен в своих суждениях. Забудьте о том, что я говорил, маркиза, и не судите меня строго.

— Вам нечего оправдываться, святой отец. Это я должна благодарить вас. Я верю, что мне представится еще возможность доказать вам искренность моей благодарности.

Духовник почтительно склонил голову:

— Вы слишком добры, маркиза, я не заслуживаю этого.

Скедони снова умолк.

Маркиза ждала, когда он снова вернется к вопросу, от которого она так неудачно увела его, показав свой испуг и растерянность. Ее разум еще не мог свыкнуться с чудовищной мыслью, высказанной Скедони. Она так напугала ее, что маркиза даже боялась думать об этом, не то что произнести вслух. Скедони пристально наблюдал за маркизой, прекрасно понимая ее состояние, и как хищник ждал момента для прыжка.

— Этот ваш совет, святой отец, — наконец отважилась начать разговор маркиза. — Ваш совет в отношении Эллены... — Она растерянно умолкла, ожидая, что Скедони придет ей на помощь. Но он, видимо, не собирался этого делать.

— Вы полагаете, что эта коварная особа заслуживает самого строгого наказания... — Маркиза снова умолкла.

Отец Скедони терпеливо ждал.

— Я повторяю, святой отец, вы думаете, что она заслуживает его?

— Бесспорно, — ответил Скедони. — Разве вы думаете иначе, маркиза?

— Вы полагаете, что закон тоже может потребовать этого? Не так ли, святой отец? — наконец закончила фразу маркиза.

— Простите, дочь моя, — возразил Скедони. — Я, возможно, ошибаюсь. Ведь это всего лишь мое личное мнение, и, выражая его, я, видимо, проявил излишнюю эмоциональность. Горячему сердцу трудно находить холодные слова.

— Значит, вы не думаете так? — раздраженно воскликнула маркиза.

— Я не стал бы категорически утверждать это, — уклончиво ответил духовник. — Вам самой, дочь моя, судить о справедливости моих слов. — И он поднялся, готовясь уходить.

Совсем обескураженная, маркиза попыталась удержать его, но Скедони, извинившись, сослался на необходимость присутствовать на мессе.

— В таком случае, святой отец, я не смею задерживать вас. Вы знаете, как я ценю ваши советы, и, надеюсь, в будущем вы не откажете в них.

— Почту за честь, маркиза, — смиренно произнес монах. — Но все, о чем мы с вами говорили, — вопросы весьма деликатного свойства...

— Поэтому, святой отец, они особенно важны для меня, и я надеюсь на ваше мнение и советы, — помогла ему маркиза.

— Думаю, маркиза, ваше собственное мнение не менее ценно. Никто, кроме вас, не сможет решить их лучше.

— Вы мне льстите, святой отец?

— Я всего лишь ответил вам, дочь моя.

— До встречи завтра вечером, — сказала маркиза. — Я буду на вечерней мессе в церкви Сан-Николо. Если вы будете там, то найдете меня после вечерни в северном притворе храма. Мы сможем поговорить там по очень важному для меня делу. Прощайте.

— Да будет мир с вами, дочь моя, а ваша мудрость поможет вам в ваших делах, — ответил Скедони. — Я буду в церкви Сан-Николо.

Сложив руки на груди и поклонившись, бесшумными шагами он покинул апартаменты маркизы.

Она долго еще сидела неподвижно, раздираемая противоречивыми чувствами и тревогами. Но наконец приняла решение. Накликав беды на голову других, могла ли она знать, чем грозят они ей самой?

ГЛАВА IV

Над крышами грохочет Смерти звон,
И Совесть содрогается от звона.
Смерть перед нею зыблется туманно;
В эфире Совесть внемлет шепоту:
О преступленьях голоса твердят.
Их уж давно в душе провидит Совесть.

Мильтон

Маркиза, прибыв в церковь Сан-Николо, велела слугам и экипажу дожидаться ее у бокового входа в храм, а сама, сопровождаемая служанкой, поднялась на хоры.

По окончании вечерней мессы она подождала, когда молящиеся покинут храм, а затем спустилась в северный притвор. На сердце была гнетущая тяжесть. Ни молитва, ни покой Божьего храма не погасили страсти, бушующей в ее груди. Медленно прохаживаясь, она ждала своего духовника. Наконец меж колонн она увидела фигуру монаха. Это был Скедони.

Он сразу же заметил необычное состояние маркизы и понял, что ее все еще терзают сомнения. Это встревожило его, но он не подал виду. Лицо его было спокойным, когда он приветствовал маркизу, лишь в глазах сверкнуло что-то настороженное и хищное. Но умный монах поспешил опустить их.

Маркиза отпустила служанку, и они остались одни.

— Этот несчастный мальчишка! — горячо и сбивчиво начала она, убедившись, что служанка отошла на достаточное расстояние и не может слышать их разговора. — Он не ведает, какое горе принес своей семье. Святой отец, мне нужен ваш совет и утешение. Мысль о несчастье, которое может постигнуть нас, не дает мне покоя. Образ бедного сына преследует меня.

Монах поклонился.

— Но ваш супруг, маркиза, должно быть, разделяет вашу тревогу, — тихо и сочувственно произнес он. — Маркиз более меня способен помочь вам в этом деликатном

деле.

— Что вы, святой отец! Маркиз не свободен от предубеждений, он склонен ошибаться и не любит признавать свои ошибки. А если предстоит хоть на йоту отступить от исповедуемых с младенческих лет принципов, теряет всякий здравый смысл. В таких случаях он не способен отличить добро от зла. Неужели вы полагаете, что он одобрит столь решительные шаги?

— Согласен с вами, маркиза, — поддержал ее коварный монах.

— Поэтому не следует посвящать его и тем более советоваться с ним, — решительно заявила она. — Он может воспротивиться, как это уже было, а медлить нельзя. Все, о чем мы с вами сейчас беседуем, святой отец, никто, кроме нас, не должен знать. Это тайна.

— Как тайна исповеди, — торжественно подтвердил Скедони и осенил себя крестным знамением.

— Но я не знаю... — нерешительно промолвила маркиза и умолкла. — Я не знаю, — повторила она после недолгой паузы, — как нам удастся избавиться от этой особы. Эта мысль более всего терзает меня.

— Я тоже думаю об этом, маркиза. Но с вашим умом, чувством справедливости, решимостью вы найдете и достойное решение. Ведь вы, дочь моя, из тех, кто способен на решительные поступки, не так ли? Вы всегда восхищали меня своим умом и не нуждаетесь в моих скромных советах. Выход все равно один.

— Я думаю об этом, — поспешила заверить его маркиза. — Но, возможно, мои слабости мешают мне... Я не могу решиться, святой отец, — наконец призналась она.

— Я не верю, дочь моя, что вы не способны стать выше вульгарных предрассудков не только в мыслях, но и в поступках! — с пафосом воскликнул Скедони, поняв, что колеблющейся маркизе нужна его поддержка. Он решил сбросить маску осторожной сдержанности, за которой так умело прятался. — Если бы эта особа была сурово осуждена законом, вы, безусловно, посчитали бы это высшей справедливостью, маркиза. Но самой решиться на суд вы не отваживаетесь, не так ли?

— Добродетель, вступая в единоборство со злом, в минуты опасности беззащитна. На моей стороне не будет поддержки закона, святой отец.

— Нет, маркиза, — горячо возразил ей монах. — Добродетель не может дрогнуть перед злом. Она сильнее и выше его.

Любой философ был бы немало удивлен, услышав слова «добродетель» и «закон» из уст тех, кто замыслил чудовищное преступление. Он счел бы это лицемерием. Однако в этом случае его можно было бы упрекнуть в том, что он плохо знает пороки и слабости рода человеческого.

Маркиза погрузилась в раздумья.

— Я не могу рассчитывать на защиту закона, — снова повторила она после паузы.

— Вас защитит церковь, — убежденно сказал Скедони. — Не только защитит, но и отпустит грехи.

— Грехи? — испуганно воскликнула маркиза. — Разве справедливость нуждается в оправдании?

— Когда я упомянул об отпущении грехов, я имел в виду, что то, что вы считаете справедливостью, молва черни может счесть грехом. Простите, маркиза, но это все, чем я могу вас утешить. Однако вернемся к нашим проблемам. Этой особе надо помешать разрушить покой и согласие в одном из самых достойных семейств Неаполя. Может ли стремление помешать этому считаться грехом и тем более преступлением? Нет. Вы сами убедили меня в этом, маркиза. Она должна исчезнуть. Это и будет актом справедливости.

Маркиза внимательно слушала.

— Она безнравственна в своих действиях, и, если ей дать еще несколько лет, она, возможно, способна изнутри разрушить все традиции и устои вашего знатного рода.

— Говорите потише, святой отец, — остановила его маркиза, хотя Скедони говорил почти шепотом. — Монастырь — уединенное место, там многое может случиться. Лишь

посоветуйте, как это сделать. Я теряюсь.

— Согласен, это нелегко, — ответил монах. — Но я не знаю никого, на кого вы могли бы в этом положиться. Наемные убийцы...

— Тише! — предупреждая остановила его маркиза. — Я слышу шаги.

— Это служитель церкви, он идет на хоры, — успокоил ее Скедони.

Они подождали, пока монах не скрылся из виду.

— На наемников опасно полагаться, маркиза, — продолжил разговор Скедони.

— Тогда на кого же? — испуганно воскликнула маркиза и тут же растерянно умолкла. Ее волнение не ускользнуло от Скедони.

— Простите, маркиза, но ваша непоследовательность меня удивляет. Проявив столь тонкую проницательность во время нашей прежней беседы, вы сейчас стали жертвой сомнений? Почему мы должны откладывать справедливое возмездие?

— О, святой отец! — с чувством воскликнула маркиза. — Где найдем мы столь же проницательного и мудрого, как вы, чтобы действовал немедленно?

Скедони промолчал.

— Друга, вне всяких сомнений? — добавила маркиза.

— Дочь моя, — торжественно произнес Скедони. — Неужели я не доказал вам свою преданность?

— Святой отец, — промолвила растроганная маркиза, все поняв. — Как смогу я отблагодарить вас?!

— Иногда молчание дороже слов, — многозначительно ответил монах.

Маркиза молчала. Что-то странное творилось в ее душе. Был ли это страх или пробудившаяся совесть? Она не хотела в этом разбираться. Но это было пробуждение после кошмара, когда, проснувшись, человек думает, что спасен, но видит себя на краю готовой поглотить его пропасти. В этот момент маркиза отчетливо осознала, что замышляет убийство. Красноречие духовника, его непоследовательность в словах и даже поведении не ускользнули от ее внимания. Собственные колебания она не замечала. Ведь она почти готова была сохранить Элене жизнь. Однако волна вновь охватившего ее гнева легко смыла все хрупкие барьеры, которые пытались возвести совесть и трезвый разум.

— Доверие, которое вы мне оказываете, маркиза, — наконец после долгой паузы произнес монах, — и это поручение...

— Да, да, именно поручение, святой отец, — поспешно подтвердила маркиза, окончательно взяв себя в руки после минутного смятения. — Когда и как это можно сделать? Теперь, когда все решено, я хотела бы поторопиться.

— Нужен случай, маркиза, — задумчиво произнес Скедони. — Впрочем, я вспомнил. На берегах Адриатики, в провинции Апулия, недалеко от городка Манфредония, есть одинокий дом на побережье. Он стоит в лесу вдали от всех дорог. Туда никто не забредает.

— А те, кто в нем живет? — справилась настороженно маркиза.

— Не беспокойтесь, иначе и не стоило бы так далеко забираться. Там живет один бедняк, ловлей рыбы добывающий себе на пропитание. Я знаю его и мог бы рассказать о многих обстоятельствах его жизни, но это к делу не относится. Главное, что я знаю его.

— И доверяете ему, святой отец?

— Да, моя госпожа. Даже доверил бы ему жизнь этой девушки. Но не свою, — добавил он, помолчав.

— Почему? Он злодей? Но вы сами не советовали поручать это наемному убийце.

— Дочь моя, в этом случае я ему доверяю. Здесь он не подведет. У меня есть причина ему верить.

— Какая, святой отец?

Но монах умолк. Лицо его стало еще более мрачным, чем было прежде. Бледность покрыла его черты, в глазах были гнев и страдание. Маркиза невольно вздрогнула, когда сумеречный вечерний свет осветил его лицо. Она впервые испугалась, что доверилась ему и теперь полностью в его власти. Но жребий был брошен. Слишком поздно было думать об

осторожности.

Она повторила свой вопрос, ибо хотела знать, почему он доверяет такому человеку.

— Это неважно, — глухим голосом ответил Скедони. — Она умрет.

— От его руки? — испуганно спросила маркиза. — Подумайте еще раз, святой отец.

Они снова умолкли. Каждого терзали свои мысли и опасения.

Наконец маркиза прервала тягостное молчание.

— Святой отец, я верю в вашу честность и осторожность. — Она сделала акцент на слове «честность». — Только прошу вас, не затягивайте исполнение. Ожидание слишком мучительно для меня. И умоляю, не поручайте этого другому. Я не хотела бы быть кому-либо обязанной, кроме вас.

— Вы просите меня, маркиза, не доверять исполнение другому лицу, — недовольно заметил Скедони. — Это невозможно. Неужели вы полагаете, что я сам... А как же ваши слова о том, что действовать следует немедленно, что мы не должны откладывать акт справедливости?

Последовавшее молчание монаха свидетельствовало о его недовольстве ее упреком, и маркиза это поняла.

— Поймите, святой отец, как мучительно будет мне сознавать, что я обязана какому-то незнакомцу, а не своему другу, помощь которого я столь ценю!

Скедони, прекрасно понимавшему, что маркиза откровенно льстит ему, все же было приятно выслушать этот комплимент. Склонив голову, он дал понять, что готов выполнить просьбу.

— По возможности, прошу, не прибегайте к жестокости. Смерть должна быть легкой и мгновенной.

В эту минуту взгляд маркизы упал на раскрытый молитвенник на столике, и глаза ее невольно остановились на строке: «Господь слышит тебя!» «Это предупреждение», — мелькнула страшная мысль. Маркиза побледнела. Скедони был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить испуг маркизы. Но та быстро взяла себя в руки, успокоив себя тем, что в этих словах, так часто встречающихся в молитвах, нет ничего пророческого. Однако прошло некоторое время, прежде чем она смогла продолжить свой разговор с духовником.

— Вы говорили об этом месте, святой отец, и сказали... — начала она.

— Да, да, — машинально ответил духовник, по-прежнему думая о своем. — Там есть комната, а в ней...

— Что это за шум? — вдруг спросила маркиза, прерывая его. Они прислушались. Протяжные негромкие звуки органа нарушили тишину храма и снова умолкли.

— Какая печальная нота, — дрожащим от волнения голосом промолвила маркиза. — Кто-то так боязливо и неуверенно коснулся клавиш. Ведь вечерняя месса давно окончилась.

— Дочь моя, вы говорили, что у вас смелость и выдержка мужчины, — сурово заметил духовник. — Увы, у вас женское сердце.

— Простите, святой отец. Я не знаю, почему это так взволновало меня. Но я сейчас успокоюсь. Вы говорили о комнате...

— Да, комната с потайным ходом, сооруженным много лет назад.

— С какой целью? — испуганно спросила маркиза.

— Простите, дочь моя, разве вам не достаточно, что там есть потайная дверь? Через нее ночью, когда девушка будет спать...

— Я все поняла, — поспешно сказала маркиза. — Но зачем дверь? Должна быть причина, почему в этом заброшенном, стоящем на отшибе доме, где живет всего один человек, сделан потайной ход?

— Он ведет к морю, — как бы не слыша ее вопроса, продолжал Скедони. — Там, на берегу, в ночной темноте, где бьются о берег волны, не останется и следа...

— Тише! — опять прервала его маркиза. — Слышите, снова эта печальная нота...

Негромкие звуки органа наполнили церковь, а затем послышались голоса хора и нарастающий звон колокола, печальный и торжественный.

— Кто-то умер! — пролепетала маркиза, побледнев.
— Мир ему, — произнес Скедони и перекрестился. — Да будет мир в его душе.
— Слышите, поют. — Голос маркизы дрожал. — Это заупокойная. Кто-то только что умер, чья-то душа отлетела к Господу Богу.

Они молча слушали звуки органа. Маркиза была потрясена. Она то бледнела, то краснела, дыхание ее было неровным, прерывистым, неожиданные слезинки скатились по ее щекам. Но это были скорее слезы отчаяния, чем раскаяния.

— Чье-то тело теперь холодное, остывшее, — почти беззвучно шептали ее губы, — час назад было еще живым, теплым. Смерть погасила чувства. Теперь же я сама готовлю ту же участь такому же живому, как и я, существу. О, несчастная доля матери, которую безрассудство сына толкает на это.

Маркиза резко повернулась и отдалилась от духовника. Не в силах сдержать себя, она разрыдалась. Скедони в сумерках храма не видел ее лица, а ее рыдания и горестные вздохи тонули в мощных звуках органа.

Состояние маркизы отнюдь не обеспокоило ее духовника. Скорее он испытывал досаду и легкую тревогу.

— О, эти женщины, — с раздражением проворчал он себе под нос. — Рабы страстей, жертвы собственных эмоций и настроений. Когда их обуревают гордыня и жажда мести, презрев опасность и законы, они готовы на все, на любые преступления. Однако стоит звукам музыки тронуть слабые струнки в их душе, задеть их воображение, пробудить воспоминания — и прощайте, здравый смысл и бывшая проницательность. Они тут же готовы отказаться от того, что только что считали столь важным для себя. Их уже переполняют другие эмоции и желания, они опять жертвы своих чувств. И все из-за звуков органа. Слабые и достойные презрения существа!

Во всяком случае, в данный момент это все в полной мере могло относиться к маркизе. Реквием, услышанный в храме, лишил ее прежней уверенности, ибо ей, замышлявшей убийство, он показался грозным предзнаменованием, вызвал ужас, пробудил умолкнувшую совесть.

Но, успокоившись, она вернулась к духовнику:

— Мы продолжим разговор в другое время, святой отец. Сейчас я слишком взволнована. Спокойной ночи, и помяните меня в ваших молитвах.

— Да будет мир в вашей душе, госпожа, — недовольно произнес монах. — Я помяну вас в своих молитвах. Будьте решительны и мудры, какой я знал вас всегда.

Маркиза подозвала служанку и, опустив вуаль, опираясь на руку горничной, покинула церковь. Скедони глядел ей вслед, пока ее фигура не растворилась в сумерках храма, затем, погруженный в раздумья, медленно вышел через боковую дверь. Он был разочарован, но не терял надежды.

ГЛАВА V

По горным хребтам,
По крутым берегам
Пронесся звук рыдания и муки!
От весенних полей,
От седых тополей
Примчался гений вздохов и разлуки...
В тоске густые косы разрывая,
То нимфы в сумерках скорбят, рыдая!

Мильтон

Пока маркиза и ее духовник замыслили свое чудовищное преступление, Эллена все еще находилась в монастыре урсулинок на озере Челано. В этой маленькой заброшенной обители ее задержало внезапное недомогание. Видимо, сказались недавние тревоги, страдания и нелегкий путь. Дух девушки был подавлен, странная слабость обессилила тело. С каждым днем она возрастала, несмотря на покой и заботы окружающих. Но Эллена не теряла надежды, что вскоре они смогут продолжить свой путь.

Была на исходе уже вторая неделя, когда наконец живительный воздух Челано и покой победили болезнь. Винченцо, навещавший Эллenu каждый день, наконец обрел надежду на то, что снова сможет обсудить с ней их будущее. Он опасался, что рано или поздно пребывание Эллены в монастыре урсулинок станет известным их врагам и они не преминут разлучить их. Их венчание должно состояться немедленно, что позволит ему защитить Эллenu как свою законную супругу. В каждый свой визит к ней он ронял хотя бы несколько слов, говоривших о его тревоге, ибо понимал, как немилосердно к ним время. По мере того как Эллена выздоравливала, юноша становился все более настойчивым. Эллена прекрасно понимала, что, послушавшись только своего сердца, она давно бы отдала свою руку этому благородному и преданному юноше. Но ее удерживала гордость.

Она убеждала удрученного ее отказами Винченцо, что остается верна данному слову, однако согласится обвенчаться с ним лишь с согласия его родителей. Тогда она будет готова забыть нанесенные обиды и будет счастлива стать его женой. Винченцо должен уважать гордость той, которую любит. Он не может требовать от нее больших уступок.

Бедный Винченцо не мог не согласиться со справедливостью упреков Эллены, ибо знал больше, чем она, о коварстве своей матери и ее несправедливости к Эллене. Временами, придя в полное отчаяние, он готов был согласиться с Элленой и ее уговорами подождать согласия родителей и обещал более не тревожить своими настояниями. Однако страх потерять Эллenu, предчувствие грозной опасности, нависшей над ними, не давали ему покоя. Его родители едва ли способны ради его счастья забыть свою спесь и гордыню. Они не откажутся от своих планов разлучить его с Элленой. Их любовь может спасти только брак. Тогда он перед всем миром назовет Эллenu своей женой и только тогда сможет по-настоящему защитить ее.

Тревога и сомнения совсем лишили Винченцо покоя. Эллена не могла не заметить этого и глубоко сострадала, понимая, какую боль причиняет ему своим упорством. Она часто корила себя за жестокость, за то, что не может успокоить того, кто так преданно и безоглядно любит ее, кто спас ее от заточения в монастыре и продолжает так нежно и заботливо опекать и охранять.

Винченцо догадывался о борьбе, которая происходила в душе девушки, и не терял надежды. Наконец, попрощавшись с ним в их последнее свидание и взяв с него обещание, что в этот день они больше не увидятся, Эллена заверила его, что завтра он узнает ее окончательное решение.

Эти часы ожидания были самыми тревожными для Винченцо. Покинув монастырь урсулинок, он еще долго был на берегу озера, прежде чем вернуться к себе. Однако вечер снова застал его у стен монастыря.

Для Эллены этот день тоже был тревожным. Хотя ущемленная гордость и обида на семейство Вивальди удерживали ее от немедленного согласия на брак с Винченцо, искренняя любовь и привязанность не позволяли ей ответить ему решительным отказом. Ей казалось, что покойная тетушка, незримо присутствующая рядом, удерживает ее от этого неверного шага. Умирая, она взяла с них обет, что после ее смерти они с Винченцо будут вместе, и теперь словно напоминала ей об этом. Эллена решила завтра же ответить Винченцо, что согласна стать его женой.

На следующий день утром, задолго до назначенного часа, Эллена ждала его. Его бледность поразила и встревожила ее, в его глазах были ожидание и мольба. Но, увидев ее улыбку и протянутую руку, он с облегчением вздохнул, и лицо его просияло.

— Ты — моя, Эллена, не так ли? — воскликнул он, наконец обретя дар речи. — Нас

теперь ничто не разлучит? О, я верю, твое лицо говорит мне об этом! Но не молчи, Эллена, разве мой сомнения!

— Я твоя, Винченцо, — тихо промолвила девушка. — Никто более нас не разлучит.

И тут, не выдержав охватившего ее волнения, она вдруг разрыдалась.

— О чем ты, Эллена, дорогая? — в отчаянии воскликнул Винченцо. — Зачем эти слезы? Ты не рада? Скажи мне, не мучай меня!

— О, как ты не можешь понять, Винченцо? Разве тебе ничего не говорят мои слезы? Я никогда не любила тебя больше, чем сейчас, когда решила стать твоей женой без родительского благословения. Но этим, Винченцо, я окончательно роняю себя в их глазах, и в своих собственных тоже, — печально промолвила она.

— Эллена, дорогая, как можешь ты так думать?

Бедный юноша был так огорчен, что даже растерялся. Лицо его вспыхнуло от гнева на тех, кто так жестоко заставил страдать Эллену. Но, гордо вскинув голову, он произнес как клятву:

— Верь мне, Эллена, узнав тебя, мои родители оценят твои достоинства. Будь я всемогущ, с гордостью объявил бы всему миру о моей любви и уважении к тебе!

Тронутая его юношеским пафосом, Эллена, улыбнувшись сквозь слезы, вновь протянула ему руку.

Получив согласие Эллены на венчание, юноша поспешил в монастырь бенедиктинцев, где уже почти договорился со старым священником, что тот обвенчает их. Он согласился сделать это после вечерней мессы, когда церковь опустеет, а братья бенедиктинцы соберутся в трапезной на ужин. Тогда у священника, возможно, выдастся свободный час.

Эллена, посвятив во все игуменью монастыря урсулинок, получила ее согласие на то, чтобы в церковь ее сопровождала одна из монахинь.

Вернувшийся вскоре Винченцо рассказал о своем плане. В назначенный час он встретит ее у ворот монастыря, и они вместе проследуют в церковь бенедиктинцев, которая была совсем недалеко. После венчания их будет ждать лодка, чтобы переправиться через озеро и продолжить путь в Неаполь. Сообщив все это Эллене, юноша снова покинул ее, чтобы договориться с рыбаками о лодке, а Эллена, вернувшись к себе, стала готовиться к отъезду.

Чем ближе был час отъезда, тем тяжелее становилось на душе у Эллены. Ее мучили дурные предчувствия. Погода внезапно изменилась, и небо заволокли грозовые тучи. Наконец в сумерки, попрощавшись с доброй игуменьей и сердечно поблагодарив ее, Эллена в сопровождении пожилой монахини покинула монастырь.

У ворот ее уже ждал Винченцо. Увидев ее печальное лицо, он с упреком посмотрел на нее, но она молча подала ему руку.

Тяжелые предгрозовые тучи пугали Эллену. Ветер усилился, и было слышно, как внизу на озере с шумом разбиваются волны о прибрежные скалы. Неподвижные доселе вершушки вековых сосен пришли в движение. Эллена с опаской поглядывала на громаду туч, нависшую над вершинами гор. Встревоженные чайки с криком кружили над озером. Не выдержав, Эллена с тревогой спросила Винченцо, не опасен ли путь через озеро в такую непогоду. Винченцо, чтобы успокоить ее, немедленно позвал Паоло и велел ему отказаться от лодки и нанять экипаж. Они переждут грозу, успокоил он Эллену, и лишь потом тронутся в путь.

Проходя по узкой аллее к церкви, Эллена невольно обратила внимание на печальный строй кипарисов, сомкнувших над ними свои своды, и ей это показалось дурным предзнаменованием.

— Разве такой должна быть дорога к алтарю?! — невольно воскликнула она. — О, как я суеверна, прости меня, Винченцо.

Юноша попытался ее успокоить.

Наконец они вошли под темные своды церкви. Священник и еще один монах, который должен был стать шафером жениха, были погружены в молитву. Винченцо провел Эллену к

алтарю, где они вместе стали ждать, когда священник закончит молитву. Волнение Эллены росло. Она с недоверием осматривала темные стены храма, и ей чудилось, что в темноте кто-то притаился и следит за ними недобрым взглядом. Но кому могло прийти это в голову в такой час и в непогоду, гнала она от себя страшную мысль. То ей показалось, что она видит лицо, прижавшееся к стеклу, но, вновь взглянув в ту сторону, она ничего уже не увидела. Тем не менее страх не покидал ее. Она напряженно прислушивалась ко всем звукам, доносившимся извне, к шуму волн, бьющихся о прибрежные камни. Ей даже чудились чьи-то шаги и голоса. Возможно, это прохожие, привлеченные светом в храме, успокаивала она себя. Но вдруг она замерла, ибо боковая дверь вблизи алтаря приоткрылась и она увидела чье-то лицо, заглянувшее в храм. Это длилось всего лишь мгновение, и дверь снова бесшумно закрылась.

Винченцо, заметив, как изменилась в лице Эллена, встревоженно проследил ее испуганный взгляд, но, ничего не заметив, спросил ее о причине внезапного страха.

— За нами следят, — прошептала она. — Кто-то заглянул в храм через эту дверь.

— Никто не может следить за нами, дорогая, — попытался успокоить он ее и, повернувшись к священнику, попросил начать церемонию венчания.

Тот знаком дал понять, что заканчивает молитву. Монах, поднявшись с колен, предложил Винченцо запереть двери храма, чтобы избежать любопытства посторонних.

— Мы не можем закрывать двери храма, — строго возразил священник. — Святое место должно быть открыто для всех.

— Тогда позвольте проверить, кто прячется за этой дверью, — сказал Винченцо. — Ради покоя синьорины. Я настаиваю на этом.

Священник не возражал, и Винченцо, открыв дверь, убедился, что за нею лишь пустой коридор.

Наконец священник закончил молитву и поднялся с колен.

— Дети мои, я заставил вас ждать, но молитва старого человека столь же священна, как брачный обет молодого, хотя в данный момент вы можете не согласиться со мной.

— Я соглашусь с вами, святой отец, если смогу произнести эту клятву сейчас же. Время не терпит.

Священник занял свое место у алтаря и открыл молитвенник. Винченцо, став справа от него, взглядом, полным нежности и любви, ободрил Эллену, опиравшуюся на руку монахини. Глаза ее были опущены.

Священник начал обряд венчания, однако странный шум снова испугал Эллену. Взглянув на дверь, она увидела, как она снова осторожно открылась и в нее протиснулась полусогнутая фигура высокого человека. В руках он держал горящий факел, осветивший тех, кто через его плечо заглядывал в церковь. Их грубые лица и необычная одежда убедили Эллену, что это посторонние для монастыря люди и они замышляют недоброе. Ее сдавленный крик испугал Винченцо, и он едва успел подхватить потерявшую сознание Эллену. Склонившись над ней, он не мог видеть людей, вошедших в храм, но, услышав за спиной шаги, обернулся и увидел приближающуюся к ним группу вооруженных людей.

— Кто вы и как посмели вторгнуться в храм? — громко воскликнул он.

— Это кощунство — подобным образом осквернять святое место, — поддержал его перепуганный священник.

Но это не остановило непрошенных гостей. Тогда Винченцо выпрямился и, не раздумывая, выхватил шпагу и закрыл собой лежащую без чувств Эллену.

— Вы, Винченцо ди Вивальди из Неаполя, — громовым голосом промолвил высокий мужчина, шедший впереди, — и вы, Эллена ди Розальба с виллы Алтиери, именем святой инквизиции, арестованы.

— Инквизиции? — воскликнул пораженный Винченцо. — Это какая-то ошибка. Что может быть у инквизиции против меня? Это обман! Я не верю вам.

— Ваша воля, синьор, верить или нет, но именем инквизиции вы арестованы.

— Прочь, самозванец и обманщик! — воскликнул Винченцо, взмахнув шпагой. — Я

готов проучить тебя за самоуправство.

— Вы наносите оскорбление офицеру инквизиции! — грозно ответил тот. — Это не пройдет вам безнаказанно.

Священник, придя в себя, торопливо остановил Винченцо, готового уже вступить в схватку.

— Если вы — стражи инквизиции, не можете ли вы предъявить нам доказательства этого? — смиренно произнес он, обращаясь к офицеру. — Помните, сын мой, храм — это святое место и каждый может найти здесь приют. Я не позволю вам никого увести отсюда, не получив доказательств, оправдывающих ваши действия.

— Предъявите ваши полномочия, — потребовал Винченцо, повысив голос.

— Вот они, — ответил офицер, протянув священнику свиток пергамента. — Читайте!

Священник развернул пергамент и стал добросовестно разбирать, что в нем написано, но сам вид пергамента, тяжелая печать и первые слова привели его в такое смятение, что он выронил его и с удивлением и ужасом уставился на Винченцо. Тот, нагнувшись, попытался было поднять упавший документ, но офицер грубо остановил его и поднял сам.

— Бедняга! — пролепетал потрясенный священник. — Увы, вы виновны и должны предстать перед страшным судом за совершенные преступления. Провидение спасло меня от ужасной ошибки, — прошептал старик.

Ошеломленный поведением священника, Винченцо ничего не понимал.

— Какое преступление, святой отец? Это обман, столь коварный и хитроумный, что даже вы в него поверили. Я не совершал никакого преступления!

— Я не думал, сын мой, что в вашем возрасте ваше сердце столь огрубело и вы подвержены страстям. Вы сами знаете, в чем ваша вина.

— Ложь! Ваш возраст и сан не позволяют мне потребовать от вас удовлетворения. Но эти негодяи, посмеявшие обвинить в преступлении невинную девушку, поплатятся за это!

Гневу и отчаянию юноши не было предела.

— Остановитесь! — воскликнул священник, схватив его за руку. — Пожалейте себя и ее. Ваше сопротивление лишь усугубит вашу вину и ужесточит меру наказания.

— Мне все равно, но я должен защитить Эллину ди Розальба. Пусть только посмеют приблизиться к ней.

— Именно она, лежащая сейчас без чувств у ваших ног, должна будет расплачиваться за ваше безрассудство. Ей, вашей соучастнице...

— Соучастнице в чем? — воскликнул пораженный Винченцо. — В чем моя вина?

— Успокойтесь, юноша. Разве вуаль этой несчастной не является доказательством вашей вины?

— Вы посмели выкрасть монахиню из монастыря, — пояснил наконец офицер, — и теперь понесете наказание. Когда вы устанете изображать из себя героя, вы последуете за нами. Не советую испытывать нашего терпения, оно уже на пределе.

И тут бедный юноша впервые обратил внимание на монашеское покрывало на Эллине, то самое, что раздобыла ей Оливия в день бегства из монастыря. Оно укрыло Эллину от острых глаз игуменьи, но оно же должно было погубить их теперь. В спешке и суматохе тревожных дней Эллена не подумала сменить его на простую вуаль горожанки. От внимания сестер урсулинок не могла ускользнуть такая деталь, как покрывало монахини на Эллине.

Не зная всей предыстории с покрывалом и как оно могло попасть к Эллине, Винченцо тем не менее стал уже о многом догадываться. И первой его догадкой было, что без коварного Скедони тут не обошлось. Вполне возможно, что именно так он решил отомстить ему за стычку в церкви Святого Духа. Винченцо не мог знать о зловещих планах его матери в отношении Эллины, но каким-то чутьем угадывал, что его арест предпринят не без ее ведома и не является просто актом мести монаха. Он не посмел бы так далеко зайти. Но бедный юноша не подозревал, какую власть над маркизой отныне обрел ее духовник.

Онемевший от ужаса и отчаяния, он смотрел на Эллину, которая уже начала приходить в себя. Протянув к нему руку, девушка с мольбою прошептала:

— Не оставляй меня. Пока ты рядом, я в безопасности.

Звук ее голоса вывел Винченцо из оцепенения, и, повернувшись к молча наблюдавшим стражам, он приказал им или покинуть церковь, или защищаться. В ответ те тоже обнажили шпаги. Испуганный крик Эллены и стенания старого священника потонули в шуме неравной схватки.

Винченцо, будучи в одиночестве, решил избрать оборону, чтобы избежать ненужного кровопролития. Он спокойно ждал, надеясь на свое умение владеть шпагой. Ему удалось ранить первого же нападавшего, но их оставалось еще двое. Он почти потерял надежду, как вдруг в церковь вбежал Паоло. Увидев, что произошло, он, не раздумывая, бросился на помощь своему господину. Храбрость и ловкость Паоло принесли им перевес, но в это время в церковь ворвались еще несколько солдат. В возобновившейся стычке Винченцо и Паоло были ранены.

Бедная Эллена, бросившаяся к Винченцо, была грубо схвачена вошедшими стражниками. Увидев, что Винченцо ранен, она отчаянно забилась в руках негодяев, умоляя дать ей помочь раненому возлюбленному.

Винченцо, ослабевший от ран и окруженный стражей, видя метания Эллены, попросил священника позаботиться о девушке и потребовать, чтобы ее немедленно отпустили.

— Я не вправе вмешиваться, синьор, — трусливо забормотал бенедиктинец. — Разве вы не знаете, что грозит тому, кто посмеет ослушаться судей инквизиции? Ему грозит смерть!

— Смерть? — в отчаянии воскликнула Эллена.

— Да, госпожа, смерть.

— Синьор, — мрачно заметил офицер, глядя на Винченцо. — Вы дорого заплатите за то, что ранили одного из нас. — Он указал на лежащего на полу наемника, которого Винченцо действительно серьезно ранил.

— Мой господин здесь ни при чем, — вмешался Паоло. — Это моя работа. Если бы мои руки были свободны, я повторил бы ее на ком-нибудь из вас.

— Успокойся, Паоло. Это я ранил его. Я постоял за свою честь. Пощадите девушку, она ни в чем не виновата. Как можете вы бросить ее в темницу по обвинению столь ложному и бесчестному?

— Наше снисхождение ей не поможет, — ответил офицер. — Мы выполняем приказ. Ей самой перед судьями придется доказать, справедливо ли обвинение или нет.

— Какое обвинение? — гневно воскликнула Эллена.

— Вы нарушили обет монахини, синьора, — придя в себя, заметил священник.

Эллена подняла глаза к небу.

— Господи, ты видишь, — с мольбою промолвила она.

— Она призналась! — торжественно воскликнул один из наемников.

— Она не признает за собой вины. Она лишь призывает Бога в свидетели ее невиновности. О, Эллена, неужели мне придется оставить тебя в руках этих бесчестных людей, оставить навсегда...

Мысль об этом была столь чудовищна, что от гнева к Винченцо вернулись силы и он вырвался из державших его рук. Бросившись к Эллене, он прижал ее к сердцу. Девушка, уронив голову ему на плечо, разрыдалась.

Стражи вокруг них не препятствовали их печальному прощанию, словно слезы Эллены тронули их зачерствевшие сердца. Однако силы изменили ослабевшему и потерявшему много крови Винченцо. Ноги его подкосились, и он опустился на пол.

— Помогите! — кричала в испуге Эллена. — Он умрет, помогите!

Священник предложил отнести юношу в монастырь, где ему будет оказана помощь. Однако Винченцо, уверенный, что Эллена должна последовать вместе с ним на суд инквизиции, наотрез отказался расстаться с ней.

— Не беспокойтесь, синьор, мы позаботимся о ней, — ответил офицер, отклонив просьбу Винченцо увезти их вместе. — Но ехать вместе вам не положено.

— Где это видано, чтобы арестованные ехали вместе? — издевательски воскликнул один из стражей. — Чего доброго, сговорятся между собой, как отвечать на суде, или замыслят план побега.

— Но вы не разлучите меня с моим господином! — решительно вмешался Паоло. — Я требую, чтобы и меня тоже отдали на суд инквизиции или на суд самому дьяволу, как вам там вздумается!

— Не беспокойся, — ответил офицер. — Ты первым туда угодишь. Тебя ждут суд и наказание, которое ты заслужил. Не будем терять время, — обратился он к своим подчиненным и, указав на Эллену, добавил: — Уведите ее.

Стражи подхватили под руки девушку.

— Пустите! — закричал Паоло, увидев, как Эллену уводят из церкви. — Пустите меня! — Ему удалось разорвать веревки, которыми были связаны его руки, но стражи набросились на него.

Винченцо, обессилевший от потери крови, в последней отчаянной попытке подняться с пола и помочь Эллине смог лишь поднять голову. Туман застилал ему глаза, и, с трудом произнеся имя Эллены, он потерял сознание.

Эллена, не отрывая от него взгляда, продолжала звать его.

— Скажи что-нибудь, Винченцо! — в отчаянии молила она. — Скажи хоть слово, любимый, хоть одно прощальное слово...

Но юноша уже ничего не слышал.

— Прощай, Винченцо, прощай навсегда! — в последний раз воскликнула девушка, и крик ее был столь скорбный и печальный, что даже сердце трусливого бенедиктинца дрогнуло, и он украдкой смахнул слезу.

Услышал этот крик и Винченцо, он словно пробудил его к жизни, и он в последний раз увидел Эллену, прежде чем она исчезла в пролете двери.

Все страдания, лишения, надежды были напрасны. Сопротивляться было бесполезно. Его связали и вместе с Паоло, яростно протестующим и клянущим похитителей, препроводили в монастырь бенедиктинцев.

ГЛАВА VI

В Элладу встарь к тебе был обращен
Младенческой печальной Музы глас;
И множество девиц и юных жен
Со страхом слушало ее рассказ.

Коллинз. Ода Страху

Монахи-бенедиктинцы, оказавшие помощь раненым Винченцо и Паоло, перевязав раны, нашли их неопасными. Зато положение раненых стражей было намного серьезней. Многие из монастырской братии явно сочувствовали пленникам, но большинство из страха перед гневом инквизиции старались держаться от них подальше, обходя стороной келью, где содержались Винченцо и Паоло. Однако оставаться здесь им предстояло недолго. Как только они немного окрепли, их усадили в экипаж, и под конвоем двух офицеров они тронулись в путь. И хотя они были вместе, Паоло и его хозяин были лишены возможности разговаривать. Любые попытки беседы или расспросы о судьбе Эллены грубо пресекались. И тем не менее неугомонный Паоло то и дело высказывал вслух свое возмущение или догадки, например, что злейшим их врагом является игуменья монастыря Сан-Стефано. Он более не сомневался, что нагнавшие их в пути монахи-кармелиты выследили их и донесли игуменье.

— Боюсь, синьор, нам от нее не избавиться. Мне жаль, но это правда. Она не хуже судей инквизиции, властна и коварна. И, как они, готова отправить любого в пекло к

дьяволу.

Попытки Винченцо многозначительными взглядами остановить словоохотливого слугу мало помогали. Помолчав какое-то время, Паоло вновь начинал размышлять вслух. Сопровождавшие его офицеры внимательно прислушивались к его рассуждениям. Паоло хотя и заметил это, однако не стеснялся в выражениях и говорил все, что думал об их собственных действиях и тех, кто поручил им эту недостойную работу. Винченцо, погруженный в нерадостные думы, услышав особо резкие высказывания Паоло в адрес похитителей, резко останавливал Паоло. Тот умолкал, но ненадолго. Когда не на шутку обеспокоенный Винченцо резко отчитал слугу, тот наконец умолк.

Они ехали всю ночь, сделав лишь одну остановку, чтобы поменять лошадей. На каждой почтовой станции Винченцо безуспешно искал взглядом экипаж, в котором могла быть Эллена, полагая, что он должен следовать за ними. Но напрасно.

Утром следующего дня он увидел вдали купол собора Святого Петра и понял, что его везут в Рим. На продолжительный отдых они остановились в провинции Кампания, где в маленьком пограничном городке провели несколько часов.

Когда они снова тронулись в путь, Винченцо заметил, что сопровождавшие их офицеры были заменены. Новые видом и одеждой отличались от прежних и вели себя менее резко. Однако их недобрые лица, исполненные собственной значимости, не сулили ничего хорошего. Юноша понял, что это люди инквизиции. Они были чрезвычайно молчаливы и обменивались лишь короткими репликами. На расспросы Винченцо об Эллине они ничего не ответили, а критические замечания Паоло об инквизиции выслушали с недобрым молчанием.

Винченцо был серьезно обеспокоен сменой сопровождения и особенно их поведением. Прежние стражи были грубы, но не жестоки, эти же олицетворяли собой ту особую холодную жестокость инквизиции, о которой столько ходило слухов. Он понял, что теперь он пленник Верховного суда инквизиции, местом пребывания которого был Рим.

Была уже полночь, когда они через главные ворота въехали в Рим и оказались в самом центре ежегодного карнавала. Площадь, которую им предстояло пересечь, была запружена нарядными экипажами и толпой веселящихся горожан в маскарадных костюмах и масках. Здесь можно было увидеть музыкантов, монахов, шутов. Ряженные пели, танцевали, шутили, бросались цветами. Жара заставила держать окна экипажа открытыми, и пленники могли спокойно любоваться происходящим. Карнавальное веселье толпы столь резко противоречило тому, что творилось в душе бедного Винченцо, что он особенно почувствовал свое одиночество и потерю Эллены. Ее судьба более всего тревожила его. Однако Паоло как зачарованный смотрел на зрелище, вспоминая карнавалы в родном Неаполе, и от избытка чувств к любимому городу был склонен считать, что в Риме и костюмы пляшущих ряженных были хуже, да и плясали они не так весело, как в Неаполе. Однако тяжелый вздох рядом заставил его вернуться к действительности. Печальный больной вид хозяина обеспокоил его.

— Господин, о мой господин... — прошептал он сочувственно, не находя слов.

В это время они проезжали мимо театра Сан-Карло, у подъезда которого останавливались роскошные экипажи, и господа в маскарадных костюмах спешили войти в широко открытые двери оперного театра. Здесь почти невозможно было проехать, и их экипаж остановился. Стражи Винченцо мрачно и недобро смотрели на толпу, а та, в свою очередь, недоуменно взирала на тех, кто в праздник карнавала скучен и угрюм и не желает веселиться. Но через какое-то время карнавальная толпа, поняв, что перед нею, в испуге потеснилась, пропуская зловеще мрачную повозку.

Покинув площадь, экипаж еще какое-то время ехал по темным пустынным улочкам с редко попадающимися фонарями перед распятиями. Луна, выходя из-за туч, освещала темные громады великого города, его древние руины, свидетельства былого мирового владычества. Винченцо не могло не тронуть мрачное величие древних памятников, и на какое-то время они помогли ему забыть о себе. Но лунный свет погас, иллюзия древней столицы мира рассеялась, и он снова остался один на один с собственным горем.

Экипаж пересек пустырь, окруженный разрушенными домами и остатками древних

руин. Казалось, все дома в этой части города пусты и необитаемы и ничья нога не ступает по камням этих пустынных улиц. Однако звук одинокого колокола внезапно нарушил тишину, свидетельствуя о том, что и здесь живут люди. Вскоре Винченцо различил в темноте высокие стены и башни и понял, куда его везут. Это была тюрьма.

Паоло, похоже, тоже догадался.

— Смотрите, синьор, — со страхом прошептал он. — Что это за место, какие толстые стены? Видела бы маркиза, куда нас везут. — Он тяжело вздохнул и снова погрузился в молчание. С тех пор как они покинули веселую площадь, тревожные ожидания не оставляли Паоло.

Экипаж обогнул мрачные, обнесенные валом стены без единого окна или бойницы, лишь с круглыми башнями наверху, миновал то, что похоже было на главные ворота, с башнями по бокам, и наконец остановился перед глубокой аркой. Один из сопровождающих вышел и постучал в железную дверь в глубине арки. Дверь открылась, и навстречу вышел человек с факелом в руке. Его лицо при свете факела показалось Винченцо столь суровым и зловещим, что на ум невольно пришли строки из Томаса Грея о «неумолимом и грозном лице Судьбы».

Стража и привратник не обменялись ни словом, но, увидев экипаж и пленников, привратник молча пошире открыл железную дверь. Винченцо и Паоло, покинув экипаж, вошли вслед за стражей под арку. Привратник замыкал шествие.

Спустившись по широким ступеням вниз, они вошли через вторую железную дверь в большое помещение, похожее на залу, слабо освещенную висющим под потолком фонарем. Она была пуста, и в ней царила мертвая тишина. Зала показалась Винченцо склепом, в котором инквизиция хоронила свои жертвы. При этой мысли мороз пробежал по его коже.

Несколько выходов вели в другие помещения. Когда они свернули в один из них, Винченцо в далекой перспективе коридора увидел человека в черном со свечой в руках. Его одевание свидетельствовало, что он член зловещего трибунала.

Услышав за собой шаги, человек в черном обернулся и остановился, поджидая, когда к нему приблизятся стражники. Они обменялись какими-то знаками, а затем несколькими словами, которые ни Винченцо, ни Паоло не удалось расслышать, и человек в черном рукой, в которой держал свечу, указал, куда им следовать дальше, а сам повернулся и продолжил свой путь. Винченцо провожал его взглядом, пока тот не вошел в дверь в конце коридора. За то короткое мгновение, что дверь была открытой, Винченцо успел увидеть освещенную комнату и несколько человек в черном. Ему почудилось, то ли действительно было так, но из двери, прежде чем она захлопнулось, донеслись приглушенные стоны.

Коридор, по которому они шли, привел их в залу, столь же мрачную, как и первая, но она была еще больше, со сводчатым потолком, галереей и глубокими нишами, слабо освещенными светильниками.

Здесь они пробыли какое-то время, отдыхая от утомительных переходов по коридорам, пока наконец не появился человек, в котором Винченцо без труда угадал тюремщика. Он и Паоло были тут же переданы ему. Стражники и тюремщик обменялись несколькими словами, после чего один из стражников пересек залу и, войдя в одну из ниш, поднялся по широкой лестнице на галерею.

Тишину залы изредка прерывали звуки захлопнувшейся двери или приглушенные причитания и стоны. Иногда залу пересекали внезапно появлявшиеся из арок фигуры в черном, спешащие по своим делам. Они бросали на пленников любопытные взгляды, в которых было все, кроме сострадания. Они напоминали Винченцо демонов из страшных сновидений, и он даже боялся вглядываться в их зловещие, недобрые лица, в выражении которых безошибочно угадывалась судьба всех несчастных, оказавшихся здесь, таких же пленников, как были теперь они с Паоло. Мысли об этом заставили Винченцо на время забыть о собственной судьбе.

Возможно ли, думал он, что зло изначально присуще природе человека? Неужели человек, считающий себя разумным существом и Божьим творением, может быть злым

мучителем себе подобных, мастером изощренных пыток, бессмысленных и необъяснимых убийств? Зверь не убивает зверя беспричинно и преднамеренно, но это делает человек, гордящийся своим разумом и чувством справедливости.

Винченцо слышал о судах инквизиции, знал о ее существовании, ее страшных законах и обрядах. Теперь судьбе было угодно свести его с ней, и он встретил это как нечто невозможное, нереальное, о чем он впервые узнал. Подумав об Эллине, представив ее во власти трибунала, в таких же мрачных стенах, полную страха и отчаяния, он вдруг испытал обжигающий душу гнев. Он не мог представить себе нежную и кроткую Эллину в руках этих злодеев. Гнев придал ему силы и решимость сделать даже невозможное, чтобы только спасти Эллину. Он готов был вступить в рукопашную со стражем и немедленно броситься на поиски ее в этих казематах. Но разум, не покинувший его в гневе, подсказывал, что в нынешнем его состоянии и условиях это ни к чему не приведет, а лишь повредит и ему, и Эллине. Надо стойко выдержать первые испытания, не терять воли, выдержки и доказать свою и Эллины невиновность. Предстоит борьба, и мысль об этом преобразила юношу, придав ему спокойную уверенность и достоинство. Тюремщик и страж с удивлением и даже страхом взирали на перемену, происшедшую в юноше. Боли в ранах утихли, решение было принято, и Винченцо готов был к испытаниям.

От Паоло тоже не ускользнула перемена, происшедшая с его хозяином. Сначала он с печалью, а потом с сочувствием наблюдал его внутренние терзания, а затем был поражен внезапным спокойствием и уверенностью молодого хозяина. Сам же он далеко не был уверен в себе, то и дело с ужасом вспоминая, что наговорил в дороге про инквизицию и ее служителей. Все это теперь зачтется ему, со страхом думал бедняга.

Наконец ушедший офицер вернулся и тут же сделал знак Винченцо следовать за ним. Паоло, не желавший расставаться с хозяином, был грубо остановлен. Для него это было страшным ударом, и он громко запротестовал:

— Зачем же я просил арестовать и меня тоже? Я не хотел разлучаться с моим господином, хотел разделить с ним его участь! Какой глупец согласился бы добровольно остаться у вас? Я сделал это, только чтобы быть с ним рядом.

Стражник попытался оттащить его от Винченцо, но тот властным голосом остановил его и, подойдя к Паоло, сказал ему несколько утешительных слов.

Паоло, в отчаянии обхватив его колени, плакал, умоляя не разлучаться с ним, то и дело объясняя, что только поэтому он и последовал за хозяином сюда.

— Какое право вы имеете не позволить мне разделить с моим хозяином его заточение? — взывал он к стражникам.

— Не бойся, мы не откажем тебе в этом удовольствии, — с издевкой заметил один из них.

— О, благодарю вас, синьор! — воскликнул простодушный Паоло и, схватив офицера за руку, так затряс ее, что тот испугался. — Да благословит вас Небо! — радовался Паоло.

— А теперь пойдем с нами, — тут же сказал страж, насильно оттаскивая бедного слугу от Винченцо.

Паоло, придя в бешенство от такого коварства, вырвался и снова упал к ногам Винченцо. Тот, подняв его, крепко обнял и попросил успокоиться, примириться с неизбежным и надеяться на то, что они скоро снова будут вместе.

— Я верю, что наша разлука не будет долгой, — успокаивал его Винченцо. — Моя невиновность будет доказана.

— Мы никогда больше не увидимся, синьор, никогда! — горько причитал бедный Паоло. — Игуменья знала, что делала, когда позволила нам бежать. О, видел бы мой хозяин маркиз, где мы оказались...

Винченцо остановил его и, повернувшись к стражнику, попросил того быть милосердным к его верному слуге, который ни в чем не повинен. Он обещал щедро вознаградить его при первой же возможности и не забыть доброе отношение к Паоло, что для него во сто крат важнее, чем отношение к нему самому.

— Прощай, Паоло! Я готов следовать за вами, офицер.
— Остановитесь, синьор, еще одно мгновение! — отчаянно закричал Паоло.
— Мы не можем больше ждать, — грубо оборвал его офицер, уводя Винченцо.
Слуга провожал хозяина глазами, полными отчаяния, и губы его шептали:
— Прощайте, синьор, прощайте. Зачем же я остался? Ведь я хотел разделить с вами все.
Но Винченцо уже не слышал этих слов.

Следуя за офицером, он прошел через галерею в одну из комнат, где его перепоручили еще кому-то. Сам офицер скрылся за дверью во внутренние покои. Над нею ржаво-красными буквами была начертана надпись на древнееврейском языке. Винченцо вспомнил строки из Дантова «Ада»: «Входящие, оставьте упования». Здесь, подумал он, готовят орудия пыток. И хотя он мало знал о пытках инквизиции, но был уверен, что лишь с их помощью судьи трибунала добиваются нужных им признаний. Наибольшие страдания терпят невинные, ибо им, ничего не совершившим, не в чем признаваться. Палачи же, приняв невинность за упорство в грехе, особенно немилосердны к ним и нередко вынуждают невинных признаваться в преступлениях.

Думая об этом, юноша готовил себя к тяжелым испытаниям. Он знал, что ему предъявят обвинение в похищении монахини и, если он под пытками признается в этом, последствия для него и Эллены будут самыми ужасными. Он не сомневался, какие меры будут приняты, чтобы добиться от него признания. Знал он и то, что ему никогда не предоставят возможности встретиться ни с тем, кто выдвинул обвинение, ни со свидетелями. Ему будет очень трудно, но это не пугало его. Он готов был на все ради спасения Эллены. Пусть он умрет под пытками, но он никогда не подтвердит этого ложного обвинения.

Наконец офицер вернулся и велел Винченцо следовать за ним, и вскоре юноша очутился в довольно просторной комнате, где за столом, стоявшим в центре, сидели два человека в черном. У одного из них, с недобрым пронизывающим взглядом, на голове было подобие черного тюрбана. Винченцо догадался, что перед ним судья инквизиции. Другой был с непокрытой головой и закатанными по локоть рукавами. Перед первым на столе лежала Библия и какие-то странные металлические предметы. Вокруг длинного стола было много пустующих кресел, на деревянных спинках которых были вырезаны какие-то знаки. В конце комнаты возвышалось огромное распятие, верхушкой достигавшее сводов потолка. В другой стороне комнаты темная портьера закрывала то ли окно, то ли нишу или дверь, ведущую в подземелье.

Инквизитор пригласил Винченцо подойти поближе и, вручив ему Библию, велел повторять за ним слова клятвы. Он должен был поклясться говорить только правду и никогда и никому не рассказывать о том, что он увидит или услышит здесь.

Винченцо не торопился исполнить приказание, несмотря на грозный взгляд инквизитора.

«Не означает ли это, что я буду согласен с выдвинутым против меня обвинением? — размышлял он про себя. — Коварству этих людей нет предела, и любое мое слово может быть использовано против меня. Я обязан буду отвечать на любой их вопрос и хранить в тайне все их чудовищные деяния», — думал юноша, охваченный сомнениями.

Инквизитор повторил свой приказ и сделал какой-то знак своему помощнику, сидевшему на другом конце стола, который, видимо, был секретарем суда.

Винченцо все еще молчал, но сомнения уже одолевали его. Стоит ли молчать, ведь не все же его слова могут быть использованы против него и Эллены. Поскольку отказ от клятвы ничем не мог ему помочь, а молчание было бесполезным, он решил подчиниться. И все же, когда он поднес Библию к губам и произнес первые слова клятвы, холодный ужас охватил его. Он невольно бросил осторожный взгляд на штору, ранее не вызывавшую особого интереса, но теперь пугавшую его. Он ждал, что штора вот-вот отодвинется и из-за нее появится судья инквизиции, столь же суровый, как сидящий за столом, или обвинитель, похожий на Скедони.

После клятвы начался допрос. Попросив Винченцо назвать свое имя и положение,

рассказать, кто его отец и мать, где он проживает, и получив ответы, инквизитор спросил у юноши, знает ли он, в чем его обвиняют.

— В ордере на мой арест это сказано, — осторожно произнес Винченцо.

— Следите за своими словами, — предупредил его инквизитор, — и помните о клятве. Так какие же основания для вашего ареста?

— Насколько я понял, меня обвиняют в том, что я похитил монахиню из монастыря, — ответил Винченцо.

На лице инквизитора появилось нечто похожее на удивление.

— Следовательно, вы признаетесь в этом? — спросил он после недолгой паузы, сделав знак секретарю все записать.

— Я решительно отвергаю это обвинение, — ответил Винченцо. — Это ложь и злостное измышление.

— Помните о клятве, — опять предупредил инквизитор. — Чистосердечное признание позволит вам надеяться на милосердие суда. Тех, кто упорствует во лжи, ждет наказание пытками.

— Если вы вздумаете пытками вырвать у меня ложное признание, то убедитесь, что я скорее умру, чем произнесу нужную вам ложь, — твердо и спокойно сказал Винченцо. — Вас интересует не правда, и не виновных вы караете. Жертвами вашей жестокости становятся невинные люди. Не выдержав пыток, многие из них оговаривают себя.

— Одумайтесь, — грозно произнес инквизитор. — Вы здесь не для того, чтобы обвинять, а для того, чтобы отвечать на обвинения. Вы утверждаете, что вы невиновны, но вместе с тем вы знаете, какое обвинение против вас выдвинуто. Не ваша ли совесть подсказала вам его?

— Я узнал о нем из вашего приказа об аресте и из слов ваших людей, выполнявших приказ.

— Как? — гневно воскликнул инквизитор. — Запишите, — приказал он секретарю. — Он утверждает, что читал наш приказ. Но нам известно, что вы не видели его. Он обвиняет наших людей, сообщивших ему об этом. Он, должно быть, не знает, что за разглашение приказа грозит смерть!

— Это правда, я не читал приказ, — ответил Винченцо, — и никогда не утверждал, что читал его. Священник, который ознакомился с ним, пересказал мне его содержание, а ваши люди подтвердили это.

— Не надо отклоняться, отвечайте только по делу.

— Но я не хочу, чтобы мои слова искажались или использовались против меня. Я дал клятву говорить правду и не нарушу ее. Если вы думаете иначе и ставите под сомнение каждое мое слово, я более не буду отвечать.

Инквизитор даже привстал в кресле, лицо его побледнело.

— Дерзкий еретик! — громовым голосом произнес он. — Вы осмелились оспаривать, оскорблять и не исполнять приказы Верховного суда инквизиции! Вы пожалеете об этом. В камеру пыток его.

Ироничная улыбка застыла на губах юноши, холодный взгляд подчеркивал его полное спокойствие. Его мужество и спокойное презрение произвели впечатление на судью, который понял, что перед ним незаурядный человек.

— Где вас арестовали? — спросил он.

— В церкви Сан-Себастьяно на озере Челано.

— Вы уверены в этом? А не в деревушке Челано, по дороге в Рим?

Винченцо с удивлением вспомнил, что именно в этой деревушке произошла смена стражи, и сказал об этом судье. Но тот игнорировал это уточнение и продолжал допрос:

— Кто был арестован вместе с вами?

— Вы не можете не знать того, что вместе со мной была арестована синьорина ди Розальба. Ей предъявлено ложное обвинение в том, что она монахиня, тайно сбежавшая из монастыря. Был арестован также мой верный слуга Паоло Мендрико по неизвестной ни ему,

ни мне причине.

Инквизитор немного помолчал, словно о чем-то раздумывая, а затем стал расспрашивать об Эллене: кто она и откуда родом. Винченцо, обеспокоившись, что своими ответами может невольно навредить Эллене, предложил судье задать эти вопросы самой синьорине ди Розальба. Но тот настаивал на ответах Винченцо.

— Она должна тоже находиться в этих стенах, — возразил наконец юноша, надеясь хотя бы косвенно узнать о судьбе Эллены. — Она вполне может ответить вам сама на все ваши вопросы.

Но инквизитор, велел секретарю внести в протокол допроса лишь ее имя, снова погрузился в раздумья.

Наконец он спросил Винченцо:

— Вы знаете, где вы находитесь сейчас?

Винченцо невольно улыбнулся такому вопросу.

— Думаю, что в тюрьме инквизиции в Риме, — спокойно ответил он.

— Вы знаете, за какие преступления сюда попадают?

Винченцо промолчал.

— Ваша совесть знает, а ваше молчание подтверждает это. Предупреждаю вас еще раз, что чистосердечное признание облегчит вашу участь.

Винченцо лишь улыбнулся.

— Суд инквизиции не похож на обычные суды, где исполнение приговора производится немедленно. Наш суд милосерден, хотя и суров. Мы прибегаем к пыткам лишь в исключительных случаях, когда упорство подсудимого вынуждает нас к этому. Вы теперь знаете, чего можете избежать и что вас ждет, если вы этого не сделаете.

— Но если арестованному не в чем сознаться? — спросил Винченцо. — Вы пытками можете заставить его сделать это, не так ли? Слабый, не выдержав мук, может оговорить себя, он невольно может стать виновником собственной гибели. Вы убедитесь, что я не такой.

— Вы вскоре поймете, юноша, что мы не действуем поспешно, и пожалеете, когда будет уже поздно, что не последовали совету и не признались в своих преступлениях сами. Молчание вам не поможет, мы и без вас все узнаем. В нашем распоряжении факты. Ваши преступления уже записаны в анналах святой инквизиции. Трепещите и одумайтесь! И знайте, что, даже когда нам все известно, ваше признание нам все равно необходимо. Упрямство — свидетельство вашей вины.

Винченцо ничего не ответил.

— Вы когда-нибудь бывали в церкви Святого Духа? — после недолгого молчания вдруг спросил судья.

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, я требую назвать имя того, кто выдвинул против меня обвинения, — ответил Винченцо.

— Вы должны помнить, что не вы здесь задаете вопросы, — резко оборвал его инквизитор. — К тому же вам должно быть известно, что инквизиция держит в тайне имена обвинителей. Кто бы пожелал исполнять свой христианский долг, если бы ему угрожала расправа? Лишь в особых случаях мы раскрываем имена тех, кто нам помогает.

— Тогда назовите имя свидетеля, — настаивал Винченцо.

— Наше правосудие тоже скрывает его от обвиняемого, — ответил инквизитор.

— Что же оставляет обвиняемому ваше правосудие? — возмутился Винченцо. — Значит, его обвиняют и судят без обвинителя и свидетелей?

— Вы задаете слишком много вопросов, — строго сказал судья, — и слишком неохотно отвечаете на вопросы, когда их вам задают. Наш информатор не является обвинителем. Верховный суд, получивший информацию, становится и обвинителем, и судьей. Судебный обвинитель на суде излагает дело и докладывает о показаниях свидетелей. Ну, довольно об этом.

— Как? — воскликнул Винченцо. — Сам суд является обвинителем, свидетелем и

судьей одновременно? О, какое раздолье для личной мести, злобы, клеветы. И все это, по-вашему, есть правосудие? Оно страшнее кинжала убийцы! Что стоит моя невинность, если любой недруг может меня оговорить?

— Следовательно, у вас есть враги? — оживился инквизитор.

Винченцо хорошо знал, кто его враг, но у него не было достаточных доказательств против Скедони. Обстоятельства похищения Эллены внушали ему подозрение, что в этом Скедони помог еще кто-то. Мысль о том, что его мать могла быть соучастницей его ареста и предания в руки инквизиции, показалась ему чудовищной, но и вполне правдоподобной.

— Отвечайте, у вас есть враги? — повторил инквизитор.

— Мое присутствие здесь говорит об этом, — ответил Винченцо. — Я сам никогда никому не был врагом, поэтому мне трудно представить, кто может быть моим врагом.

— Итак, выходит, что у вас нет врагов, — заключил коварный инквизитор. — Следовательно, обвинение против вас выдвинул поборник истинной правды и закона, верный слуга интересов Рима.

Винченцо с ужасом понял, как хитрый и искушенный в допросах инквизитор завлек его в ловушку и использовал его невинные ответы против него же. Теперь его единственной защитой было молчание. Он увидел на лице инквизитора довольную ухмылку победителя.

— Следовательно, вы намерены упорно скрывать правду? — снова начал тот допрос и, не дождавшись немедленного ответа, продолжил: — Поскольку, как следует из ваших собственных слов, у вас нет врагов, которые из личных побуждений могли бы оклеветать вас, вы сознательно скрываете правду, а отсюда можно заключить, что обвинения, выдвинутые против вас, не являются клеветой и вымыслом. Я еще раз прошу вас именем нашей святой веры чистосердечно признаться в своих поступках и этим спасти себя от ненужных страданий до суда. Лишь чистосердечное покаяние смягчит души судей этого справедливейшего трибунала.

Винченцо понял, что молчать он более не должен, и еще раз заявил о своей полной невинности в том преступлении, которое ему предъявлено, и не знает за собой никакой вины, за которую он заслуживал бы суда инквизиции.

Инквизитор упорствовал в своих обвинениях, Винченцо мужественно опровергал их и все более убеждался, что этот поединок доставляет истинное наслаждение поборнику правосудия инквизиции. Когда секретарь все записал, Винченцо было предложено подписать протокол. Юноша подчинился.

Инквизитор назидательно посоветовал ему подумать, а утром, если он не признается, допрос будет продолжен. После этого он кликнул тюремщика, который привел сюда Винченцо.

Когда тот появился, инквизитор с особой строгостью сказал:

— Исполняйте приказ и отведите арестованного, куда положено.

ГЛАВА VII

Кудрявятся и пенятся валы,
И над водой звучат борьбы аккорды.
Одетый в саван из полночных туч,
Здесь Ужас царствует...

Тем временем Эллена, разлученная с Винченцо, оказалась во власти двух незнакомых ей людей, которые, ничего не объяснив, усадили ее на одну из трех ждавших их лошадей и незамедлительно тронулись в путь, которому предстояло длиться с короткими остановками на отдых две ночи и два дня. Девушка не имела представления, куда ее везут, и долго еще надеялась, что вот-вот услышит позади топот копыт и ее окликнет Винченцо, который, как

ее заверили путники, следует за ними.

Поначалу их путь лежал по горной дороге, где изредка встречались поселяне, спешащие на рынок в город, крестьяне с оливковых плантаций и виноградари. Когда дорога стала спускаться на пустынные равнины Апулии, Эллена по-прежнему была в неведении, куда ее везут. Теперь им попадались лишь пастухи, раскинувшие свои таборы на пастбищах.

Грубые на вид, как и ее спутники, они, однако, были добры и приветливы, а звуки их нехитрых музыкальных инструментов отвлекали Эллену от мрачных дум. Здесь ее спутники решили сделать привал, чтобы утолить свой голод козьим молоком, ячменными лепешками и миндалем. Гостеприимство пастухов напомнило девушке то совсем недалекое время, когда они с Винченцо тоже нашли у них приют. Как многое с тех пор изменилось. Сердце Эллены сжалось от тоски и тревоги.

Когда они возобновили свой путь, он уже лежал по местам диким и безлюдным. Эллена более не видела вокруг признаков человеческого жилья, лишь изредка на горизонте возникали силуэты разрушенных замков, прилепившихся на краю утеса. К концу второго дня дорога привела их к лесу в предгорьях полуострова Гаргано. Здесь дорога, которую можно было бы назвать тропой, терялась в чаще могучих деревьев с кронами столь густыми, что скрывали небо. Густые заросли папоротника и можжевельника у их подножий делали эти места мрачными и непроходимыми.

Выехав на возвышенность, где лес поредел, Эллена, окинув взором окрестности, убедилась, что кругом одни густые леса, тянувшиеся почти до самого побережья Адриатики. Сам берег был каменист и суров. Глядя на открывшуюся ее взгляду картину, девушка со страхом подумала, что здесь она совсем одна и оторвана от людей. Однако, как ни странно, она была спокойна. Но это было спокойствие обреченности и безмерной усталости.

Они долго ехали по лесной тропе. Ее спутники, обычно молчавшие, теперь обменивались скухими словами, и все больше о том, как изменились эти места с тех пор, как они побывали здесь в последний раз. Незаметно наступил вечер. Эллена чувствовала близость моря, слыша порой шум волн, разбивающихся о скалы. Когда они выехали на возвышенность, она уже различила в сумерках серую гладь бухты.

Наконец она осмелилась спросить своих спутников, что ждет ее далее. Неужели ее посадят на корабль или рыбачий баркас, силуэты которых она уже различала?

— Теперь осталось недолго. Скоро приедем, и вы отдохнете, — неопределенно ответил один из ее спутников.

Дорога пошла вниз, и вскоре они оказались у странного одинокого строения, стоявшего столь близко к кромке воды, что казалось, его может смыть любая волна. Окна были темны, и дом казался необитаемым. Однако это не смутило спутников Эллены, ибо, остановив лошадей, они стали громкими криками оповещать о своем приезде. Эллена тем временем постаралась в сумерках разглядеть этот странный дом. Он был очень стар и необычной постройки, но никак не напоминал хижину крестьянина или рыбака.

Его высокие стены из грубо отесанного мрамора с башенками по углам и низким скатом крыши сильно пострадали от времени и непогоды. Он был обнесен оградой, местами разрушенной, одна половина ворот рухнула так давно, что ее почти не было видно из-за густо разросшихся сорных трав, другая едва держалась на проржавевших петлях, и ее немилосердно трепал ветер.

Крики наконец возымели действие, в ответ из дома раздался хриплый голос хозяина, дверь медленно отворилась, и Эллена увидела лицо, на котором отложили печать все испытания и грехи человеческие. Эллена в испуге отшатнулась. Свет фонаря в руках этого человека лишь еще больше подчеркивал голодное измождение и озлобленную одичалость его лица и взгляда. Девушка никогда еще не видела такого странного смешения страдания и злобы и почти как зачарованная смотрела на этого человека, на мгновение забыв о грозящей ей опасности.

У нее не было сомнений в том, что он не является владельцем этого дома, И дикая мысль мелькнула в голове, что это слуга какого-нибудь из сообщников маркизы.

Они прошли в дом через совершенно пустой мрачный холл; он был достаточно просторен, и потолок его уходил под самую крышу. Из холла шли двери наверх и в другие помещения.

Гости и хозяин обменивались приветствиями, похожими на бормотание, и хозяин, которого они называли Спалатро, провел их в комнату, видимо служившую ему спальней, потому что на полу лежал матрас. Другой мебели, кроме стола и двух или трех полусломанных стульев, в комнате не было. Нахмурившись, хозяин исподлобья окинул взглядом Эллену, а затем переглянулся с ее спутниками. Наконец он предложил всем сесть, а сам, объяснив, что ему надо приготовить рыбу на ужин, вышел. Итак, он все же оказался хозяином дома, поняла Эллена, и ее охватили совсем недобрые предчувствия, когда ее сопровождающие вскоре сказали ей, что ее путешествие окончено. Она едва удержалась от полного отчаяния и паники. Следовательно, ее сознательно привезли сюда, в этот заброшенный дом на диком безлюдном берегу, чтобы отдать ее на милость отъявленному бандиту и негодяю. Гордыня и злая воля маркизы восторжествовали. У бедной девушки подкосились ноги, и она без чувств упала на пол.

Когда она пришла в себя и увидела склонившихся над нею своих спутников и хозяина дома, ее первой мыслью было просить их о сострадании, но опасения, что этим она выдаст свои подозрения, остановили ее. Поэтому, сославшись на сильную усталость, она попросила отвести ее в предназначенную ей комнату. Ее стражи переглянулись в нерешительности, а затем предложили ей сначала разделить с ними ужин, который сейчас будет готов. Эллена как можно любезней отказалась от ужина, и им ничего не оставалось, как выполнить ее просьбу. Спалатро, взяв лампу, провел ее через холл на верхний этаж, где открыл дверь небольшой комнаты.

— Где же постель? — недоуменно промолвила Эллена, окинув взглядом пустую комнату.

— Там, на полу, — нелюбезно сказал Спалатро, указывая на матрас на полу, над которым висели остатки истлевшего полога. — Если вам нужна лампа, я оставляю ее на несколько минут, а потом зайду за ней.

— Неужели вы хотите, чтобы я провела ночь в полной темноте? — жалобно и испуганно воскликнула Эллена.

— Оставить вам лампу? Да вы еще дом сожжете, — недовольно проворчал Спалатро.

Как ни молила его Эллена, убеждая, что с лампой ей будет не так страшно, он был непреклонен, но вдруг, как-то странно посмотрев на нее, спросил:

— Не так страшно, говорите? Вы сами не знаете, о чем меня просите.

— Что вы хотите сказать? — в отчаянии воскликнула девушка. — Скажите, умоляю вас!

Спалатро от неожиданности даже отступил назад, глядя на нее с явным изумлением.

— Будьте милосердны, — не выдержав, взмолилась Эллена. — Я беззащитна, я нуждаюсь в помощи...

— Чего вы опасаетесь, синьорина? — наконец придя в себя, спросил Спалатро, а затем быстро добавил: — Разве то, что я лишу вас лампы, так уж немилосердно?

Эллена, снова испугавшись, что лишним словом может выдать себя, заявила, что сочла бы милосердным поступком, если бы он не лишал ее света ночью. Она удручена, боится спать в незнакомом месте, и свет лампы помог бы ей успокоиться.

— Нам здесь непонятны ваши капризы, к тому же лампа в доме одна, а у нас еще много дел. Мои гости сидят в потемках и дожидаются, когда я вернусь. Ладно, оставляю вам лампу на пару минут, но не более.

Эллена вынуждена была согласиться. Когда Спалатро вышел, она услышала, как загремел задвигаемый засов. Она была здесь пленницей.

Эллена потратила эти драгоценные минуты на осмотр комнаты, чтобы выяснить, нет ли какой-нибудь возможности выбраться отсюда. Единственное окно было забрано решеткой, дверь прочно закрывалась снаружи на засов — все принятые хозяином предосторожности

говорили о недобрых намерениях хозяев по отношению к гостям, попадавшим в эту комнату.

Проверив прочность решеток на окне и напрасно поискав на двери какую-нибудь задвижку, позволяющую запереть дверь изнутри, Эллена убедилась, что выбраться отсюда собственными силами не представляется возможным, и, поставив между собой и дверью лампу, стала ждать. Через несколько минут Спалатро вернулся и принес ей стакан кислого вина и кусок хлеба. Эллена не сочла возможным отказаться, видя такое к себе внимание.

Когда Спалатро ушел, он снова запер дверь. Оставшись одна, девушка, чтобы успокоиться, принялась молиться. Молитва принесла ей некоторое успокоение, однако она не решилась лечь спать, памятуя о том, что ее дверь в любую минуту может быть открыта. Эллена приняла решение бодрствовать всю ночь. Усевшись на матрасе, в полной темноте и одиночестве, она вскоре предалась тревожным воспоминаниям о том, что произошло в этот последний день ее путешествия. Странное поведение ее спутников, их непонятные слова о конце путешествия и то, что ее теперь заперли в этой комнате, невольно заставили ее опасаться, что же будет с ней дальше. Едва ли маркиза ди Вивальди намеревалась поселить ее здесь навсегда. Проще было бы снова отправить ее в монастырь. У Эллены уже составилось какое-то представление о решительном и недобром характере маркизы, а вид этого дома и его хозяин, к тому же полное отсутствие женской прислуги заставляли девушку подозревать худшее. Ужас охватил ее. Как часто в эти два дня, испытывая страх, она мысленно обращалась к Винченцо, молила его спасти ее! Неужели их разлучили навсегда?

Она отказывалась верить, что его отдадут в руки инквизиции. Все, что произошло с ней, говорило о том, что ее пленение не имеет отношения к инквизиции. Просто маркиза устроила арест Винченцо для того, чтобы задержать его, пока она упрячет Эллену в надежное место, где он никогда ее не найдет. Винченцо потом, наверное, отправили куда-нибудь в далекое семейное поместье, где его продержат до тех пор, пока не решится судьба Эллены. Потом он вернется домой, а единственной жертвой будет она. Это печальное заключение отнюдь не могло облегчить ее тревожное состояние.

Гости внизу засиделись допоздна. До Эллены временами, когда утихал шум прибоа, доносились их голоса, и каждый раз, когда скрипела дверь, она пугалась, что они придут за ней.

Наконец в доме воцарилась полная тишина, видимо, они ушли или легли спать. Однако сомнения не покидали Эллену. Прислушавшись, она вдруг слышала шаги на лестнице и шепот, словно кто-то о чем-то договаривался. Слов она не разобрала, но одна фраза все же долетела до нее. Она была произнесена громче и, видимо, вслед тому, кто уходил, ибо были слышны шаги человека, спускающегося в холл.

— Ты найдешь его на столе в моем кушаке. Поторопись.

Вскоре тот, кто уходил, вернулся, и шепот переговаривающихся людей возобновился. Эллена явственно расслышала фразу:

— Она спит.

Послышались шаги на лестнице, и, видимо, тот, кто произнес последние слова, спустился в холл.

Через несколько секунд тот, кто остался, отошел от ее двери. Эллена слышала его удаляющиеся шаги. Теперь был слышен лишь шум прибоа.

Девушка облегченно вздохнула, хотя более уже не сомневалась, что против нее что-то замышляется. Тот предмет, за которым один послал другого, был, без сомнения, кинжал.

К счастью для бедняжки, она не знала, что в ее комнату ведет потайной ход и убийца в любое время ночи может бесшумно проникнуть к ней. Тогда бы ее отчаянию не было предела.

Тем временем Эллена решила бодрствовать всю ночь и была рада, когда в доме наконец стихло. Какое-то время она бесшумно ходила по комнате, вздрагивая каждый раз, когда под ногами скрипели разошедшиеся половицы, иногда останавливаясь и настороженно прислушиваясь. Бледный свет луны, проникнув сквозь решетку, слабо осветил комнатку, и Эллена увидела много из того, что не успела разглядеть при свете лампы. Ей даже

показалось, как что-то скользнуло в тот угол, где лежал матрас. Она похолодела от ужаса, но, очевидно, ей почудилось, подумала она, приходя в себя, и в этом виноват лунный свет. Если бы она знала о потайной двери, то вполне могла бы вообразить, что это убийца. Тревога ее усиливалась, теперь она вся превратилась в слух, даже боялась дышать. Однако, кроме шума прибоя, ничего не было слышно. Боясь приблизиться к матрасу, она остановилась у окна, решив здесь дожидаться рассвета, который прогонит ночную тьму и ее страхи. Луна стояла высоко, освещая своим холодным светом набегающие на берег волны. Эллена слушала их размеренные удары о камни, и это постепенно успокоило ее.

Комната светлела, пугающие Эллenu тени исчезли, и наконец она отважилась подойти к матрасу и устало опустилась на него. Короткий сон был ей необходим.

ГЛАВА VIII

И все же я боюсь тебя. Ты страшен,
Когда вот так ворочаешь глазами.
Как ты кусаешь нижнюю губу!
Твой облик искажен кровавой злобой.
Я чувствую беду, но верю, верю —
Она грозит не мне.

В. Шекспир. Отелло

Шум отодвигаемого засова разбудил Эллenu. После короткого и тяжелого забытья она не сразу поняла, где находится. Но, увидев перед собой Спалатро, вспомнила, где она и что она пленница этого ужасного человека.

Бедняжка от страха и отчаяния снова бессильно опустилась на матрас, даже не найдя сил спросить у своего тюремщика, чем объясняется его бесцеремонное вторжение. Но он сам объяснил его:

— Я принес вам завтрак. Но, кажется, вы еще спите. Думаю, вы хорошо выспались и пора вставать.

Эллена ничего не ответила, но, сознавая свое отчаянное положение, подняла умоляющий взгляд на Спалатро, который держал в руках кружку молока и лепешку.

— Куда это вам поставить? Вы, должно быть, голодны. Вчера ведь не ужинали.

Эллена поблагодарила и попросила поставить прямо на пол — стола ведь в комнате не было. Когда он ставил еду возле нее, она заметила выражение его лица, злорадное и удовлетворенное, словно он был доволен собой и рассчитывал на какой-то неизбежный успех. Это настолько поразило девушку, что она, не отрываясь, следила за Спалатро, пока он находился в комнате. Когда их взгляды случайно встретились, он воровски отвел глаза, словно пойманный с поличным. После этого он уже не поднимал глаз и поспешил уйти.

Это настолько обеспокоило Эллenu, что она, не переставая думать об этом, забыла даже о принесенной еде.

Когда же наконец она вспомнила о молоке и хлебе, поднеся кружку к губам и сделав глоток, чувство опасности остановило ее. Странное выражение на лице Спалатро появилось именно в тот момент, когда он ставил перед ней еду. Ужасное предположение, что в молоко подсыпан яд, пронзило сознание. Ей стало так страшно, что она не прикоснулась даже к лепешке, моля Бога, чтобы глоток молока не оказался роковым для нее.

Весь день прошел в страхе и сомнениях, она была столь подавлена, что временами впадала в полную апатию. Ей больше не надо было гадать, зачем ее привезли сюда. И все же крохотная искорка надежды, тлевшая в исстрадавшейся душе, поддерживала ее, и мысли обращались к Винченцо. Она верила, что он жив и вне опасности, а раз это так, то, несмотря на коварство его матери, он сделает все, чтобы спасти ее.

Весь день она простояла у окна, погруженная в раздумья, невидящим взором глядя на серые волны бухты и даже не слыша шума волн. Единственное, к чему она прислушивалась, настороженно и со страхом, были звуки и шорохи в доме. Она пыталась угадать, сколько в нем людей и чем они сейчас заняты. Но в доме была тишина, лишь изредка слышались далекие шаги в коридорах или звук закрываемой двери. Однако голосов не было слышно, словно дом был пуст и, кроме хозяина и нее, в нем никого не было. Ее прежние спутники, должно быть, давно уехали, хотя она не слышала, когда это произошло. Что они замыслили? Если они намеревались ее убить, то почему оставили в доме лишь одного Спалатро? Втроем сделать это было бы намного проще. Но это недоумение быстро рассеялось, когда она вспомнила о яде. Они, должно быть, уверены, что их план удался, и оставили ее здесь, чтобы она умерла взаперти, а затем избавились бы от бездыханного тела. Несуразность и странность поведения ее спутников превратилась в воображении в хорошо продуманный сговор с целью убить ее. Что может быть проще яда, подсыпанного в пищу!

Погруженная в свои мысли, Эллена услышала шаги, когда они уже были у двери. Они были осторожны и неторопливы, словно человек, сделав шаг, останавливался и прислушивался.

«Это Спалатро», — тут же решила Эллена. Он уверен, что она выпила отравленное молоко, и хочет услышать ее предсмертные стоны. Увы, он пришел слишком рано, яд еще не подействовал. При мысли, что она отравлена, Эллена похолодела и чуть не лишилась чувств. От слабости в ногах она вынуждена была опуститься на матрас. Она уже приготовилась ждать конца. Но дурнота прошла, силы понемногу возвращались к ней. Мысль о том, что Спалатро, войдя в комнату, увидит нетронутой кружку с молоком, заставила Эллену встать. Подойдя к окну, она выплеснула молоко через прутья решетки. Убедившись, что она его выпила, мучители на какое-то время оставят ее в покое, а это даст ей возможность что-то придумать, решила она.

Был уже вечер, когда на лестнице послышались шаги. В щели под дверью появилась тень, словно кто-то стоял, прислушиваясь. Затем тень исчезла, и она услышала, как кто-то осторожно спускался по лестнице.

«Это Спалатро, — подумала Эллена. — Он проверяет, жива ли я».

Но под дверью снова кто-то стоял, и это было странно, ибо шагов она не слышала.

Эллена испугалась, что, войдя в комнату, Спалатро обнаружит, что она жива, и примет иные меры, а это означало немедленную смерть!

Действительно, раздался скрежет засова, дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Спалатро. Прежде чем войти, он окинул комнату настороженным взглядом, который остановился на лежавшей на матрасе девушке. Лишь после этого быстрыми шагами он приблизился к ее ложу. На его лице был страх, нетерпение и, как Эллене показалось, чувство вины тоже. Когда он подошел достаточно близко, Эллена поднялась и села. У Спалатро был такой вид, словно он увидел призрак, глаза его остекленели, в них отразился ужас. Бедная Эллена тоже растерялась. Когда наконец Спалатро, овладев собой, почти заикаясь, справился о ее самочувствии, она даже позабыла, что благоразумней было бы сказать больно.

Какое-то время Спалатро смотрел на нее даже с интересом, а затем исподтишка окинул взглядом комнату. Эллена поняла, что он ищет, куда девалась отравленная еда. Когда он увидел на полу пустую кружку, Эллене показалось, что он довольно ухмыльнулся.

— Вы остались без обеда, я совсем забыл о нем. Но скоро будет готов ужин. А пока вы можете прогуляться вдоль берега, если желаете.

Эллена, пораженная таким предложением, растерялась, не зная, соглашаться или нет. Она опасалась ловушки. Ее просто хотят заманить туда, где можно будет легко от нее избавиться. Первой мыслью было отказаться, но, подумав, что удобнее всего расправиться с ней в ее же комнате, где она полностью в их власти, она согласилась на прогулку.

Когда она спустилась по лестнице вниз и пересекла холл, никто не попался ей навстречу. Она справилась у Спалатро о своих спутниках. Тот ничего не ответил. Он молча шел впереди, пока они не вышли во двор. За воротами он остановился, указал рукой куда-то

на запад, сказав, что она может совершить прогулку вдоль берега.

Эллена, постаравшись держаться от Спалатро подальше, направилась в сторону шумящего прибоя, едва замечая, куда ведет тропа. У подножия скалы она наконец подняла глаза и увидела открывшиеся взору морские просторы. Вдали на берегу она различила одинокие хижины рыбаков, в бухту медленно входили с полуспущенными парусами рыбацьи лодки. Но все это было так далеко, что она не смогла увидеть фигурки людей. Для нее, считавшей до сих пор, что, кроме дома, ставшего ее темницей, в окрестностях нет ни единого человеческого жилища, эти хижины рождали крупицу надежды. Она обернулась, чтобы проверить, как далеко от нее Спалатро, но с испугом убедилась, что он следует за ней всего в нескольких шагах. Эллена еще раз окинула печальным взглядом далекий поселок.

Опускались сумерки, море потемнело и заволновалось, пронзительно кричали чайки, ища свои гнезда в скалах, темная туча над бухтой была вестницей приближающейся грозы. Эллена, на мгновение забыв о собственных невзгодах, от души порадовалась за рыбаков, успевших в гавань до начала бури. Вскоре они будут в тепле и безопасности родного очага. Мысли о мрачном доме снова возвратили ее к действительности, столь безнадежной и безжалостной.

— Увы, у меня нет больше дома, — тихо промолвила она, — никто не встретит меня улыбкой. Я потеряла даже единственного друга, который мог бы спасти меня. Я — одинокий путник на чужом берегу, за каждым шагом которого следит убийца.

Эллена невольно содрогнулась и бросила взгляд назад, но Спалатро исчез, она была одна. Однако надежда убежать погасла, не успев родиться. Впереди она увидела фигуру монаха, он шел ей навстречу по краю моря. Укутанный в темный плащ, он шел, низко опустив голову и глядя под ноги, словно погруженный в глубокую думу.

«Это святой отец, размышляющий о чем-то великом и возвышенном. К кому, как не к нему, могу я обратиться и попросить защиты. Его орден призван защищать обездоленных и несчастных. Кто бы мог подумать, что в этом диком и пустынном месте я неожиданно встречу своего защитника. Его монастырь, должно быть, совсем близко», — обрадовалась Эллена.

По мере того как монах приближался к ней, он все ниже опускал голову и плотнее кутался в плащ. Наконец, почти поравнявшись с ней, он искоса бросил на нее взгляд. Эллenu поразило выражение его больших темных глаз, сверкнувших из-под низко надвинутого капюшона. Минув ее, монах, однако, не выказал ни малейшего удивления или любопытства.

Эллена остановилась, решив дать ему уйти как можно дальше, прежде чем продолжить свой путь к рыбацкому поселку. Сама она не отважилась попросить у монаха помощи. Но через мгновение она услышала шаги за спиной и, обернувшись, увидела, что монах следует за ней. Она снова поймала на себе его странный изучающий взгляд. Его наружность показалась ей неприятной и даже отталкивающей, и Эллена снова не решилась обратиться к нему, более того, она почувствовала, что этого не следует делать. В его высокой и крупной фигуре было что-то пугающее, говорящее о недоброй силе и коварстве. Он следовал за ней еще какое-то время, но вдруг исчез за обломками скал.

Эллена все же решила продолжать свой путь до рыбацкого поселка, пока нет Спалатро. Его исчезновение порядком удивило ее. Но раздумывать было некогда. Однако не успела она сделать и десяти шагов, как монах снова оказался за ее спиной. От неожиданности и испуга она чуть не вскрикнула. На этот раз он как-то особенно долго и внимательно смотрел на нее, замедлив шаги, словно был в нерешительности, но потом быстро прошел мимо. Отчаяние Эллены возрастало — ведь он шел в том же направлении, что и она, и теперь ей было так же страшно следовать за ним, как возвращаться назад. Монах, отойдя на какое-то расстояние, обернулся и вдруг снова пошел ей навстречу. Когда он прошел, она в отчаянии ускорила шаги и почти побежала. Обернувшись, чтобы проверить, не следует ли он за ней, она вдруг увидела, что монах беседует с вновь появившимся Спалатро. Они шли за ней медленно, погруженные в беседу, пока вдруг не заметили, как быстро она удаляется. Спалатро окликнул ее и велел остановиться. Его грозный окрик эхом отозвался в прибрежных скалах,

и было в нем столько угрозы, что бедная девушка, взглянув с отчаянием на все еще далекие хижины, замедлила шаги. Вскоре монах обогнал ее, а Спалатро опять куда-то исчез.

Когда монах поравнялся с Элленой, он посмотрел на нее так, что она вся сжалась от страха и даже отшатнулась от него, хотя никаких оснований считать его своим недругом у нее не было. Бедняжка никогда прежде не знала Скедони. Сам монах тоже пришел в сильное волнение, и лицо его потемнело.

— Куда вы идете? — вдруг спросил он сдавленным голосом.

— Кто вы, святой отец, чтобы задавать мне такие вопросы? — в свою очередь спросила его Эллена, стараясь казаться спокойной.

— Кто вы и куда идете? — строго повторил монах.

— Я бедная сирота, — пролепетала Эллена, уже не в силах скрыть свою тревогу. — Если вы тот, кем мне позволяет называть вас ваше платье, друг обездоленных и обиженных, то вы проявите ко мне сострадание.

Скедони ответил не сразу.

— Кого и чего вы боитесь? — наконец спросил он.

— Я опасюсь за свою жизнь, — нерешительно ответила девушка. Она заметила, как словно тень прошла по лицу монаха.

— Опасаетесь за свою жизнь? — воскликнул он с удивлением. — Кто может покушаться на нее?

Эллену поразило, как он произнес эти слова.

— На жизнь бедной букашки, — вдруг добавил он. — Так кто же пытается раздавить ее?

Измученная и испуганная его поведением и расспросами, Эллена не смогла вымолвить и слова. Ее поразили не только странные слова монаха, но и тон, каким они были сказаны. Опасаясь надвигающейся грозы и неожиданного попутчика, она поспешила в сторону деревушки.

Монах не отставал и наконец грубо схватил ее за руку.

— Кого вы боитесь? — снова грозно спросил он. — Говорите, кого?

— Я не могу вам этого сказать! — в отчаянии воскликнула девушка, еле удержавшаяся на ногах от его грубого рывка за руку.

— Ах, вот как! — вдруг вскричал он, приходя в еще большее волнение.

В эту минуту лицо его показалось Эллене страшным. Она безуспешно пыталась вырвать из его тисков свою руку, а он молча с угрозой наблюдал за ее тщетными усилиями. Наконец устав, девушка затихла. Глаза монаха, устремленные на нее, приобрели странное застывшее выражение, словно он забыл о ней и был полностью погружен в себя.

— Умоляю вас, отпустите мою руку, — взмолилась Эллена. — Уже поздно, я слишком далеко забрела от дома.

— Это верно сказано, — рассеянно пробормотал монах, не отпуская ее руку. — Очень верно.

— Смотрите, как быстро темнеет, — продолжала уговаривать его девушка. — Меня застигнет буря.

Скедони словно не слышал ее.

— Буря? — рассеянно произнес он. — О, пусть грянет буря! — вдруг воскликнул он, приходя в себя.

Он наконец позволил ей опустить вниз затекшую руку, однако продолжал крепко сжимать ее ладонью. Вдруг он повернулся и пошел в сторону проклятого дома, увлекая ее за собой.

В полном отчаянии Эллена принялась умолять его отпустить ее.

— Прошу вас, отпустите меня. Я так далеко ушла от дома. Близится ночь, меня ждут, и, если я не вернусь, меня будут искать.

— Все это ложь, — внезапно воскликнул монах. — И вы это прекрасно знаете.

— Да, вы правы, — покорно ответила девушка. — У меня нет никого, кто бы мог

защитить меня.

— Чего заслуживают те, кто прибегает ко лжи? — грозно продолжал монах. — Или тот, кто увлекает в свои сети нерадивых юнцов?

— Святой отец! — в ужасе воскликнула Эллена.

— Нарушает покой дома, обольщает наследников богатых и знатных семей... Я спрашиваю вас, чего они заслуживают?

Охваченная ужасом, Эллена молчала. Теперь она поняла, кто перед ней, кого она так неразумно готова была счесть своим возможным защитником. Он был орудием мести ее злейшего врага, маркизы. У бедняжки потемнело в глазах, ноги ее подкосились, и она упала без чувств.

Скедони в растерянности смотрел на лежащую у его ног девушку. Такого он не ожидал, и это привело его в полное смятение. От волнения он заметался по берегу, даже бросился к воде, чтобы зачерпнуть ее и плеснуть в лицо бездыханной девушке. В душе его боролись странные чувства, о которых он доселе и не мог подозревать. Вместо жажды отмщения вдруг возникло странное чувство человеческого сострадания к этому юному и беспомощному существу. Чуждый милосердия, руководимый тщеславием и гордыней, Скедони, сам внушивший маркизе ди Вивальди жестокий план мести, вдруг оказался раздираем самыми противоречивыми чувствами, в плену собственной растерянности и слабости. Это было столь неожиданно и незнакомо, что привело его в отчаяние.

«Неужели эта хрупкая девушка способна поколебать решимость зрелого мужа? — твердил он себе. — Неужели ее страдания тронут мое сердце и заставят меня отказаться от совершения того, что я так долго вынашивал, так тщательно готовил? Неужели из-за минутной слабости я согласен от всего отказаться? Что со мной? Я должен прийти в себя, снова стать хозяином своей воли и своих решений. Где гордость и решимость моего рода, или я должен стать рабом обстоятельств? Нет, я чувствую, как прежний дух возрождается во мне...»

Он быстрыми шагами вернулся к Эллене, страхась любого промедления. В складках его одежды был спрятан кинжал. В душе он уже знал, что привычная рука в нужный момент не дрогнет. Однако мысль о том, что местные жители могут обнаружить следы крови на камнях, остановила его. Не лучше ли будет отнести ее к самой кромке воды? Волны, приведя ее на мгновение в чувство, тут же унесут в море, даже не дав ей опомниться.

Он наклонился, чтобы поднять Эллену, но при виде ее невинного, как у ребенка, лица сомнения снова вернулись. И в это мгновение девушка, словно почувствовав грозящую ей смертельную опасность, открыла глаза и, увидев лицо Скедони, громко вскрикнула и попыталась подняться. Прежняя решимость покинула Скедони. Стыдясь своего безволия, испытывая досаду и смятение, он, не выдержав взгляда Эллены, отвернулся и быстро пошел прочь. Девушка прислушивалась к его удаляющимся шагам, а затем, поднявшись, проводила глазами фигуру монаха. Он шел к дому.

Эллена, понемногу приходя в себя, решила все же собраться с силами и во что бы то ни стало достичь деревушки. Не успела она сделать несколько шагов, как увидела, что за нею быстро и решительно следует Спалатро. Ему ничего не стоило догнать ослабевшую после обморока Эллену. Она снова во власти своего тюремщика. Ее жалкий вид ничуть не тронул жестокое сердце негодяя, он язвительно высмеял ее попытку убежать и заставил следовать за ним. Мрачные стены угрюмого дома снова поглотили ее, и теперь уже навсегда. Вспомнив, что монах тоже пошел сюда, она, проходя по холлу и коридорам, искала следы его присутствия, но тщетно. Теперь она знала, что ей более не на кого надеяться.

С глухим стуком захлопнулась за ней дверь ее темницы, задвинулся засов, затихли шаги Спалатро, и наступила гробовая тишина, столь же гнетущая и грозная, как затишье перед бурей.

ГЛАВА IX

Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

В. Шекспир. Сонет 30

Скедони вернулся в дом в состоянии смятения, с которым не могла совладать даже его железная воля. По дороге он встретил Спалатро и, послав его за Эллиной, не велел его беспокоить, пока он сам его не позовет.

Войдя к себе, он запер дверь на ключ, хотя в доме, кроме него, никого не было. О, как бы ему хотелось так же запереть на ключ свою взбунтовавшуюся совесть! Он бессильно опустился на стул и оставался недвижимым, хотя в душе его бушевала буря. Совесть вступила в бесславный поединок с тщеславием, а последнее, в свою очередь, — с пренебрежением к себе за проявленную слабость и малодушие.

Он не знал себя таким, каким его сделали теперь обстоятельства, не находил объяснения своим поступкам, той противоречивости и непоследовательности, которые в себе обнаружил в эти последние минуты. И все же он не терял надежды, что его воля и разум восторжествуют над случайным смятением и он спокойно и хладнокровно, дав себе оценку, совладает с собой.

Граф ди Маринелла, а таково было настоящее имя духовника маркизы, был отпрыском знатного рода в одном из небольших миланских графств, уцелевших в предгорьях Тирольских Альп после многочисленных войн в Италии. Доставшееся ему после смерти отца состояние было невелико, но юный Маринелла не испытывал желания приумножить его прилежным трудом. Он также не намеревался ограничивать себя в чем-то из-за бедности или терпеть ее унижения. Перед равными себе он просто в ней не признавался. А поскольку он не был от природы наделен щедростью души и чувств и не познал ни высоких дум, ни порывов благородства, он более всего был склонен ценить власть над людьми, независимо от ее последствий, и удовольствия жизни.

Когда источник его материальных благ иссяк, это не заставило его призадуматься. Продав часть родового поместья, он какое-то время довольствовался тем, что осталось, но, не умеющий мириться с необходимостью жить по средствам, юный Маринелла попытался восполнить утраченное не с помощью ума, а с помощью хитрости. Но ни хитрость, ни изворотливость не помогли ему, и, чтобы скрыть от друзей и соседей неблагоприятно изменившиеся обстоятельства своей жизни, он замкнулся и стал отшельником. Вскоре о нем все забыли.

Об этих годах его жизни мало известно. О нем заговорили лишь тогда, когда он появился в монастыре Святого Духа в Неаполе в одежде монаха и под именем Скедони. Его внешний облик изменился столь же неузнаваемо, как и его жизнь. Из веселого и бесшабашного он стал мрачным и суровым, былая гордость и жажда жизни уступили место смирению и самоограничению, нередко принимавшим форму обета молчания или жестокого ограничения в еде и духовного покаяния.

Его давний знакомый при случайной встрече узнал его лишь по взгляду, заставившему его, взглядевшись в черты лица монаха, с трудом признать в нем графа Маринеллу.

Встреча была столь нежелательна для последнего, что он всячески отрицал какое-либо их знакомство, но, когда были приведены неопровержимые доводы, Скедони был вынужден признаться. После этого друзья уединились и между ними состоялась беседа. О чем они говорили, осталось тайной, но результатом этой беседы была клятва, что в монастыре ничего не будет известно как об этой встрече, так и о прошлом Скедони. О последнем монах предупредил своего друга столь строгим и угрожающим тоном, что тот в страшном испуге поклялся молчать. Первое обещание он, судя по всему, выполнил, что касается второго, то узнать это не удалось, ибо после никто более не видел в Неаполе этого человека.

Скедони хотя и был тщеславен, но умел легко приспособливаться к взглядам и предрассудкам окружавших его людей и вскоре стал одним из самых истовых поборников веры и своего рода примером самоограничения и жестокой дисциплины. Его приводили в пример новичкам в монастыре, которые смотрели на него с почтением, хотя следовать его примеру не спешили.

Этими панегириками в адрес Скедони дружба монахов с ним и ограничивалась. Они предпочитали восхвалять его бдения, но не подражать им. В большинстве своем братья боялись его, а многие даже ненавидели за гордыню и мрачность характера. Одних же пустых похвал Скедони было недостаточно.

Он провел в их обществе немало лет, но так и не достиг высшего сана, в то время как люди, с его точки зрения, ничтожные добивались этого. Слишком поздно он понял, что никогда не дождется в своем монастыре достойного признания. Тогда он решил искать другие пути. Он был в течение уже нескольких лет духовником маркизы ди Вивальди, но лишь совсем недавно поведение ее сына дало ему надежду завоевать особое доверие маркизы и стать полезным и незаменимым ее советником.

Он неизменно изучал характер, привычки и особенности людей, с которыми общался, что позволяло ему в нужное время извлекать из этого пользу. Обеспокоенная поведением сына, маркиза ди Вивальди была предметом его особого интереса и внимания. Узнав ее как женщину сильной воли и страстей, однако отнюдь не очень умную, проницательную или дальновидную, он решил умело потворствовать хотя бы одной из ее страстей или какому-либо из предрассудков, чтобы впоследствии, когда придет час, воспользоваться этим для обеспечения своего будущего.

В итоге он вскоре завоевал ее полное доверие и стал столь необходим, что мог уже умело внушать ей свои мысли и убеждения. Так, ему удалось подготовить ее к мысли, что он давно заслуживает одного из постов в церкви, о котором он давно мечтал. Вскоре маркиза сама предложила ему свою поддержку и хлопоты. Она же, в свою очередь, воспользовалась этим и попросила у Скедони совета в одном деликатном семейном деле. Речь шла о недостойном увлечении ее сына простолюдинкой.

Духовник и маркиза легко пришли к выводу, что только исчезновение очаровательной виновницы всех волнений маркизы может вернуть покой и согласие в семье ди Вивальди. Заточение в монастырь более не казалось маркизе достаточным, ибо ничто не могло удержать Винченцо от попыток вызволить оттуда свою возлюбленную. Поэтому требовались иные меры. Долго и терпеливо Скедони подводил маркизу к этой мысли и наконец добился успеха. Теперь ему предстояло сыграть главную роль в последнем акте этой драмы. Скедони сам должен был совершить жестокий акт возмездия, вернуть дому ди Вивальди честь и покой. А ему это сулило исполнение его заветной мечты о высоком церковном сане, да и позволяло отомстить дерзкому юнцу, унизившему его в храме. Однако странное смятение остановило руку Скедони в нужный момент, и он не совершил того, что должен был совершить. Теперь он снова спокоен и полон решимости. Эллена должна умереть сегодня же ночью. Через потайной ход, ведущий к морю, они со Спалатро вынесут ее тело и бросят в волны. Море примет и сохранит еще одну тайну.

Лучше было бы обойтись без крови, такая возможность у него была сегодня на берегу, когда Эллена потеряла сознание, но он упустил ее. Девушка уже подозревает, что ее хотели отравить, и вторая попытка не должна окончиться неудачей.

Спалатро был давним соучастником и доверенным лицом Скедони. Именно ему монах намеревался поручить главное — решить судьбу девушки. Этим он еще больше обретет власть над Спалатро и добьется его верности.

Была уже глубокая ночь, когда Скедони, все взвесив и обдумав, вызвал к себе Спалатро. Закрыв за собой дверь на ключ, как только тот вошел в его комнату, и приняв за чем-то другие меры предосторожности, хотя в доме, кроме запертой на верхнем этаже несчастной жертвы, никого не было, он поманил к себе пальцем Спалатро и, понизив голос, спросил:

— Ты слышал в ее комнате какие-либо звуки? Как ты думаешь, она уже спит?

— Я ничего не слышал, синьор, в этот последний час, — настороженно ответил удивленный Спалатро. — Я все время стоял у подножия лестницы, пока вы не позвали меня. Если бы она ходила по комнате, разошедшиеся половицы выдали бы ее. Старый пол совсем пришел в негодность.

— Тогда слушай меня внимательно, Спалатро, — сказал монах. — Я уже испытал тебя в деле и верю, что ты мне предан, иначе я бы не доверился тебе. Вспомни все, что я тебе говорил утром, и будь решителен и точен в своих действиях, каким ты был всегда.

Спалатро мрачно внимал его словам.

— Сейчас ночь, ступай в ее комнату, она давно уже спит. Вот, возьми это, — он протянул ему кинжал и темный плащ. — Ты знаешь, что с ним делать.

Монах умолк, впившись пронзительным взглядом в Спалатро, который сосредоточенно вертел в руках кинжал, проверяя остроту клинка. Взгляд его был пуст и ничего не выражал, словно он не понимал, что от него требуют.

— Ты знаешь, что делать, — властным голосом повторил Скедони. — Поторапливайся. Рано утром я должен уехать отсюда.

Спалатро, однако, молчал.

— Скоро рассвет, — заметил Скедони, уже начав нервничать. — Ты боишься? Ты весь дрожишь? Неужели я ошибся в тебе?

Спалатро молча сунул кинжал за пазуху и, перекинув плащ через руку, медленно и неохотно поплелся к двери.

— Поторапливайся! — повторил Спалатро. — Не медли.

— Не могу сказать, синьор, чтобы это дело было мне по душе, — наконец угрюмо промолвил Спалатро. — Не понимаю, почему я должен делать больше всех, а получать меньше всех.

— Грязный негодяй! — воскликнул возмущенный Скедони. — Так ты еще, оказывается, недоволен?

— Не больший негодяй, чем вы, синьор, — вдруг грубо ответил Спалатро и в сердцах швырнул плащ на пол. — Мне всегда приходится выполнять за вас грязную работу, а награды-то получаете вы. Мне перепадают крохи, как всякому бедняку. Или сами делайте свою работу, или платите больше.

— Замолчи! — прикрикнул на него разъяренный монах. — Как ты смеешь унижать меня подобными речами? Я не продался за деньги. Ее смерть — это моя воля. А ты что просил, то и получишь.

— Мне этого мало, синьор, — возразил Спалатро. — Кроме того, работа мне не по душе. Что плохого мне сделала эта девушка? — вдруг неожиданно сказал он.

— С каких это пор ты стал моралистом? — язвительно заметил монах. — Надолго ли тебя хватит? Ты не впервые выполняешь такую работу. А те, другие, разве они сделали тебе плохое? Ты забыл, что я слишком много знаю о тебе, Спалатро.

— Нет, не забыл, синьор, — мрачно ответил тот. — Хотел бы, да не могу. С тех пор я потерял покой. Я вечно вижу эту окровавленную руку. По ночам, когда на море буря и дом ходит ходуном от ветра, все они являются ко мне, все, кого я оставил там на берегу. Они толпятся у моей постели. Чтобы спастись, я бегу из дому.

— Успокойся, Спалатро, хватит! — прикрикнул на него встревоженный монах. — Ты так сойдешь с ума от страха. Вот до чего довели тебя кошмары. Я думал, что имею дело с сильным мужчиной, а ты как дитя, напуганное рассказами няnek. Но я понимаю тебя и заплачу тебе больше. Ты останешься доволен.

Но Скедони на этот раз ошибся в этом человеке. Спалатро говорил правду. Возможно, красота и невинность девушки тронули зачерствевшую душу отпетого негодяя и убийцы. Или муки совести были слишком велики, но Спалатро наотрез отказался убить Эллину. Странное понятие совести было у этого бандита и не менее странная жалость, ибо, отказавшись совершить убийство, он тут же согласился ждать монаха у подножия лестницы,

чтобы помочь ему отнести тело убитой девушки на берег моря.

«Лишь сам дьявол способен на такую сделку вины с совестью», — про себя заключил Скедони, забыв, что несколько минут назад сам решился на не лучшую из сделок, пытаясь переложить на Спалатро то, что обещал маркизе сделать сам.

Спалатро, освобождаемый от роли палача, был теперь готов сносить любые попреки и оскорбления, которыми, не скупясь, осыпал его раздраженный Скедони. Монах напомнил своему помощнику, каким до нынешнего дня он был сговорчивым и что ему не мешает помнить о своей полной зависимости от Скедони. Спалатро вяло соглашался. Скедони, однако, слишком хорошо знал, чего может ему стоить строптивость, а еще хуже — откровенность этого негодяя.

— Верни мне кинжал, — наконец после долгих раздумий сказал монах. — А ты возьми плащ и жди меня у подножия лестницы, я тебя позову. Дай мне возможность снова поверить в твою храбрость.

Спалатро вернул ему кинжал и поднял с пола брошенный плащ.

Монах, подойдя к двери, повернул ручку. Дверь не открывалась.

— Нас заперли! — в испуге воскликнул он. — Кто-то проник в дом и запер нас.

— Вполне возможно, — насмешливо заметил Спалатро. — Однако я сам видел, как вы это сделали после того, как я вошел сюда.

— Ах да, верно, — смущенно согласился Скедони, устыдившись своей оплошности. — Ты прав.

Открыв дверь, он вышел в коридор и прислушался. В эту минуту злодей Скедони страшился даже своей незащитной пленницы. У подножия лестницы он остановился и снова прислушался.

— Ты слышишь что-нибудь? — шепотом спросил он следовавшего за ним Спалатро.

— Только шум прибоя, — ответил тот.

— Тише. Я что-то слышу, — предостерегающе остановил его Скедони. — Это голоса. Оба умолкли, напряженно вслушиваясь в тишину.

— Это призраки, синьор, я говорил вам о них, — не без ехидства заметил Спалатро.

— Дай мне кинжал.

Но Спалатро в эту минуту судорожно схватил его за руку. Скедони с удивлением увидел, как побледнело лицо Спалатро, а взгляд, устремленный в темноту коридора, остекленел от ужаса. Сам Скедони, посмотрев в конец коридора, ничего не заметил.

— Что испугало тебя так? — недовольно спросил он.

— Разве вы ничего не видите, синьор? — приходя в себя, пробормотал Спалатро и указал пальцем в темноту. Монах с удивлением смотрел то в конец коридора, то на дрожащий палец Спалатро. И хотя снова ничего не увидел, холодок настоящего страха пробежал по его спине.

— Хватит, Спалатро, успокойся, — наконец сказал монах, испытывая неловкость за собственный испуг. — Сейчас не время для таких шуток. Опомнись и возьми себя в руки.

Наконец Спалатро отвел взгляд от чего-то, видимого только ему одному в пустом коридоре.

— Я видел его так же ясно, как вижу сейчас вас, синьор, — пояснил он шепотом. — Он манил меня пальцем, своим окровавленным пальцем, а потом стал исчезать и растворился в темноте...

— Это выдумки, Спалатро, — успокоил его Скедони. — Тебе привиделось. Будь мужчиной, — добавил он, сам, однако, испытывая смутную тревогу.

— Выдумки, синьор? Я видел его страшную руку... Я вижу ее сейчас, вот она...

Скедони, встревоженный состоянием Спалатро, тщетно пытался различить что-либо в темноте. Конечно, там ничего не было, но он не в силах был успокоить Спалатро, которого, видимо, муки совести довели до галлюцинаций. Испугавшись, что крики Спалатро могут разбудить Эллену, он попытался увести его снова в свою комнату.

— Ничто теперь не заставит меня, синьор, пойти туда снова, — дрожа всем телом,

бормотал Спалатро, с опаской оглядываясь. — Призрак манил меня, он там...

Скедони больше всего боялся, что шум мог разбудить Эллену, а это осложнило бы его задачу. Он понимал, что ему не удастся заставить перепуганного Спалатро снова войти в коридор, где он видел призрак, но тут же вспомнил, что к комнате Эллены можно пройти через другое крыло дома.

Уговорив наконец Спалатро следовать за ним, монах открыл доселе всегда запертую половину дома и через дышащие холодом и запустением комнаты направился в нужную ему часть дома. Здесь, уже не опасаясь, что Эллена может их услышать, он отчитал своего спутника за трусость. Однако когда они достигли лестницы, ведущей к комнате Эллены, Спалатро отказался идти дальше и заявил, что не останется один ни в одной части этого проклятого дома. Скедони пришлось угостить его солидной порцией вина, чтобы тот наконец успокоился и согласился ему помогать. Сам монах тоже сделал глоток, но это мало ему помогло, волнение его только усилилось. Он даже забыл, что уже взял у Спалатро кинжал, и снова потребовал его, чем изрядно удивил своего помощника.

— Ведь я уже отдал вам его, синьор, — обиделся Спалатро.

— Да, я забыл, — смутился монах. — А теперь поднимайся по лестнице, да потише, не то разбудишь ее.

— Но вы сказали, что я должен ждать вас у подножия лестницы, синьор, пока вы... — испуганно возразил Спалатро.

— Хорошо, хорошо, — недовольно согласился Скедони и, повернувшись, стал один подниматься по лестнице, ведущей к потайному входу в комнату Эллены.

— Синьор, вы забыли лампу, — остановил его Спалатро. — У меня есть запасная.

Монах нервно выхватил у него лампу, но, вместо того чтобы продолжить свой подъем по лестнице, вдруг остановился, словно задумался.

— Свет может разбудить ее, — произнес он, словно размышляя вслух. — Лучше проделать все в темноте.

Но мысль, что в темноте он может промахнуться, остановила его, и он, не возвращая лампу, спустился снова вниз, чтобы еще раз наказать Спалатро, где ему ждать, и не шуметь, как только он даст сигнал.

— Я сделаю все, как прикажете, синьор, — успокоил его Спалатро. — Но обещайте, что позовете меня, когда все будет закончено.

— Обещаю, обещаю, — нетерпеливо ответил Скедони и теперь уже быстро поднялся по лестнице и остановился перед потайным ходом в комнату Эллены. За дверью было тихо, словно смерть уже опередила монаха.

Заржавевшая, давно не открывавшаяся дверь не поддавалась. Он испугался, что без шума ему не удастся ее открыть. В былые времена, надежно смазанная, она никогда не подводила. Наконец дверь поддалась, и он бесшумно проскользнул в комнату. Тишина успокоила его, он не потревожил сон девушки.

Прикрыв лампу ладонью, он окинул взглядом комнату и бесшумно приблизился к спящей. Услышав ее легкое дыхание, он осторожно осветил ее лицо. Несмотря на тени усталости и страданий и слезинки в уголках сомкнутых глаз, лицо девушки было спокойным. Вглядываясь в его черты, он вдруг заметил легкую улыбку, тронувшую губы, и в испуге отшатнулся.

«Она улыбается своему убийце! — в ужасе прошептал он. — Нельзя медлить».

Одной рукой держа лампу, прикрытую краем плаща, другой он стал торопливо доставать кинжал, но рука дрожала и пальцы неловко путались в складках одежды. Подобие недоброй гримасы искривило лицо Скедони. Наконец, достав кинжал, он вдруг заметил на шее девушки батистовую косынку, завязанную узлом, и с досадой подумал, что узел может помешать силе и точности удара.

В это время свет лампы, должно быть, помешал спящей, улыбка с ее лица исчезла, и выражение его изменилось. Девушка что-то прошептала во сне. Скедони, испугавшись, что разбудил ее, резко отпрянул и совсем закрыл лампу плащом.

Промедление оказалось роковым. Страх и неуверенность охватили монаха. «Неужели я не решусь сделать то, что задумал? Чего я медлю? — терзался он. — Не от этого ли зависит мое будущее? Ведь передо мной возлюбленная моего обидчика. Неужели я готов забыть то, что произошло в церкви Святого Духа?» Неприятные воспоминания вернули самообладание и уверенность, жажда мести придала силы, и рука монаха уверенно отодвинула край косынки на груди девушки и занесла кинжал. Но взгляд его упал на медальон, спрятанный под косынкой, и уже иное чувство остановило руку Скедони. Он оцепенел, дыхание остановилось, холодный пот покрыл его лоб. Это длилось всего мгновение, и он наконец снова пришел в себя. Склонившись, он впился глазами в миниатюру, вправленную в медальон. Ужасная правда открылась ему, и кинжал выпал из его рук. Более не раздумывая, он стал будить Эллену.

— Проснитесь, да проснитесь же! — громко выкрикивал он, тормоша девушку.

Бедная Эллена, разбуженная его криками и толчками, увидев бледный свет лампы и искаженное лицо монаха, похолодела от ужаса. Когда же ее взгляд упал на брошенный на край матраса кинжал, она все поняла и упала к ногам Скедони.

— О, пощадите, святой отец, смилуйтесь надо мной! — дрожащим голосом пролепетала бедняжка.

— Отец?! — в отчаянии воскликнул монах, но, опомнившись, взял себя в руки. — Что напугало вас, дитя мое? — промолвил он почти спокойно. Казалось, он уже забыл о своем злодейском намерении, и иные чувства владели им, толкая на иные действия.

— Смилуйтесь, святой отец, проявите милосердие... — продолжала умолять его бедная девушка.

Но монаха жгло нетерпение, его мысли были о другом, столь главном для него, что он даже не замечал испуга девушки.

— Чей это медальон? — нетерпеливо одернул он ее. — И чей портрет?

— Какой портрет? — в недоумении спросила ничего не понимающая Эллена.

— Откуда он у вас? Говорите!

— Зачем он вам, святой отец? — взмолилась совсем ничего не понимающая Эллена.

— Отвечайте! — все больше терял над собой контроль Скедони.

— Я не расстанусь с ним, святой отец! — осмелев, воскликнула Эллена и прижала медальон к груди. — Зачем он вам?

— Почему вы не отвечаете на мой вопрос? Страх лишил вас языка? — воскликнул в волнении Скедони и, поняв, что выдает себя, отвернул лицо. Но через мгновение в нетерпении он схватил Эллену за руку и повторил свой вопрос. В голосе его было отчаяние.

— Того, кто на портрете, увы, уже нет в живых, — прошептала Эллена и, вырвав руку, расплакалась.

— Вы лукавите, — рассердился Скедони и окинул ее недобрым взглядом. — Я снова спрашиваю вас, чей это портрет?

Эллена, взяв в руки медальон, посмотрела на него долгим печальным взглядом и поднесла к губам.

— Это мой отец, — тихо промолвила она.

— Ваш отец? — глухо произнес монах и отвернулся, словно не выдержал ее взгляда.

Это поразило Эллену.

— Я не знала отцовской заботы, — промолвила она. — Лишь теперь я понимаю, как не хватает мне ее...

— Его имя? — нетерпеливо снова прервал ее монах.

— Теперь, когда... — попыталась продолжить Эллена, — когда, кроме вас, мне некому помочь, святой отец...

— Его имя! — грозно повторил монах.

— Это тайна, он был несчастлив... — попыталась возразить Эллена.

— Имя!

— Я дала клятву хранить его тайну... — защищалась, как могла, Эллена.

— Если вы дорожите своей жизнью, назовите имя! Помните, жизнью!..

Робкие попытки девушки сохранить семейную тайну не увенчались успехом. Монах был настойчив, он был на грани исступления, и бедная девушка испытывала смертельный страх.

— Хорошо, — наконец уступила она. — Его имя — Маринелла.

Из груди монаха вырвался стон. Он поспешно отвернулся и отошел. Но растерянность его была недолгой. Вернувшись к девушке, он помог ей встать с колен и, не дав опомниться, снова забросал вопросами:

— Откуда он родом?

— Это далеко отсюда, — уклончиво ответила настороженная его поведением Эллена.

Но он заставил ее рассказать все, что она знала об отце. Выслушав, монах, тяжело вздохнув, отошел от нее и заходил по комнате. Теперь он молчал, а вопросы задавала почти успокоившаяся Эллена. Она хотела знать причину его пристального любопытства к ее отцу. Скедони, однако, не собирался отвечать и сделал вид, что не слышит ее. Еще ниже опустив голову, он нервными шагами мерил комнату.

Страх Эллены давно уступил место живому любопытству. Ей показалось, что во взглядах монаха, которые он изредка бросал на нее, появилось что-то новое, и она готова была поручиться, что заметила слезинки, блеснувшие в его глазах. Несмотря на все ее попытки разговорить его, он упорно отмалчивался. Напряжение нарастало, и Скедони не выдержал. Эллена с удивлением и испугом услышала глухие рыдания. Еще более неожиданным для нее было то, что монах вдруг подошел к ней и, опустившись на край матраса, взял ее за руку. Девушка непроизвольно отшатнулась и попыталась отнять руку, но сдавленный голос монаха остановил ее.

— Бедное дитя, — тихо промолвил он. — Перед тобою твой несчастный отец. — Монах еще ниже опустил капюшон на лицо и горестно поник перед ней.

— Отец? — не веря его словам, воскликнула девушка. — Вы — мой отец?

Скедони ответил не сразу.

— Не смотрите так на меня, дитя мое, — произнес он наконец дрожащим от волнения голосом. — Я читаю осуждение в вашем взоре.

— Осуждение? Почему, святой отец? — встрепелась Эллена, испытывая внезапную симпатию к этому загадочному монаху. — Почему я должна осуждать вас?

— Почему? — горестно простонал Скедони. — О Боже милосердный, ты слышишь ее?!

Он стремительно вскочил, задев кинжал, скользящий на пол. Вид кинжала, очевидно, причинил ему нестерпимую боль, ибо он с силой отшвырнул его в дальний угол. Он проделал все это так быстро, что Эллена ничего не заметила, кроме возросшего волнения Скедони, который снова заметался по комнате.

Голосом, полным сострадания, девушка наконец осмелилась спросить его, что сделало его таким несчастным.

Монах замер от неожиданности и долго и пытливо смотрел на нее. Наконец, вздрогнув, как от удара, он пришел в себя и снова зашагал по комнате.

— Почему в вашем взгляде жалость, святой отец? — встревоженно спросила Эллена. — Что причиняет вам страдания? Откройтесь мне, облегчите свою душу. — Голос девушки был полон искреннего сострадания.

Скедони, не выдержав ее взгляда, бросился к ней и прижал ее к своей груди. Эллена, ощутив на своих щеках слезы этого измученного страданиями человека, сама не зная почему, тоже разрыдалась. Скедони не спешил открывать ей тайну своих терзаний, а Эллена, чувствуя это, продолжала испытывать к нему настороженность и недоверие. Поэтому она поспешила освободиться из его объятий. Это смутило и огорчило Скедони, столь неожиданно даже для себя выдавшего степень своего волнения.

— Вы не верите мне, — печально произнес он. — Не верите в мои отцовские чувства.

— Постарайтесь понять меня, — смущенно оправдывалась Эллена. — Я никогда не знала своего отца.

Руки Скедони опустились, он молча смотрел на девушку.

— Бедняжка, — наконец промолвил он. — Вы не представляете, какая жестокая правда в ваших словах. Доселе вы были лишены отцовской заботы и ласки.

Лицо Скедони снова помрачнело, и он отошел от нее. Эллена была напугана столь разительной сменой чувств, владевших этим человеком. Не будучи в силах добиться от него объяснения, что так тревожило его, она в поисках ответа невольно обратилась к миниатюрному портрету на медальоне, ища в нем сходство с нынешним Скедони.

Между ними лежала пропасть прожитых лет. С миниатюры на нее смотрел пригожий молодой мужчина с улыбкой скорее победоносной, чем доброжелательной, и с выражением в глазах, говорящим более о высокомерии, чем о достоинстве.

Лицо Скедони, измененное годами, было мрачным и суровым, скрываемые чувства и желания наложили на него неизгладимую печать. Казалось, со времени создания портрета оно более не знало улыбки. Художник, как бы пророчески предвидя это, постарался навсегда запечатлеть на миниатюре эту торжественную улыбку.

И хотя несходство Скедони с портретом было слишком велико, одна черта роднила их — надменная гордость во взгляде. Но этого было недостаточно Эллене, чтобы окончательно убедиться, что перед ней ее отец.

В сумятице всех этих чувств она совсем забыла о главном, что так и оставалось для нее загадкой, — почему и как проник Скедони в ее комнату среди ночи, если, конечно, исключить как причину его предполагаемое отцовство. Теперь, когда она немного успокоилась, а выражение лица Скедони более не казалось ей столь отпугивающим, как прежде, она отважилась наконец задать ему этот вопрос.

— Уже далеко за полночь, святой отец, и вам должно быть понятно мое желание узнать истинную причину вашего появления здесь в столь поздний час.

Но, как и прежде, Скедони ничего не ответил.

— Вы пришли, чтобы предупредить меня об опасности, не так ли? — настаивала Эллена. — Вам стали известны недобрые намерения Спалатро? Скажите же мне, святой отец! Когда я просила у вас помощи на берегу, вы, должно быть, еще не знали, что моя жизнь в опасности, иначе бы вы...

— Это так, — резко прервал ее Скедони. — Но не будем снова говорить об этом.

Ответ удивил Эллену. Ведь она впервые задала ему этот вопрос. Но, увидев, как снова помрачнело его лицо, она не решилась более настаивать.

Воцарилась долгая пауза. Скедони продолжал ходить по комнате, но временами останавливался и пристально, с каким-то отчаянием в глазах вглядывался в лицо Эллены. Она же, отказавшись более досажать ему вопросами, все же робко попросила привести еще какие-нибудь доводы, подтверждающие их родство.

К ее удивлению, Скедони охотно откликнулся, и наконец, когда оба они относительно успокоились, он рассказал ей немало подробностей из жизни их семьи, которые во многом подтверждали то, что она узнала от покойной тетушки. Это убедило Эллену в том, что монах говорил ей правду. Но факты, которых он касался, все больше относились к тем периодам его жизни, когда он совершил немало ошибок, и Скедони был предельно краток и осторожен в своих рассказах. Его душа по-прежнему жаждала одиночества, он не готов был к откровениям и поискам доказательств, ибо не сомневался, что Эллена его дочь. Поэтому он предпочел от воспоминаний поскорее перейти к действительности. Эллене более нельзя оставаться в этом доме, решительно заявил он. Она должна немедленно вернуться домой, в Неаполь. Высказав ей все это, он вскоре покинул ее.

Внизу у лестницы его встретил заждавшийся Спалатро с плащом в руках, готовый выполнить свою часть работы.

— Все сделано? — сдавленным голосом прошептал он. — Я готов, синьор. — И с этими словами он сделал шаг, собираясь подняться в комнату Эллены.

— Стой, негодяй! — не выдержав, приглушенным голосом воскликнул Скедони, словно приходя в себя. — Если ты посмеешь войти в ее комнату, я прикончу тебя на месте!

— Как, вам одной жертвы уже мало, синьор! — в испуге воскликнул Спалатро, пятась назад. Вид Скедони поверг его в дрожь.

Но Скедони, словно тут же забыв о нем, быстро проследовал дальше.

Недоумевающему и испуганному Спалатро ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Скажите же, синьор, что делать дальше? — наконец спросил он, указав на плащ.

— Убирайся прочь! — грозно крикнул Скедони. — Оставь меня в покое.

— Вам не хватило смелости, синьор? Тогда позвольте мне сделать это за вас, хотя вы и называли меня презренным трусом.

— Изверг! Да как ты смеешь?

Скедони, более не владея собой, схватил Спалатро за горло, но в это же мгновение вспомнил, что сам совсем недавно толкал того на убийство Эллены. Отпустив Спалатро, он велел ему идти в свою комнату и ждать дальнейших распоряжений.

— Завтра... — сказал он, еле приходя в себя. — Я скажу тебе завтра, что надо делать. А то, что я хотел сделать этой ночью... Я передумал. Иди к себе.

Спалатро, сочтя себя оскорбленным, хотел было возразить, но грозный вид монаха остановил его.

Скедони, войдя в свою комнату, громко захлопнул дверь и дважды повернул ключ, словно этим отсекал от себя такое ничтожество, как Спалатро, к которому теперь испытывал откровенную неприязнь. Оставшись один, он почувствовал некоторое облегчение, однако, вспомнив, как Спалатро хвастливо заявил, что он не трус и готов закончить то, что не удалось сделать Скедони, не на шутку встревожился, как бы этот негодяй не подкрепил свои слова делом, и бросился вон из комнаты. Предчувствие не обмануло его. Спалатро не ушел к себе, а продолжал стоять в коридоре. Услышав шаги Скедони, он обернулся, и в глазах его было ожидание приказаний хозяина. Когда их не последовало, он наконец молча скрылся в своей комнате. Встревоженный Скедони для пущей верности запер его дверь на ключ, поднялся наверх, какое-то время постоял, прислушиваясь, у двери Эллены. В комнате было тихо.

Наконец он вернулся к себе, но не в поисках сна и покоя, а чтобы еще раз пережить все, что произошло с ним в эти короткие мгновения. Терзаясь, стыдясь и поражаясь, он заглядывал в свою душу, словно в бездну, на краю которой ему удалось удержаться. Но она продолжала манить его, и он не в силах был отвести от нее глаз.

ГЛАВА X

Их путь пролег по тропам бора,
Ужас наводящим,
Где одиноких путников страшит
Лесов кивающая тень.

Эллена, когда Скедони ушел, долго перебирала в памяти подробности того, что он рассказал о ее семье. Невольно сопоставляя их с тем, что слышала от покойной тетушки, она убеждалась, что не находит в них особых противоречий. И все же она слишком мало знала о себе, чтобы понять, почему тетушка умолчала о многом, что успел ей поведать Скедони. От синьоры Бианки ей было известно, что ее мать вышла замуж за миланского аристократа из графского рода Маринелла. Брак был несчастлив, и Эллена в младенчестве, еще при жизни матери, была отдана на воспитание своей тетушке, синьоре Бианки, единственной сестре графини Маринелла. Сама Эллена не помнила, как это произошло, не осталось у нее воспоминаний и о матери. Любовь и ласка, которой окружила ее тетушка, стерли из памяти все печали и утраты раннего детства. Эллена вспомнила, как, случайно найдя в ящике

комода тетушкин медальон, впервые узнала имя своего отца. На ее расспросы, почему его имя держат ото всех в тайне, тетушка тогда объяснила его недостойным поступком, навлекшим позор на семью. Ничего, кроме того, что ее отец давно умер, тетушка более не сообщила ей. О медальоне же сказала, что нашла его в вещах матери Эллены после ее смерти. Она собиралась передать его Эллине и поведать обо всем, как только придет время и ей можно будет рассказать семейную тайну. Это все, что сочла нужным передать ей тетушка. Правда, умирая, она мучительно пыталась еще что-то сказать ей, но не успела.

И хотя почти все, кроме слухов о смерти отца, в рассказах монаха о покойной тетушке совпадало, Эллена не могла избавиться от сомнений.

Скедони, казалось, ничуть не расстроило, что девушка считает своего отца умершим, однако, когда Эллена спросила его, жива ли ее мать, монах снова пришел в неопишное волнение. Эллине невольно вспомнились скупые слова тетушки о несмываемом позоре, легшем темным пятном на имя отца.

Понемногу успокаиваясь и приходя в себя, она снова и снова возвращалась к тревожившей ее мысли: почему Скедони появился в ее комнате глубокой ночью, когда она уже спала? Эта мысль напомнила ей об их внезапной встрече на берегу, когда она заподозрила в нем подручного ненавистной маркизы. Теперь она гнала от себя эти подозрения, ибо ей хотелось верить, что Скедони, согласившись выполнить волю маркизы и разлучить Винченцо с его возлюбленной, не подозревал, что речь идет об Эллине, его дочери. Здесь же, узнав от ее похитителей или же от Спалатро обстоятельства ее похищения, а затем увидев ее, он стал мучиться догадками и, чтобы проверить их, решился навестить ее в столь поздний час.

Так, утешая себя подобными предположениями, она вдруг заметила на полу видневшийся из-под края полога кинжал. Подняв его, она с ужасом осматривала зловещее орудие убийства, и страшные подозрения об истинной цели визита Скедони более уже не вызвали у нее сомнений. Но так длилось лишь мгновение, подозрения были слишком ужасны, и бедняжка снова была готова поверить, что убийство замышлял разбойник Спалатро, а монах ее спас. Проведав о злых кознях Спалатро, он поспешил к ней на помощь и тут неожиданно узнал, что спас от смерти собственную дочь. При этой мысли слезы благодарности выступили на глазах измученной Эллены, и сердце вдруг забилося ровно и спокойно.

Скедони тем временем, запершись у себя, предавался иного рода раздумьям, однако не менее мучительным. Преследуя Эллину по злему наущению маркизы, он, оказывается, преследовал собственное дитя и этим готовил тяжкие страдания не только невинному созданию, но и себе. Каждый шаг, который, казалось, должен был приблизить его к исполнению заветных желаний, был губителен для него самого. Пытаясь предотвратить брак Винченцо ди Вивальди с Эллиной в угоду маркизе, он посягал на собственную судьбу. Родство с известнейшим семейством ди Вивальди могло быть лишь пределом его возможных мечтаний и не шло ни в какое сравнение с его жалкими попытками добиться с помощью маркизы какого-то сана. Таким образом, все преступления волею судьбы обращались против него.

Скедони прекрасно понимал, какие непреодолимые трудности ждут молодых людей, прежде чем они смогут сочетаться браком, но теперь он готов был помогать им с тем же рвением, с каким прежде мешал им. Необходимо, разумеется, добиться согласия маркизы, от которой многое зависело, ибо, если брак будет заключен без ее согласия, Скедони едва ли может рассчитывать на дальнейшую благосклонность маркизы. Он почему-то был уверен, что ему удастся склонить маркизу дать свое согласие на брак, хотя для этого потребуется время. Чтобы не откладывать бракосочетание, он, пожалуй, даже был готов пренебречь чувствами маркизы. Если маркиза проявит упрямство, он сам соединит руки молодых, а ей недвусмысленно даст понять, что слишком много ее мрачных секретов ему известно. Пожалуй, теперь ему казалось, что согласие маркизы не так уж важно.

Первым шагом в осуществлении его планов должно стать освобождение Винченцо из

рук инквизиции, в казематы которой он сам его заточил. Он знал, что неявка на суд инквизиции лица, выдвинувшего обвинение, даст подследственному право требовать своего освобождения. Кроме того, Скедони надеялся, что может похлопотать об освобождении Винченцо, если обратится к одному влиятельному лицу в Неаполе, имеющему связи с римским Верховным судом инквизиции. Сколь ненадежны были эти упования, время вскоре покажет Скедони. Теперь же, строя планы, как добиться свободы для молодого ди Вивальди, он беспокоился прежде всего о самом себе. Он со страхом думал, что тот, оказавшись на свободе, немедленно начнет поиски Эллены, и тогда все откроется. К этому времени он должен надежно спрятать Эллену по крайней мере на несколько недель. Попытки инквизиции и заточение должны на какое-то время притупить чувства Винченцо к Эллине, и он не сразу начнет ее разыскивать.

Скедони не забыл оскорблений, нанесенных ему юношей в церкви Святого Духа, и это тоже играло немалую роль в том, что он не спешил благоприятствовать скорейшей его встрече с Эллиной. К тому же ему нужно было время. Он собирался все устроить так, чтобы еще больше обязать маркизу и заставить ее считать Скедони спасителем ее сына от рук инквизиции, а не лицом, повинным в лживом и коварном доносе.

Для того чтобы отдать Винченцо в руки инквизиции, Скедони достаточно было написать анонимный донос и точно указать местопребывание обвиняемого. Что он и сделал. А теперь, не явившись на суд, он даст шанс Винченцо быть отпущенным, а если он еще похлопочет о нем в Неаполе, то у маркизы и самого Винченцо не будет никаких оснований считать его причастным к тому, что постигло юношу.

В успехе своего плана он отводил немалую роль помощи видного лица из Неаполя, с которым имел возможность уже встречаться. Именно в одну из таких встреч ему удалось познакомиться с официальным текстом ордера на арест тех, кого подозревали в ереси. Обладая отличной памятью, он запомнил текст дословно. В сущности, тогда-то и родился план наиболее быстрого и легкого устранения Винченцо на продолжительное время. Скедони сам сочинил приказ об его аресте, произведший такое сильное впечатление на старого священника, доселе никогда не видевшего документа инквизиции. План удался. Винченцо был арестован и передан в руки инквизиции, Эллена похищена и увезена на глухое побережье Адриатики. Теперь же его хитроумный план грозил повернуться против него самого и требовал от него новых и решительных действий.

Первой его заботой было отвезти Эллену в Неаполь. Не собираясь никому, кроме Эллены, открывать сейчас тайну своего отцовства, он, однако, не мог сопровождать Эллену в одежде монаха и не решался поручить это кому-либо другому. Время торопило его, и он не мог более оставаться здесь, так же как и Эллена. Скедони с тревогой смотрел на брезжащий рассвет в окне.

Наконец решение было принято: он сам будет сопровождать Эллену через густые леса предгорий и в первом же городке сменит монашескую рясу на платье горожанина. А затем благополучно доставит Эллену в Неаполь или же в один из монастырей в его окрестностях.

Приняв это решение, он, однако, не успокоился и не пожелал отдохнуть. Его нечистая совесть не давала ему покоя. Теперь его мучила мысль, что Эллена могла догадаться об истинной цели его ночного визита. Он мысленно перебирал варианты того, что скажет ей, если его опасения оправдаются, и как убедит ее в своих добрых намерениях.

Близился час назначенного отъезда, а он все еще не решил, как объяснить все Эллине.

Однако он уже дал Спалатро распоряжение достать в рыбацком поселке лошадей и договориться с проводником. После этого он наконец поднялся к Эллине. Этот визит стоил ему усилий. Каждый шаг по коридору или лестнице напоминал ему об ужасной ночи. Но когда он наконец снял дрожащей рукой засов, открыл дверь и вошел в ее комнату, лицо его было строгим и спокойным, лишь голос мог выдать его волнение.

Эллена встретила его, как ему показалось, настороженно, но ее улыбка успокоила его, хотя и была всего лишь мимолетной, как слабый лучик, и тут же сменилась сосредоточенным вниманием в ее глазах.

Приближаясь к ней, он протянул руку, но тут его взгляд роковым образом упал на кинжал на краю матраса, и рука застыла в воздухе, лицо его переменялось.

Проследив его взгляд, Эллена все поняла и сама пошла ему навстречу.

— Да, кинжал, — понимающе воскликнула она. — Я нашла его этой ночью в моей комнате. О, отец!

— Кинжал? — с деланным удивлением спросил Скедони.

— Смотрите, — промолвила взволнованная девушка, взяв кинжал в руку и протягивая его ему. — Может, вы знаете, чей он и кто его принес?

— Что вы хотите сказать? — выдал свое волнение Скедони.

— Зачем он здесь? — печально спросила Эллена, заглядывая ему в глаза.

Скедони не знал, что ей ответить, и неловко попытался взять у нее кинжал.

— Вы должны знать, отец, зачем он здесь, — продолжала Эллена. — Пока я спала...

— Дайте мне этот кинжал, — наконец перебил ее Скедони дрожащим голосом.

— Да, мой отец, я отдам его вам в знак моей благодарности, — ответила девушка, подняв на него глаза, полные слез. Увидев его напряженное, испуганное лицо, она снова ласково улыбнулась. — Разве вы не примете его от дочери, которую спасли от рук убийцы?

Лицо Скедони потемнело. Взяв из ее рук кинжал, он с яростью швырнул его в дальний угол. Его гнев испугал Эллену.

— Не надо скрывать правду от меня, — тихо промолвила она и расплакалась. — Я всем обязана вашей доброте, я все знаю...

Последние слова вывели Скедони из оцепенения, по лицу его пробежала судорога, глаза сверкнули.

— Что знаете? — произнес он сдавленным голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Я знаю, что обязана вам своей жизнью, отец, — поспешно успокоила его Эллена, напуганная его странным поведением. — Вчера ночью, когда я спала, убийца проник в мою комнату. Этот кинжал был в его руках, но вы...

Приглушенный стон, вырвавшийся из груди монаха, остановил Эллену. Она с испугом смотрела на его искаженное лицо и закатившиеся глаза. Но, решив, что его охватил праведный гнев против убийцы, взволнованно продолжала:

— Почему вы скрываете от меня, что мне грозит опасность? Ведь вы спасли меня. Не лишайте меня счастья пролить слезы благодарности на вашей груди, отец. Пока я спала, убийца собирался нанести свой роковой удар, но ваше появление спасло меня. О, я никогда этого не забуду!..

И Эллена опустилась перед ним на колени.

Лицо Скедони снова изменилось, и на смену гневу пришли волнение и растерянность.

— Не говорите более об этом, — дрожащим голосом произнес он и помог Эллене подняться.

Однако он не обнял ее, как она ожидала, а тут же отошел и беспокойно заходил по комнате. Это удивило Эллену, но она снова все объяснила пережитым страхом отца за жизнь своей дочери.

Скедони, для которого благодарность Эллены была подобна удару кинжала, не в силах был справиться с тем, что творилось в его душе, и, казалось, совсем забыл об Эллене. Лишь ее голос снова вернул его к действительности. Она пыталась успокоить его, говорила, что он должен радоваться, ведь она осталась жива, и не мучить себя уже минувшими страхами и гневом. Ее слова как будто успокоили его, и он, попросив ее готовиться к отъезду, вскоре покинул ее комнату.

Скедони действительно не терпелось поскорее оставить позади это проклятое место и поскорее позабыть, что здесь произошло, но мысль о том, что он должен будет выслушать слова благодарности Эллены, была ему невыносима. Порой мелькала мысль, что было бы лучше уже сейчас во всем сознаться, но страх и благоразумие удерживали его.

Вернулся Спалатро, доставший лошадей, но без проводника. Никто из жителей

побережья не решился пускаться в такой дальний и трудный путь через дремучие леса. Спалатро ничего не оставалось, как предложить свои услуги.

Скедони, как он ни хотел поскорее избавиться от этого бандита, тем не менее пришлось согласиться, хотя прежнего доверия к напарнику у него уже не было. Однако он решил на всякий случай иметь при себе оружие и позаботиться о том, чтобы у Спалатро его не было. В любом случае, утешал он себя, в силе и ловкости он превосходит этого жалкого негодяя.

Когда все было готово к отъезду, Скедони пригласил Эллену разделить с ним завтрак. Обрадованная его спокойным видом, девушка с благодарностью приняла приглашение.

Во дворе их уже ждали, и, увидев возле них Спалатро, Эллена в испуге схватила монаха за руку.

— Вид этого человека наводит на меня ужас, — прошептала она. — Когда он здесь, я не чувствую себя в безопасности даже в вашем присутствии, отец.

Скедони промолчал, но, когда Эллена повторила свои опасения, он подтолкнул ее вперед и тихо шепнул:

— Вам нечего бояться его. Надо спешить, время не ждет.

— Разве он не убийца, от которого вы спасли меня, отец? — в недоумении воскликнула Эллена. — Вы щадите меня и поэтому не хотите сказать правду.

— Что из того? — как-то неопределенно ответил Скедони и велел Спалатро подвести лошадей.

Вскоре они тронулись в путь, и ужасный дом на суровом берегу остался позади. Эллена не раз бросала прощальные взгляды на серые стены и башни этого негостеприимного жилища, испытывая смесь страха, облегчения и даже благодарности.

Присутствие Спалатро омрачало радость отъезда, и беспокойный взгляд Эллены не раз вопрошающе останавливался на лице Скедони, но тот избегал любых разговоров о человеке, вид которого тоже не радовал его. Он твердо решил при первой же возможности избавиться от Спалатро.

Эллена старалась держаться поближе к Скедони и, хотя не получила от него ответа на свои молчаливые вопросы, тем не менее постепенно успокоилась, решив, что если он взял в проводники Спалатро, то, следовательно, доверяет ему. Однако чем больше она смотрела на угрюмое и недоброе лицо этого человека, тем больше проникалась к нему недоверием.

Скедони был молчалив и задумчив. Молчал и Спалатро. Не зная планов монаха, он решил быть начеку и блюсти свои интересы прежде всего, а в случае чего свести свои счета со Скедони.

Среди мыслей, осаждавших Скедони, была одна, немало тревожившая его. Удастся ли ему в Неаполе устроить Эллену, не раскрывая тайну своего отцовства? Он менее всего хотел сделать это в спешке, не подготовившись, отлично зная тех людей, от которых впоследствии может зависеть его дальнейшая судьба. Лицо его то и дело темнело и меняло выражение, и обеспокоенной Эллене, не без тревоги следившей за ним, он снова казался чужим и так испугавшим ее монахом, который неожиданно возник перед ней на пустынном берегу.

А Скедони уже думал о том, как поведет себя маркиза в столь резко изменившихся обстоятельствах и удастся ли ему уговорить ее быть благосклонной к Эллене. Ведь до ее замужества бедной девушке следует скрывать свое происхождение. Удастся ли это сделать? При всех условиях он должен сообщить маркизе, что, по его сведениям, Эллена происходит из знатной семьи и во всех отношениях достойна быть женой Винченцо ди Вивальди.

Монах одинаково ждал и страшился встречи с маркизой. Он содрогался при мысли, что должен снова увидаться с женщиной, которая побудила его посягнуть на жизнь собственной дочери, он боялся разговоров с ней и того, что последует, когда она узнает, что он не выполнил ее волю и Эллена жива. Ее упрекам он даже не сможет противопоставить праведный гнев отца, внезапно узнавшего, что жертвой жестокого преступления могло оказаться его собственное дитя! Он вынужден будет смиренно и покорно принять все, что она скажет, и это будет не менее трудно, чем выслушивать благодарности Эллены. Выдержит ли он это? Холодный и хитрый политик, Скедони на этот раз, чтобы избежать

этого унижения, готов был помочь молодым людям обвенчаться тайно, без согласия маркизы. Его гордость никогда еще не подвергалась такому испытанию, и никогда еще он не готовил себя столь сознательно к необходимости неизбежного уничтожения.

Путники ехали молча, и это дало Эллине возможность полностью предаться воспоминаниям о ее возлюбленном. Она с тревогой думала теперь о том, как скажутся на их отношениях последние перемены в ее жизни. Скедони, она полагала, не будет возражать против ее брака с Винченцо, хотя, возможно, не согласится, чтобы они венчались тайно. Мысль о том, что теперь у семейства Вивальди не будет оснований упрекнуть ее в низком происхождении, вселяла надежду и успокаивала.

Полагая, что Скедони знает что-то о судьбе Винченцо, она не раз порывалась спросить его, но не решалась. Знай она, что ее возлюбленный в казематах инквизиции, она не была бы столь деликатна. Но бедная девушка продолжала верить, что, разлучив их в церкви, Винченцо непременно увезут куда-нибудь в далекое фамильное поместье.

Но когда Скедони сам вдруг упомянул о молодом Вивальди, Эллена задала ему мучивший ее вопрос: что случилось с Винченцо?

— Да, мне известно о вашей привязанности, — уклончиво ответил монах, — и мне хотелось бы знать об этом больше. Как вы познакомились?

Эллена смутилась от неожиданности и, вместо того чтобы ответить, повторила свой вопрос.

— Где впервые вы увидели друг друга? — продолжал настаивать на своих вопросах Скедони.

Эллине ничего не оставалось, как рассказать о своей встрече с Винченцо в церкви Сан-Лоренцо. От дальнейших расспросов, к счастью, спас Спалатро, громко сообщивший, что они подъезжают к первому на их пути городку. Эллена сквозь поредевшие деревья увидела крыши домов, услышала лай собак.

Вскоре они въехали в небольшой, затерявшийся в лесах городок, поразивший их своей бедностью. Он явно не располагал к длительному отдыху, но тем не менее они должны были дать отдых себе и лошадям. Спалатро прямо направился к одному из убогих домишек, оказавшемуся постоянным двором, где их могло ждать некое подобие обеда. Внутри он был еще более грязным и убогим, так что Скедони предпочел перекусить за столиком под деревьями. Как только хозяин, принеся еду, удалился, Спалатро был отправлен разузнать о почтовых лошадях и купить Скедони светскую одежду, и они остались одни. Скедони снова погрузился в мрачное молчание. Эллена со страхом и недоумением бросала на него взгляды, не понимая, что с ним происходит.

Наконец, после затянувшейся паузы, он вдруг снова возобновил свои расспросы. Не смея возразить ему, Эллена начала свой рассказ, постаравшись сделать его как можно более кратким. Скедони слушал ее не перебивая. Каким бы желанным ни казался ему брак этих двух юных существ, он все же не высказал своего немедленного одобрения, поскольку знал, где находится сейчас Винченцо. Эллине же его молчание показалось обнадеживающим, и, уверенная в его понимании, она, более не страшась, спросила, кто повинен в аресте Винченцо и где он сейчас.

Коварный монах предпочел, однако, утаить правду и сделал вид, что ничего не знает о том, что произошло в церкви бенедиктинцев в Челано. Он всего лишь высказал предположение, что маркиза, вознамерившись их разлучить, решила заточить не только Эллину, но и своего сына.

— А вы, святой отец? — воскликнула недоумевающая Эллена. — Что привело вас в этот дом на побережье, ставший моей темницей? Вы знали о замыслах маркизы? Какой случай привел вас сюда, когда мне грозила опасность, чтобы спасти меня?

— Знал ли я о замыслах маркизы? — рассердился Скедони. — Неужели вы полагаете, что я ее сообщник, что помогал ей в этом ужасном деле?.. — Тут, неожиданно растерявшись, монах умолк.

— Вы сказали, что она решила всего лишь заточить меня, — заметила совсем

обескураженная его странным поведением Эллена. — Разве это не жестоко? Но, увы, отец, я знаю, она готовила мне куда более страшное наказание. И у вас были основания подозревать это. Зачем же вы убеждаете меня в том, что она собиралась лишь заточить меня? Разве не беспокойство обо мне привело вас сюда?..

— И поэтому вы считаете, что я был осведомлен о планах маркизы? Повторяю, я не являюсь поверенным в ее тайнах. Мог ли я знать, что она замышляет нечто большее, чем заточение?

— А разве вы не спасли меня от рук убийцы? — мягко спросила девушка. — Не вы ли вырвали у него занесенный надо мной кинжал?

— Я все забыл, забыл, — пролепетал вконец растерявшийся монах.

— О, благородные люди всегда забывают о том добре, которое совершают, — с облегчением вздохнула Эллена, успокаивая его. — Но поверьте, святой отец, благодарные сердца все помнят...

— Хватит благодарностей, прошу, — нетерпеливо прервал ее Скедони. — Пусть отныне благодарностью будет молчание.

Он быстро поднялся и ушел к хозяину, появившемуся в дверях. Скедони решил немедленно избавиться от Спалатро и поэтому попросил хозяина постоянного двора посоветовать ему, как найти проводника. Им предстояло проделать долгий путь через леса. Здесь, пожалуй, каждый согласился бы быть проводником, но хозяин особенно советовал своего соседа, с которым обещал поговорить. Тем временем вернулся мало преуспевший Спалатро. Ему не удалось достать подходящее платье для Скедони, и тому предстояло продолжить путь в сутане монаха до следующего городка. Пока это мало тревожило Скедони. В этой глуши ему ничего не грозило.

Вскоре хозяин вернулся со своим соседом. Побеседовав с ним, Скедони нанял его и велел Спалатро возвращаться назад. Тот был явно недоволен и затаил еще большую неприязнь, но Скедони даже не заметил этого, так он был рад освободиться от него. Однако от Эллены, когда Спалатро проходил мимо, не ускользнуло злобное выражение его лица. Она была рада, что больше не увидит этого человека, приводящего ее в такой ужас.

Было уже за полдень, когда они снова тронулись в путь. Скедони рассчитывал, что они засветло достигнут соседнего городка, где и заночуют. Теперь их путь лежал через места не столь дикие, как прежде. Горы расступились, леса поредели, встречались обширные поляны и голубые просторы неба. Под тенью платанов, дуба и ореха блестели горные ручьи.

Сменившиеся картины природы веселили душу Эллены. Мрачный Скедони ничего не замечал. Он был по-прежнему молчалив, иногда лишь обращался с каким-нибудь вопросом к проводнику, чьи словоохотливые ответы раздражали его. Проводник действительно оказался говорлив и добродушен, все время рассказывал всякие страшные истории об этих лесах, которые случались с путниками, отважившимися ездить здесь без проводников. Скедони, казалось, не слушал его, а вот на Эллену, хотя и мало верившую в них, эти истории произвели впечатление. Она невольно пугалась, когда густел лес, исчезали лужайки и внезапно в чаще начинали особенно сильно шуметь от ветра верхушки деревьев. Однажды, оглянувшись, ей показалось, что она увидела фигуру следующего за ними человека, и она тут же окликнула Скедони. Они остановили лошадей. Человек приближался медленно, часто останавливаясь, а потом вдруг исчез. Эллене показалось, что это был Спалатро. Какое недоброе дело заставило его бродить в этих зарослях, вместо того чтобы вернуться домой, подумала она. Неужели он решил один напасть на двух вооруженных людей, ибо проводник тоже имел при себе оружие? А может, Спалатро здесь не один? Она решила поделиться своими опасениями со Скедони.

— Вам не кажется, отец, что он напоминает Спалатро? — спросила она. — Тот же рост. Хорошо, что вы вооружены.

— Я не заметил сходства со Спалатро, — ответил Скедони, посмотрев назад, — но даже если это он, бояться не следует. Он уже исчез.

— Тем хуже, синьор, — заметил проводник. — Если он что-то задумал, то может,

пробравшись по скалам через кустарник, напасть на нас в другом месте, где мы меньше всего будем его ждать. А еще хуже, если он знает дорогу через дубовую рощу слева от нас, там есть выход на эту дорогу сразу за утесом.

— Не говори так громко, — одернул проводника Скедони, — если не собираешься подсказывать ему, где какая дорога.

И хотя Скедони сказал это без всякой злой мысли, проводник начал оправдываться.

— Пусть только попробует напасть, — наконец заявил он и вдруг сделал выстрел из своего ружья. Гулкое эхо огласило лес. Готовность проводника загладить свою оплошность произвела совсем не тот эффект, какого он ожидал. Скедони подозрительно окинул взглядом фигуру крестьянина и заметил, что, сделав выстрел, тот не перезарядил ружье.

— Поскольку ты дал разбойнику достаточно ориентиров, где искать нас, неплохо было бы подготовиться к его встрече, как ты считаешь? Заряди снова свое ружье. Я тоже вооружен, и неплохо.

Пока проводник неохотно выполнял приказ, Эллена с опаской поглядывала назад, но на дороге было пусто и ничто не нарушало тишину леса. Когда ее вдруг встревожил шорох в кустах, она тут же убедилась, что это вспугнутые выстрелом птицы, вновь вернувшиеся к своим гнездам.

Казалось, Скедони забыл о своих подозрениях и снова погрузился в раздумья. Он опять думал о своей встрече с маркизой.

Уже спускались сумерки, когда путники увидели очертания городка, прилепившегося над обрывом. Внизу шумел горный поток. Перекинутый через него мост привел их прямо к гостинице, где им предстояло переночевать. Здесь все страхи оставили Эллену, хотя она теперь не сомневалась, что видела Спалатро.

Поскольку этот городок был намного больше, Скедони легко удалось приобрести себе нужную одежду, а Эллена сменила монашескую вуаль на обычную, которую носят все горожанки. Однако, помня, что темную вуаль монахини дала ей сестра Оливия, она сохранила ее как дорогую реликвию.

От городка до Неаполя оставалось еще несколько дней дороги, но самая опасная ее часть, через леса, была уже позади. Скедони собирался уже расстаться с проводником, но хозяин гостиницы отсоветовал ему, ибо дорога проходила по открытой и довольно пустынной местности, где всякое могло случиться. Недоверие Скедони к проводнику было случайным, и он решил не отказываться от его услуг еще какое-то время. У Эллены, однако, были свои сомнения. Она видела, с каким недовольным видом он перезаряжал ружье, выполняя приказ Скедони. Она не могла избавиться от мысли, что человек в лесу был Спалатро, и тут же заподозрила, что он в сговоре с крестьянином-проводником. Встревоженная этим, Эллена решила поделиться своими сомнениями с монахом, но тот отмахнулся от нее, заметив, что свою честность проводник уже доказал, ибо наиболее трудную часть пути они проделали в относительной безопасности. Вчерашний случай тому подтверждение. Его разумные слова успокоили Эллену, и новый день их путешествия начался для нее с более радужных надежд.

Часть III

ГЛАВА I

Взгляни: руины хмурятся над бездной.
В них великан, дух прошлой власти, скрыт.
Прошедших лет былые преступления
Навалены меж этих мрачных стен.

В этот день Скедони был более общителен, чем накануне. Они ехали, отдалившись от проводника, и монах говорил о вещах, более всего интересовавших Эллену, однако избегал произносить имя Винченцо. Он даже не скрыл от девушки своего намерения временно поместить ее в один из монастырей близ Неаполя, пока он сможет официально признать свое отцовство.

Но найти безопасное место было нелегко, и это беспокоило его, как и то, что он вынужден будет оставить Эллену на попечении совсем незнакомых людей, любопытство которых к ней будет неизбежным.

Озабоченный этим, он с большим пониманием отнесся к отчаянию девушки, что ей снова придется жить вдали от дома и среди чужих ей людей, и даже благосклонно выслушал ее рассказ о монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, и, хотя он промолчал, когда она высказала робкое пожелание туда вернуться, у нее появилась надежда, что он не будет настаивать на своих первоначальных планах.

Тревога за будущее оттеснила страхи сегодняшнего дня, и Эллена почти не замечала навевавшей уныние долины. Скедони был рад, что послушался совета хозяина гостиницы и не отпустил проводника. Дорога шла через вересковые пустоши, где подолгу не встречалось ни единого селения или даже одинокого человеческого жилища. За все утро им не встретился ни единый путник. Им пришлось ехать также в полуденный зной, ибо Скедони не смог найти даже заброшенной хижины, где бы они могли укрыться от солнца и передохнуть.

К концу дня проводник указал им на серые стены какого-то строения на поросшей лесом возвышенности. Они обрадовались, что это монастырь, где они наконец найдут приют, пищу и отдых.

Дорога пошла в гору через заросли кустарника, и в конце ее они увидели фигуру человека, направляющегося, видимо, туда же, куда и они, но вскоре потеряли его из виду.

Подъехав поближе, сквозь поредевшие деревья они увидели, однако, развалины виллы, которая показалась совсем необитаемой. Но Скедони вспомнил, что увиденный ими на дороге путник направлялся сюда. Усталые и мучимые жаждой, они решили остановиться здесь, чтобы отдохнуть и раздобыть воду и пищу. Спешившись под аркой ворот, они направились к дому по аллее, выложенной плитняком, уже изрядно заросшим травой. Аллея, довольно длинная, местами загроможденная обломками мраморных колонн, была сильно затенена с одной стороны полуразрушенной стеной, с другой — разросшимися деревьями, так что Скедони испугался, что потерял дорогу, и подал голос, надеясь, что кто-то откликнется. Но кругом царила тишина.

Наконец, повернув, аллея вывела их во двор, огороженный с трех сторон легкой колоннадой, а с четвертой, видимо, выходявшей в сад. Кругом не было видно ни души, не было и человека, свернувшего на их глазах к вилле. В воображении Эллены невольно возник образ Спалатро, притаившегося за колоннами. Она вздрогнула, будто уже услышала его шаги. Пристыдив себя за трусость, девушка даже залилась краской стыда и поспешила прогнать страхи и подозрения.

Скедони же стал посреди двора, как злой дух, обозревающий запустение, пытаясь выяснить, есть ли среди этих развалин хоть одна живая душа. Несколько дверей вели в дом, и после некоторых колебаний он вошел в одну из них, решив выяснить все до конца. Через мраморный холл он последовал в комнаты заброшенной виллы и везде видел беспощадные следы разрушения.

Решив, что дальнейший осмотр не даст ничего нового, он снова вернулся во двор, где усталые путники решили хотя бы отдохнуть под сенью карликовых пальм. Усевшись на мраморные осколки колонн, они перекусили тем, что осталось в сумке проводника.

— Эту виллу разрушило не время, а землетрясение, — поделился своим впечатлением Скедони. — Ее стены не тронуты тленом времени. Рухнули лишь прочные конструкции, а облегченные, как ни странно, сохранились. Все говорит о том, что в этих местах было сильное землетрясение. Ты что-нибудь знаешь об этом, приятель? — спросил он у

проводника.

— Да, синьор, — охотно ответил тот.

— Тогда расскажи нам.

— Я никогда не забуду, синьор, это землетрясение. Оно разрушило виллу, это правда. Началось где-то в горах. Мне было тогда шестнадцать, и я помню, что первый толчок мы услышали за час до полуночи. Все дни до этого стояла нестерпимая жара, воздух как бы застыл, и дышать было нечем. Многие еще до этого слышали небольшие толчки. Мы с отцом накануне весь день провели на рубке леса и очень устали...

— Кажется, ты собираешься рассказать нам о себе, а не о землетрясении, — прервал его Скедони. — Кому принадлежала вилла?

— А те, кто жил в ней, пострадали? — поспешила, в свою очередь, спросить Эллена.

— Здесь жил барон ди Камбруска, — ответил проводник.

— А-а, барон! — воскликнул Скедони и вдруг погрузился в молчание.

— Его здесь не любили, синьор, — продолжал проводник, — и многие считали, что землетрясение послано ему, как кара за...

— А разве это не стало карой для всех в этой округе? — подняв голову, спросил Скедони и снова умолк.

— Об этом ничего не скажу, синьор, а вот что он совершал преступления, от которых волосы становятся дыбом, это каждый здесь знал. На этой вилле он...

— Дураков всегда удивляют поступки умных, — раздраженно сказал Скедони. — Где сейчас барон?

— Не скажу, синьор, но думаю, что он получил по заслугам. С той ночи, когда случилось землетрясение, о нем никто более не слышал. Я думаю, он похоронен под этими развалинами.

— Еще кто-нибудь погиб здесь? — опять спросила Эллена.

— Если хотите, синьорина, — с готовностью ответил крестьянин-проводник, — я могу рассказать вам кое-что, потому что мой двоюродный брат служил здесь, а мой отец часто рассказывал о многом и о последних днях барона тоже. Близилась полночь, когда произошел первый сильный толчок. На вилле давно поужинали и легли спать. Комната барона была в одной из старых башен. Многие удивлялись, почему он спал в башне, когда в новом крыле виллы было много хороших комнат. Но так уж он решил.

— Заканчивай свой ужин, — словно проснувшись, сказал Скедони. — Солнце клонится к закату, а впереди у нас немалый путь.

— Я закончу ужин и рассказ одновременно, синьор, не извольте беспокоиться, — ответил проводник, но монах уже снова не слушал его.

Поскольку запрета на рассказ не последовало, словоохотливый крестьянин продолжал:

— Как я уже сказал, комната барона была в старой башне. Я сейчас покажу вам ее, если хотите, вернее, то, что от нее осталось.

Эллена посмотрела в ту сторону, куда указывал пальцем проводник, и увидела полуразрушенную башню за аркой.

— Видите, что осталось от верхней части башни? — спросил проводник. — Там, где разросся ясень.

— Вижу, — ответила Эллена.

— Это одно из окон его комнаты. Все, что от нее осталось. Есть, правда, еще дверной проем, лестница, которая тоже отсюда видна. Она ведет еще выше, но верхний этаж рухнул вместе с крышей и всеми перекрытиями. Даже не знаю, как смогла уцелеть эта маленькая лестница.

— Ты кончил? — справился Скедони, который, казалось, не слушал рассказ проводника и спрашивал его, должно быть, об ужине.

— Да, синьор, мне больше нечего ни есть, ни сказать, — ответил бойкий на язык крестьянин. — Но если хотите послушать, я продолжу. Так вот, синьорина, там была его спальня. В эту дверь, которая осталась, он вошел, увы, не зная, что отсюда ему уже не выйти.

Сколько он пробыл здесь, лег ли спать или не ложился совсем, теперь никто нам не скажет. От первого же толчка башня раскололась надвое. Она пострадала прежде всех других частей дома. Видите груды кирпича внизу, синьорина? Это все, что осталось от комнаты барона. Говорят, что под этими развалинами похоронен он.

Эллена содрогнулась. Из груди Скедони вырвался стон, напугавший ее. Она повернулась и внимательно посмотрела на него, но он снова мрачно замкнулся. Разглядывая сохранившуюся арку рядом с башней, Эллена была поражена совершенством ее пропорций и красотой живописной картины, когда блики предзакатного солнца осветили ее подножие в окружении буйно разросшихся кустов. И тут вдруг она заметила фигуру человека, вышедшего из зарослей и скрывшегося в аллее. Всем своим обликом он напомнил ей ненавистного Спалатро!

Не выдержав, она сдавленно воскликнула:

— Кто-то там в аллее! Я слышу шаги.

Но когда Скедони поднял голову, никого уже не было.

Но Эллена более не сомневалась и тут же сказала Скедони, что видела Спалатро. Тот сразу же понял, чем это может грозить им, и, чтобы убедиться, что Эллена не ошиблась, немедленно вместе с проводником отправился на его поиски. Эллена осталась одна. Не успел Скедони уйти, как ее тут же охватила тревога и она громко позвала его, прося вернуться. Но в ответ лишь услышала его удаляющиеся шаги. Опасаясь оставаться здесь, она вышла на аллею, но Скедони и проводник уже исчезли. Девушка в смятении не знала, что ей делать. Она боялась оставаться одна среди руин, в которых бродит Спалатро.

Напряженно прислушиваясь к тишине, она вдруг услышала слабый крик, донесшийся из руин виллы. Ужасное предположение, что Спалатро и проводник могут убить ее отца, заставило ее забыть страх и поспешить туда, где, как ей показалось, кто-то кричал. Она вошла в холл и через него проследовала в глубь виллы, минуя одну комнату за другой. Здесь стояла мертвая тишина. Эллена очутилась в коридоре, который, казалось, вел в дальнюю часть дома. После минутного колебания она пошла по коридору.

Пробираться по сильно разрушенному, местами без стен, коридору было непросто, каждый шаг мог быть опасен. Темнело, и здесь все казалось мрачным и угрюмым. Эллена поняла, что оказалась на развалинах старого крыла виллы. Наконец она остановилась у подножия уже знакомой ей лестницы, ведущей в комнату барона.

Не тревожась она столь сильно за отца, она, видимо, испытала бы священный ужас оттого, что находится в роковой башне. Но теперь Эллена думала лишь об одном — как найти отца, и снова громко позвала его. Не получив ответа и убедившись, что коридор дальше никуда не ведет, она повернула назад.

В первой же комнате она остановилась, чтобы перевести дыхание, и выглянула во двор. И в эту же минуту она услышала глухое эхо далекого выстрела. Оно донеслось до нее, замирая, и наконец затихло где-то в глубине аллеи. Решив, что выстрел донесся откуда-то из дальнего конца виллы, она решила немедленно идти туда, но вдруг услышала совсем рядом шаги. Обернувшись, она увидела Спалатро, осторожно крадущегося через комнату. Спасла ли ее ниша, в которой она стояла, или Спалатро слишком торопился, но он не заметил ее, и вскоре она увидела в окно, как он пересекает двор. Обернувшись, он скользнул взглядом по фасаду, и ей показалось, что он все же увидел ее. Но он лишь на мгновение замедлил шаги, а затем заторопился и быстро скрылся в темных зарослях.

Похоже, он не встретился со Скедони, решила Эллена, теперь он спрячется в темной аллее и будет ждать его. Пока Эллена думала, как предупредить Скедони, она услышала его голос. Он доносился со стороны аллеи, и Эллена, не раздумывая, крикнула отцу, что Спалатро рядом. И в это же мгновение раздался выстрел.

Среди шума голосов, ей показалось, она расслышала стон, а затем голос Скедони, показавшийся ей далеким и слабым. От страха она не могла двинуться с места, ожидая самого страшного.

Наступила тишина. Эллена напрасно прислушивалась, ожидая услышать голос

Скедони или хотя бы его шаги.

Наконец, не выдержав мучительной неизвестности, она решила бороться с силами и узнать правду, какой бы горькой она ни была. Но вдруг снова совсем близко услышала стоны. Посмотрев в сторону аллеи, она увидела, как из нее вышел человек. Он был весь в крови. Туман застилал глаза девушки, и, чувствуя, что силы изменяют ей, она прислонилась к колонне. Когда она пришла в себя и решила немедленно поспешить на помощь раненому, кто бы он ни был, двор был уже пуст. Тогда тишину его нарушили громкие крики Эллены, зовущей отца. Не переставая звать его, девушка торопливо обыскала весь двор, колоннаду и ближайшие к входу в дом комнаты и заросли кустарника вокруг двора.

У входа в аллею она увидела следы крови на земле. Они вели во двор, к входу в башню. Здесь она в нерешительности остановилась. Неожиданно ей пришло в голову, что человек, которого она видела, может оказаться Спалатро, а не ее отцом, и, хотя он ранен, он готов будет отомстить первому, кто окажется перед ним, и темнота ему в этом поможет.

Она все еще стояла в нерешительности у входа в башню, прислушиваясь к каждому шороху и звуку, улавливая изредка, как ей казалось, стоны, как вдруг послышались быстрые шаги и громкий голос Скедони позвал ее. Он подошел к ней и, бросая опасливые взгляды вокруг, заторопил ее.

— Мы немедленно должны ехать, — быстро произнес он, беря ее за руку, а затем спросил: — Ты никого не видела здесь?

— Я видела раненого человека и испугалась, что это вы, отец.

— Где? Куда он ушел? — спросил нетерпеливо монах, и глаза его недобро сверкнули.

Разгадав его намерения, Эллена не решилась сказать ему, где укрылся Спалатро, а вместо этого принялась упрашивать его уехать как можно скорее из этого проклятого места.

— Солнце уже село, отец, — убеждала его Эллена. — Я дрожу от страха, что будет с нами, если мы останемся здесь на ночь, да и на дороге в столь поздний час нас может подстерегать опасность.

— Ты уверена, что он ранен? — настойчиво расспрашивал ее монах.

— Совершенно уверена, — тихо ответила она.

— Совершенно? — грозно переспросил Скедони.

— Да, отец. Уедем отсюда. Немедленно! — молила его Эллена.

— Что все это значит? — рассердился монах. — Не собираешься ли ты жалеть этого негодяя?

— Это ужасно, когда кто-нибудь страдает, отец, — произнесла Эллена. — Не заставляйте меня потом жалеть, что мы задержались здесь. Поймите, как буду я страдать, если вас ранит кинжал этого убийцы.

Скедони подавил тяжелый вздох и резко отвернулся.

— Ты обманываешь меня, ты не уверена, что негодяй ранен. Я выстрелил в него, как только он вошел в аллею, но он успел убежать. Почему ты думаешь, что он ранен?

Эллена хотела было указать ему на пятна крови на земле, но испугалась, что они приведут отца к Спалатро, и снова начала умолять его поскорее уехать.

— Пощадите себя, отец, и его тоже.

— Что?! Ты просишь пощадить убийцу? — вне себя воскликнул Скедони.

— Убийцу? Он покушался на вашу жизнь? — в ужасе сказала Эллена.

— Нет, не совсем так, но что он здесь делает! Отпусти меня, я должен его найти.

Но Эллена изо всех сил удерживала его, не переставая увещевать своим нежным мелодичным голосом, вызывая его к милосердию:

— О, если бы вы знали, как ужасно ждать собственной смерти, отец, вы бы пожалели несчастного. Ведь он сам, возможно, проявлял сострадание к другим. Я знаю муки ожидания смерти, отец, и способна понять его.

— Да знаешь ли ты, о ком просишь? — крикнул Скедони, чувствуя, как каждое слово Эллены пронзает его сердце своим страшным укором.

Увидев, как поражена Эллена его вопросом, он испугался, что выдал себя. Девушка,

несомненно, догадывалась, какую роль должен был сыграть Спалатро в ее судьбе, но она не могла знать, что он же пожалел ее и в какой-то мере удержал Скедони от убийства собственной дочери. Гнев Скедони мгновенно утих, и он, более не споря с Элленой, пересек двор и углубился в аллею. Эллена поспешила за ним. Они быстро шли, не останавливаясь, пока не достигли ворот, где их уже ждал проводник.

Вспомнив, как повел себя Спалатро в отношении Эллены, монах согласился более не преследовать его, однако судьба раненого более не интересовала его, и, не испытывая угрызений совести, он предоставил Спалатро его судьбе.

Но Эллена думала иначе. Ничего не зная о том, что обязана Спалатро своим спасением, она только знала, что нельзя оставлять человека наедине с его страданиями. Однако, вспомнив, как быстро скрылся Спалатро, понадеялась, что его раны не опасны.

Сев на лошадей, путники покинули развалины мрачной виллы. Они ехали молча, каждый погруженный в свои раздумья. Наконец Эллена поинтересовалась, что все же произошло в аллее. Скедони, преследовавший Спалатро, видел его в аллее лишь мгновение, ибо тот тут же странным образом исчез и сразу же оказался в развалинах виллы, хотя они с проводником искали его в аллее. Крик, который услышала Эллена, издал проводник, который, споткнувшись, упал и больно ушибся. Скедони стрелял дважды: первый раз из ружья, когда они в поисках Спалатро достигли ворот, и второй раз, когда увидели Спалатро, пересекавшего двор.

— Нам пришлось подняться за этим человеком, — заметил проводник, — но мы так его и не поймали. Странно, если он искал нас, то почему пустился в бега, как только увидел? Не думаю, чтобы он хотел нам зла, иначе ему ничего не стоило подстрелить нас в темном коридоре. А он просто бежал от нас.

— Потихе, друг, и не стоит тратить столько слов, — остановил его Скедони.

— Что ж, синьор, он свое получил, теперь нам нечего бояться, крылышки его подрезаны, он нас теперь не догонит. Нам нечего так спешить, синьор, мы вовремя приедем в гостиницу. Она за этой горой, что виднеется на западе, там, где село солнце. Он нас не догонит, я сам видел, он ранен в руку.

— Ты видел его? — резко спросил монах. — Где же ты был в таком случае, если видел больше моего?

— Я стоял за вами, синьор, когда вы выстрелили.

— Я что-то не помню, чтобы видел тебя, — заметил Скедони. — Почему же ты не вышел вперед, а предпочел спрятаться за спину? И где ты прятался, когда я искал, вместо того чтобы помочь мне?

Проводник не нашелся что ответить, а Эллена, внимательно наблюдавшая за ним в течение всего разговора, заметила, как он смутился. Сомнения, как будто утихшие, снова вернулись к ней, но сейчас у нее не было возможности окончательно их проверить. Скедони, вопреки совету проводника, пришпорил лошадь и пустил ее галопом. Путники умили скорость лишь перед крутым спуском дороги.

Нарушив обет молчания, Скедони во время долгого спуска в долину беседовал с проводником, расспрашивая его о вилле. Трудно сказать, что побудило его к этому: то ли искренний интерес, то ли намерение проверить искренность поведения проводника, когда они были на вилле. Он расспрашивал крестьянина с великим терпением и подробностями, что удивило Эллену. Сумерки не позволяли ей видеть лица беседующих, но по изменяющимся голосам она могла судить о состоянии каждого. И все это время Скедони и проводник ехали рядом.

Когда Скедони вдруг умолк, раздумывая над тем, что сказал ему проводник о бароне ди Камбруска, Эллена поспешила задать последний вопрос о судьбе остальных обитателей виллы.

— Когда после первого же толчка рухнула старая башня, все в испуге покинули виллу. И вовремя — после второго и третьего толчков рухнула уже новая ее пристройка. Все убежали в лес и, по счастью, в ту сторону, которую не затронуло землетрясение. Из всей

семьи погиб лишь один барон, туда ему и дорога. Чего только я не слышал о нем! Я бы мог многое порассказать...

— Что случилось потом с его семьей?

— Жизнь разбросала их кого куда, но никто из них больше не вернулся в старые места. Нет, они слишком натерпелись всего здесь. Не случись землетрясения, несладкой была бы их жизнь, синьорина.

— Не случись землетрясения? — удивленно повторила Эллена.

— Да, синьорина, землетрясение прикончило барона. Если бы стены могли говорить, они бы многое поведали. В ту комнату в башне, о которой я вам рассказывал, не смел заходить никто, кроме барона и его слуги, убиравшего ее. Барон редко покидал ее.

— Возможно, он хранил в ней свои сокровища? — любопытовала Эллена.

— Нет, синьорина, какие сокровища! Всю ночь у него горела лампа, а однажды дворецкий слышал...

— Хватит, — прервал его пришедший в себя Скедони. — Не отставай от меня. Довольно рассказывать сказки.

— Я рассказываю о бароне, синьор, вы сами только что о нем расспрашивали. О том, какие у него были странные привычки. Однажды в декабре, в ненастную ночь, как рассказывал моему отцу мой двоюродный брат Франциско, который служил у барона, когда все это произошло...

— Что произошло? — быстро спросил Скедони.

— Сейчас расскажу, синьор. Так вот, мой брат служил у него в то время, и каким бы невероятным ни было то, что я вам расскажу, это все правда, поверьте мне. Мой отец тоже думал, что я не поверю, когда рассказывал это мне...

— Достаточно, — резко оборвал проводника монах. — Расскажи, какая семья была у барона. Была ли у него жена?

— Да, синьор, была. Я бы и сам рассказал вам об этом, если бы вы научились терпению....

— Терпению нужно было научиться барону, а у меня нет жены, — вдруг заметил Скедони.

— Терпение нужно было жене барона, синьор, как вы это сейчас узнаете. Добрая душа была эта баронесса. Господь призвал ее к себе за много лет до этого. У барона осталась дочь, и, хотя ей было совсем мало лет, жизнь не мила была ей, но землетрясение отпустило ее на свободу.

— Далеко ли до гостиницы? — вдруг резко спросил Скедони.

— Въедем вон на ту горку, и сами увидите огоньки. Нас разделяет лишь эта впадина. Не беспокойтесь, синьор, тот, кого мы оставили на вилле, не сможет догнать нас. Вы что-нибудь знаете о нем?

Но вместо ответа Скедони спросил, заряжено ли ружье у проводника, и, узнав, что нет, велел ему немедленно исправить оплошность.

— Зачем, синьор? Если бы вы знали о нем столько, сколько знаю я, вы бы не опасались его.

— Я думал, ты его не знаешь, — удивился монах.

— И знаю, и не знаю. Во всяком случае, я знаю о нем больше, чем он подозревает.

— Ты неплохо осведомлен о чужих делах, не так ли? — заметил Скедони тоном, который должен был остановить говорливого проводника.

— Он бы тоже такое сказал, синьор, но дурные дела трудно долго держать в тайне, как бы это ему ни хотелось. Этот человек иногда приезжает в наш городок на рынок, но никто не знал, кто он и откуда. Кое-кто, однако, навел о нем справки.

— Кажется, мы никогда не доберемся до вершины этого холма, — недовольно заметил Скедони.

— И теперь мы знаем немало странного о нем, — невозмутимо продолжал проводник.

Эллена, ранее с любопытством слушавшая рассказ проводника, теперь была полна

нетерпения наконец узнать все о Спалатро, хотя и опасалась, что это может быть каким-то образом связано со Скедони, и поэтому более не задавала никаких вопросов.

— Много лет назад, — продолжал крестьянин, — он откуда-то приехал в наши края и поселился в очень загадочном доме на пустынном берегу. Дом давно был заброшен, и в нем никто не жил...

— О чем ты говоришь? — нетерпеливо вмешался монах.

— Вы все время не даете мне досказать, синьор. Чуть я начну, как вы прерываете меня, а потом сами же спрашиваете, о чем я говорю. Я собираюсь рассказать вам довольно длинную историю, и прежде всего о том, чьим человеком он оказался... Вы не поверите, синьор. Как вы думаете, что решили люди сделать с ним, когда узнали? Правда, доказать все это было трудно и многие не хотели верить в эти ужасы...

— Меня эта история не интересует, — грозно сказал монах, — и я ничего не желаю о ней слышать.

— Я не хотел сердить вас, синьор. Не знал, что вас это заденет.

— Кто сказал, что меня это задело?

— Никто, синьор, только вы почему-то разгневались, и я подумал... Ей-богу, синьор, я не хотел расстраивать вас, но, поскольку он был вашим проводником, я подумал, вам будет интересно кое-что узнать о нем.

— От проводника я требую только одного — чтобы знал свое дело, — ответил монах. — Чтобы вел меня по безопасной дороге и умел, когда надо, помолчать.

На это проводник ничего не ответил, удержав за поводья коня, и отстал от монаха.

Вскоре они пересекли перевал и стали искать долгожданные огоньки селения, но кругом была вечерняя темнота, нигде приветливо не мигали огни человеческого жилища. Спустившись с горы, они снова оказались в лесу.

Скедони опять приказал проводнику ехать рядом, но больше не пытался завести с ним разговор. Эллена тоже молчала, погружившись в тревожные догадки. Ее напугали странные намеки проводника на прошлое Спалатро и еще больше разожгли в ней любопытство. Поведение Скедони, его раздражительность, замешательство и то, как резко он оборвал рассказ проводника, вызвали у нее удивление и заставили заподозрить, что Скедони и Спалатро связывает нечто большее, чем то, что она предполагала.

Спустившись в долину, дорога снова пошла в гору, но ожидаемого городка все не было видно, и подозрение, что проводник обманул их, начало не на шутку тревожить Скедони и Эллену. Было так темно, что дорога лишь угадывалась, густые заросли деревьев вдоль нее полностью закрывали свет звезд.

Когда Скедони грозно спросил проводника, не сбились ли они с пути, в этот момент до них долетел шум голосов и выкрики.

— Вот в эту сторону нам ехать, синьор, — сказал крестьянин.

— Тише, я слышу звуки музыки, какого-то веселья, — остановил его Скедони.

Смешанный шум голосов, музыки и смеха становился все громче. Ветер доносил звуки флейт и тамбурина.

— Наконец-то мы приехали! — с облегчением воскликнул проводник. — Город уже близко. Что это они так веселятся?

Это известие взбудрило приунывшую Эллену, и, увидев, как прищепил своего коня Скедони, она поспешила за ним.

Когда они поднялись на вершину холма, лес расступился, и они наконец увидели призывно мерцающие огни города.

Минуя полуразрушенные городские ворота, темными узкими улочками они выехали на залитую огнями факелов рыночную площадь, заполненную толпой горожан. Лавки, украшенные гирляндами, забитые разнообразными, радующими глаз товарами, тянулись по обеим сторонам площади. Возле них толпились крестьяне в праздничном платье и обряженные в карнавальные наряды и маски горожане. Играл оркестр, кто-то танцевал, показывали свое искусство клоуны и фокусники. На небольшой сцене бродячий театр давал

представление. Слышались крики лоточников, продавцов воды, сладостей, шербету и макарон.

Вид толпы вызвал недовольство у Скедони, и он велел проводнику разузнать, где здесь гостиница. Общительный крестьянин обрадовался возможности слиться с веселой толпой.

— Как же я не догадался, что сейчас время ярмарок! — восклицал он. — Правда, за всю жизнь я был на них всего один раз, немудрено и забыть.

— Попробуй пробиться через толпу, мы будем следовать за тобой, — приказал Скедони.

— После того как мы столько ехали в потемках, когда ни зги не видно, попасть на такой праздник — это словно из преисподней прямо в рай, — продолжал радоваться крестьянин, забыв, что ему велено делать. — Выкиньте из головы все передраги прошедшего дня, синьор, эту проклятую виллу и человека, за которым мы там охотились. Все же мой выстрел завершил все.

— Твой выстрел? — вздрогнул монах.

— Да, синьор. Я выстрелил из-за вашей спины. Я думал, вы слышали.

— Да, кажется.

— Ай-ай, синьор, это славное местечко заставило вас все забыть, не так ли? Даже то, что я рассказывал вам об этом человеке. Не знал, что вы с ним в большей дружбе, чем я думал. Но, может, вам не все о нем известно из того, что я собирался рассказать, но вы все время меня останавливали. Ладно, когда я разузнаю о гостинице, то продолжу свой рассказ, если пожелаете. Это длинная история, ее сразу не расскажешь, но я знаю ее конец. Вы прервали меня в самом начале, синьор, так что я все начну сначала.

— Что ты болтаешь! — словно очнувшись ото сна, сердито воскликнул монах. Он погрузился в свои мысли настолько, что не замечал ни шума, ни суеты вокруг него.

Он тут же велел крестьянину замолчать, но тот был так счастлив, оказавшись в знакомой ему обстановке народного гулянья, что готов был говорить без умолку, пока они медленно продвигались через толпу. Он то и дело замечал что-то интересное и обращал внимание Скедони.

— Видите, синьор, как Петрушка уплетает за обе щеки горячие макароны. А вот фокусник, давайте остановимся и посмотрим на его фокусы. Смотрите, как он ловко превратил монаха в черта, никто не успел и глазом моргнуть!

— Тише, не кричи, идем дальше, — рассердился Скедони.

— Вот я тоже считаю, что толпа больно уж раскричалась, синьор, я даже не слышал, что вы мне сказали. Эй, вы, потише! — крикнул он в толпу.

— Судя по вашему окрику, вы все же расслышали, что сказал синьор, — насмешливо подметила Эллена.

— О, синьорина, разве здесь не лучше, чем в темном лесу? А что это, взгляните, синьор? Идет какое-то интересное представление. Давайте посмотрим.

Перед сценой бродячего театра толпа была такой густой, что путники были вынуждены остановиться. Судя по лицам зрителей, на сцене происходила душераздирающая трагедия: жесты и декламация, а также невообразимые гримасы актеров легко превратили ее в комедию.

Скедони, не проявив интереса, отвернулся, Эллена, смирившись, ждала, а простодушный крестьянин-проводник, открыв рот, весь превратился в жадное внимание, не зная, то ли плакать, то ли смеяться. В избытке чувств он даже схватил монаха за руку:

— Смотрите, синьор, что делает этот негодяй! Он убивает свою дочь!

Эти слова, достигнув слуха Скедони, заставили его обернуться. На сцене решалась печальная судьба Виргинии, которую отец предпочел убить, чем отдать в наложницы императору Клавдию. Скедони с ужасом смотрел на кинжал в руках актера и тело убитой девушки.

Эллена с состраданием следила за меняющимся лицом монаха, понимая, что происходит в его душе. Воспоминания были слишком живы.

Наконец Скедони пришел в себя и, с яростью хлестнув лошадь, попробовал пробиться

сквозь толпу, но измученное животное не в силах было выполнить волю седока. Проводник, недовольный тем, что ему не дают до конца насладиться зрелищем на сцене, сопереживая чужому горю, пусть даже ненастоящему, громко объявил хозяину протест за жестокое обращение с лошастью и, схватив ее за узды, остановил Скедони. Тот, не ведая, что творит, огрел его кнутом по плечам. Толпа, видя начавшуюся потасовку, шарахнулась в сторону, и путники смогли наконец покинуть площадь. Вскоре они остановились перед гостиницей.

Хотя Скедони в его состоянии менее всего был готов заниматься устройством на ночлег, торговаться с хозяином переполненной гостями гостиницы и выслушивать грубости последнего, ему пришлось взять это на себя. Наконец, не без усилий, им удалось получить ночлег. Не менее хлопот доставили проводнику лошади. Он намерен был дать им хороший корм и отдых, особенно той, с которой так безжалостно обошелся Скедони. Он требовал для нее лишней соломы и овса, говоря, что лучше сам недоест или недоспит. Это побудило Эллену исподтишка от Скедони отдать крестьянину последний оставшийся у нее дукат.

ГЛАВА II

Если страшишься узнать наихудшее,
Пусть оно само падет тебе на голову.

В. Шекспир

Скедони провел ночь без сна. Инцидент с проводником вызвал в нем не только раскаяние, но и терзания уязвленной гордости и недобрые предчувствия.

В поведении проводника было что-то настораживающее и способное внушить тревогу. Прикидываясь простаком, хитрый крестьянин прозрачно намекал монаху, что немало знает о Спалатро, а также о том, кто стоит за ним. И хотя он как будто ни в чем не подозревал Скедони, он тем не менее позволил себе ряд намеков, говорящих об обратном. Он как-то подчеркнуто заметил, что не знал о столь близком знакомстве монаха со Спалатро, когда Скедони резко прервал его рассказ об этом человеке. Теперь Скедони казалось, что проводник неспроста обратил его внимание на сцену убийства, когда они задержались у бродячего театра на площади.

Скедони хотел как можно скорее избавиться от услуг проводника. Но прежде надо было узнать, насколько он осведомлен, и сделать это, не вызывая у него подозрений. Возможно, он знает лишь о Спалатро, не более. Позволить проводнику сопровождать их в Неаполь означало бы пустить к себе в дом шпиона и доносчика, но и так просто отпустить его, если он что-то знает, тоже опасно. Он будет знать, где находится Скедони. Оставалось лишь одно: чтобы он не разгласил его тайну, проводник должен умереть.

После бессонной ночи Скедони рано утром позвал к себе проводника. Начал он издалека. Прежде чем сказать ему, что он более не нуждается в его услугах, он проявил заботу о том, как обезопасить его возвращение в родную деревню. Он посоветовал крестьянину быть особенно осторожным на участке дороги, который проходил мимо виллы, где может прятаться Спалатро.

— Судя по тому, что ты рассказал, этот малый опасен, — заметил монах. — Но кто знает, может, ты ошибаешься.

Как он и рассчитывал, проводник не мог пропустить мимо ушей такое замечание. Но то ли он был обижен на Скедони за вчерашнее, то ли по другой причине, но он был менее словоохотлив, чем обычно.

— То, что ты рассказывал об этом парне, — продолжал Скедони, — в какой-то степени показалось мне любопытным. У меня есть немного времени, и я готов выслушать твой рассказ до конца, если хочешь.

— Он очень длинный, синьор, и вам может наскучить. А я, прошу прощения, не

люблю, когда меня все время прерывают.

— Где живет этот человек? — как бы не слыша его слов, спросил Скедони. — Ты что-то говорил о каком-то доме на побережье.

— Да, есть там один очень странный дом, но Спалатро появился в нем случайно и неожиданно, когда и как, никто не знает. А до этого дом пустовал с тех самых пор, как маркиз...

— Какой маркиз? — настороженно спросил Скедони. — Какой, говори!

— Я хотел сказать, барон ди Камбруска, синьор, да вы опять перебили меня. Так вот, дом был необитаем с тех самых пор, как барон... Вот в этом месте вы и прервали меня, синьор.

— Я думал, барон умер, не так ли? — спросил Скедони.

— Да, синьор, — подтвердил крестьянин, бросив на него пристальный взгляд. — Но какое отношение к этому имеет смерть барона? То, о чем я рассказываю, случилось еще до его смерти.

Скедони, смутившись, даже не обратил внимания на фамильярность тона, каким это было сказано.

— Значит, этот парень, Спалатро, был связан с бароном ди Камбруска?

— Так считали люди.

— Только считали?

— Этого было более чем достаточно для барона. Он очень боялся за свою репутацию, и правильно делал, не то ему бы несдобровать.

— Почему люди считали, что Спалатро — человек барона? Какие на то были причины?

— Я думал, вы хотели послушать мой рассказ.

— Успеется. А теперь о причинах.

— Хватит и одной. Если бы вы только дали мне закончить мой рассказ, синьор, вы бы уже знали все о причинах.

Скедони сердито нахмурился, но промолчал.

— А причина та, синьор, что, кроме барона, никто не мог совершить подобного злодеяния. В нашей округе не было человека более жестокого, чем барон. Разве этого вам мало? Почему вы так смотрите на меня? Сам барон не мог бы смотреть хуже, если бы услышал мой рассказ.

— Говори покороче, — резко сказал монах.

— Что ж, синьор, начну с самого начала. Минуло уже порядочно лет, как Марко появился в нашем городе. Говорят, что в одну штормовую ночь...

— Достаточно, можешь дальше не продолжать, — резко остановил его Скедони. — Сам-то ты когда-нибудь видел барона?

— Если вы все сами знаете, синьор, зачем заставляете меня рассказывать? Только начну, как вы перебиваете.

— Странно, — промолвил хитрый монах, сделав вид, что не слышал его слов. — Если этот Спалатро такой негодяй, как ты утверждаешь, то почему он не понес наказания за свои злодеяния? Разве такое возможно? А может, все это лишь слухи?

— Видите, синьор, вроде все знали, и вроде бы никому до этого дела не было. Кроме того, никто не мог доказать, так это или не так, хотя все верили в эту историю, будто все собственными глазами видели. Однако никто бы не присягнул перед законом. Один шанс из десяти, что это можно было доказать, но тем не менее все продолжают верить, что такое было.

— Значит, вы готовы были наказать этого малого за убийство, которого он, возможно, не совершал? — спросил монах.

— За убийство? — в недоумении воскликнул крестьянин.

— А разве ты не сказал, что это было убийство? — не сразу ответил Скедони.

— Я не говорил этого, синьор! — воскликнул крестьянин.

— Как же он тогда совершил преступление? — возобновил свои расспросы монах

после короткой паузы. — Ты сказал, что он совершил что-то чудовищное, а что бывает чудовищнее убийства? — Губы Скедони задрожали, когда он произносил последнее слово.

Крестьянин молчал, не сводя глаз с монаха.

— Разве я говорил об убийстве? — снова повторил он.

— Если это не так, тогда скажи, что это было. Только в двух словах, — надменно произнес монах.

— Будто это можно рассказать в двух словах, синьор.

— Тогда покороче.

— Не могу, синьор, история эта очень длинная.

— У меня нет на это времени, — резко сказал Скедони, поднимаясь.

— Хорошо, синьор, я постараюсь. В одну ненастную ночь в декабре, когда Марко Торна ловил рыбу... Это старый рыбак, синьор, он жил в нашем городе, когда я был еще мальчишкой. Правда, я его не помню, но мой отец хорошо знал и уважал его, и он часто говорил...

— Не отвлекайся! — грозно предупредил его Скедони.

— Я говорю, как могу, синьор, — обиделся крестьянин. — Старый Марко в то время не жил еще в нашем городе, он жил где-то в другом месте, не помню где, но где-то на берегу. Как же это место называется, что-то похожее на...

— Так что же произошло с этим выжившим из ума стариком?

— Вы ошибаетесь, синьор, Марко не выжил из ума, но слушайте дальше. Значит, в то время Марко жил в том месте, названия которого я не помню. Потом для него настали лучшие времена, но это к делу не относится. Так вот, старый Марко отправился рыбачить, ночь выдалась штормовая, и, я верю, ему хотелось поскорее добраться до берега. Было так темно, синьор, будто последняя ночь перед всемирным потопом, он греб изо всех сил к берегу, и, конечно, ему было не до рыбы. Хлестал дождь, выл ветер, темень — хоть глаз выколи. Конечно, он заблудился. Его все больше относил на камни, и он боялся, что лодка его разобьется вдребезги. Наконец ему удалось благополучно провести лодку между камнями и найти укрытие от ветра и дождя. Я рассказываю так, как мне говорил отец, синьор...

— Можно обойтись без подробностей, говори только главное, — недовольно заметил монах.

— Слушайте дальше, синьор. Как только Марко укрылся в камнях, он услышал, как кто-то идет по берегу. Знал бы, бедняга, кто это был. Темень стояла такая, что ничего не было видно, но он все же высунулся из убежища и хотел было подать голос, да подумал: пусть подойдет ближе, а то не услышит. Вскоре он увидел, как замерцал огонек, он приближался и наконец был совсем близко. Рыбак увидел человека с фонарем. Он шел вдоль берега.

— Ближе к цели, приятель, — поторопил его Скедони.

— Мой отец говорил, что старый Марко никогда не отличался храбростью. Он, конечно, перепугался и решил, что это разбойник, и на всякий случай снова спрятал голову и притаился. Вскоре он совсем перепугался, когда человек снял со спины тяжелую ношу и положил рядом на валун. Он тяжело дышал и, должно быть, устал. Так рассказывал мне отец.

— Что это была за ноша? — нетерпеливо спросил монах.

— Погодите, синьор. Может, старому Марко так и не довелось узнать, что было в том мешке. От испуга он замер и боялся пошевелиться. Про себя он, должно быть, решил, что там была награбленная добыча. Вскоре человек снова вскинул на спину мешок и, тяжело ступая, последовал дальше, пока не исчез в темноте. Больше Марко его не видел.

— Тогда какое отношение он имеет ко всей твоей истории? Ты считаешь, что этот человек был Спалатро?

— Не торопитесь, синьор, вы меня сбиваете. Когда шторм немного утих, Марко выбрался из своего укрытия и решил, что неподалеку непременно должна быть деревня или

хотя бы хижина, куда направился этот человек с ношей. Лучше бы ему оставаться там, где он был, но старик решил искать деревню или хижину. Он долго брел вдоль берега, шторм продолжался, даже разыгрался еще пуще, а вокруг не было больше скал или камней, способных укрыть его. Увидев наконец свет, он решил идти прямо на него. Будь я на его месте, синьор, я бы тоже поступил так.

— Послушай, парень, а у этой истории будет конец? — начал выходить из себя Скедони.

— Не прошел он и десятка шагов, — невозмутимо продолжал проводник, — как увидел, что свет падает из окошка какого-то жилища. Подойдя поближе, он наконец тихонько постучался в дверь.

— А что это было за жилище? — отрывисто спросил монах.

— Дождь шел как из ведра, и бедняге Марко, я ручаюсь, пришлось ждать довольно долго. Но он был терпелив. У Марко было терпение, я помню, как он умел слушать всякие истории.

— Мне бы его терпение, — сердито проворчал про себя монах.

— Он постучал снова и вдруг увидел, что дверь открыта. Так как никто не вышел на его стук, он вошел в дом.

— Старый болван, — не выдержал Скедони. — Что ему было там нужно? Любопытство одолело?

— Любопытство, синьор? Нет, он просто искал, где укрыться от непогоды. Ощупью пробираясь в темноте, он наконец очутился в комнате, где в очаге еле тлели угли. Он подошел к огню, чтобы согреться, дожидаясь, когда кто-нибудь выйдет к нему.

— Как, в доме никого не было? — удивился Скедони.

— Слушайте дальше, синьор. Не пробыв там и пары минут, он где-то рядом услышал странные звуки. Но огонь очага давал так мало света, что он ничего не разглядел.

— А что это было?

— Вы все перебиваете меня, синьор. Марко рассказывал, что все это ему не больно понравилось, но что было делать. Он помешал угли в очаге, чтобы разгорелись ярче, но от этого в комнате не стало светлее. Вскоре, однако, послышались шаги, мелькнул свет фонаря, и в комнату вошел какой-то человек. Марко пошел ему навстречу и попросил разрешения остаться в доме, пока не утихнет шторм.

— Кто был этот человек? — настороженно спросил Скедони.

— Так вот, старый Марко попросил убежища. Он потом рассказывал, что человек, увидев в доме незнакомца, побелел как мел. Я думаю, побелеешь. Очень неохотно, но он все же разрешил Марко остаться, однако стал расспрашивать, что он здесь делает в такой час и в непогоду. За окном так выл ветер, что Марко решил забыть о неприветливом приеме и, показав хозяину дома рыбу, которую он наловил, пригласил того отведать ее. После этого хозяин немного подобрел.

— Невероятно! — воскликнул Скедони. — Вот болван!

— Не такой уж он был болван, синьор. Просто он был очень голоден, как рассказывал Марко.

— Разве голод — доказательство ума? — раздраженно сказал Скедони.

— Вы не даете мне говорить, синьор. Этот человек был так голоден, что сразу же разжег посильнее огонь в очаге и сам принялся разделывать рыбу. Пока он занимался этим, у наблюдавшего за ним Марко закралось сомнение, не тот ли это человек, которого он видел на берегу. Марко, должно быть, слишком пристально смотрел на него, ибо человек сердито спросил, почему он на него уставился. Но Марко из предосторожности промолчал. Пока тот был занят рыбой, у него была хорошая возможность рассмотреть его. А когда тот то и дело оглядывался и обводил глазами комнату, Марко окончательно убедился, что он не ошибся.

— Ну и что из того, что это был он?

— Когда же старый Марко разглядел знакомый мешок в углу, последние сомнения исчезли. Он говорил, что тогда его охватили недобрые предчувствия и захотелось поскорее

убраться из этого дома, пока он еще не вызвал подозрений у его хозяина. Он догадался, что заставляло того так часто оглядываться. Сначала Марко решил, что тот опасается, не привел ли он еще кого-нибудь с собой, теперь же он понял, что этот человек сторожит свою добычу.

— Пожалуй, это верно, — согласился монах.

— Старому Марко было не по себе все время, пока готовилась рыба, и он все время твердил: «Из огня да в полымя». Но что бедняге было делать?

— Надо было встать и уйти, — резко сказал монах. — Я так и поступлю, если ты не доскажешь сейчас же свою историю.

— Марко так бы и сделал, да не был уверен, что теперь тот его отпустит...

— Это и был Спалатро, не так ли? — спросил в нетерпении Скедони. — Жилищем, куда забрел Марко, оказался тот самый дом на побережье, о котором ты уже говорил.

— Вы здорово догадливы, синьор, хотя, по правде, я ожидал, что вы догадаетесь в первые две минуты.

Скедони совсем не понравился взгляд, которым окинул его крестьянин. Но он попросил его продолжать.

— Сначала Спалатро молчал, но, когда была съедена последняя рыба, он мало-помалу разговорился.

Тут Скедони вскочил и нервно заходил по комнате.

— Старик Марко теперь думал не так уже плохо о незнакомце, а услышав, как дождь хлещет по крыше, вовсе уже раздумал уходить отсюда. Наконец Спалатро зачем-то вышел из комнаты.

— Вышел? — внезапно остановился Скедони.

— Да, синьор, однако он не забыл прихватить с собой фонарь. А Марко уже разбирало любопытство...

— Да, похоже, старик был не в меру любопытен, — мрачно заметил монах и снова зашагал по комнате.

— Я до этого пока еще не дошел, синьор, имейте терпение... Так вот, старому Марко уже не терпелось узнать, что в мешке, лежавшем в углу. От этого, он решил, будет зависеть, останется он в этом доме или ему немедленно надо уходить. Огонь в очаге горел достаточно ярко, он подошел к мешку и попытался поднять его. Но мешок, хотя и не полный, был слишком тяжел.

Скедони снова замедлил шаги и остановился перед проводником.

— Все же ему удалось приподнять его, но он тут же снова уронил его. Мешок упал с таким громким стуком, что Марко удивился, что это за добыча такая. Тут ему показалось, что он слышит шаги Спалатро, и он быстро отошел. Но Спалатро не вернулся, и старый Марко снова взялся за мешок. Да вы не слушаете меня, синьор, опять думаете о своем.

— Продолжай, — резко сказал Скедони и снова заходил по комнате. — Я слушаю тебя.

— Так вот, Марко снова вернулся к мешку, — продолжал крестьянин, — и развязал веревку, которой тот был завязан, затем осторожно открыл его... Представляете, синьор, что с ним было, когда его рука коснулась чего-то холодного и при свете очага он увидел перед собой лицо мертвеца... О, синьор!

Крестьянин, сам потрясенный своим рассказом, войдя в раж, уже следовал по пятам за шагавшим по комнате монахом и даже ухватился за край его одежды. Но тот словно не замечал этого.

— Отец рассказывал, что Марко так испугался, что не помнил себя от страха. Ручаюсь, он, должно быть, побелел так же, как вот вы сейчас, синьор.

Скедони раздраженно вырвал край своей одежды из рук крестьянина и глухо произнес:

— Если я побледнел от твоего рассказа, то каково было Марко, когда он все это увидел! А что было дальше?

— Он рассказывал отцу, что у него не было даже сил снова завязать мешок. Он боялся, что Спалатро вот-вот вернется и увидит его около мешка. Единственной мыслью было поскорее убраться из этого дома. Он уже слышал шаги Спалатро, но через другую дверь ему

удалось убежать из комнаты, а затем из дома. Его не остановили ни дождь, ни ветер. Он бежал без оглядки, сам не зная куда, не останавливаясь, и всю ночь затем провел в лесу, где его жизнь подвергалась опасности.

— Почему после этого Спалатро не был арестован? — спросил внезапно Скедони. — Чем все это кончилось?

— Старый Марко после этой ночи слег. Немудрено, ведь он порядком промок и был напуган. У бедняги началась горячка, он бредил и говорил такое в бреду, что, когда пришел в себя, ему все равно уже никто не верил. Думали, что он все еще бредит.

— Твой рассказ тоже похож более на бред, чем на правду, — заметил монах. — Я понимаю тех, кто не поверил бредням старика.

— Не скажите, синьор. Через некоторое время все начали думать иначе, а кое-кто попробовал даже кое-что разузнать. Но что могли сделать эти простофили? Ведь ничего нельзя было доказать. Обыскали дом, он был пуст. Этот человек исчез, в доме ничего не нашли. С тех пор он долго стоял заколоченным, пока в нем не появился Спалатро. Марко уверен, что это был тот самый человек, которого он там видел в ту ночь, но он не готов был в этом поклясться.

— Значит, ты и сам не очень уверен, что эта длинная история имеет отношение к Спалатро? — спросил монах. — Может, все это выдумка?

— Не знаю, что вы называете уверенностью, синьор, но мы все в это верили. Но самое странное в этой истории еще впереди. Вот уж этому действительно трудно поверить, если...

— Хватит с меня того, что ты уже рассказал, — резко прервал крестьянина Скедони. — Можешь больше не рассказывать.

— Но я и половины вам не рассказал, синьор! Когда я сам это услышал, поверьте, меня это так потрясло, что я...

— Я достаточно терпеливо слушал эту нелепую историю, — решительно заявил Скедони, — но не вижу в ней никакого смысла. Вот возьми, все, что я тебе должен. Ты свободен.

— Что ж, синьор, видимо, вам известно, чем эта история закончилась, иначе вы захотели бы дослушать ее. Но все же вы не знаете самого невероятного в ней... Когда я услышал, у меня волосы встали дыбом...

— Довольно этой ерунды, — резко прервал его монах. — Я жалею, что потерял столько времени, слушая всякие рассказы. Можешь идти. Скажи хозяину, чтобы зашел ко мне.

— Ладно, синьор. Если вас это не интересует, тут уж ничего не поделаешь. Но...

— Однако останься, — вдруг сказал Скедони. — Я посоветую тебе, как безопасно пройти мимо виллы, где может прятаться Спалатро. Хотя история, которую ты мне рассказал о нем, может вызвать лишь улыбку.

— Да я и половины ее не рассказал вам, синьор! Если бы вы ее дослушали до конца...

— Да, улыбку, — повысив голос, повторил монах.

— Нет, синьор, тут я с вами не согласен. Я мог бы присягнуть...

— Послушай меня, приятель, — прервал его Скедони. Голос его насторожил крестьянина. — Хотя я мало верю в твою историю, но мне кажется, этот Спалатро — отчаянный тип и тебе надо его остерегаться. Если ты столкнешься с ним, он, чего доброго, захочет свести с тобой счеты. К твоему ружью неплохо бы иметь вот этот кинжал. Возьми его.

Скедони вытащил кинжал, который хранил на груди, но это был не тот, который он обычно носил с собой, и протянул его проводнику. Тот с каким-то тупым удивлением взял его. Затем монах подробно рассказал ему, как пользоваться этим кинжалом.

— Благодарю, синьор, за заботу, но разве этот кинжал чем-то отличается от других? Разве им как-то особо надо пользоваться?

Скедони мрачно посмотрел на крестьянина, а затем после паузы сказал:

— Конечно, нет, но я хотел, чтобы ты наилучшим образом воспользовался им. А теперь прощай.

— Спасибо, синьор, но думаю, кинжал мне ни к чему. Мне хватит и моего ружья.

— Кинжал сподручней, — ответил Скедони, отказываясь взять его обратно. — Пока ты будешь перезаряжать ружье, твой противник может воспользоваться своим кинжалом. Оставь его у себя, приятель. Он заменит тебе десяток ружей. Спрячь его.

Скорее вид Скедони, чем его слова возымел действие, и крестьянин принял этот странный подарок. Сделал он это с явной неохотой. Когда он уже покидал комнату, Скедони крикнул ему вслед:

— Пришли ко мне побыстрее хозяина гостиницы. Я немедленно отправляюсь в Рим.

— Хорошо, синьор. Вам повезло. Здесь развилка, и одна из дорог ведет прямо в Рим. А я думал, вы едете в Неаполь.

— Нет, в Рим, — ответил Скедони.

— Значит, в Рим, синьор. Желаю вам благополучно доехать, — сказал проводник и покинул комнату.

А в это время Эллена ломала голову, как уговорить Скедони позволить ей остаться на вилле Алтиери или же вернуться в монастырь Санта-Мария-дель-Пианто, где ее знают. Более всего она боялась оказаться в чужом монастыре даже вблизи Неаполя. План Скедони означал бы для нее, измученной невзгодами, выпавшими на ее долю, длительное одиночество среди незнакомых людей и конец всем мечтам о близком счастье с Винченцо. Этот план виделся ей как очередное заключение, а любая игуменья, кроме той, которую она знала в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, такой же безжалостной тюремщицей, какой была игуменья в Сан-Стефано. Она печально предавалась этим нерадостным мыслям, когда Скедони послал за ней. Она нашла его необычно взволнованным и готовящимся к отъезду. Экипаж уже ждал их, и он попросил Эллenu поторопиться. Когда та спросила о проводнике, то узнала, что он отпущен и уже ушел. Ее удивило столь внезапное его исчезновение.

Они, не медля, тронулись в путь. Скедони был молчалив, погружен в свои мысли, и Эллена, увидев выражение его лица, сочла, что ей не стоит говорить с ним о том, что ее более всего волновало. Так, в полном молчании, они ехали в течение нескольких часов, направляясь в Неаполь, вопреки тому, что сказал Скедони проводнику.

В полдень они остановились в каком-то городке на обед, и, когда Эллена услышала, как Скедони наводит справки о ближайших монастырях, она решила более не откладывать свой разговор с ним. Мысль о том, что она может быть оторвана от родных мест и людей, которые знают ее и которым она доверяет, привела ее в смятение.

Скедони милостиво выслушал ее, но его мрачное лицо не сулило ничего хорошего. Эллена терялась в догадках, как склонить его на свою сторону. Стоит ли ей прибегнуть к хитрости или другим уловкам в разговоре с ним?

Все же она начала с обстоятельств для нее самых важных, но которые могли наименее всего тронуть Скедони, однако закончила тем, что казалось главным для него. Эллена попыталась убедить его, что ее пребывание на вилле Алтиери можно обставить так, что это останется для всех тайной.

Всегда хладнокровный и расчетливый, Скедони, то ли движимый иными опасениями, то ли увидев в этом надежный выход, в конце концов согласился на ее возвращение на родную виллу и последующее пребывание в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, как это и предполагалось до ее похищения. Это показалось ему безопасней, чем самому помещать ее в какой-нибудь другой монастырь, как бы далеко от Неаполя он ни был, но где ему придется самому представлять ее. Единственное, что смущало его, было то, что она будет так близко от маркизы ди Вивальди. Той могут рассказать об этом, а зная маркизу, он мог опасаться самого наихудшего.

Было ясно, что в любом случае при выборе убежища для Эллены угроза ее безопасности все равно оставалась. Однако в большом, надежно охраняемом монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, где Эллenu знали с детства и где игуменья и сестры не остались бы безучастны к ее судьбе, она будет более надежно защищена от коварных происков маркизы. Впрочем, с горечью думал монах, любые предосторожности могли оказаться

тщетными перед злобой и изощренной хитростью его приятельницы. Однако если Эллена появится там, как предполагалось ранее, это ни у кого не вызовет подозрений и тайна Скедони будет сохранена. Это, в сущности, беспокоило его более всего, так что даже безопасность Эллены отходила для него на задний план. Итак, решение было принято: Эллена укроется в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто.

Со слезами на глазах благодарила его девушка за заботу и сострадание, хотя все прежде всего отвечало личным целям и интересам Скедони.

Конец их путешествия прошел без особых приключений. Скедони почти все время пути был угрюм и молчалив, а Эллена, полностью погруженная в мысли о Винченцо, была рада затянувшемуся молчанию.

Когда перед ними открылись окрестности Неаполя, буря чувств овладела Элленой, а увидев на горизонте знакомую вершину Везувия, девушка, не в силах скрыть своего волнения, расплакалась. Вид Неаполитанской бухты и родного ландшафта всколыхнул в ее душе счастливые воспоминания о доме, любимом и о том счастье, которое им не довелось изведать. Вся гамма чувств овладела ею — сожаление, печаль, надежда и приятные ожидания. Она не знала, какое из этих чувств было сильнее.

Монаху, то и дело бросавшему взгляды на лицо Эллены, казалось, что он читает все ее мысли и чувства. Но он ошибался. Бессердечному и черствому, ему не дано было понять всю чистоту и глубину чувств той, кого он считал своей дочерью, при виде дорогих ее сердцу родных мест.

Чтобы никто не видел, Скедони решил въехать в город, когда совсем стемнеет. Когда экипаж остановился у ворот виллы Алтиери, было уже совсем темно. С грустью смотрела Эллена на покинутый ею родной дом, ожидая, когда откроют ворота. Как часто у них она встречала Винченцо! Наконец появилась встревоженная старая Беатриса. Встреча их была радостной и нежной.

Скедони, отпустив экипаж, тоже вошел в дом, чтобы сменить костюм горожанина на привычную сутану.

Прежде чем он ушел, Эллена отважилась спросить его о Винченцо. Она тревожилась о его судьбе. Скедони, отлично осведомленный обо всем, однако, промолчал и лишь пообещал все разузнать и сообщить Эллене. Это вселило надежду в душу девушки, измученной неопределенностью, а также позволило думать, что Скедони наконец, узнав Винченцо, одобрит ее выбор. До сих пор он избегал говорить с ней на эту тему. Прощаясь, он предупредил ее, что они увидятся не скоро, ибо он все должен подготовить к тому дню, когда официально сможет признать ее своей дочерью. Если возникнет необходимость, он напишет ей письмо, а также сообщил, куда ему можно писать, но обязательно под вымышленным именем, и указал место, довольно отдаленное от его монастыря.

Эллена, понимавшая необходимость какой-то предосторожности, однако, выразила свое удивление, но монах не стал ничего объяснять ей. Особенно настойчиво он советовал Эллене до поры до времени не открывать тайну своего рождения и не задерживаться на вилле ни одного лишнего дня, а поскорее поселиться в монастыре. Все это он высказал ей самым решительным и даже строгим тоном, словно не только хотел внушить важность его наставлений, но и для того, чтобы произвести впечатление.

Выполнив таким образом свой отцовский долг, Скедони покинул виллу через заднюю калитку, направившись незамедлительно в доминиканский монастырь. Здесь его приняли, как брата, вернувшегося из паломничества. Он снова стал прежним суровым аскетом, отцом Скедони, священником храма Святого Духа.

Самой главной его задачей было оправдаться перед маркизой ди Вивальди, а для этого он должен был решить, что следует ей рассказать, а о чем лучше умолчать. Ему также предстояло постараться предугадать ее действия в случае, если она узнает правду. Второй, не менее важной задачей было освобождение Винченцо. Это во многом зависело от его встречи с маркизой. Именно поэтому он вынужден был поставить эту задачу второй по важности.

ГЛАВА III

Под Одиночества молчавшим кровом
Пусть улыбнется Мир;
Довольства душу
Пусть веселит спокойный ход событий,
И Гнев пускай сюда не досягнет,
Здесь места нет для злобного Отмщенья —
Они безумья пламя воспалят.

У. Мейсон. Эльфрида

Скедони, отправившись во дворец ди Вивальди, заново мысленно проверял свои доводы, которые намеревался пустить в ход, чтобы заставить маркизу примириться с браком ее сына на Эллене. Сам из знатного, хотя и обедневшего рода, он был уверен, что главная причина недовольства маркизы такой невестой, как Эллена, теперь будет устранена. А раз это так, то она не станет гневаться на него за то, что он не выполнил ее поручения.

Прибыв во дворец, он узнал, что маркиза находится на своей вилле на побережье. Прелестный дом на самом краю мыса, далеко уходящего в море, в окружении роскошного парка, располагавший к отдыху и успокоению, казалось, не допускал самой мысли, что в нем могут поселиться тревога, злоба и страх. Тем не менее маркиза не находила себе места. Душа ее была снедаема темными страстями, жадной мести и недобрыми предчувствиями.

Слугам было приказано в любое время доложить ей о приходе Скедони. Поэтому он был немедленно препровожден к ней. Маркиза была одна в гостиной, где все говорило о роскоши и немалом вкусе — сводчатые потолки, расписанные лучшими художниками венецианской школы, мраморная скульптура, тяжелые пурпурные, шитые золотом драпировки. Узорчатые ставни были распахнуты и позволяли видеть бескрайние голубые просторы Неаполитанской бухты. Ветерок доносил запах моря и благоухание цветников. Тенистый парк укрывал виллу от палящих лучей солнца. Отсюда был виден Везувий и Неаполь.

Маркиза полулежала на софе перед окном. Ее неподвижный взгляд был устремлен на открывавшийся ее взору простор, однако она, казалось, ничего не замечала. Черты ее все еще красивого лица застыли в гримасе, выражавшей недовольство и физическое недомогание. Увидев Скедони, она слабо улыбнулась и протянула ему обе руки. От их холодного прикосновения Скедони невольно содрогнулся.

— Я так рада видеть вас, мой дорогой друг, — только промолвила маркиза. — Мне так не хватало вашего общества, особенно сейчас, когда мне нездоровится.

Она знаком велела слуге оставить их. Скедони, приближаясь к ней, почувствовал странную тревогу, впервые подумав о маркизе как о враге его родной дочери. Ему стоило труда скрыть это. Однако приветливость маркизы помогла ему быстро совладать с собой.

— Дочь моя, когда вы отправляете меня и ваш доминиканец лишен общения с вами, он всегда предстает перед вами после разлуки несколько неуверенным в себе.

После взаимных комплиментов и любезностей воцарилась недолгая пауза, ибо каждый словно предоставлял другому начать разговор, который более всего интересовал и пугал обоих. Если бы Скедони не был столь поглощен своими мыслями и опасениями, он бы сразу заметил необычное состояние маркизы. Казалось, она была напряжена до предела, щеки ее то вспыхивали, то бледнели, глаза избегали его взгляда, дыхание было неровным. Она хотела, но не решалась спросить об Эллене у того, кого уже считала ее убийцей.

Скедони, хотя внутренне и более спокойный, тоже не спешил встретиться взглядом с маркизой, которая вдруг вызвала в нем чувство, похожее на гнев. Однако каждая секунда молчания лишала его решимости и даже способности произнести имя Эллены. Он боялся,

что сразу же, без обиняков, скажет маркизе, что девушка жива. А ведь ему прежде предстояло подготовить маркизу, рассказав ей о благородном происхождении девушки, а затем уговорить ее и успокоить.

Но маркиза опередила его.

— Святой отец, — сказала она с печальным вздохом, — я всегда искала у вас утешения и всегда находила его. Вы знаете, что более всего мучает меня. Могу ли я считать, что причины моего беспокойства отныне уже не существует? — Здесь она остановилась и, помолчав мгновение, добавила: — Могу ли я надеяться, что мой сын более не будет пренебрегать своим сыновним долгом?

Скедони, опустив глаза, ответил не сразу, словно собирался с мыслями.

— Главной причины вашей тревоги и озабоченности более нет, маркиза, — промолвил он наконец и тут же снова умолк.

— Как? — воскликнула маркиза, и в голосе ее он уловил испуг и нотки недоверия. — Вам не удалось, святой отец? Значит, она жива?

Прямота вопроса, взгляд, устремленный на монаха, свидетельствовали о крайней степени ее волнения и нетерпения.

— Развейте мои опасения, святой отец. Избавьте меня от мучительных терзаний, умоляю вас. Скажите, что вы совершили правосудие и она понесла заслуженное наказание.

Скедони поднял глаза на маркизу, но снова опустил их. Ужас и отвращение охватили его.

И хотя ничего не отразилось на лице монаха, маркиза была напугана тем, что увидела в его глазах. Таким она его не знала. Но это еще больше усилило ее нетерпение, и она повторила свой вопрос, теперь уже решительно и требовательно.

— Я выполнил самое главное, — сказал Скедони. — Вашему сыну более не грозит позор недостойного брака.

— Что же не удалось вам сделать, святой отец? — настаивала маркиза. — Я догадываюсь, что в чем-то вы потерпели неудачу.

— Я бы не назвал это неудачей, маркиза. Самое главное все же удалось сделать — спасти честь вашей семьи... А также спасена жизнь...

Голос его дрогнул, и казалось, он вновь пережил ужас того момента, когда склонился над собственной дочерью с кинжалом в руках.

— Спасена жизнь? — непонимающе воскликнула маркиза. — Объяснитесь, святой отец!

— Она осталась жива, — ответил Скедони. — Но вам более нечего ее опасаться.

Маркиза была потрясена не столько тоном, каким это было сказано, сколько тем, что означали для нее эти слова. Она изменилась в лице.

— Вы говорите загадками, святой отец, — нетерпеливо и резко промолвила она.

— Отнюдь нет, маркиза. Я говорю прямо: она жива.

— Я это поняла, но вы сказали, что мне более нечего опасаться.

— Я сказал вам правду, — быстро перебил ее монах. — И ваша добрая натура должна возрадоваться, ибо справедливость позволяет вам теперь проявить милосердие.

— Все эти комплименты и красивые слова, — резко возразила маркиза, не скрывая раздражения, — подобны праздничному наряду, который надевают в ясный погожий день. Но дни мои ненастны, и я нуждаюсь в здравомыслии и трезвой оценке. Расскажите мне об обстоятельствах, столь резко изменивших все, святой отец, прошу вас, только немедленно и как можно короче!

Это позволило Скедони, пустив в ход все свое красноречие и дар убеждения, представить маркизе в наилучшем свете историю семьи Эллены и умело сочинить вполне правдоподобную версию того, как ему удалось узнать все это. Далее он приложил все силы, чтобы смягчить сердце маркизы и склонить ее к согласию на брак ее сына с Элленой.

Маркиза с нетерпением ждала, когда он закончит свой рассказ. Она, помимо жестокого разочарования, испытывала также гнев и раздражение. Поэтому, когда он умолк, она более

не сдерживала себя.

— Похоже, вы тоже пали жертвой чар этой девицы, — зло заметила она. — Как могли вы оказаться столь легковверным, что поверили этой выдумке? Ведь она могла прибегнуть ко лжи! Признайтесь, скорее всего, в самый последний момент решимость оставила вас, и теперь вы пытаетесь как-то оправдать свое малодушие.

— Я не так легковверен, как вы полагаете, маркиза, — помрачнев, ответил монах, — кроме того, я привык поступать так, как считаю нужным и как мне велит справедливость. На ваше обвинение в малодушии я вообще не стану отвечать. Не в моем характере оправдываться. Еще никто не мог упрекнуть меня в вероломстве.

Испугавшись, что гнев заставил ее перейти границы осторожности, маркиза попросила прощения, сославшись на свою обеспокоенность тем, что произошло. Скедони милостиво принял ее извинения, ибо каждый из них сознавал, сколь он зависит от другого. Затем постарался убедить маркизу, что многое из того, что он рассказал об Эллине, подтверждено другими весьма надежными источниками, намекнув на некоторые обстоятельства, и еще раз доказал, изошренно и легко, как его собственные интересы могут взять верх над истиной. Будучи уверенным, что маркиза ничего не знает о его прошлом, он даже рискнул открыть ей такие подробности о семье Эллины, которые вполне могли вызвать подозрение у маркизы относительно его чрезмерной осведомленности.

Хотя эти заверения не убедили и не успокоили маркизу, она старалась казаться спокойной и более не выдавать себя. Тем временем Скедони деликатно коснулся чувств юного Винченцо к Эллине и постарался убедить маркизу в том, что они достойны понимания. Ее согласие на брак сына с избранницей его сердца принесет маркизе долгожданное успокоение. О себе добавил, что, сколь искренне он ранее осуждал юношу за недостойный выбор, теперь же, узнав правду об Эллине, столь же искренне готов помочь ему. Он также не преминул легонько пожуричь маркизу за сословные предрассудки и выразил уверенность, что это не мешает ей быть мудрой.

— Зная ваш ясный ум и способность всему давать правильную оценку, я уверен, что для вас превыше всего будет счастье вашего сына.

Та горячность, с которой Скедони теперь отстаивал интересы Винченцо, удивила маркизу, но она, однако, воздержалась от каких-либо замечаний, а лишь осведомилась, знает ли Эллина, почему она была похищена во второй раз и оказалась в доме на побережье, и подозревает ли кого-либо конкретно в злых намерениях против нее.

Скедони, мгновенно оценив опасность разговора на эту тему и с обычной ловкостью поступившись совестью ради своей безопасности, заверил маркизу, что Эллина теряется в догадках, однако никого конкретно не подозревает. Свое пребывание в монастыре Сан-Стефано она считала временным и была уверена в скором возвращении домой.

Если маркиза готова была поверить второму утверждению монаха, то первое вызвало у нее сомнения, а вследствие этого она готова была подозревать во лжи как Эллину, так и Скедони. Теперь ее мучил вопрос, что побудило Скедони солгать ей. Она решила спросить Скедони, где находится Эллина. Она задала этот вопрос как бы мимоходом и заметила, как Скедони предпочел не отвечать на него и тут же заговорил о Винченцо. Но и здесь он не отважился сказать маркизе правду, а лишь предложил ей свою помощь в возвращении ее сына в родной дом.

Сама маркиза, пребывая в уверенности, что ее сын занят поисками Эллины, не выказала особой тревоги, а лишь задала монаху несколько несущественных вопросов, свидетельствующих не о ее обеспокоенности судьбой сына, а скорее о раздражении и гневе на него. Скедони осторожно отвечал на все вопросы, попутно сам задавая свои. Он сочувственно справился, как маркиза переносит столь длительную разлуку с сыном, чтобы определить для себя срочность и степень тех усилий, которые он должен предпринять, чтобы вернуть Винченцо в отчий дом. Правда, он узнал, что старому маркизу ди Вивальди далеко не безразлично исчезновение сына. Если ранее он думал, что тот ищет Эллину, теперь его беспокоят и другие опасения. Лишь сильная занятость при дворе да светские обязанности

мешают ему серьезно заняться его поисками. Истинная правда о судьбе, постигшей Винченцо, не была известна ни маркизу, ни маркизе ди Вивальди, как убедился в этом Скедони, но это вполне устраивало его.

Прежде чем покинуть виллу, он еще раз замолвил словечко за молодых людей, однако маркиза, рассеянно слушавшая его, внезапно, словно придя в себя, сказала:

— Святой отец, вы ошиблись... — и вдруг снова умолкла.

Решив, что он знает, что возразить ей, Скедони снова стал защищать чувства Винченцо к Эллине, но маркиза прервала его.

— Вы ошиблись, святой отец, — сказала она, — поместив туда Эллену. Мой сын найдет ее там.

— Он найдет ее, где бы она ни была, — ответил Скедони, решив, что знает, к чему клонит маркиза. — Все равно долго прятать ее не удастся.

— Не безопасней ли было бы укрыть ее в месте более отдаленном от Неаполя? — заметила маркиза. Поскольку Скедони ничего не ответил, она продолжала: — Так близко от дома Винченцо. Как вы думаете, каково расстояние между монастырем Санта-Мария-дель-Пианто и дворцом Вивальди?

Если раньше Скедони полагал, что высказываемые маркизой догадки о местопребывании Эллены были лишь попыткой вывести у него, где находится девушка, то, когда маркиза так точно назвала монастырь, это явилось для него полной неожиданностью. Однако он тут же, не задумываясь, ответил:

— Мне трудно сказать, маркиза, ибо я до этой минуты не знал, что в окрестностях Неаполя есть такой монастырь. Похоже, именно его мне и следовало избегать. Как вы могли подумать, что я могу быть столь неосторожным?

Все это время маркиза не сводила пристального взгляда с его лица, и это тревожило монаха.

— Позвольте, святой отец, в данном случае усомниться в вашей осторожности, ибо вы мне дали для этого повод.

Маркиза тут же переменяла тему разговора. Однако Скедони, опасаясь самых страшных последствий того, что убежище Эллены раскрыто, попытался переубедить ее, утверждая, что Элена находится далеко от Неаполя, в местах столь глухих и никому не известных, что Винченцо едва ли сможет найти ее там.

— Охотно верю, святой отец, — язвительно заметила маркиза. — Ему действительно никогда ее там не найти.

Поверила ему маркиза или нет, но она более не выказывала любопытства и, заметно успокоившись, перевела разговор на другую тему. Скедони тоже не осмеливался говорить о том, что его более всего интересовало. Поддержав какое-то время светский разговор с маркизой, он вскоре откланялся и покинул виллу. По пути в Неаполь он еще раз восстановил в памяти разговор и пришел к заключению более не возвращаться к этой теме, а как можно скорее помочь Винченцо и Эллине сочетаться законным браком.

Маркиза после ухода Скедони еще долго оставалась в состоянии нервного напряжения и разбуженного любопытства ко всему, что произошло. Странная перемена, происшедшая со Скедони, столь же поразила ее, сколь и разочаровала. Она терялась в догадках, пытаясь объяснить или понять ее.

Иногда в голову приходила нелепая мысль, что Винченцо подкупил его, но она тут же гнала ее, однако, вспомнив, как сама весьма успешно использовала этот прием со Скедони, готова была снова в нее поверить. Для нее теперь было ясно, что в этом деле она не может более полагаться на Скедони, и она успокаивала себя мыслью, что сможет с успехом заменить его кем-то более надежным. Она тоже приняла решение в разговоре со Скедони никогда более не касаться этой темы. Отныне она сама должна довести до конца все задуманное, а со Скедони будет вести себя так, будто ничего не произошло и их отношения остались прежними. Он не должен догадываться о том, что она ему не доверяет. Более того, он должен поверить, что маркиза не намерена в дальнейшем предпринимать что-либо против

ГЛАВА IV

Вкусить бы
Таинственные радости достоинств,
Скользящим шагом по лугам пройти.
Пройти вдоль глади сельского потока!
Или, когда похитит нас Надежда,
Провидеть бы, что ждет нас; предвкушать
Счастливейший час...

Томсон

Эллена, послушная наставлениям Скедони, поспешила на следующий же день покинуть виллу Алтиери и поселиться в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто. Мать настоятельница, знавшая Эллену с детства и горячо любившая ее, радушно приняла девушку. Узнав трагические причины, заставившие ее покинуть родной дом, она прониклась к ней искренним состраданием.

В тиши монастырских рощ Эллена тщетно искала успокоения. Ее не оставляла тревога за судьбу возлюбленного. Теперь, когда она оказалась в относительной безопасности, мысль о том, какие страдания могут выпасть на долю ее дорогого Винченцо, не давала покоя. Каждый новый день заставлял ее сомневаться в том, что Скедони поможет ей узнать что-либо о Винченцо.

Если бы не сочувствие и доброжелательность окружающих, ей едва ли удалось бы так быстро прийти в себя. Ни игуменьи, ни сестры не узнали истинной причины ее печали, но они все понимали, что она несчастна, и старались, как могли, помочь ей. Монастырь Санта-Мария-дель-Пианто был одной из немногих обителей, где, благодаря мудрости и доброте игуменьи, в сестринской общине царили радость и согласие. Мать настоятельница являла собой образец тех достоинств, которые украшают собой великое дело служения ближнему. Полная достоинства, она никогда не казалась высокомерной, ее служение вере было лишено предрассудков и фанатизма, будучи доброй и сострадательной, она умела быть решительной и твердой. Она обладала высоким чувством справедливости, позволявшим судить строго, но праведно. Ее замечания были вежливы и обезоруживающе доброжелательны и вызывали вместо тайного раздражения искренние слезы раскаяния. Ее любили, как родную мать, и уважали, как справедливого судью. Все ее недостатки, если она их имела, восполнялись щедростью сердца и спокойствием духа. Ее религия была светлой и непревзойденной, щедрым даром, приносимым Всевышнему от всей чистоты сердца. Она следовала всем канонам римской церкви, однако не считала неукоснительное соблюдение каждого из них залогом спасения души. Но это свое убеждение она вынуждена была хранить в тайне от многих ревностных поборников веры, которые тем не менее во многих своих действиях противоречили тому, чему пытались учить.

В своих проповедях монахиням она редко говорила о канонах веры, но больше старалась внушить им чувство морального долга, особенно необходимого в том обществе, к которому она сама некогда принадлежала, гармонию и ясность ума, доброту, милосердие и искреннюю преданность избранному делу. Когда она беседовала на религиозные темы, ее беседы были неизменно увлекательны и полны прекрасного, что так трогало сердца ее восхищенных слушательниц, очищало и успокаивало их, приобщало к чему-то высокому и важному.

Обитель представляла собой одну большую семью, а не случайное сборище чужих друг другу людей. Это особенно проявлялось во время лекций игуменьи или на вечерних мессах.

В своих подопечных игуменья поощряла добрые начинания, и многие из сестер преуспели в музыке и хоровом пении. Это всегда привлекало в праздничные дни толпы прихожан в монастырскую церковь.

Монастырь был достаточно богат, владея ольховой плантацией, виноградником, полем, где выращивались зерновые, ореховыми, миндальными, апельсиновыми и лимонными рощами. В монастырском саду на склоне холма, спускавшегося к заливу, произрастало все, что позволял благодатный климат этой страны. С этого холма видны были широкие дали: на юге — остров Капри, где залив открывался в море, на западе — остров Искья с белоснежной вершиной Эпомео, а рядом — Прозида со своими многоцветными утесами, далее к северу — далекие берега Байи, залив Поццуоли, города и села между Казертой и Неаполем.

Ближе был виден родной Неаполь, каменистые вершины Позолиппо, сады и рощи, крепость Сан-Эльмо, великолепный монастырь Шартре, набережная, мол и гавань.

Здесь любила Эллена проводить долгие часы, глядя на видневшуюся среди зелени крышу родной виллы и вспоминая Винченцо. Она могла здесь предаться своей печали, которую старалась скрывать от посторонних глаз. Иногда она пробовала читать или брала с собой карандаш и делала зарисовки. Но часто она просто думала о Винченцо. Шли дни, а от Скедони не поступило ни весточки. Когда Эллена вспоминала свою встречу с монахом, внезапное его признание, что он ее отец, — все это казалось ей чем-то нереальным, не имеющим отношения к ее истинной жизни. Иногда воспоминания о Скедони наводили на нее страх. Первое чувство, которое он вызвал в ней, было далеко от дочерней привязанности, и ей казалось, что она никогда не сможет любить и уважать его, как отца, хотя и многим ему теперь обязана.

Погруженная в свои мысли и воспоминания, она подолгу засиживалась в тени акаций, пока наконец солнце не скрывалось за утесом Мидено и звонил колокол к вечерне.

Среди монахинь многие были ей близки, но ни одна из них не смогла занять в ее сердце место сестры Оливии из Сан-Стефано. Воспоминания о ней всегда сопровождались чувством тревоги и вины, что она могла жестоко пострадать за свое сочувствие и помощь Эллене. Как хорошо и справедливо было бы видеть Оливию в счастливом и добром содружестве сестер в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, вместо того чтобы знать, что она испытывает на себе гнет недоброй и коварной аббатисы Сан-Стефано.

Эллене монастырь Санта-Мария казался надежным и, возможно, последним убежищем. Она не могла не думать о том, что сулит ей брак с Винченцо, какие опасности и невзгоды ее ждут, даже если Скедони удастся все уладить. Зная теперь характер маркизы, она не могла не впадать временами в отчаяние. Теперь Эллене были известны все ее недобрые замыслы в отношении ее, чудовищность которых не могло умалить милосердие, проявленное к ней Скедони. Во всяком случае, непреклонная враждебность и мстительная злоба маркизы по отношению к ней были теперь для нее очевидны.

И все же не это было самым мучительным для Эллены. Она не могла смириться с мыслью, что эта женщина была матерью Винченцо. Чтобы как-то снять тяжесть этого сознания, она старалась вспомнить все попытки Скедони обойти или сгладить вину маркизы за последние испытания, выпавшие на долю Эллены. Как бы ни огорчило бедную девушку все, что она узнала о матери Винченцо, трудно даже представить, что бы с ней было, узнай она истинный характер Скедони и его поступки. Что смогла бы она ответить, узнав, что он был прямым соучастником маркизы? Слава Господу, она этого не знала, как не знала, что он повинен в страданиях Винченцо. Знай она это, не захотелось ли бы ей навсегда остаться в монастыре в обществе святых сестер? Даже сейчас она не раз ловила себя на мысли, что обстоятельства могут заставить ее принять такое решение. Иногда она находила в этом утешение в минуты особого отчаяния. Если уход в монастырь останется ее последним выбором, она сделает этот выбор сама. Мать настоятельница ни словом, ни взглядом никогда не пыталась побудить ее к этому, не делали этого и сестры монахини.

ГЛАВА V

Узрел фантазии пугливый взгляд
Причудливые формы привидений
Коричневато-серого оттенка.
Их жесты странны и ужасен вид.

У. Мейсон. Карактакус

А пока происходили все эти события, Винченцо ди Вивальди и его верный слуга Паоло продолжали томиться в казематах священной инквизиции. Суд допрашивал их порознь. От Паоло так и не удалось получить каких-либо нужных показаний. Он продолжал твердить, что его господин ни в чем не виновен, а о себе мог только сказать, что вся его вина состоит в том, что он не захотел разлучаться со своим хозяином. Забыв об осторожности, он продолжал громко обличать тех, кто арестовал его, и требовал позволить ему быть вместе с его господином.

— Клянусь вам, ваше преосвященство, — горячо убеждал он главного судью, — я менее всего хотел бы попасть сюда по любой другой причине, кроме той, что я уже назвал: быть рядом с моим горячо любимым синьором Винченцо. Спросите у охраны, они отлично знают, что я сам напросился. Если они знали, что меня ждет, почему не предупредили? Это последнее место, где бы я хотел очутиться.

Судьи не препятствовали Паоло шумно выражать свое негодование, надеясь, что в азарте юноша каким-нибудь неосторожным словом выдаст своего хозяина. Они, однако, ошибались, ибо простодушный и искренний Паоло был тем не менее неглуп, а главное — был предан своему хозяину. Он прекрасно понимал, какую с ним вели игру. Когда же он понял, что ему поверили и тем не менее не собирались позволить видеться с Винченцо, его возмущению не было предела, и он, не стесняясь, дал выход своему гневу.

С большим трудом удалось охране снова водворить его в камеру. А судей его праведный гнев поверг в немалое замешательство.

Очередной допрос Винченцо длился дольше обычного. В зале суда присутствовало на сей раз больше инквизиторов, и вопросы их были многочисленны, однако Винченцо заметил, что все они словно договорились не упоминать причину его ареста. Винченцо понял, что она остается прежней, а именно той, которую сообщил ему священник-бенедиктинец в церкви: похищение монахини из монастыря. Отвечал он как прежде, но чувствовал себя более уверенным. Сознание своей невиновности помогало ему сохранять мужество и достоинство. В отчаяние его повергали лишь опасения за Эллену, на долю которой могли выпасть столь же тяжкие испытания в застенках инквизиции. В такие минуты выдержка могла изменить ему.

Не добившись желаемых результатов, судьи снова грозили Винченцо пытками.

Когда его снова вели в темницу, в одном из коридоров мимо них торопливо прошел человек, почему-то обративший на себя внимание Винченцо. Глядя ему вслед, он вдруг понял, что снова видит таинственного монаха с развалин крепости Палуцци. От невероятности подобной встречи он даже растерялся, а когда пришел в себя, тот уже был далеко в конце коридора. Винченцо попробовал окликнуть его, но монах скрылся в одной из дверей.

Устремившийся было за ним Винченцо был грубо остановлен стражем. Когда же юноша спросил у него, кто был этот человек, тот в недоумении справился, о ком он говорит.

— О том, кто только что прошел мимо нас, — взволнованно сказал Винченцо.

— Вы не в себе, синьор, — ответил страж. — Я никого не видел.

— Но он прошел совсем рядом, — настаивал Винченцо. — Я видел его, как вижу тебя сейчас, а полы его сутаны задели меня. Он инквизитор? Говори!

Страж изобразил на своем лице недоумение. Но от юноши не ускользнуло, что страж

сильно напуган, и он прекратил дальнейшие расспросы.

Минуя бесконечные коридоры с таинственными входами и выходами и множеством куда-то ведущих плотно запертых дверей, у одной из них он слышал странные звуки, напоминающие приглушенные крики или стоны.

— Что это за звуки? Они разывают мне сердце, — взволнованно спросил он стража.

— Еще бы, синьор, — как-то загадочно ответил тот.

— Откуда они? — переспросил Винченцо, чувствуя, как дрожь пробегает по его спине.

— Из камеры пыток, — коротко ответил страж.

— О Боже милосердный! — невольно вырвалось у юноши, и этот возглас был похож на стон.

Он ускорил шаги, минуя страшную дверь, а страж даже не стал его останавливать. Ведь он точно выполнил указания своих старших — провести Винченцо именно здесь, где слышны стоны тех, кого пытаются. Они должны были напомнить строптивому заключенному, что ждет его, если он и далее будет упорствовать.

В тот же вечер Винченцо в его темнице посетил человек, которого он доселе никогда не видел. На вид ему было около сорока или, возможно, пятидесяти лет. Он был серьезен, с внимательным взглядом, вел себя сдержанно и ничем не вызывал у Винченцо опасений. Однако когда он назвал себя и сообщил о цели своего визита, это показалось Винченцо не только странным, но и насторожило его. Он тоже был узником инквизиции, но выдвинутые против него обвинения, по его словам, были столь несущественны, что ему была оставлена некоторая свобода. Узнав об участии, постигшей Винченцо, он попросил разрешения навестить его. Побудило его к этому сострадание и желание своим сочувствием и советом облегчить его состояние.

Пока он говорил, Винченцо пристально следил за ним и подозрения его возрастали. Но он благоразумно постарался скрыть их от собеседника, который тем временем втянул его в беседу. Ответы Винченцо были сдержанны и кратки, но даже наступившие затем длительные паузы не обескуражили гостя. Среди прочих тем он коснулся также религии.

— Меня обвинили в ереси, — признался он, — и я теперь страдаю всем, кто оказался в моем положении...

— Значит, меня тоже обвиняют в ереси? — не удержавшись, прервал его Винченцо. — В ереси? — повторил он удивленно.

— Мои клятвы в том, что я не виновен, не помогли мне, — словно не слыша, продолжал незнакомец. — Меня подвергли пыткам. Муки были невыносимыми, и я признался...

— Прошу прощения, синьор, что прерываю вас, — снова не выдержал Винченцо, — но если вас подвергли столь страшным пыткам за самую малую, как вы говорите, провинность, то что же ждет того, чьи проступки суд сочтет более серьезными?

Незнакомец, казалось, был смущен таким вопросом.

— Мои проступки были незначительны, — снова повторил он, не зная, как ответить.

— Разве священный трибунал считает ересь незначительным проступком?

— Степень моей вины была столь незначительна... — снова повторил незнакомец, и лицо его покраснело от раздражения. — Меня лишь заподозрили...

— Следовательно, для священной инквизиции существует ересь большая и ересь малая? — добивался ответа Винченцо.

— Я чистосердечно признал свою вину, — наконец пришел в себя незнакомец и повысил голос, — и мне было даровано прощение. После незначительного наказания я буду отпущен и, возможно, через несколько дней покину тюрьму. Но прежде чем уйти отсюда, я счел своим долгом помочь товарищам по несчастью всем, чем могу. Если вы хотите известить родных или друзей, где вы находитесь, не опасайтесь назвать их имена, и я передам им от вас весточку...

Последние слова он произнес, понизив голос, словно опасался, что их могут услышать. Винченцо молча изучал лицо своего незваного гостя. Для него было чрезвычайно важным

дать знать родителям, где он находится, однако он не верил в искренность своего неожиданного доброжелателя. Что же кроется за этим визитом, думал он. Он знал, что камеры узников инквизиции нередко посещают ее осведомители. Выказав сочувствие и симпатию, они располагают несчастных к откровенному разговору, чтобы потом использовать это против тех, кто доверился им, или же против их родных и друзей, чьи имена были неосторожно названы.

На суде Винченцо уже рассказал, кто его родители и где проживают, так что ничего нового он не дал бы в руки инквизиции. Но сам факт того, что он пожелал воспользоваться тайными услугами, чтобы передать весточку домой, может обернуться против него. Эти соображения, недоверие к своему визитеру и его странное поведение побудили юношу отказаться от его помощи. Он лишь поблагодарил его, и тот весьма неохотно покинул камеру. На прощание он, однако, сказал, что, если непредвиденные обстоятельства задержат его в тюрьме дольше, чем он рассчитывает, он будет просить разрешения навестить Винченцо еще раз.

Прошло несколько дней, но Винченцо более ничего не слышал о своем новом знакомом. За это время его еще раз вызвали на допрос, окончившийся столь же безрезультатно, как и прежние два. Затем прошли три долгие и томительные недели одиночества, неопределенности и тяжелых раздумий, прежде чем он был вызван на свой четвертый допрос. На этот раз в судебном зале было многолюдно и царила какая-то зловещая торжественность.

Поскольку Винченцо упорно отказывался признать себя виновным, а новых улик против него не было, это никак не могло удовлетворить судей. Поэтому было решено, что по истечении трех часов он будет подвергнут особому допросу. А пока его снова препроводили в темницу. Эти часы ожидания были истинным наказанием для бедного юноши. Он знал, что его ждет, готовился к этому, но отчаяние не раз охватывало его, пока он беспокойно ходил по мрачной холодной темнице, пытаясь сохранить достоинство, не утратить мужество, выдержку и смелость, черпая силы в сознании своей полной невиновности.

Было уже за полночь, когда послышались шаги за дверью и чьи-то голоса. Он понял, что за ним пришли. Загремел засов, дверь отворилась, и вошли двое в черных одеяниях. Он понял, что его поведут в камеру пыток. Вошедшие молча накинули на него нечто похожее на темный плащ и вывели из темницы.

Они следовали по пустынным коридорам и галереям в гробовой тишине, словно здесь царил сама смерть, которой была безразлична судьба как узников, так и их палачей.

Наконец они спустились в просторную залу, где Винченцо уже был, когда впервые попал сюда, и, пройдя ее, вошли в один из коридоров, в конце которого ступени вели в подземелье. Его стражи молчали, а Винченцо, понимая, что любое его обращение к ним лишь усугубит его положение, тоже не промолвил ни слова. Все двери, через которые они проходили, открывались при первом же стуке одного из стражей, второй же нес факел, слабо освещавший им путь. Они прошли через подземелье, похожее на склеп, и наконец остановились перед еще одной железной дверью. После трех ударов жезла она, однако, не открылась сразу, и, пока они ждали, Винченцо, прислушиваясь, услышал за дверью стоны. Приглушенные массивной железной дверью, они, казалось, доносились откуда-то издалека. Сердце юноши сжалось, и мороз пробежал по коже.

Они стояли и ждали перед закрытой дверью, однако страж не повторил стука. Наконец она осторожно приоткрылась, и показавшийся в дверной щели человек обменялся знаками со стражей, после чего дверь снова захлопнулась. Про прошествии нескольких минут за нею послышались громкие голоса, что-то выкрикивавшие на незнакомом Винченцо языке. Стражник, державший факел, тут же погасил его. Голоса становились ближе, и наконец дверь отворилась, и в ее проеме Винченцо увидел две фигуры в черном. Темные одежды тесно обтягивали их тела, на лицах были маски, а монашеские капюшоны были такой необычной формы, что напоминали шутовские колпаки с длинным, до пят, верхом. Из прорезей в масках недобро блеснули глаза. Эти люди напоминали чертей из преисподней.

Видимо, их облачение должно было вселять страх в души тех несчастных, кто попадал в их руки. Винченцо подумал, что этот наряд, помимо того, что устрашает других, делает их самих неузнаваемыми. Кто бы они ни были, теперь он в их власти. Дверь за его спиной громко захлопнулась. Перед ним был узкий коридор, слабо освещенный фонарем под потолком, по бокам его стояли два палача. Они шли по коридору, пока он не закончился очередной дверью, которая на сей раз немедленно открылась при их появлении, чтобы пропустить их еще в один коридор, тоже заканчивающийся дверью. Пройдя и эту, уже третью дверь, они наконец остановились перед подобием железных ворот. Крики и стоны, столь испугавшие Винченцо, были теперь отчетливо слышны и доносились, казалось, со всех сторон.

Ворота им открыл человек в таком же устрашающем одеянии, как те двое, что вели Винченцо. Миновав еще одни двери, юноша оказался в просторной зале с высоким сводчатым потолком и стенами, затянутыми черной тканью, слабо освещенной единственным светильником. Как только Винченцо вошел, странный звук, похожий на эхо, пронесся вдоль черных стен и затерялся вдали. Винченцо не сразу понял, куда он попал, но даже потом, осмотревшись, при тусклом свете светильника он не смог разглядеть все. Какие-то фигуры, похожие на тени, двигались в разные стороны, на столах лежали орудия, применения которых он не знал, однако внутренне сжался от зловещих опасений. Он снова услышал стоны и невольно повернулся в ту сторону, откуда они доносились, как вдруг чей-то голос из дальнего конца залы велел ему подойти поближе.

Не видя никого, он медленно и неуверенно пошел в направлении голоса. Приказ был повторен, и тогда сопровождающие палачи быстро схватили его за руки и поволокли.

В дальнем конце залы под черным балдахином на возвышении восседали трое, то ли главные судьи, то ли главные палачи, он этого еще не знал. В стороне от них за столом сидел секретарь под низко опущенной лампой, освещавшей стол и лежавшие на нем бумаги. Вскоре Винченцо убедился, что трое на подиуме и есть высший суд инквизиции, состоящий из главного инквизитора, защитника и члена суда. Вид у всех троих был надменный и грозный.

На некотором расстоянии от стола секретаря Винченцо увидел подобие железной рамы и догадался, что это дыба, страшное орудие пытки, а еще дальше — что-то, напоминающее гроб. К счастью, он не разглядел, лежал ли кто в нем. В соседних с залой помещениях, куда, пересекая ее, время от времени кто-то входил и откуда доносились приглушенные стоны и крики, всякий раз, как отворялась дверь, должно быть, немедленно приводились в исполнение приговоры, выносимые здесь третейским судом.

Винченцо показалось, что он попал в ад. Сам вид этого места, зловещий ритуал суда и приготовления к нему, облик людей, совершающих суд, напоминали чистилище.

Что побуждает человека подвергать пыткам и унижению своего ближнего, того, кто не причинил никому зла ни словом, ни действием, с горечью спрашивал себя юноша. Но, взглянув на троицу на подиуме, ужаснулся тому, что эти люди не только добровольно взяли на себя эти чудовищные обязанности, но гордятся этим, как великой честью.

Главный инквизитор, еще раз повторив имя Винченцо, приступил к своим обязанностям. Он предложил Винченцо покаяться, дабы избежать тяжких мучений. Поскольку юноша на всех допросах говорил только правду и хорошо знал, что его ждет за это, он подтвердил, что не намерен менять свои показания и спасти себя ложью. Мысленно он допускал, что кто-то, может быть, и оправдал бы такую попытку спастись от жестоких пыток, но он знал, как могут пострадать другие от подобного решения, и прежде всего бедняжка Эллена. Нет, он, не колеблясь, был готов к любым испытаниям, ибо знал, что тот, кто вступает на путь ложных показаний, этим обрекает себя на гибель.

Его мучило то, что он не знает ничего об Эллене, не может поручиться перед судьями за ее невиновность, но он не решался здесь даже произносить ее имя, ибо это только вооружило бы инквизиторов новым, еще более изощренным средством мучить его. Они не должны знать ни о глубине его чувств к ней, ни о степени тревоги за ее жизнь, иначе не

преминут этим воспользоваться. Он может поставить под угрозу жизнь Эллены, а себя полностью отдаст в руки инквизиции.

В который раз суд призвал его признать свою вину. Наконец главный судья заявил, что в таком случае судьи снимают с себя ответственность за все последствия, не исключая смертельный исход. Но все было напрасно.

— Я невиновен, — еще раз твердо заявил Винченцо, — невиновен в том, в чем вы пытаетесь меня обвинить. Повторяю, невиновен! Ни дыба, ни другие пытки не заставят меня изменить мое заявление. Вина за мою смерть ляжет тяжким позором на ваши головы!

Главный инквизитор, внимательно выслушавший его, на мгновение задумался, однако член суда, явно разъяренный дерзким поведением юноши, сделал палачам знак приготовиться.

В это время Винченцо увидел в зале человека, в котором тотчас узнал монаха, встретившегося ему в коридоре тюрьмы. Юноша был слишком поглощен тем, что ждало его в ближайшие минуты, интерес его к незнакомцу не был столь сильным, как накануне. Однако, увидев его достаточно близко, он был поражен особым достоинством, с которым тот держался, и, взглядевшись в него, более уже не сомневался в том, что перед ним был таинственный монах с развалин крепости Палуцци.

Это побудило Винченцо спросить о нем у секретаря суда, что повергло того в полное смятение. В это время монах пересек залу и скрылся в дальней ее двери. Тем не менее это не остановило Винченцо, и он громко повторил свой вопрос. На это последовало довольно грозное замечание судьи, что он здесь не вправе задавать вопросы, особенно если они не относятся к делу. Бедняга секретарь изменился в лице.

В это время палачи, закончив приготовления, приблизились к нему и, сняв с него камзол и жилет, связали ему руки, завязали глаза и сверху накинули на него кусок темной ткани. Верховный суд начал свой допрос.

— Вы были когда-нибудь в церкви Святого Духа? — спросил главный судья.

— Да, — коротко ответил Винченцо.

— Вы позволяли себе проявлять неуважение к нашей святой религии?

— Нет, никогда, — твердо ответил Винченцо.

— Ни словом, ни действием?

— Никогда. Ни словом, ни действием.

— Напрягите вашу память, — предупреждающе изрек член суда. — Разве не вы оскорбили в этом храме священнослужителя нашей святой церкви?

Винченцо ничего не ответил, сразу догадавшись по характеру вопросов, какое обвинение суд намерен выдвинуть против него. Сообщаемых им достоверных фактов может оказаться недостаточно, чтобы обвинить его в ереси. Никогда еще ему не задавали таких прямых и точных вопросов. Видимо, приберегли на крайний случай, чтобы, не дав ему подготовиться, застать врасплох.

— Отвечайте! Не вы ли нанесли оскорбление католическому священнику в церкви Святого Духа в Неаполе?

— И сделали это в тот момент, когда он совершал покаянную молитву в храме, — добавил чей-то голос.

Винченцо вздрогнул, узнав голос монаха из Палуцци.

— Кто задает мне этот вопрос? — воскликнул он громко и требовательно.

— Вы здесь для того, чтобы отвечать на вопросы, а не задавать их. Отвечайте! — приказал главный инквизитор.

— Я оскорбил священника, — ответил Винченцо, — но я не оскорблял ни церковь, ни нашу религию. Вы не знаете, святые отцы, того горя, которое он причинил...

— Довольно, замолчите! — гневно перебил его главный инквизитор. — Отвечайте на вопрос. Вы оскорбили его и угрожали ему, чем вынудили святого отца прервать молитву, не так ли? Своими угрозами вы заставили его покинуть храм и укрыться в монастыре?

— Нет! — воскликнул Винченцо. — Он действительно покинул храм после моих слов,

но мог бы и не делать этого, если бы ответил мне на мои вопросы или пообещал вернуть в родной дом ту, которую так коварно отнял у меня. Он мог бы спокойно остаться в церкви и закончить молитву, я бы ему не помешал.

— Как? — возмутился главный судья. — Вы посмели прервать его беседу с Богом? Вы признаетесь в том, что заставили его покинуть храм Божий? Этого вполне достаточно, — заключил разгневанный главный судья.

— Где вы впервые увидели Эллину ди Розальба? — спросил знакомый голос.

— Я снова спрашиваю: кто задает мне этот вопрос? — повторил Винченцо.

— Не забываетесь! Подсудимый не имеет права что-либо требовать здесь, — раздраженно предупредил его главный инквизитор.

— Не вижу связи между вашим предупреждением и только что сделанным вами заключением.

— Вы слишком дерзко ведете себя, подсудимый. Отвечайте на вопрос, который только что был вам задан, иначе наши слуги исполнят свой долг.

— Пусть повторит вопрос тот, кто его задавал, — потребовал Винченцо.

Тот же голос повторил вопрос.

— Я впервые увидел Эллину ли Розальба в церкви Сан-Лоренцо, — с горестным вздохом произнес Винченцо.

— Тогда она уже была пострижена в монахини?

— Она никогда не постригалась в монахини и не собиралась этого делать! — горячо возразил Винченцо.

— Где она проживала в это время?

— Она проживала вместе со своей родственницей на вилле Алтиери. Она пребывала бы там и сейчас, но из-за коварных происков одного монаха она была увезена из родного дома и насильно заключена в монастырь. Когда я спас ее оттуда, ее снова похитили и выдвинули против нее самые лживые и недостойные обвинения... Святые отцы, я прошу вас, я умоляю!.. — Но здесь Винченцо, словно опомнившись, умолк, поняв, что раскрывает тайну своего сердца и отдает себя на милость инквизиторов.

— Назовите имя этого монаха! — промолвил голос.

— Если я не ошибаюсь, вы его знаете. Монаха зовут Скедони. Он доминиканец, из монастыря Святого Духа в Неаполе. Тот самый, который обвинил меня в нанесении ему оскорблений.

— Откуда вам известно, что это он обвинил вас? — спросил голос.

— Потому что он мой враг.

— Ваш враг? — переспросил инквизитор. — Ранее вы говорили, что у вас нет врагов. Вы непоследовательны в своих показаниях.

— Вас предупреждали о том, что вам не следует посещать виллу Алтиери? — спросил неизвестный. — Почему вы пренебрегли предупреждением?

— Это вы предупреждали меня, — решительно заявил Винченцо. — Теперь я это знаю.

— Я? — строго промолвил незнакомец.

— Да, вы! Вы предупредили меня о смерти синьоры Бианки. Вы и есть мой враг, тот самый отец Скедони, мой обвинитель!

— Кто задает эти вопросы? — неожиданно опомнился главный инквизитор. — Кто присвоил себе право допрашивать заключенного?

Ответа не последовало. Судьи взволнованно переговаривались. Наконец в наступившей тишине снова прозвучал голос неизвестного монаха:

— Я скажу только одно. — Было ясно, что обращался он к Винченцо, и тот это понял. — Я не отец Скедони.

Тон, каким это было сказано, не оставил у юноши сомнений, что монах сказал правду. Этот голос, продолжавший напоминать ему голос монаха из Палуцци, не мог быть голосом Скедони. Винченцо был потрясен. О, если бы он мог сбросить с себя это ужасное покрывало, сорвать с глаз повязки, увидеть говорившего! Но руки его были связаны. Он попросил бы его

назвать свое имя и объяснить ему все свои странные поступки там, в Неаполе, на развалинах старой крепости.

— Кто из посторонних присутствует в этой зале? — наконец произнес главный инквизитор голосом, который должен был бы повергнуть всех в трепет, однако лишь выдал собственный испуг судьи. — Кто, назовитесь!

Ответа не последовало. Снова тревожно зашептались судьи, в зале царила растерянность. Происходило что-то невероятное, и Винченцо, прислушиваясь, терпеливо ждал, чем все это кончится. Хлопнули двери, слышно было, как присутствующие покидают залу. Затем наступила тишина. Но он чувствовал за своей спиной сторожащих его палачей, ожидающих приказа, чтобы приступить к выполнению своих ужасных обязанностей.

Шло время. Наконец Винченцо услышал приближающиеся шаги, и кто-то отдал приказ освободить его и отвести в темницу.

Когда повязка была снята с его глаз, он увидел, что суд покинул залу. Не было и незнакомца. Догорал светильник, и зала все больше погружалась в темноту.

Палачи вывели его из залы и, доведя по коридорам до того места, где приняли его от тюремных стражей, снова передали им.

Вернувшись в камеру, Винченцо с удовольствием растянулся на соломенном матрасе и в темноте и тишине предавался размышлениям о том, что с ним произошло за последние несколько часов. Больше всего его мысли занимал загадочный незнакомец. Он постарался припомнить свои встречи с ним в окрестностях Неаполя и сегодняшнюю встречу здесь, в Риме, в коридорах инквизиции, и, сопоставляя их, старался понять, кто он, этот загадочный человек, и почему так странно расспрашивал его сегодня в зале суда. Он вспомнил свою первую встречу с ним на развалинах крепости Палуцци. Он направлялся на виллу Алтиери, а монах предупредил его не ходить туда. Вспомнил, как он заманил его и Паоло в подземелье крепости, продержав там ночь, а потом предупредил о смерти синьоры Бианки и похищении Эллены. Чем больше он думал над загадочным поведением монаха, тем больше склонялся к тому, что это были действия человека осведомленного и явно недоброжелательного по отношению к нему. Таким мог быть только Скедони. Бесспорно, он делал все это по приказанию его матери, решившей всеми способами воспрепятствовать общению Винченцо с Элленой. Итак, Скедони предупреждал его о том, что сам же готовил и совершал, поэтому и был так точен в своих предсказаниях. Вспомнив о зловещих обстоятельствах смерти синьоры Бианки, Винченцо похолодел от ужаса. А что, если это не только Скедони... Мысль была настолько чудовищной, что он тут же прогнал ее.

Однако воспоминания о встрече со Скедони в будуаре матери заставили его снова сомневаться, что таинственный монах и Скедони — это одно лицо. Так и не придя ни к какому заключению, усталый и измученный юноша наконец уснул.

Возможно, было уже около двух часов ночи, когда он внезапно проснулся от каких-то звуков в его темнице. Прислушавшись, он услышал лишь вой ветра. Когда он снова уснул, сон его был тревожен и полон кошмаров. Он видел фигуру монаха, который бесшумно приближался к его ложу. Лицо его было скрыто капюшоном. Но вот он его отбросил, и Винченцо увидел, что это не Скедони, а кто-то другой, незнакомый. Что-то странное было в его лице, недобро горели его глаза. Он не был похож на человека, а скорее на призрак. Вот он вдруг вынул кинжал и протянул его Винченцо. На кинжале были пятна, и Винченцо понял, что это кровь. Он в ужасе отшатнулся и закрыл глаза, а когда открыл их, монах уже исчез.

Из короткого забытья его вывел чей-то тяжелый стон. Испуганный Винченцо, открыв глаза, снова увидел фигуру монаха. Он стоял перед ним, и лицо его было скрыто капюшоном. Но теперь это был уже не сон, ибо он слышал его голос. Монах откинул капюшон, и Винченцо увидел то же лицо призрака, что видел во сне. Ужас охватил его. Вместо кинжала в руке монаха был фонарь.

— Это ваша последняя ночь, — тихо промолвил монах, — а завтра...

— Ради всего святого, кто вы, зачем пришли сюда? — воскликнул перепуганный

Винченцо.

— Не спрашивайте, а лучше отвечайте мне.

Винченцо поразили не только слова, но и тон, которым они были сказаны.

— Давно ли вы знаете отца Скедони? Где вы впервые увидели его?

— Я знаю его не более года. Он духовник моей матери. Впервые увидел его в коридоре родительского дома, когда он вышел из гостиной моей матери.

— Вы уверены, что все было именно так? Ваша память вам не изменяет? — справился монах, сделав странное ударение на последних словах. — Это очень важно.

— Да, уверен.

— Странно, — заметил монах после паузы. — Казалось бы, пустячная встреча, а вы ее запомнили. Значит, это отложилось в вашей памяти. За каких-нибудь пару лет мы многое успеваем забыть. — Он вздохнул.

— Я хорошо помню обстоятельства этой встречи, — сказал заинтересованный Винченцо. — Было уже довольно поздно, опускались сумерки. Он как-то неожиданно возник передо мной, а когда мы разминулись, он словно про себя произнес: «Звонят к вечерней мессе». Его голос поразил меня. Я услышал, что в это время действительно звонил колокол церкви Святого Духа...

— Вы хорошо знали его?

— Нет, он был знаком мне лишь внешне.

— Вы что-нибудь слышали о нем, о его прошлой жизни?

— Нет.

— Ничего необычного, что касалось бы его? — добавил монах.

Винченцо помедлил, прежде чем ответить, ибо вспомнил ту странную историю, которую не успел досказать ему Паоло, когда они с ним оказались в подземелье крепости Палуцци. Он говорил об одной исповеди в церкви Кающихся Грешников. Но Винченцо не мог утверждать, что это имеет отношение к Скедони. Он вспомнил также окровавленное монашеское одеяние, найденное там же, в подземелье крепости. Но все это показалось ему теперь таким же зловещим и нереальным, как присутствие этого монаха в его темнице сейчас.

— Вы слышали что-нибудь необычное об отце Скедони, отвечайте?! — Голос монаха на сей раз звучал сурово.

— Вам не кажется странным, что я должен отвечать на вопросы человека, который не пожелал даже назвать свое имя? — рассердился Винченцо.

— Мое имя давно предано забвению, его никто уже не помнит, — тихо ответил монах и отвернулся. — Я предоставляю вас вашей судьбе.

— Какой судьбе? — испуганно воскликнул Винченцо. — Какова же в таком случае цель вашего визита? Прошу вас, скажите.

— Вы вскоре сами все узнаете. Но будьте милостивы к себе.

— Какая же судьба меня ждет? — настаивал взволнованный Винченцо.

— Не спрашивайте меня более. Лучше отвечайте на мои вопросы. Скедони...

— Я рассказал вам все, что знаю о нем. А остальное лишь одни предположения...

— Какие предположения? Не относятся ли они к исповеди в церкви Кающихся Грешников? Церковь принадлежит монастырю Санта-Мария-дель-Пианто.

— Вы и об этом знаете? — удивленно воскликнул Винченцо.

— Что вам известно об этой исповеди?

— Ничего.

— Говорите правду, — строго приказал монах.

— Исповедь — это тайна. Она известна только исповеднику. Как могу я ее знать?

— Разве вы никогда не слышали о том, что отец Скедони повинен в многочисленных тяжелых преступлениях, которые пытается теперь замолить?

— Нет, не слышал, — испуганно промолвил юноша.

— Не слышали о том, что у него была жена... брат?

— Нет.

— О том, как он совершал свои убийства?..

Монах умолк, словно давал Винченцо время осознать весь ужасный смысл своих слов.

— Значит, вы ничего не знаете о Скедони? — снова промолвил он после долгой паузы. — Ничего о его прошлой жизни?

— Ничего, кроме того, что я уже сказал, — повторил Винченцо.

— Тогда внимательно выслушайте все, что я сейчас вам скажу, — произнес монах. — Завтра вечером вас опять поведут в камеру пыток. На этот раз вы попадете в камеру, которая помещается за залой суда. Там вы увидите много такого, о чем никогда не знали и не подозревали. Но не пугайтесь, я буду там, хотя и останусь невидимым.

— Невидимым? — в растерянности произнес юноша.

— Не перебивайте меня, а лучше слушайте. Если вас начнут спрашивать об отце Скедони, сообщите им, что в течение пятнадцати лет он скрывался под видом монаха в доминиканском монастыре Святого Духа, что в Неаполе. Когда вас спросят, кто он, назовите его имя: Фернандо граф ди Бруно. На вопрос, почему он скрывался, посоветуйте им справиться в церкви Кающихся Грешников, что в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, возле Неаполя. Потребуйте, чтобы вызвали в суд для показаний отца Ансальдо ди Ровалли. Он может рассказать суду об исповеди, которую ему пришлось выслушать вечером двадцать пятого апреля 1725 года, в конце праздника святого Марко.

— Столько времени прошло, что он может забыть об этой исповеди, — возразил Винченцо.

— Не беспокойтесь, он ее не забыл, — ответил монах.

— Но позволит ли ему его совесть нарушить тайну исповеди?

— Суд прикажет ему сделать это и, таким образом, снимет грех с его души за разглашение тайны исповеди, — сурово сказал монах. — Он не посмеет ослушаться приказа суда. Далее вы должны потребовать призвать к ответу отца Скедони за все те злодеяния, которые раскроет исповедник Ансальдо.

Монах умолк, ожидая от Винченцо ответа.

— Как могу я это сделать по подстрекательству незнакомого мне человека? Ни совесть, ни обыкновенная осторожность не позволят мне говорить то, что я не могу подтвердить доказательствами. Это верно, что у меня есть основания считать Скедони своим врагом, но я не могу быть несправедливым даже к своему врагу. У меня нет никаких доказательств, что он граф ди Бруно и повинен в тех преступлениях, о которых вы говорили. Я не хочу, чтобы меня использовали для вызова кого-либо в суд, где невинность не может найти защиты, а для осуждения на смерть достаточно всего лишь подозрения.

— Значит, вы подвергаете сомнению все, что я вам сказал? — надменно произнес монах.

— Как могу я верить, не имея доказательств? — защищался Винченцо.

— Есть вещи, не требующие доказательств. В вашем случае все именно так. Вам следует только сделать заявление суду. Я же свидетельствую перед Богом и людьми, что все, что я сказал, — сушая правда, — торжественно произнес монах, повысив голос.

Винченцо вздрогнул, увидев, каким недобрым огнем зажглись глаза монаха. Но выдержка не изменила юноше, и он бесстрашно спросил:

— Кто же тот, кто так уверенно свидетельствует? Почему мои заявления должны основываться на свидетельствах какого-то незнакомца? Почему по его требованию я должен обвинить другого, даже не зная его вины?

— Вас не просят выдвигать обвинения. Вы должны лишь потребовать вызова в суд тех, кто может сделать это.

— Однако я должен помогать им в этом, не так ли? А если обвинения окажутся ложными? — горячо возражал юноша. — Если вы так уверены в их достоверности, почему сами не можете вызвать на суд священника Ансальдо?

— Я сделаю даже больше, — ответил монах.

— Но и это тоже, надеюсь?

— Я сам буду на суде. — Это было сказано столь торжественно и подчеркнуто, что даже напугало Винченцо, однако он быстро спросил:

— В качестве свидетеля?

— Да, в качестве несчастного свидетеля, — как-то странно ответил монах.

— Разве свидетель не может потребовать у суда вызова любого, кого сочтет нужным? — неуверенно спросил юноша.

— Может, — ответил монах.

— Тогда почему вы просите меня, совершенно незнакомого вам человека, о том, что можете сделать сами?

— Не надо более вопросов, — остановил его монах. — А теперь скажите, вы сделаете суду заявления?

— Последствия моих заявлений могут оказаться столь серьезными, что я предпочитаю, чтобы это сделали вы.

— Когда я приказываю, вы должны повиноваться, — промолвил монах, грозно посмотрев на него.

Винченцо, испугавшись, попробовал вновь объяснить причину своего отказа. Он не хотел участвовать в этом странном деле.

— Я не знаю вас, святой отец, не знаю и священника Ансальдо, которого вы мне приказываете вызвать в суд, — оправдывался он.

— Теперь вы узнаете меня, — мрачно промолвил монах и вынул кинжал.

Винченцо с ужасом вспомнил сон.

— Взгляните на эти темные пятна, — промолвил монах, показывая ему клинок.

Винченцо увидел на лезвии кинжала следы запекшейся крови.

— Эта кровь должна спасти вас. Это неопровержимое свидетельство правды. Завтра вечером мы встретимся в камере пыток, вернее, в камере смерти.

Сказав это, он повернулся и, пока Винченцо приходил в себя, исчез. Наступившая полная тишина свидетельствовала о том, что Винченцо опять остался один.

Он просидел в глубоком раздумье до самого рассвета, пока наконец не отворилась дверь и не вошел тюремщик, принесший завтрак — кружку воды и кусок хлеба.

Винченцо, не выдержав, спросил у него, как зовут человека, посетившего ночью его темницу. Тот с таким удивлением посмотрел на него, что Винченцо повторил свой вопрос.

— Я нес дежурство с часу ночи. В темницу никто не входил, синьор.

Винченцо пристально посмотрел на стража, но ни вид, ни поведение последнего не свидетельствовали о том, что он говорит неправду. И все же трудно было поверить, что визит монаха мог остаться незамеченным.

— Ты слышал какой-нибудь шум ночью или все было тихо? — расспрашивал юноша.

— Я слышал, как колокол отбивал время в храме Святого Доминика, — ответил страж. — И как менялись часовые.

— Непонятно, — размышлял Винченцо. — А чьи-нибудь шаги или голоса?

Страж снисходительно улыбнулся:

— Я слышал только, как обменивались паролем часовые.

— А ты уверен, что это были часовые? Как ты их узнал?

— Сменяясь, они называют пароль, кроме того, слышно было, как бряцает оружие.

— А их шаги отличаются от шагов других?

— У них тяжелая походка, и к тому же их обувь подкована железом. Почему вы спрашиваете меня об этом, синьор?

— Ты охранял дверь моей темницы, не так ли?

— Да, синьор.

— И ты не слышал ни единого звука, доносившегося из этой камеры, или голосов?

— Нет, синьор.

— Не бойся, приятель, я тебя не выдам. Признайся, ты заснул?

— Со мной был мой напарник, синьор. Он, по-вашему, тоже спал? А если бы так, то без ключей в камеру не войти, а ключи были у нас.

— Ну, их легко можно было взять у спящего человека. Но можешь положиться на меня, я вас не выдам.

— Что? — воскликнул в негодовании тюремщик. — Я три года несу службу в тюрьме инквизиции и не позволю какому-то еретику обвинять меня в нерадивом исполнении своих обязанностей!

— Если это обвинения еретика, то можешь успокоиться, здесь словам еретиков не верят.

— Мы не сомкнули глаз всю ночь, — обиделся тюремщик, собираясь покинуть камеру.

— Тогда просто непонятно, — в раздумье произнес Винченцо, — каким образом в мою камеру мог проникнуть незнакомец?

— Синьор, вы все еще не проснулись, — ответил тюремщик, задерживаясь. — Сюда никто не входил.

— Значит, сон продолжается, — неуверенно сказал юноша. — Все это мне приснилось.

Слова тюремщика произвели на него такое впечатление, что он сам стал верить, что все было во сне.

— Когда люди спят, они видят сны, — ехидно заметил тюремщик. — Все это вам приснилось, синьор.

— Человек в одеянии монаха был сегодня ночью у меня в камере, — продолжал размышлять вслух Винченцо и описал тюремщику внешность посетителя. Тот, по мере того как юноша рассказывал, становился все серьезнее.

— Ты знаешь здесь кого-нибудь, похожего на него?

— Нет! — резко ответил тюремщик.

— Хотя ты не видел, как он вошел ко мне, может, ты вспомнишь, что видел его когда-нибудь среди инквизиторов?

— Святой Доминик, спаси и помилуй! — испуганно воскликнул тюремщик.

Удивленный Винченцо еще раз справился, знает ли он этого монаха.

— Я такого не знаю, — наконец ответил тюремщик, и Винченцо увидел, как изменилось его лицо. Наконец он быстро повернулся и ушел.

Винченцо подумал, что его уход скорее напоминает бегство и что для служителя святой инквизиции с немалым стажем непростительной неосторожностью была столь длительная беседа с заключенным. Однако он на нее решился.

ГЛАВА VI

Ужель уж полночь?

Холодный пот покрыл мое чело.

Чего страшился я?

В. Шекспир

В тот же час вечером за дверью послышались шаги, заскрежетал тяжелый засов, дверь открылась, и на пороге появились вчерашние тюремщики. На него снова был наброшен плащ, и его вывели из камеры. Он слышал, как за ним, словно навсегда, захлопнулась дверь. В эту минуту он вспомнил слова монаха, когда тот показывал ему кинжал, и Винченцо был рад, что не изменил себе и не пошел на уступку. Он даже приветствовал бы теперь наказания, ждущие его, ибо был горд тем, что устоял и не согласился обвинить Скедони в том, что не смог бы сам доказать.

Не видя, куда его ведут, он по длине коридоров, количеству поворотов и ступеней проверял, ведут ли его той же дорогой, что и вчера. Когда внезапно один из стражников,

чтобы предупредить его, сказал: «Ступени!» — он почему-то обрадовался, что услышал хотя бы одно слово за весь этот долгий путь с завязанными глазами. Он считал ступени, чтобы проверить, идет ли он тем же путем, что накануне, но, достигнув конца лестницы, почему-то решил, что нет. То, что ему сразу завязали глаза, тоже говорило, что ведут его новой дорогой и в новое место. Они шли долго, то поднимаясь по лестницам, то спускаясь, а он все считал ступени. Потом его вдруг удивило, что его шаги так гулко звучат в пустоте, а шагов тюремщиков более не слышно. Он понял, что передан стражам инквизиции. Окружавший его воздух был тяжел от сырости и липок, как туман. Ему вспомнились слова монаха о встрече в камере смерти.

Наконец они остановились, и Винченцо услышал три удара жезлом в кованую дверь. За нею послышался голос, и дверь отворилась. По повторяющемуся скрипу дверных петель он понял, что проходит через одну за другой двери, и ему показалось, что его ведут в ту же залу суда, где он был накануне. Снова три стука жезлом в дверь, и он почувствовал, что дышать стало легче. Он понял, что оказался в просторном помещении, ибо шаги его отдавались здесь гулким эхом.

Снова голос велел ему подойти поближе. Следовательно, он опять предстал перед судом. Голос принадлежал главному инквизитору.

— Винченцо ди Вивальди! Назовите полностью свое имя. На вопросы отвечайте кратко, точно и без утайки, под страхом наказания.

Как и предсказывал монах, суд начал дознание с вопроса, что ему известно об отце Скедони. Когда же Винченцо поведал суду все, что он накануне рассказал незнакомцу, последовало замечание судьи, что он не все рассказал о Скедони, ибо знает о нем гораздо больше.

— Я более ничего не знаю, — защищался юноша.

— Вы уклоняетесь от ответа, — прервал его судья. — Расскажите все, что слышали о нем, и помните о клятве, которую вы здесь дали: говорить правду.

Винченцо подавленно молчал. Громовым голосом судья снова напомнил ему о клятве.

— Я не нарушил клятву, — наконец произнес он. — Прошу вас, поверьте мне. То, что я могу рассказать вам, не является для меня бесспорным, и за достоверность этих фактов я не могу поручиться.

— Говорите правду, — вдруг услышал он чей-то голос, но это не был голос кого-то из судей. Винченцо вдруг показалось, что эти слова произнес монах, его вчерашний посетитель. После недолгой паузы Винченцо рассказал суду все, что узнал от незнакомого ему монаха, — о семье Скедони и его пребывании в монастыре под видом монаха, однако он умолчал об отце Ансальдо и странной исповеди. Винченцо закончил тем, что снова повторил, что ничем не может подтвердить достоверность того, что только что рассказал.

— Из какого источника вам стало это известно? — незамедлительно последовал вопрос судьи.

Винченцо молчал.

— Я спрашиваю вас, из какого источника? — грозно повторил судья.

После минутного колебания Винченцо наконец решился:

— То, что я расскажу вам сейчас, святые отцы, настолько невероятно...

— Остерегитесь! — услышал он у самого уха голос и, узнав его, смешался и не закончил фразу.

— Назовите источник, — требовал судья.

— Не знаю, — растерянно произнес юноша.

— Вы уходите от ответа.

— Я протестую, ваше преосвященство, ибо я действительно не знаю ни имени, ни сана того, кто мне это рассказал. Я никогда не видел его до того, как он поведал мне об этом.

— Остерегитесь! — снова негромко, но настойчиво произнес голос на ухо. Винченцо вздрогнул и невольно обернулся, забыв, что у него завязаны глаза.

— Вы сказали, что могли бы рассказать нам нечто невероятное, — напомнил ему

главный судья. — Не означает ли это, что вы тоже ждете от суда каких-либо неожиданных решений, как, например, снисхождения?

Гордый юноша был оскорблен подобным позорящим его предположением, однако не пожелал даже опровергать его.

— Почему вы не предлагаете им вызвать в суд священника Ансальдо? — шепнул ему голос. — Вспомните, что я говорил вам.

Винченцо даже вздрогнул от негодования и наконец отважился:

— Мой осведомитель, святые отцы, стоит рядом со мной. Я узнал его голос. Задержите его! Это очень важно.

— Чей голос? — переспросил судья. — Здесь звучал лишь мой голос.

— Нет, голос того, кто стоит рядом со мной! — взволнованно воскликнул Винченцо. — Он говорил очень тихо, но я узнал его.

— Вы или хитрите, или потеряли рассудок от страха, — заключил главный судья.

— Рядом с вами нет никого, кроме стражей инквизиции, — заметил член суда. — И они ждут, когда смогут выполнить свои обязанности, если вы откажетесь отвечать на наши вопросы.

— Я настаиваю на своем утверждении и прошу развязать мне глаза, чтобы я мог указать вам на моего недруга, — требовал Винченцо.

После долгого совещания суд удовлетворил его просьбу. Повязка с его глаз была снята, но никого, кроме стражей, рядом с ним не было. Лица последних были скрыты под масками. Возможно, один из них и мог оказаться его таинственным преследователем, если он был человек, а не злой дух. Винченцо ничего не оставалось, как попросить суд дать ему возможность взглянуть на лица под масками. На что последовало резкое замечание главного судьи, тут же обвинившего юношу в нарушении законов инквизиции и святой веры, а также в попытке подвергнуть опасности ее служителей, свято выполняющих свой долг.

— Долг! — в негодовании воскликнул Винченцо. — Неужели нерушимость веры ныне охраняют черти из преисподней?

Стражи, не дожидаясь приказа, грубо схватили его и снова завязали ему глаза. Винченцо почувствовал, как крепко они держат его, но невероятным усилием он вырвался из их рук и снова сорвал с глаз повязку. Но голос судьи приказал немедленно завязать ему глаза.

— Если вы хотите, чтобы я вам и далее отвечал, — твердо промолвил Винченцо, — я требую оградить меня от незаслуженной жестокости этих людей. Если вы позволите им и далее наслаждаться страданиями своей жертвы, вы более не услышите от меня ни единого слова. Если мне суждено и далее страдать, то это будет только в рамках, требуемых законом.

Главный судья, пообещав ему защиту закона, потребовал ответить, что только что сказал ему его таинственный «голос».

Винченцо, рассудив, что, хотя закон не позволяет ему обличать его врага, не имея на то достоверных доказательств, здравый смысл подсказывает, что не имеет смысла жертвовать собой ради решения неразрешимой дилеммы. Приняв такое решение, он, более не колеблясь, рассказал суду, что «голос» посоветовал ему потребовать вызова в суд некоего отца Ансальдо, исповедника монастыря Санта-Мария-дель-Пианто близ Неаполя, а также отца Скедони. Последний должен будет опровергнуть или признать обвинения отца Ансальдо. Винченцо неоднократно повторил, что суть обвинений ему неизвестна, как и то, насколько они справедливы.

Заявление Винченцо повергло суд в замешательство. Винченцо слышал их негромкие голоса, что-то обсуждавшие довольно долго. Это дало ему время поломать голову над загадкой, не был ли его незнакомец одним из палачей, и он, должно быть, достаточно долго жил в Неаполе.

Наконец суд возобновил заседание, и первым вопросом, заданным Винченцо, был вопрос, знает ли он отца Ансальдо. Юноша поспешил ответить, что никогда не знал его, что также не знает никого из монастыря Санта-Мария-дель-Пианто или кого-либо, кто бы знал

главного исповедника этого монастыря.

— Как не знаете?! — воскликнул на это главный инквизитор. — А тот человек, который предложил вам вызвать священника на суд, разве он его не знает? Вы, должно быть, забыли?

— Простите, но я не забыл, — ответил юноша. — Прошу учесть, что я незнаком с этим человеком. Если он и сообщил мне об отце Ансальдо, я не отвечаю за достоверность этих сведений.

Винченцо настаивал на том, что не вызывал отца Ансальдо или кого-либо другого на суд, а лишь повторил по их требованию то, что сказал ему незнакомец.

Судьи вынуждены были согласиться со справедливостью его замечания и освободить его от ответственности за любые последствия вызова этих людей в суд.

Но гарантия собственной безопасности не успокоила его. Он опасался, что может невольно своими действиями бросить тень на невинного человека.

Главный судья, потребовав тишины, снова продолжил работу суда.

— Все, что вы сказали о вашем осведомителе, столь необычно, что не заслуживает доверия, но то, что вы ставите под сомнение те обвинения, которые он выдвинул, свидетельствует, что вызов указанных лиц на суд не был преднамеренным действием с вашей стороны. Но уверены ли вы, что это не обман и голос, который вы слышали, не является плодом вашей болезненно возбужденной фантазии?

— Я уверен в этом, — твердо сказал Винченцо.

— Да, это верно. Около вас находилось несколько человек, когда вы потребовали дать вам возможность найти того, чей голос вы слышали. Но как объяснить, что только вы слышали этот голос и никто более?

— Где сейчас эти люди? — спросил Винченцо.

— Они разбежались, напуганные вашими обвинениями.

— Если вы позовете их сюда и развяжете мне глаза, я покажу вам этого человека, если он будет среди них.

Суд отдал распоряжение собрать всех, кто до этого был в зале, но тут же возникли непредвиденные трудности. Никто не мог вспомнить этих людей. Наконец нашли некоторых из них.

Винченцо в тревожном ожидании прислушивался к шагам тех, кто входил в залу, и с нетерпением ждал, когда ему развяжут глаза и кончится столь затянувшаяся неопределенность его положения. Наконец по приказу судьи с его глаз была снята повязка, и ему было велено указать на своего загадочного осведомителя.

Бросив взгляд на стоявших перед ним людей, Винченцо пожаловался на тусклый свет в зале.

— Я не вижу их лиц, — сказал он.

Судья распорядился принести дополнительный светильник, а всех собравшихся стать полукругом справа и слева от Винченцо. Юноша, окинув всех взглядом, тут же заявил:

— Его здесь нет. Никто из стоящих здесь не похож на монаха из Палуцци. Хотя подождите! Кто тот, что прячется в тени за последним человеком слева? Велите ему открыть лицо.

Толпа инстинктивно отступила назад, и человек, на которого указал Винченцо, остался один.

— Он офицер инквизиции, — объяснил Винченцо стоявший рядом с ним человек, — он не имеет права открывать свое лицо. Он может сделать это лишь по приказу суда.

— Я прошу суд отдать такой приказ, — громко заявил Винченцо.

— Кто требует этого? — послышался голос, и Винченцо узнал голос монаха, но так и не смог понять, откуда он донесся.

— Я, Винченцо ди Вивальди, я требую этого по праву, предоставленному мне законом. Откройте ваши лица.

В суде наступила мертвая тишина. Среди судей пронесся легкий ропот возмущения и

тут же умолк. Человек продолжал стоять неподвижно, не собираясь подчиняться требованию юноши.

— Оставьте его, — урезонивал Винченцо стоявший с ним рядом страж. — У него есть причины хотеть остаться неузнанным, вам их не понять. Он — офицер инквизиции, а не тот, кого вы ищете.

— Возможно, я знаю его причины, — повысив голос, произнес Винченцо. — Я прошу суд и вас всех, стоящих здесь в монашеских сутанах, открыть свои лица.

И вдруг голос из суда громко приказал:

— Суд именем священной инквизиции приказывает всем открыть свои лица.

Винченцо заметил, как вздрогнул одиноко стоявший человек, однако приподнял с лица свой низко опущенный капюшон ровно настолько, чтобы открыть лицо. Увы, это оказался не его монах, а какой-то мелкий служащий инквизиции, которого он уже пару раз видел раньше, но при каких обстоятельствах, Винченцо не вспомнил.

— Нет, это не он, — ответил разочарованно юноша и отвернулся.

Чиновник снова закрыл лицо капюшоном, и толпа скрыла его от Винченцо. Судьи, переглянувшись, молчали. Наконец главный судья, взмахнув рукой, словно призывая всех к вниманию, обратился к юноше:

— Похоже, вы прежде уже видели лицо вашего осведомителя.

— Я уже об этом сказал, — ответил Винченцо.

Судья справился, где и когда это было.

— Прошлой ночью у меня в камере.

— В камере? — насмешливо переспросил член суда. — И разумеется, во сне?

— В камере? — хором повторили судьи низшего ранга.

— Он и сейчас видит сон, — заметил тот же член суда. — Святые отцы, своими галлюцинациями он испытывает наше терпение. Мы напрасно теряем время.

— Следует все же выяснить все до конца, — возразил кто-то из судей. — Он обманывает нас. Винченцо ди Вивальди, если вы намерены ввести суд в заблуждение, остерегитесь делать это!

То ли в памяти Винченцо все еще звучал голос таинственного монаха или тон, каким было сделано ему предупреждение, но юноша вздрогнул и быстро спросил:

— Кто произнес эти слова?

— Мы, — невозмутимо произнес кто-то из членов суда.

После короткого совещания суд решил вызвать тюремщиков, дежуривших в прошлую ночь. Те, кого пригласили для опознания, были отпущены. Допрос был прерван до прихода тюремщиков. Винченцо слышал только негромкие голоса переговаривающихся судей. Сам он был удивлен и немного растерян.

Когда появились тюремщики, они без каких-либо колебаний или страха заявили, что прошлой ночью, после того как заключенный вернулся из залы суда, в его камеру никто не входил. Лишь утром тюремщик принес ему положенные воду и хлеб. Несмотря на то, что они настаивали на своих показаниях, суд решил взять их под стражу до полного выяснения всех обстоятельств.

Кое-кто из судей, однако, выразил сомнение в достоверности показаний тюремщиков, что тут же привело к спорам и обмену мнениями, которые ничего не прояснили, а, наоборот, внесли еще большую путаницу.

Главный судья, чье недоверие к Винченцо возрастало, предупредил его, что, если опросы тюремщиков покажут, что он ввел суд в заблуждение, его ждет суровое наказание. Если же будет доказано, что в результате нерадивости охраны кто-то действительно вошел в его камеру, суд подойдет к нему с пониманием.

Винченцо, посчитавший необходимым в доказательство своей искренности рассказать суду, как все было и как выглядел его ночной гость, постарался сделать это, однако умолчал о кинжале. Суд выслушал его с вниманием, в зале царила настороженная тишина. Юноша сам испытывал нечто похожее на страх, ожидая, что каждую минуту его может остановить

негодующий голос монаха. Но никто не прервал его рассказа, а когда он закончил, заговорил главный судья:

— Мы с вниманием выслушали вас, и то, что вы рассказали, вносит нечто новое и неожиданное в наше расследование. Кое-что из рассказанного вами вызывает удивление и требует выяснения. Вы можете вернуться в камеру. Постарайтесь уснуть, вам нечего опасаться. Скоро вы все узнаете.

Винченцо увели в камеру, даже не развязав ему глаза. Когда наконец была снята повязка, он убедился, что стража сменилась.

Оставшись один, он снова предался раздумьям о том, что произошло на этот раз в зале суда, какие ему задавали вопросы, как вели себя судьи, был ли это действительно голос монаха, произнесшего «Остерегитесь!», или ему показалось, но все по-прежнему оставалось непонятным и тревожным. Иногда ему казалось, что монах был одним из инквизиторов, но как же объяснить голос совсем рядом с ним, у самого его уха. Он прекрасно понимал, что ни один член этого трибунала не мог во время допроса незамеченным покинуть свое место и оказаться за спиной у обвиняемого.

И тут Винченцо не мог не вспомнить последние слова главного судьи, того, кто в основном вел его допрос, когда он велел ему возвращаться в камеру. Это были последние слова, обращенные к обвиняемому, чтобы не напугать, а успокоить его. Винченцо подумал, что это было своего рода предупреждение, что сегодня ночью его никто не побеспокоит. Он был бы спокоен, подумал юноша, если бы ему дали в камеру свечу или фонарь и какое-нибудь оружие, чтобы защитить себя. Мысль о том, что он имеет дело с загадочным существом, более сильным, чем он, к тому же оскорбленным его непослушанием, не на шутку тревожила его.

ГЛАВА VII

Суд грядет.

Согласно решению суда, после последних заявлений Винченцо в суд были вызваны исповедник Ансальдо и отец Скедони.

Последнего задержали по пути в Рим, куда он направлялся, чтобы предпринять все усилия для освобождения Винченцо. Это оказалось делом куда более трудным, чем добиться его ареста. Человек, на помощь которого полагался Скедони, либо переоценил свой вес и возможности, либо благоразумно предпочел уклониться от участия в столь щекотливом деле. Скедони торопился, ибо боялся, что сведения о заточении Винченцо дойдут до его семьи, несмотря на великую секретность подобных дел. Случись это, неизбежно станет известным виновник ареста молодого неаполитанского аристократа, и тогда Скедони не мог бы рассчитывать на снисхождение семьи ди Вивальди, расположение которой было так необходимо ему именно теперь. Он продолжал мечтать о браке Эллены с Винченцо и намеревался незамедлительно осуществить свой план, как только узник будет на свободе. Если у Винченцо возникнут подозрения относительно того, кто виновник его испытаний, он не станет перечить планам, которые совпадают с его заветным желанием. Так утешал себя отец Скедони, торопившийся в Рим.

Мог ли знать бедный юноша, что, называя в суде имя Скедони, он ставит под угрозу свой брак с Элленой ди Розальба! Мог ли он предвидеть все роковые последствия разоблачений, которые вынужден был сделать!

Скедони не был осведомлен о причине своего задержания, однако подозревал, что суду инквизиции известно, что он донес на Винченцо. В этом он винил только свою собственную неосторожность. Обвинив юношу в оскорблении священника в храме во время молитвы, он, однако, не назвал имени священника и менее всего ожидал, что оно станет известным. Он надеялся, что его присутствие в суде нужно лишь для подтверждения вины Винченцо, и был уверен, что ему удастся снять с юноши вину, объяснив мотивы своего поступка. Однако

тревога не покидала его. А что, если семья ди Вивальди, узнав обо всем, настояла на том, чтобы он был задержан и доставлен в Рим? Он гнал от себя эту мысль.

Винченцо не вызывали в суд до прибытия отца Ансальдо и Скедони, а также пока суд их допрашивал. Отец Ансальдо успел уже рассказать об исповеди в канун праздника святого Марко и получил отпущение греха за нарушение тайны исповеди. То, что произошло на его первом допросе, осталось тайной, но второй допрос происходил в присутствии Скедони и Винченцо. Видимо, это было сделано умышленно, чтобы проверить, как они будут себя вести.

В этот вечер суд был особенно строг к отбору присутствующих, и все, кто не имел отношения к этому делу, были удалены из зала. Только после этого началось заседание. Главный судья что-то сказал члену суда, сидевшему слева от него, и тот поднялся.

— Если в этой зале есть человек по имени Скедони, монах доминиканского монастыря Святого Духа из Неаполя, пусть встанет! — объявил он.

Скедони повиновался. Он вышел твердым шагом вперед, осенил себя крестным знамением и сделал поклон в сторону судей. Следующим был вызван отец Ансальдо. Винченцо заметил, сколь редки и неуверенны были его шаги. Последним было названо имя Винченцо. Он чувствовал себя удивительно спокойно и уверенно.

Это была первая встреча Скедони с Ансальдо. Что чувствовал монах, увидев исповедника, так никто и не узнал, ибо на его лице не дрогнул ни единый мускул.

Допрос начал сам главный инквизитор.

— Вы, отец Скедони из монастыря Святого Духа, ответьте нам, знаете ли вы главного исповедника ордена Кающихся Грешников и настоятеля монастыря Санта-Мария-дель-Пианто, что близ Неаполя?

— Нет, не знаю, — ответил Скедони ровным уверенным голосом.

— Вы никогда ранее не видели его?

— Никогда.

— Присягните.

Скедони выполнил ритуал присяги. Те же вопросы были заданы отцу Ансальдо, и, к великому удивлению суда, а также Винченцо, он ответил на них отрицательно. Однако в его голосе не было уверенности, и он отказался присягнуть на Библии.

Судья попросил Винченцо подтвердить, что перед ним Скедони, тот самый священник, которого он видел в церкви Святого Духа. Однако юноша тут же поспешил предупредить, что более этого он ничего о Скедони не знает.

Скедони, очевидно, был удивлен сдержанностью юноши, ибо ожидал от него более эмоциональных заявлений. Это, однако, насторожило его.

Затем отцу Ансальдо было предложено рассказать все, что он знает об исповеди, услышанной им в 1752 году в канун праздника святого Марко. Винченцо превратился весь в слух не только из простого любопытства. Юноше почему-то казалось, что его судьба каким-то образом зависит от тайны этой исповеди. Если бы бедняга знал, сколь верны были его предчувствия.

— Это было поздним вечером в канун двадцать пятого апреля 1752 года, — начал неуверенно свой рассказ отец Ансальдо. — Как обычно, я был в исповедальне в ожидании прихожан, готовых к исповеди. Вдруг меня встревожили стенания, донесшиеся из кабины слева. Поначалу довольно громкие, они вдруг смолкли.

Винченцо про себя отметил, что дата точно совпадала с той, что называл ему загадочный гость, посетивший его темницу ночью.

— Они обеспокоили меня тем больше, что исповедующихся в храме еще не было. И я не заметил, чтобы кто-нибудь входил в исповедальню. Но в церкви было темно, горели лишь редкие свечи, и я мог не заметить, как кто-то вошел в кабину.

— Говорите, но короче, святой отец, и по существу, — нетерпеливо перебил его судья, который, как вспомнил Винченцо, проявлял особую активность при его допросах.

— Как я сказал, стенания то утихали, то становились громче. Чья-то душа мучилась в

аду. Я попытался словом облегчить его муки и попросил несчастного открыть свою душу Господу для прощения. Было видно, что ужасная тайна мучила беднягу.

— Нам нужны факты, а не предположения, — снова сделал замечание судья.

— Факты будут, святой отец, — скорбно ответил отец Ансальдо. — От них у вас будет стынуть кровь в жилах. Я постарался поддержать и ободрить его, как мог, но он был безутешен. Он то внезапно умолкал, то снова начинал причитать, а однажды даже вышел из кабины и нервно заходил по притвору. Это позволило мне разглядеть его. Он был в белой сутане нищенствующего ордена и ростом и осанкой похож на отца Скедони, которого я вижу сейчас перед собой.

При этих словах все взоры обратились на Скедони, но он, не шелохнувшись, стоял, опустив глаза долу.

— Его лица я не видел, ибо он его прятал от меня, поэтому иного сходства между ним и отцом Скедони, кроме роста и фигуры, я не могу указать. А вот голос его я запомнил и никогда не забуду, даже на расстоянии.

— Этот ли голос звучал в этих стенах? — спросил кто-то из судей.

— Об этом потом, — остановил его судья, ведущий допрос. — Вы отвлеклись, святой отец.

Однако главный судья заметил, что в этом деле все детали важны и не должны игнорироваться. Судья принял замечание, и отец Ансальдо продолжил свой рассказ.

— Когда он успокоился и вернулся в исповедальню, он, должно быть, уже решил рассказать все до конца. О чем мне предстоит сейчас вам поведать. — Отец Ансальдо горестно вздохнул.

Чувствовалось, как он взволнован и каких усилий ему стоит этот рассказ.

Наступила пауза. Судьи, бросая попеременно взгляды то на отца Ансальдо, то на Скедони, терпеливо ждали. Лишь один Скедони продолжал оставаться невозмутимо спокойным, как человек, уверенный в своей непогрешимости. Казалось, что все это не имеет никакого отношения к его персоне. Винченцо, не сводивший с него глаз, был уже готов поверить, что он не был тем человеком, о котором рассказывает исповедник.

Наконец отец Ансальдо продолжил:

— Исповедующийся наконец заговорил, и первой его фразой было признание: «Я всю свою жизнь был рабом собственных страстей, — сказал он. — Они меня погубили. У меня был брат. — Тут он замолчал, и из груди его вырвался душераздирающий стон. — У моего брата была жена, — продолжил он. — А теперь, святой отец, скажите, может ли такой человек надеяться на прощение?! Она была прекрасна, и я любил ее, но она была предана мужу. Я был в отчаянии. Страсть пожирала меня, мои терзания были столь невыносимы, что я был готов на все. Мой брат умер... — Тут он снова умолк, но вскоре продолжил: — Он умер далеко от дома». После этих слов он молчал так долго, что я, чтобы прервать затянувшееся молчание, спросил его о причине смерти брата. «Я убил его, святой отец», — просто сказал он голосом, который я никогда не забуду.

Отец Ансальдо тоже умолк, словно был более не в силах продолжать. Винченцо взглянул на Скедони так, словно ожидал увидеть хоть какие-то проблески чувств на его лице, но оно было все так же спокойно и неподвижно, а глаза опущены.

— Продолжайте, святой отец, — поторопил судья отца Ансальдо. — Что вы ответили ему на это признание?

— Я промолчал, — ответил отец Ансальдо, — и попросил его продолжить исповедь. «Я решил, что, если мой брат умрет вдалеке от дома, — продолжил он, — мне легче будет скрыть все от его жены и она не заподозрит меня в его смерти. Когда кончился срок траура, я не сразу, а подождав еще какое-то время, наконец решился просить ее стать моей женой. Но она все еще оплакивала мужа и отказала мне. Я более не мог сдерживать свои чувства и насильно увез ее из дома, а затем, чтобы спасти свою честь и имя, она вынуждена была стать моей женой. Я поступил с совестью, но это не принесло мне счастья. Она не скрывала своего презрения ко мне. Измученный ревностью и безуспешными попытками добиться ее

расположения, я заподозрил ее в измене. Моя ревность довела меня до безумия».

Несчастный, когда рассказывал это, был действительно похож на безумного. «Вскоре, — говорил он, — я узнал, что моя ревность не беспочвенна. Мы жили уединенно, и среди тех редких людей, что навещали нас в нашей глуши, был мой приятель, который, как вскоре мне показалось, был влюблен в мою жену. Я также заметил, что его присутствие доставляло моей жене радость. Она любила беседовать с ним и оказывала ему знаки всяческого внимания. Мне даже казалось, что она с удовольствием подчеркивала это в моем присутствии, и в такие минуты она была особенно неприветлива и враждебна со мной. Возможно, ее неприязнь ко мне заставляла ее поступать так. Она словно казнила меня этим за все, но это только разжигало мою ревность. О, какая роковая ошибка! Она казнила и саму себя».

— Не надо излишних подробностей, святой отец, — остановил его судья.

Отец Ансальдо кивнул в знак согласия и продолжал:

— Далее он поведал мне, как однажды, вернувшись домой, когда его не ждали, он узнал, что у его жены гость. Пройдя на ее половину, он услышал голос своего друга, который печально и умоляюще убеждал в чем-то его жену. «Я все понял. Гнев охватил меня, — продолжал он свою исповедь. — Я прошел по коридору на террасу и через ее решетчатую дверь увидел, что мой соперник стоит на коленях перед моей женой, сидящей в кресле. Возможно, она услышала мои шаги и увидела меня через решетку двери, но она испуганно вскочила. Более не раздумывая, вынув кинжал, я ворвался в комнату, чтобы пронзить кинжалом сердце моего коварного друга. Но он успел через открытую дверь выбежать в сад и исчез. Более я о нем не слышал». — «А ваша жена? — спросил я. — Что было с ней?» — «Удар клинком достался ей», — коротко ответил он.

Голос отца Ансальдо задрожал и осекся. Он более не мог говорить и с трудом держался на ногах. Судья разрешил ему сесть. Спустя некоторое время он смог продолжать:

— Теперь вы понимаете, отцы инквизиции, что испытывал я, слушая страшную исповедь грешника. Ведь я был человеком, любившим ту, которую он убил.

— Она была виновна? — вдруг раздался голос, и Винченцо бросил быстрый взгляд на Скедони, ибо был уверен, что это он спросил. В его сторону также резко обернулся отец Ансальдо. Гробовая тишина воцарилась в зале суда. Глаза исповедника были устремлены на неподвижную фигуру Скедони.

— Она была ни в чем не повинна, — наконец тихо произнес отец Ансальдо. — Это была воплощенная чистота и добродетель, — добавил он уже громче.

Винченцо заметил, как Скедони сжался, словно от боли, и еще больше ушел в себя.

— Вы узнаете голос, святой отец? — спросил судья, обращаясь к отцу Ансальдо. — Вы узнали его?

— Мне кажется, да, — ответил отец Ансальдо. — Но я не стану в этом клясться.

— Вы уходите от ответа, — строго сказал судья, который, должно быть, никогда не знал сомнений. Он попросил отца Ансальдо продолжать.

— Услышав из уст исповедовавшегося страшное признание в убийстве, я тут же прервал исповедь. Сознание покинуло меня, и я не успел отдать приказание задержать его. Когда я пришел в себя, было уже поздно. Он исчез. Более я никогда до этого момента не видел его и теперь не могу достоверно утверждать, что это он.

Отец Ансальдо печально посмотрел на Скедони.

Судья хотел было что-то сказать, но главный инквизитор предостерегающе поднял руку и, обратившись к отцу Ансальдо, спросил:

— Вы, возможно, не знаете отца Скедони, монаха из монастыря Святого Духа, но вы должны знать графа ди Бруно, некогда бывшего вам другом?

Отец Ансальдо снова поднял на Скедони изучающий взгляд. Лицо того было по-прежнему непроницаемо.

— Нет, — после недолгой паузы ответил исповедник. — Я не стану утверждать, что передо мной граф ди Бруно. Если это он, то годы неузнаваемо изменили его. Тогда, во время

исповеди, я знал, что передо мной граф ди Бруно. Он в своем рассказе упоминал мое имя и обстоятельства, известные лишь ему и мне. Но я снова повторяю, был ли это Скедони, я поручиться не могу.

— Зато я могу, — раздался голос, и, обернувшись, Винченцо увидел своего таинственного незнакомца. Он приближался к ним, откинув капюшон и открыв всем свое лицо призрака.

И тут впервые Скедони проявил признаки волнения.

Судьи в напряженном молчании наблюдали за этой сценой. На лицах их было тревожное ожидание.

Винченцо едва ли не крикнул, что это и есть его загадочный осведомитель, но голос монаха остановил его.

— Вы узнаете меня? — спросил он, обращаясь к Скедони, и остановил на нем свой горящий взор.

Скедони молчал.

Монах медленно и громко повторил свой вопрос.

— Узнаю ли я вас? — странным, еле слышным голосом переспросил Скедони.

— А узнаете ли вы это? — еще более повысив голос, произнес монах, вынув из своих одежд кинжал. — Вам знакомы эти зловещие пятна на нем? — Монах протянул кинжал Скедони.

Тот тут же отвернул лицо и, казалось, едва удержался на ногах.

— Этим кинжалом был убит ваш брат, — продолжал монах-призрак. — Вы желаете, чтобы я назвал свое имя?

Силы изменили Скедони, и он, чтобы не упасть, прислонился к одной из колонн.

Замешательство охватило судей. Вид и поведение незнакомца произвели впечатление на суд инквизиции. Несколько судей вскочило со своих мест, другие громко приказали страже запереть все двери. Третьи шумно переговаривались между собой, бросали взгляд то на таинственного монаха, то на потрясенного Скедони. Монах продолжал стоять с кинжалом в руке и пригвоздил своим взглядом Скедони к колонне. А тот так и не повернул к нему лица.

Наконец главный инквизитор призвал судей успокоиться и сесть на свои места.

— Святые братья! — наконец произнес он. — Прошу вас в этот ответственный момент соблюдать тишину и порядок и не терять достоинства. Суд продолжает свою работу. Сейчас мы выслушаем того, кто выдвигает обвинения, а затем зададим вопросы отцу Скедони.

— Да будет так, — торжественно повторили судьи, склонив головы в знак согласия.

Меж тем Винченцо, среди общего шума и сумятицы тщетно пытавшийся быть услышанным, смог воспользоваться наступившей паузой и попросил у суда слова для заявления. После недолгих препирательств между членами суда ему это было разрешено.

— Святые отцы, этот человек и есть тот, кто посетил меня ночью. Он тоже показал мне этот кинжал и потребовал от меня, чтобы я вызвал на суд отца Ансальдо и отца Скедони. Я доказал свою невиновность, святые отцы, и не имею никакого отношения к этой истории.

Это заявление снова привело к тому, что среди судей возникли разногласия, и они шумно переговаривались. Тем временем Скедони пришел в себя. Выпрямившись во весь рост, он наклонился в сторону судей и, казалось, готов был что-то сказать, когда наступит тишина.

Такая возможность наконец была ему предоставлена.

— Святые отцы, незнакомец, которого вы видите здесь, — мошенник и лжец! Когда-то он был моим другом, мне нелегко в этом признаться. Его обвинения против меня — ложь!

— Да, я был когда-то твоим другом! — воскликнул незнакомец. — Но что сделало меня твоим врагом? Взгляни на эти пятна крови. — Он указал на клинок. — Разве они — ложь? Не они ли также пятна на твоей совести?

— Я ничего о них не знаю, — возразил Скедони. — А совесть моя чиста.

— Это кровь твоего брата! — глухим голосом произнес незнакомец.

— Святые отцы! Позвольте мне защитить себя, — обратился к суду Скедони.

— Выслушайте, святые отцы, все то, что я расскажу вам, — громко и торжественно произнес незнакомец.

Скедони, которому, казалось, трудно было говорить, снова обратился к судьям:

— Я докажу вам, что эти обвинения не заслуживают доверия.

— Я докажу обратное! — воскликнул незнакомец. — А он, — тут он указал на отца Ансальдо, — подтвердит, что граф ди Бруно сам признался в том, что он убийца.

Главный инквизитор призвал к порядку зашумевших было судей и спросил у Ансальдо, знает ли он незнакомца. Тот ответил, что не знает его.

— Вспомните, святой отец, это очень важно. Вы должны быть предельно точны в своих ответах.

Исповедник внимательно посмотрел на монаха и снова ответил отрицательно.

— Вы никогда не видели его прежде?

— Никогда, насколько я помню.

Судьи переглянулись.

— Он говорит правду, — сказал незнакомец.

Это заявление повергло в недоумение судей. Задумался над ним и Винченцо. Если отец Ансальдо и таинственный монах не были знакомы, то как монах мог узнать о преступлениях Скедони, известных только его исповеднику? О них он впервые рассказал только здесь, на суде. Но долго ломать голову над разгадкой ему не пришлось, потому что главный судья возобновил свой допрос прямо с него.

— Винченцо ди Вивальди, отвечайте на вопросы суда! — объявил он.

Все заданные ему после этого вопросы касались незнакомца, посетившего его в темнице. Юноша постарался отвечать на них точно и исчерпывающе и еще раз подтвердил, что человек, обвинивший только что Скедони, является тем монахом, который побывал накануне ночью у него.

Незнакомец, отвечая на вопрос судьи, не колеблясь, подтвердил это. На вопрос, почему он сделал это, тот ответил:

— Для того, чтобы привлечь убийцу к ответу.

— Но, — заметил главный судья, — это можно было сделать вполне официально и открыто. Если вы были уверены, что ваши обвинения справедливы, почему вы не обратились в суд, а прибегли к обходным путям, пытаясь заставить заключенного ди Вивальди сделать это за вас?

— Я не бежал от ответственности, — ответил монах. — Я добровольно явился в суд.

Эти слова привели Скедони в сильное волнение, и он низко надвинул капюшон на глаза.

— Да, это верно, — согласился главный судья, обращаясь к монаху. — Но вы не назвали своего имени, не сказали, кто вы и откуда родом.

На это монах ничего не ответил. Этим воспользовался Скедони, чтобы обвинить его в обмане и злонамеренных действиях.

— Вы готовы вынудить меня привести неопровержимые доказательства? — спросил монах. — Вы осмелитесь пойти на это?

Суд снова прервал свое заседание и удалился на совещание.

До того момента, как сам монах сделал это заявление, Скедони все время хранил молчание. Винченцо заметил, что во время последнего диалога судьи с монахом Скедони боялся смотреть на своего обвинителя. На основании этого и некоторых других особенностей его поведения Винченцо заключил, что Скедони знает свою вину. Но сознание вины не могло быть причиной того необъяснимого волнения, в которое приводил Скедони один вид монаха. Что, если он видел перед собой своего бывшего сообщника, более того — истинного убийцу? В этом случае даже сдержанный и решительный Скедони может потерять рассудок от страха, тем более когда он видит оружие, которым было совершено убийство. С другой стороны, гнал от себя эту мысль Винченцо, какой убийца добровольно явится в суд,

чтобы обличать того, кто нанял его сделать это? Ведь вина наемного убийцы куда тяжелее, чем вина того, кто его нанял.

А как объяснить то, что обвинитель Скедони прибег к обходным маневрам, избегал сам появиться на суде, прибег к помощи Винченцо, чтобы вызвать на суд отца Ансальдо и Скедони, вместо того чтобы действовать открыто? Все это казалось Винченцо продиктованным не только коварством, злобой и жаждой мести. Если бы обвинитель искал правосудия, он действовал бы по закону, не избирая тайных путей. В пользу невиновности Скедони можно также привести тот факт, что его обвинитель не пожелал назвать свое имя. С другой стороны, странным было поведение того, кто обвинял, ибо ставило его самого в невыгодное положение и свидетельствовало против него. Винченцо не верил, что суд обвинит Скедони на основании показаний человека, который отказался назвать свое имя. Однако все это не мог не знать монах, и все же он решился.

Так ни к чему и не придя, Винченцо посмотрел на лицо монаха и снова испытал такое чувство, что видит перед собой призрак, существо не от мира сего.

«Я слышал о душах убитых, — думал он, — страстно ищущих возмездия. Они принимают зримый образ...» Тут Винченцо одернул себя и подумал, что его воображение может сыграть с ним злую шутку. Его нервы и без того напряжены. Он принялся с нетерпением ждать продолжения заседания и гадал, каким будет дальше поведение странного незнакомца.

Суд, наконец договорившись о методах дальнейшей работы, возобновил слушание. Первым был вызван отец Скедони. Ему был задан вопрос, знает ли он своего обвинителя.

— Отец Скедони, монах монастыря Святого Духа в Неаполе, он же Фернандо граф ди Бруно, отвечайте на вопросы суда! — провозгласил судья. — Вам известно имя того, кто вас обвиняет?

— Я не стану отвечать на имя графа ди Бруно, — ответил Скедони, — но скажу, что имя моего обвинителя мне известно. Это — Никола ди Зампари.

— Кто он?

— Он монах доминиканского монастыря Святого Духа. О его семье я знаю очень мало.

— Где вы познакомились с ним?

— В Неаполе, где он жил несколько лет под одной крышей со мной. Тогда я был монахом в монастыре Сан-Анджиоло, а потом — в монастыре Святого Духа.

— Вы были в монастыре Сан-Анджиоло? — спросил судья.

— Да. Именно там прошли первые годы нашей дружбы и взаимного доверия.

— Теперь вы знаете, чего стоило ваше взаимное доверие, и, видимо, горько сожалеете о своей неосторожности? — язвительно заметил судья.

Но Скедони был насторожен и не угодил в расставленную ловушку.

— Я могу лишь сожалеть о том, что столкнулся с неблагодарностью, — спокойно ответил он. — Мои помыслы были чисты, и мне нечего было опасаться.

— Значит, Никола ди Зампари оказался неблагодарным? Вы оказывали ему какие-нибудь услуги? — спросил судья.

— Я не могу объяснить причину его враждебности, — ответил Скедони, уходя от ответа.

— Постарайтесь, — послышался голос незнакомца монаха.

Скедони колебался. Что-то его удерживало.

— Именем вашего покойного брата, откройте причину возникшей между нами вражды, — настаивал монах.

Винченцо, пораженный тоном, которым были произнесены эти слова, взглянул на монаха и увидел, как изменилось его лицо.

Судья попросил Скедони ответить на вопрос, но тот был в явном смущении. Наконец он пришел в себя:

— Я пообещал Николе ди Зампари помочь ему в продвижении по службе той малой толикой денег, на которые рассчитывал. Речь шла об очень малой сумме. Затем

обстоятельства позволили мне пообещать ему больше, чем первоначально, и это обнадежило его. Однако человек, на которого я полагался, обманул меня. Никола был разочарован. Его несправедливые обвинения я объясняю разочарованием озлобленного человека.

Скедони умолк, явно недовольный своим ответом. Его обвинитель молчал, но торжествующая улыбка сделала его неузнаваемым.

— За какие заслуги вы обещали ему это?

— За очень важные для меня, но которые ему ничего не стоили, — после минутного замешательства ответил Скедони. — Это были его сочувствие и дружба. Я чувствовал себя в неоплатном долгу перед ним за это.

— Сочувствие, дружба! — вмешался главный судья. — Вы хотите заставить нас поверить в то, что человек, выдвинувший против вас столь ужасные обвинения, которые вы считаете ложными, способен на сочувствие и дружбу? Вы должны или признаться в том, что оказанные им услуги были не столь уж бескорыстными, или что все, что он говорил о вас, есть чистая правда. Ваши утверждения противоречивы, ваши объяснения неубедительны и продиктованы в данный момент желанием ввести в заблуждение.

— Я говорил правду! — с вызовом заявил Скедони.

— Когда? Ибо ваши заявления противоречат друг другу.

Скедони молчал. Винченцо думал: является ли это молчание свидетельством его невиновности или это раскаяние?

— Из ваших показаний следует, — продолжал допрос судья, — что неблагодарность проявили вы, а не ваш обвинитель, поскольку его утешения были искренними, а вы не отплатили ему тем же. Вы хотите еще что-нибудь сказать?

Скедони продолжал молчать.

— Это единственное ваше объяснение? — настаивал судья.

Скедони кивнул. Судья обратился к монаху.

— Мне нечего сказать, — ответил тот со злым ехидством. — Обвиняемый сам все сказал.

— Из этого следует, что он сказал правду, когда утверждал, что вы монах монастыря Святого Духа в Неаполе?

— Вам, святые отцы, лучше самим ответить на этот вопрос, — с достоинством ответил монах.

Винченцо слушал все это со странным волнением.

Судья поднялся со своего стула:

— В таком случае я отвечаю: вы не являетесь монахом неаполитанского монастыря.

— Ваш ответ, — понизив голос, сказал главный судья, — означает, что вы считаете Скедони виновным во всех выдвинутых против него обвинениях.

Он произнес это так тихо, что Винченцо едва расслышал. Его встревожило это утверждение главного инквизитора. Он не сделал бы его, основываясь на одних предположениях.

Винченцо помнил, что встречал монаха именно в окрестностях монастыря Святого Духа, так что заявление Скедони, что этот незнакомец — монах именно этого монастыря, вполне обоснованно.

— Ваши показания не во всем достоверны, — сказал судья, обращаясь к Скедони. — Тот, кто выдвинул обвинения против вас, не является монахом из Неаполя. Он слуга священной инквизиции. Поэтому ваши последующие показания также вызывают у нас подозрения.

— Слуга инквизиции! — воскликнул ошеломленный Скедони. — Святой отец, может ли это быть? Но я не обманывал вас, я говорил правду, поверьте мне. Но если у вас нет доверия к моим словам, спросите юного синьора ди Вивальди, сколько раз он его встречал в Неаполе в одежде монаха.

— Да, я видел его на развалинах крепости Палуцци в окрестностях Неаполя, — подтвердил Винченцо, не дожидаясь, когда судья задаст ему вопрос. — Я встречал его там не

раз и при обстоятельствах не менее странных, чем сейчас. В ответ на мою откровенность, отец Скедони, я хотел бы услышать от вас столь же откровенные ответы на вопросы, которые буду просить суд задать вам. Как вам стало известно, что я часто встречал этого монаха на развалинах крепости? Не способствовали ли вы сами этим встречам?

Однако эти вопросы, хотя они и были заданы как бы от имени суда, остались без ответа. Скедони молчал.

— Получается, что обвинитель и обвиняемый были соучастниками, — бросил реплику главный судья.

С ним, однако, поспешил не согласиться член суда, ведущий заседание. Он заметил, что Скедони прибег к помощи Винченцо лишь от отчаяния. Юношу поразила такая непредвзятость суждений судьи.

— Святой отец, пусть, по-вашему, мы соучастники, — обратился Скедони к главному инквизитору, поклонившись. — Можно назвать нас и так, но прежде всего мы были друзьями. Поскольку мне следует в моих же интересах пролить свет на некоторые обстоятельства, я могу признаться, что этот человек иногда выполнял мои поручения.

Так, например, он помогал мне охранять честь и покой семьи ди Вивальди, одной из самых известных и уважаемых семей Неаполя. Здесь, святой отец, находится наследник этого знатного рода, сын маркиза ди Вивальди. — Он указал на Винченцо.

Юноша был потрясен таким признанием Скедони, хотя давно подозревал его во многом. Теперь роль монаха из крепости Палуцци становилась ему ясной. Это он оклеветал Эллену перед его отцом, он был послушным орудием в руках его матери и тщеславного Скедони. Последнего он считал виновным в доносе на него и похищении Эллены.

Забыв о всякой осторожности, Винченцо, изложив все это суду, заявил, что считает Скедони виновником своего ареста и ареста Эллены ди Розальба. Он попросил суд потребовать от Скедони назвать мотивы его злокозненных действий.

Главный инквизитор, пообещав, что суд учтет его заявление, потребовал продолжить заседание.

Обращаясь к Скедони, судья заявил:

— На основании ваших последних показаний у нас уже сложилось представление о вашей бескорыстной дружбе и взаимном доверии. Поэтому у суда больше нет к вам вопросов. Теперь суд намерен обратиться к вам, отец Никола ди Зампарри. — Судья посмотрел на монаха. — Чем вы можете подтвердить ваши обвинения? Какие у вас есть доказательства, что тот, кто называет себя отцом Скедони, на самом деле является графом ди Бруно, а также как вы докажете, что он убийца своего брата и своей жены? Отвечайте.

— На ваш первый вопрос я отвечу так: он сам мне признался в том, что он граф ди Бруно. На последний же ответит этот кинжал. Он и есть доказательство совершенных убийств. Его передал мне перед своей смертью раскаявшийся убийца, которого граф ди Бруно нанял для совершения преступлений, — уверенно ответил монах.

— Тем не менее это еще не доказательство, а лишь ваши утверждения, — вмешался главный судья. — Ваше первое заявление исключает доверие ко второму. Если, как вы заявили, Скедони сам признался вам, что он граф ди Бруно, то, следовательно, вы были ему близким человеком, иначе он не доверил бы вам сокровенную тайну. А если вы были его другом, вы бы не заставили нас поверить в ваш рассказ о кинжале. Независимо от того, правда это или ложь, но лично вам можно предъявить обвинение в предательстве.

Винченцо снова удивило беспристрастие судей.

— Вот мое доказательство, — промолвил монах и вытащил лист бумаги. По его словам, это было письменное признание убийцы. Оно было заверено одним римским священником и самим монахом три недели назад. Священник жив, и его можно вызвать в суд.

Суд тут же принял постановление завтра вечером вызвать священника в качестве свидетеля и заслушать его. После этого заседание суда было продолжено.

— Никола ди Зампарри, если вы располагаете таким бесспорным доказательством вины

Скедони в виде этого письма, зачем вам для обличения графа ди Бруно понадобилось вызывать в суд отца Ансальдо? Признание умирающего убийцы гораздо весомее любых других доказательств.

— Я просил вызвать в суд отца Ансальдо для того, чтобы доказать, что Скедони и граф ди Бруно одно лицо. Признание убийцы убедительно доказывает, что Скедони — организатор убийств, но отнюдь не то, что он граф ди Бруно.

— Замечание принимается, — вмешался главный судья, не давая монаху продолжить. — Но вы, Никола ди Зампари, не были до конца откровенны... Откуда вам известно, что Скедони — это тот человек, который исповедовался у отца Ансальдо в канун праздника святого Марко?

— Святой отец, именно об этом я собирался говорить, — быстро сказал монах. — Я сопровождал Скедони в канун дня святого Марко в церковь Санта-Мария-дель-Пианто, именно в тот день и в тот час. Скедони говорил мне, что хочет исповедаться. Я заметил, как он был взволнован, как его мучило сознание какой-то тяжелой вины. Иногда отдельные странные слова слетали с его уст, и этим он выдавал себя. Я простился с ним у ворот церкви. Скедони принадлежал в то время к ордену белых братьев и был одет так, как описал отец Ансальдо. Несколько недель спустя он покинул этот орден, причина этого мне неизвестна, хотя я и сам об этом не раз подумывал. Он ушел в монастырь Святого Духа, куда вскоре ушел и я.

— Все, что вы рассказали, — заметил главный инквизитор, — ничего еще не доказывает. В этот день и в этот же час в церкви могли исповедоваться и другие братья того же ордена.

— Но это достаточная презумпция доказательства, — заметил судья. — Святой отец, мы должны основываться не только на доказательствах, но и на вероятности их.

— Вероятности как таковые, — парировал главный судья, — могут свидетельствовать против человека, обронившего в момент аффекта неосторожное слово.

«И это говорит судья инквизиции, — подумал изумленный Винченцо. — Какое беспристрастие!» Слезы радости навернулись у него на глаза. Наивный юноша глядел на судей, испытывая гордость и умиление. «Подумать только, это суд инквизиции!»

Судья так и не пожелал согласиться с мнением главного судьи и, по всему видно, был разочарован либерализмом высшего начальства.

— Есть ли у вас еще какие-либо доказательства того, что отец Скедони и есть тот самый человек, который исповедовался у отца Ансальдо?

— Есть, святой отец, — резко ответил монах. — Я ожидал Скедони у церкви, как мы и договорились.

Но он вышел из церкви значительно скорее, чем я предполагал. Он был сам не свой, таким я его еще никогда не видел. Он, не останавливаясь, быстро прошел мимо меня, хотя я окликнул его. В церкви был шум и суматоха, а когда я попробовал войти туда, чтобы узнать, что произошло, передо мной закрыли дверь и вход в церковь был прекращен. До меня потом дошли слухи, что все это произошло из-за одной исповеди. Говорили, что главный исповедник, отец Ансальдо, во время исповеди в ужасе покинул исповедальню и велел найти и задержать монаха в белой сутане, который исповедовался ему. Это происшествие, святые отцы, наделало тогда много шума. Я заподозрил, что виновником этого переполоха был Скедони. Когда на следующий день я спросил Скедони, почему он так внезапно покинул церковь Кающихся Грешников, его рассказ был уклончив, а с меня он взял обещание — о, как неосторожен я был! — никому не говорить об этом. Здесь я уже понял, что не ошибся в своих предположениях.

— Он вам тоже исповедовался? — спросил главный судья.

— Нет, святой отец. Я догадался, что это о нем шла речь в церкви, но об исповеди его я не знал. О преступлениях я узнал, лишь услышав признание убийцы. Мне стало понятно, почему Скедони хотел, чтобы я участвовал во всех делах.

— Вы сейчас представились как монах монастыря Святого Духа в Неаполе и близкий

друг отца Скедони, с которым вас связывает многолетняя дружба. С того момента, как вы опровергли это, прошло едва полтора часа.

— Я опроверг то, что я монах из Неаполя, — согласился Никола ди Зампари. — За подтверждением этого я обратился к судье. Он сказал мне, что я слуга инквизиции.

Главный судья с удивлением повернулся к судье, ожидая объяснений. Некоторые члены суда сделали то же самое, другие же предпочли благоразумно держать мнение при себе. Судья встал.

— Отец Никола ди Зампари сказал правду, — заявил он. — Несколько недель назад он вступил в наше священное братство. Свидетельство его монастыря в Неаполе подтверждает это и позволяет ему присутствовать здесь.

— Странно, что вы не сообщили нам это раньше, — недовольно проворчал главный судья.

— Святой отец, у меня были на то причины. Если вы вспомните, здесь тогда присутствовал обвиняемый.

— Понимаю, — согласился главный судья, — однако не одобряю и не вижу необходимости в том, чтобы поддержать все уловки, к которым прибегает Никола ди Зампари, чтобы скрыть свою личность. Но об этом мы еще поговорим с вами.

— Я все вам объясню, — ответил судья.

— Итак, — заключил главный судья, повысив голос, — Никола ди Зампари был другом и доверенным лицом отца Скедони, которого он сейчас обвиняет. Его обвинения, разумеется, предвзяты, и нам предстоит установить их достоверность. Возникает также немаловажный вопрос: почему эти обвинения не были выдвинуты раньше?

Лицо монаха просияло от предвкушения чего-то, и он поспешил заявить:

— Высокочтимый святой отец, как только я узнал о них, я тут же решил сообщить об этом. Прошло совсем немного времени с тех пор, как убийца сделал признание. За это время я узнал, что в тюрьме томится синьор Винченцо ди Вивальди, и сразу понял, кто заточил его туда. Я хорошо знал обоих, чтобы понять, кто из них невинная жертва. У меня было две причины, чтобы привлечь к суду Скедони: я хотел освободить невинного и покарать преступника. Я думаю, что ответил на вопрос, почему из друга Скедони я превратился в его врага. Мною руководило чувство справедливости, а отнюдь не злоба.

Главный судья улыбнулся, но вопросов более не задавал. Заседание закончилось тем, что Скедони был заключен в камеру до выяснения его вины. Что касается смерти его жены, то суд ограничился пока его собственным признанием на исповеди. Этого было вполне достаточно для приговора, однако никак не могло удовлетворить главного судью, который требовал полных доказательств по каждому обвинению.

Скедони, прежде чем покинуть залу суда, почтительно поклонился суду. Был ли он уверен в своей невиновности или испытывал тревогу, но он ничем не выказал своего состояния. Он был спокоен и держался с достоинством. Винченцо, в течение заседания убедившийся в преступности его деяний, более не испытывал сомнений. Его тоже отвели в темницу, и на этом заседание суда было объявлено закрытым.

ГЛАВА VIII

Да, сердцу Глостера кровоточить
Из-за греха, какого не избыть...
И в смертный час да явится ему
Твой мстящий образ.

Уильям Коллинз

Вечером, когда должен был состояться суд над Скедони, Винченцо тоже был доставлен

в залу суда. Он сразу же заметил, как изменилась обстановка, — все было торжественней, и в зале было более многолюдно, чем накануне. Судьи были в мантиях и головных уборах. Лица их были еще более грозны и суровы. Все присутствующие в зале — слуги инквизиции, свидетели, обвиняемые — были в черном. Единственным светлым пятном на фоне темных стен были светильники и факелы в руках стражи у дверей и в дальних углах залы. Все это представляло собой довольно мрачную и зловещую картину.

Винченцо хорошо был виден подиум, где восседали судьи, и вся зала. Факелы в руках стражи на ступенях, ведущих к подиуму, отбрасывали красный свет на лица трех главных судей, делая их вид еще более устрашающим. Винченцо даже отвернулся в испуге.

Рядом с обвиняемым сидели свидетели — отец Ансальдо и отец Никола ди Зампари, на которого юноша не мог теперь смотреть без страха, как на существо из потустороннего мира. Когда были названы имена свидетелей, то Винченцо тоже оказался среди них. Юноша удивился, ибо его показания были повторением того, что рассказал ему монах, и, по сути, никакого значения для суда, при присутствии самого ди Зампари, не имели.

Как только имя Винченцо было названо и он встал, из глубины залы послышался истошный крик:

— Это мой господин, мой дорогой господин! Пустите меня к нему!

Он узнал голос своего верного слуги Паоло.

Винченцо отыскал его взглядом и увидел, как тот отчаянно отбивался от стражников, пытающихся удалить его из залы суда. Встревоженный Винченцо попросил Паоло не сопротивляться, но голос хозяина лишь придал тому силы, и, наконец вырвавшись из рук стражников, он подбежал к Винченцо и припал к его ногам. Обхватив хозяина за колени, бедный Паоло разрыдался, беспрестанно восклицая:

— О, мой господин! Неужели я снова вижу вас? Слава Богу, я нашел вас. Мы снова вместе.

Винченцо, не менее обрадованный, был, однако, смущен таким бурным проявлением чувств. Наконец, придя в себя, он принялся успокаивать Паоло:

— Помни, Паоло, где мы находимся, и пойми мое положение. Будь осторожен, прошу тебя.

— Не прогоняйте меня, синьор, — взмолился слуга. — Умереть можно всего один раз. Если такое мне суждено, я готов умереть ради вас.

— Опомнись, Паоло, и возьми себя в руки. Твоей жизни, я надеюсь, ничего не угрожает.

Паоло, окинув залу суда взглядом, снова разрыдался:

— О, мой господин! Где же вы были все это время? Вы живы и здоровы? Я не верил, что когда-нибудь снова увижу вас. Сколько раз мне казалось, что вас нет в живых, что вы там, в раю, и мне с вами никогда не увидаться. Но вы здесь, вы живы, мой дорогой хозяин!

Стражники пытались оторвать его от Винченцо, что просто взбесило темпераментного юношу.

— Попробуйте только разлучить нас силой, — грозился он. — Лучше убейте меня сразу же на месте.

Стражников это только разозлило, и Винченцо пришлось вмешаться.

— Прошу вас, оставьте его со мной, — вежливо попросил он офицера.

— Это невозможно, синьор, — ответил тот. — Не положено.

— Я обещаю вам, что он не будет разговаривать со мной, только разрешите ему остаться, — убеждал их Винченцо.

— Не буду разговаривать с вами?! — возмутился Паоло. — Я буду говорить с вами, сколько мне захочется. Пусть они делают что хотят, синьор, я не боюсь этих дьяволов инквизиции, пусть только попробуют взять меня. Я готов умереть, если на то пошло. Чего мне бояться? Не говорить, ишь чего захотели!

— Он сам не понимает, что говорит. — Расстроенный Винченцо одновременно пытался убедить офицера стражи и утихомирить Паоло. — Я уверен, что он сделает все, о чем я

попрошу. Он будет молчать, а если захочет сказать хоть слово, то скажет его шепотом.

— Чтобы я говорил шепотом! — возмутился оскорбленный Паоло. — Да я презираю тех, кто шепчется по углам. Я буду говорить во весь голос, чтобы было слышно каждое мое слово, чтобы от него у всех звенело в ушах, даже у тех шутов, что сидят на сцене, напустив на себя важность и свирепый вид, будто собираются разорвать всех на куски...

— Замолчи! — резко оборвал его Винченцо. — Я приказываю тебе замолчать, Паоло!

— Пусть знают, что я о них думаю, — продолжил Паоло, не обращая внимания на разгневанного хозяина. — Так им и надо за жестокое обращение с вами. Куда, интересно, они надеются попасть, когда костлявая приберет их? Хотя хуже того, где они сейчас находятся, наверное, не придумаешь. Поэтому-то они ничего не боятся. Послушать правду им не помешает, я готов...

Обеспокоенный Винченцо не знал, как остановить не в меру разошедшегося Паоло. Он опасался, что это плохо кончится для него, хотя стражники более не пытались увести его, а лишь с интересом наблюдали за тем, что происходит.

— Умоляю тебя, Паоло! — в отчаянии воскликнул наконец Винченцо.

Паоло ошеломленно умолк.

— Ответь мне, Паоло, ты любишь своего хозяина? — продолжал Винченцо, воспользовавшись паузой и удивлением слуги.

— Люблю ли я вас, господин?! — воскликнул Паоло со всей искренностью своего темперамента. — Разве я не прошел с вами огонь, воду и медные трубы? Разве не пошел за вами в казематы инквизиции? И после этого вы задаете мне этот вопрос? Люблю ли я вас, своего хозяина? Если вы считаете, что я здесь по другой причине, а не потому, что хотел быть с вами, тогда вы глубоко ошибаетесь. Когда они покончат со мной, а за этим у них дело не станет, вы перемените свое мнение обо мне и не будете думать, что я здесь ради собственного удовольствия...

— Возможно, Паоло, — строго сказал Винченцо, хотя был порядком растроган. — Но в искренности твоих слов меня убедит лишь твоя сдержанность. Я умоляю тебя, помолчи.

— Вы умоляете меня, синьор! — не выдержал Паоло. — О, мой господин! Что я такого сделал вам? — Бедняга расплакался.

— Значит, ты готов доказать мне свою преданность? — обрадованно спросил Винченцо.

— Не произносите больше таких слов, мой господин, они разрывают мое сердце! — У Паоло слезы текли по щекам. — Я сделаю все, что вы прикажете.

— Ты сделаешь все, что я попрошу? — переспросил Винченцо.

— Да, синьор, даже если вы попросите меня стать на колени вон перед тем дьяволом-инквизитором.

— Нет, Паоло, я всего лишь попрошу тебя помолчать, и тогда тебе позволят остаться со мной.

— Что ж, синьор, если так нужно, то только прикажите...

— Довольно, Паоло, больше ни слова, — строго остановил его Винченцо.

— Это от него уже не зависит, синьор, — наконец произнес офицер, до этого лишь наблюдавший за этой сценой. — Мы уведем его, и немедленно.

— Как? После того как я пообещал, что рта более не раскрою, вы хотите теперь нарушить свое обещание?

— Никто никаких обещаний не давал, — грубо отрезал офицер. — Изволь подчиняться, иначе хуже будет.

Все началось сначала. Шум спора дошел до ушей председателя суда, и он грозно потребовал тишины. Когда наконец она воцарилась, он пожелал узнать причину внезапной ссоры в зале суда. В результате выяснений суд приказал немедленно разлучить Паоло и Винченцо. На что Паоло ответил еще одной пламенной речью о несправедливом отношении к нему и его хозяину. Винченцо снова пришлось успокаивать его. Суд в конце концов разрешил Паоло побыть еще какое-то время рядом с хозяином.

Заседание суда началось. Были заслушаны свидетельские показания отца Ансальдо и священника из Рима. Суд уже успел предварительно допросить его, а теперь он лишь подтвердил достоверность письменного признания убийцы.

Суд, однако, считал необходимым привлечь еще одного свидетеля, что было полной неожиданностью для Скедони и привело его в полное смятение. И это было странно. До этого он спокойно выслушал показания священника из Рима и полный текст предсмертного признания убийцы, устанавливающий все факты и обстоятельства.

В 1724 году покойный граф ди Бруно решил предпринять деловую поездку в Грецию. Этому случаю давно ждал его младший брат, чтобы воспользоваться для своих недобрых целей. Хотя свой план Скедони готовил давно, некоторые события толкнули его на то, чтобы ускорить его исполнение. Среди них главную роль сыграли изменившиеся отношения между братьями Скедони. Младший сын, унаследовавший титул графа ди Маринелла, к этому времени давно уже промотал свою часть того скромного наследства, что оставил сыновьям отец. Однако это не заставило его призадуматься и извлечь уроки, а лишь поощрило изыскивать любые способы, позволяющие вести прежний расточительный образ жизни. Граф ди Бруно, хотя его собственное состояние было весьма скромным, нередко помогал брату. Однако, убедившись, что тот неисправим, а суммы, которые он дает ему, отрывая от семьи, по-прежнему бросаются на ветер, ограничился теперь тем, что оплачивал лишь его расходы на самые необходимые нужды.

Любой объективный судья считал бы такое поведение старшего брата разумным и справедливым, но не Скедони. У него это вызвало еще большую неприязнь к брату, и он расценил его решение как проявление жадности, злонамеренности и черствости сердца. Скедони, а отныне мы будем величать его только так, обвинил брата во всех пороках, рабом которых был сам. Вражда к брату подогревалась еще завистью к его относительному благополучию и счастьем с молодой красивой женой. Отныне Скедони стал вынашивать недобрый замысел, как ему завладеть всем этим.

План его созрел окончательно, когда брат отправился в поездку в Грецию. Для осуществления своей цели Скедони нанял некоего Спалатро, которого давно знал и которому доверял. Он поручил ему снять на глухом побережье Адриатики заброшенный дом и поселиться там за небольшое вознаграждение. В этот дом впоследствии и была привезена похищенная Эллена.

Скедони, зная путь следования брата, сообщал обо всем Спалатро. Когда граф ди Бруно возвращался из Греции домой и пересек Адриатику, а затем из Рагузы прибыл в Манфредонию, чтобы через леса Гаргано вернуться в родные места, уведомленные об этом Спалатро и его сообщник выбрали момент, чтобы напасть на него. На глухой лесной дороге граф ди Бруно, его слуга и проводник были обстреляны из засады. Когда первое нападение оказалось неудачным, Спалатро и его сообщник повторили его. Граф и его слуга были убиты, а проводник сбежал.

Тела несчастных были спрятаны в лесу, однако Спалатро ночью вернулся и сам перетащил их в дом, где захоронил в подвале, в заранее вырытой для этого яме. Не доверяя своему соучастнику, он проделал все это один, чтобы окончательно замести следы, если тому вздумается донести на него.

Для всех Скедони впоследствии сочинил вполне правдоподобную историю о гибели брата и всей команды судна при кораблекрушении в Адриатическом море. Этой истории поверили все, даже бедная вдова. Если потом, когда он силой принудил ее выйти за него замуж, у нее возникали подозрения, никаких доказательств, чтобы обличить его, у несчастной женщины не было.

Во время чтения признаний убийцы, и особенно к концу его, Скедони уже с трудом скрывал под маской спокойствия свое волнение. Известие, что Спалатро последовал за ним в Рим, потрясло его. Что побудило его сделать это, терялся в мучительных догадках Скедони. Но Спалатро в конце своей исповеди пояснил все.

Когда он узнал, что Скедони проживает не в Неаполе, а в Риме, он решил последовать

за ним, чтобы очистить свою душу и совесть и в конце концов обличить Скедони. Но не только это двигало им. Он хотел еще получить от него деньги и, естественно, уличить в обмане. Ведь Скедони убеждал его, что живет в Неаполе. Мог ли Скедони думать, что его обман приведет Спалатро в Рим и все кончится роковым признанием, которое погубит Скедони?

Спалатро же, заподозрив Скедони, и не подумал возвращаться в дом на побережье. Переночевав в городке, он затем последовал за Скедони и Элленой. Когда они оказались на развалинах виллы барона ди Камбруска, он уже прятался там. Эллена увидела его и сообщила об этом Скедони, и тот, решив, что Спалатро хочет его убить, сам выстрелил в него. Скедони был уверен, что избавился от своего врага. Но Спалатро был лишь ранен и продолжил свой путь, пока не добрался до Рима.

Здесь, измученный незаживающей раной и тяжелой дорогой, он свалился в лихорадке. Предчувствуя свой смертный час, попросил к себе священника. Тот, выслушав его исповедь, счел ее настолько важной, что пригласил в качестве свидетеля своего друга. Им оказался Никола ди Зампари, бывший друг Скедони. Он был весьма обрадован возможностью отомстить тому за многочисленные обманы.

Так Скедони узнал, чем закончился его план избавиться от Спалатро. Когда он отпускал крестьянина-проводника, то почти насильно заставил того принять от него кинжал, якобы для защиты от нападений на дороге или в случае встречи со Спалатро. Кончик кинжала был отравлен быстродействующим ядом, и даже шуточная царапина от него была смертельной. Скедони надеялся, что при встрече со Спалатро крестьянин воспользуется кинжалом и избавит Скедони от еще одного опасного свидетеля. От первого он уже сам успел избавиться.

Однако все обернулось не так, как он хотел. Крестьянину не довелось более встретиться со Спалатро, а кинжал он благополучно потерял, когда при переправе через реку он выскользнул из его одежды и упал в воду. Даже надежда Скедони на то, что не в меру любопытный и что-то знающий проводник невзначай поцарапает себя отравленным кинжалом, не оправдалась. Но об этом Скедони уже не суждено было узнать.

Но как бы ни велико было его потрясение от исповеди Спалатро, его страх при виде старого слуги был ни с чем не сравним. Этот слуга продолжал жить в доме даже после гибели старшего брата, когда Скедони женился на его вдове. Джованни, не колеблясь, подтвердил личность Скедони и рассказал о смерти графини. Он помог отнести графиню в ее покои после того, как ее поразил удар кинжалом, нанесенный Скедони, видел бегство хозяина из дома еще до того, как скончалась графиня, и присутствовал на ее погребении в церкви Санта-дель-Мираколи в монастыре близ поместья семьи ди Бруно. Его хозяин, как свидетельствовал слуга, с тех пор никогда более не появлялся в поместье.

Судья справился, не предпринимал ли кто-либо из родственников графини попыток найти убийцу. Свидетель сказал, что длительные поиски графа не дали никаких результатов и вскоре были прекращены.

Это сообщение не удовлетворило судей. И тогда главный судья задал свидетелю вопрос:

— Вы утверждаете, что тот, кто называет себя Скедони, действительно является графом ди Бруно, вашим прежним хозяином, несмотря на то что вы не видели его много лет?

Джованни, не задумываясь, подтвердил это, согласившись, что годы сильно изменили его. Он также подтвердил личность отца Ансальдо, которого часто видел в доме графа, хотя время тоже изменило его, как и одежда священника.

Однако главный судья скептически отнесся к личности свидетеля, хотя отец Ансальдо подтвердил, что узнал старого слугу графа, несмотря на то что самого графа ему не удалось опознать. Это вызвало удивление у судьи, но отец Ансальдо вполне резонно объяснил, что характер и образ жизни Скедони наложили на него неизгладимую печать и сделали его неузнаваемым, чего нельзя было сказать о старом слуге.

Скедони не без основания опасался появления на суде старого слуги. Его показания

внесли последнюю ясность и позволили суду вынести свое решение. Поскольку за убийство брата Скедони был приговорен к смерти, суд не считал нужным устанавливать его вину за второе преступление — убийство жены.

Скедони выслушал приговор спокойно. Как только судьба его была решена, спокойствие и выдержка более не изменяли ему.

Совсем иначе чувствовал себя Винченцо. Смертный приговор его врагу буквально потряс его. Хотя вызов свидетелей был сделан по настоянию Николя ди Зампари и у Винченцо иного выхода не было, он чувствовал себя виноватым, словно сам вынес приговор.

В последнем акте этой зловещей трагедии еще раз проявилась сложность и непредсказуемость натуры Скедони, сила страстей, раздирающих его, жертвой которых он сам неизменно становился. Покидая залу суда и проходя мимо Винченцо, он, не сдержавшись, еле слышно, только для него одного, произнес:

— Во мне вы убили отца Эллены ди Розальба.

В этих словах не было надежды, они не могли что-либо изменить или исправить. Просто они были отмщением за зло, причиненное ему, как он считал, показаниями Винченцо, желание заставить того мучиться угрызениями совести. И цель была достигнута.

Поначалу юноша подумал, что это было актом отчаяния, однако упоминание имени Эллены заставило Винченцо забыть все, и он, не сдержавшись, громко спросил, где она. Но Скедони с кривой улыбкой торжества и презрения прошел мимо, не ответив. Тогда Винченцо в полном отчаянии обратился к судье с просьбой позволить ему поговорить с осужденным. С большим трудом он получил это разрешение, с условием, что разговор будет происходить в присутствии официальных лиц.

На вопрос Винченцо, где Эллена, Скедони ответил, что она его дочь. Сказал он это чрезвычайно торжественно и повторил дважды. Сомнения и тревога охватили юношу. Однако Скедони, внезапно переменившись в лице, быстро назвал монастырь, где находится Эллена. Санта-Мария-дель-Пианто! Радости Винченцо не было предела.

Этот короткий разговор был прерван офицером стражи, и Скедони увели. Винченцо тоже было велено вернуться в свою темницу.

Не все так просто оказалось с Паоло. Он наотрез отказался расставаться с хозяином и шумно, как всегда, воспротивился новой разлуке. Никакие просьбы Винченцо позволить его слуге сопровождать его хотя бы до дверей камеры не возымели действия. Умоляющие глаза Паоло, полные слез, с укором смотрели вслед Винченцо, пока за тем не захлопнулись двери судебной залы.

Винченцо, чувствуя свою вину перед Паоло, по пути в камеру попытался уговорить офицера стражи быть снисходительным к бедному юноше. Однако тот был настроен иначе.

— Никаких поблажек такому буяну, синьор. Хлеб да вода, и никакой свободы.

— Никаких? — переспросил с сомнением Винченцо.

— Никаких. Он уже подвел одного из стражи, уговорив принести ему в камеру фонарь, чернила и перо. К счастью, это удалось предотвратить.

— Что же случилось с этим честным малым?

— Честным, сказали вы? Не такой уж он честный, синьор, если позабыл о службе.

— Он был наказан?

— Нет, синьор, — ответил офицер, с опаской оглядываясь, как бы кто не увидел, что он так долго разговаривает с обвиняемым. — Он был из новеньких, совсем мальчишка, поэтому на первый раз его простили и перевели сторожить человека, который не такой мастер уговаривать, как ваш слуга, синьор.

— Наверно, Паоло рассказывал всякие небылицы и смешил его?

— Смешил, говорите! Да он заставил его плакать.

— Неужели? — делано удивился Винченцо. — В таком случае этот бедняга прослужил у вас совсем недолго.

— Всего месяц, синьор.

— Ты сказал, что Паоло его уговаривал. Он предлагал ему деньги, дукат или больше?

— Дукат, синьор! Да у него и полгроша не найдется.

— Ты уверен в этом? — пристально глядя на офицера, промолвил Винченцо.

— Уверен, синьор. У таких дукаты не водятся.

— А может, они водятся у его господина, — понизив голос, произнес Винченцо и сунул в руку офицеру несколько монет. Офицер ничего не ответил, но деньги взял. После этого они более не говорили. Вивальди подкупил офицера с единственной целью — чтобы стража лучше относилась к бедняге Паоло. О себе он не думал. Голова его была занята самыми противоречивыми мыслями. Он думал об Эллени и ее безопасности, о неожиданном признании Скедони, что он ее отец. Невероятно, чтобы Эллени была дочерью убийцы, которому грозит позорная смерть! А сам он, Винченцо, — невольный участник событий, подтолкнувший их стремительный ход.

Сомнения, тревога, растерянность охватили юношу. Он пытался успокоить себя предположениями, что Скедони сказал это умышленно, чтобы отомстить ему. Но в то же время он ведь сообщил ему радостную весть, что Эллени в безопасности. Скедони не сделал бы этого, питая к нему недобрые чувства. Все это обескураживало Винченцо и вселяло сомнения. Однако в конце концов, успокоившись и поразмыслив, он пришел к выводу, что и в том и в другом случае Скедони говорил правду.

ГЛАВА IX

Сестра, почто ты голову склонила
И отчего льешь слезы на молитве?
Зачем румянец слабый, бледных щек
Коснувшись, вянет, как цветок лилейный
Под лунными лучами?

Пока в тюрьме инквизиции разворачивались эти печальные события, Эллени в тиши и укрытии монастыря ничего не ведала ни об аресте Скедони, ни о заточении Винченцо. Она знала, что отец Скедони готовится к тому, чтобы признать ее своей дочерью, и понимала, что это требует времени и он пока лишен возможности навещать ее. Он обещал ей написать, если узнает что-либо о Винченцо, однако писем не было. Это вызывало тревогу у девушки.

«Видимо, Винченцо где-то далеко, если не смог прислать мне весточку. Неужели он, поддавшись уговорам семьи, решил забыть меня? Почему я предоставила им решать все за меня, а не сделала этого сама?» — мучилась бедная девушка.

В печальных раздумьях и ожидании шли дни. Ничто не могло занять ее. Ни любимое вышивание шелком, ни игра на лютне не могли прогнать печаль. Временами она помогала сестрам в различных работах в монастыре и в таких случаях, хотя и не была весела и говорлива, всегда сохраняла приветливость и спокойствие. Самыми успокаивающими и приносящими утешение мгновениями были для нее предзакатные часы дня, когда она могла незаметно уединиться на своей любимой естественной террасе среди скал над монастырем. Здесь, в полном одиночестве, отдыхая от необходимости сдерживать себя, она отдавалась своим мыслям, любуясь красотой залива и вспоминая счастливые дни и любимых ею людей — Винченцо и покойную тетушку.

Однажды она засиделась на террасе дольше обычного. Солнце почти уже скрылось за линией горизонта, лишь последние его лучи освещали багрянцем воды залива. Сумерки сглаживали четкие очертания пейзажа, кроме близкой стройной колокольни церкви и монастырских строений, но и их вот-вот могла скрыть вечерняя дымка. Глядя сверху на монастырский двор, Эллени вдруг заметила необычное оживление на нем и, прислушавшись, различила даже голоса. Послушницы в белых покрывалах то и дело куда-то спешили, пересекая двор. А потом вдруг все стихло, и двор снова опустел. Эллени,

заинтересовавшаяся, что бы это было, стала спускаться вниз.

Не успела она войти в длинную аллею каштанов, ведущую в монастырский двор, как услышала в начале аллеи шаги и различила вдали несколько фигур монахинь, двигавшихся ей навстречу. Голос, который донесся до нее, показался ей удивительно знакомым. Прислушавшись, она гадала, кто же это, надеясь, сомневаясь, не веря себе! Вот он слышен опять! Эллена не могла ошибиться. Она ускорила шаги, а потом, вдруг испугавшись, остановилась. Голос произнес ее имя, в нем были нежность и нетерпение. Эллена, едва веря своим глазам, увидела сестру Оливию, монахиню из Сан-Стефано, своего друга и спасительницу.

Столь велика была радость увидеть ее здесь, в рощах родного ей монастыря, что, более не колеблясь, она поспешила ей навстречу. Оливия была не менее счастлива заключить ее в свои объятия. Они засыпали друг друга вопросами, но их волнение было столь велико, что они обменялись лишь несколькими короткими фразами, после чего Эллена поспешила увести сестру Оливию.

Оливия обстоятельно рассказала девушке, что заставило ее покинуть стены монастыря Сан-Стефано и искать убежища здесь, в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто.

После побега Эллены настоятельница Сан-Стефано преследовала сестру Оливию своими подозрениями, справедливо полагая, что именно она помогла бежать Эллене. Однако у нее не было прямых доказательств для обвинения. Хотя Джеронимо мог бы многое подтвердить, он, опасаясь за свою судьбу, упорно хранил молчание. А без его подтверждений побег мог оказаться просто случайностью, а не заговором, дающим игуменье право наказывать ту, которую она считала во всем повинной. Зато в руках игуменьи оставалось бесспорное право сделать жизнь сестры Оливии невыносимой, чем она в полной мере воспользовалась.

Мысль о переводе в монастырь Санта-Мария-дель-Пианто родилась у сестры Оливии под впечатлением рассказов Эллены, однако она ни при каких условиях не могла сообщить ей об этом, зная, каким грозным оружием было бы письмо к Эллене, попади оно в руки игуменьи. Даже обратившись за помощью к епископу, Оливия, прося перевода в другой монастырь, не называла его до тех пор, пока не пришло указание о ее переводе. Гнев мстительной настоятельницы ускорил ее отъезд.

Оливия, привыкшая к испытаниям и смирившаяся с мыслью коротать свои дни в Сан-Стефано, покорно приняла бы свой жребий, если бы не невыносимый гнет и несправедливость матушки игуменьи, достигшие своего предела; это заставило Оливию решиться на этот шаг. Теперь она под кровом того же монастыря, где оказалась и Эллена.

Девушка с особой тревогой расспрашивала, не пострадал ли еще кто-либо из-за нее, но Оливия успокоила ее. Даже старый монах, открывший дверь подземного хода, избежал каких-либо подозрений.

— Менять монастырь — это не такое простое и безболезненное обстоятельство в моей жизни, — задумчиво заключила сестра Оливия. — Но у меня были слишком серьезные на это основания. К тому же ты так хорошо рассказывала мне о нем, и я поверила, что именно в нем смогу встретить тебя, что я наконец решилась. Когда же, прибыв сюда, я узнала, что не ошиблась, ты действительно здесь, то решила немедленно увидеть тебя. Как только церемония моего представления матушке настоятельнице была закончена, я отправилась на твои поиски. Хочу рассказать тебе, как обрадовал меня душевный прием, оказанный матушкой, внимание и чуткость сестер. Это все словно возродило меня. С меня спал тяжкий гнет тревоги и отчаяния, и свет надежды забрезжил впереди.

Оливия умолкла. Впервые она позволила себе открыть душу и поведать о себе. Заметив, как тяжело далось ей это откровение, какая печаль снова затуманила черты ее лица, Эллена не возобновила разговора.

Наконец, отогнав мрачные воспоминания и попробовав улыбнуться, сестра Оливия воскликнула:

— Вот я и рассказала тебе историю моего изгнания из монастыря Сан-Стефано,

потешила свой эгоизм, отняв у тебя столько времени. Теперь ты расскажи мне о себе. Что произошло, мой друг, после того как я распрощалась с тобой и Винченцо у ворот Сан-Стефано?

Все было еще слишком живо и болезненно в памяти Эллены, многое из этого было страшным или неопределенным, и о многом она даже не отважилась бы рассказать, поэтому Эллена попросила не ждать от нее подробного рассказа. Не забывая предостережений Скедони, она начала свой рассказ с того момента, как ее разлучили с Винченцо в церкви в Челано в момент их венчания, а затем, минуя многое, рассказала, как добралась до Неаполя и до монастыря.

Оливия понимала ее и не спрашивала ни о чем, а просто слушала. Так они беседовали до тех пор, пока не зазвонил колокол к последней вечерне. После мессы они разошлись по своим комнатам.

В монастыре Санта-Мария-дель-Пианто Оливия обрела тот покой, о коем она не могла и мечтать, и, говоря об этом, она не могла удержаться от слез. Спустя несколько дней после приезда Оливии в монастырь Эллена сначала с удивлением, а потом и некоторым разочарованием замечала, что тень печали снова не сходит с лица ее друга. Но вскоре иные тревоги отвлекли Эллену.

Когда она увидела в монастыре старую больную служанку Беатрису, она сразу поняла, что та принесла ей плохие вести. Она знала осторожность Скедони, который не передал бы ей новости о Винченцо через старую Беатрису. Следовательно, старушку, несмотря на ее немощь, привело сюда что-то очень важное. Первая и единственная мысль была о Винченцо, но у Эллены не было сил спросить об этом.

Бедная старушка, едва стоящая на ногах то ли от болезни, то ли от усталости, проделав нелегкий для нее путь, прежде уселась, чтобы перевести дух, а потом уже прислушалась к тому, что спрашивала Эллена.

— О, синьорина, вы не представляете, что значит проделать этот путь в моем-то возрасте. Милуй вас Господь от этого.

— Как я понимаю, ты принесла мне плохие вести, — неуверенно промолвила Эллена. — Я готова выслушать тебя, не бойся, говори.

— Святой Марко! — воскликнула Беатриса. — Если смерть — это плохие вести, то вы угадали, синьорина. Как вы узнали, моя госпожа? Я была первой, кому довелось это услышать, и поспешила прямо к вам, да, видно, не успела... Меня кто-то опередил.

Она умолкла, увидев, как побледнела девушка. Еле слышным шепотом Эллена попросила продолжать.

— Вы сказали, что готовы выслушать, но на вас лица нет, — сокрушалась старушка.

— Что ты хочешь мне сказать? — с трудом промолвила Эллена. — Когда это произошло, говори.

— Я не могу сказать точно, синьора, когда это случилось, но слуга синьора маркиза сказал мне об этом.

— Маркиза? — срывающимся от волнения голосом спросила Эллена.

— Да, моя госпожа, и я ему верю.

— Смерть в доме маркиза? — вскрикнула Эллена.

— Да, синьорина, так сказал слуга. Он проходил мимо нашей виллы, а я в это время беседовала с бакалейщиком, что приносит нам макароны... О, моя госпожа, вы больны...

— Нет, я здорова, — возразила Эллена слабым голосом, моля Беатрису взглядом, который был красноречивей слов, продолжать дальше. — Прошу тебя, продолжай.

— Так вот, увидев меня, слуга и говорит: «Давненько не видел я вас, госпожа». А я ему: «И я вас тоже». Кто теперь помнит о нас, старухах. Сегодня живы, завтра, глядишь, уже нет. С глаз долой, из сердца вон...

— Умоляю тебя, Беатриса, кто умер? — перебила ее Эллена. — О ком он говорил? — Она была не в силах спросить о Винченцо.

— Сейчас узнаете, синьорина. Так вот, вижу, ему не терпится поговорить, и

справляюсь, как там у них во дворце. «Плохо, — говорит он мне. — Разве вы не слышали?» — «Что я должна была слышать?» — отвечаю я. «А то, что у нас случилось».

— О Господи, — простонала Эллена. — Он умер? Винченцо умер?

— Сейчас все узнаете, госпожа, — невозмутимо продолжала старушка.

— Да покороче же рассказывай. Скажи, да или нет?

— Я так не могу, синьорина, я расскажу все по порядку. Имейте терпение, а если будете торопить, тогда я помолчу лучше.

— Боже, дай мне терпение, — простонала бедная девушка, пытаюсь взять себя в руки.

— Тогда, синьорина, я пригласила его в дом. Он сослался на то, что очень спешит, но я, зная, синьорина, как вам важно знать, что там происходит, в этой семье, решила не отпускать — это так просто — и пригласила освежиться лимонным напитком. Он тут же позабыл о своих делах, и мы славно поговорили.

Теперь старая Беатриса могла говорить сколько ей угодно, ибо для Эллены было уже все равно. Она была не в силах ни плакать, ни кричать. Ей казалось, что она онемела, превратилась в кусок льда. Слова Беатрисы не долетали до ее слуха.

— Когда я спросила у него, что же все-таки у них произошло, — увлеченно продолжала ничего не замечавшая Беатриса, — он наконец мне все рассказал. Уже целый месяц, как она болела, я хочу сказать, маркиза...

— Маркиза? — опомнившись, воскликнула Эллена.

— Да, синьорина, о ком же еще я говорю?

— Рассказывай, рассказывай, Беатриса, — поторопила ее Эллена. — Значит, маркиза...

— А что это вы так повеселели, синьора? Я подумала было, что вы оплакиваете ее. О, я старая дура! Вы, должно быть, решили, что я говорила о молодом синьоре, не так ли?

— Продолжай, Беатриса.

— Так вот, месяц тому, как маркиза заболела, — продолжала свой рассказ служанка. — Она давно хворала, но после одного разговора у себя на вилле ди Вольо она расхворалась так, что вернулась во дворец совсем плохой. Как я уже сказала, она недомогала давно, да никто не замечал, что ей плохо. Собрались доктора, и тут все открылось. Она уже шла к своей смерти. Конечно, досталось ее врачу, что так плохо лечил ее и ничего не замечал. А он твердил, что ничего опасного нет. Но другие доктора оказались правы, предсказывая скорую смерть. Она умерла.

— А ее сын? — спросила Эллена. — Он был с ней, когда она умерла?

— Синьор Винченцо? Нет, синьорина, его не было там.

— Как странно! — воскликнула Эллена. — А слуга говорил о нем?

— Да, синьорина. Он говорил: «Жаль, что нет молодого господина, да никто не знает, где он».

— Значит, его семья не знает, где он? — спросила Эллена, волнуясь все больше.

— Нет, синьорина, и уже много недель, как ничего не знают ни о нем, ни о его слуге Паоло. Люди маркизы объездили все почтовые станции, расспрашивая о них, но так ничего и не узнали.

Это известие просто убило бедную девушку. Наихудшие ее опасения оправдались — Винченцо находится в руках инквизиции.

Оглушенная своим горем, она уже не слушала, что говорила служанка. А та продолжала свой рассказ:

— У маркизы лежал на сердце какой-то грех, потому что она все время спрашивала о сыне. Так мне сказал слуга.

— Ты уверена, что он так сказал, что она не знала, где ее сын? — растерянно спросила Эллена. «Кто же тогда отдал его в руки инквизиции?» — со страхом подумала она.

— Да, синьорина, она очень хотела его видеть. А когда пришел ее час, она послала за своим духовником отцом Скедони, кажется, так его зовут, но его нигде не могли найти, но...

— Что — но? Что ты знаешь о нем? — быстро спросила она.

— Ничего, синьорина, кроме того, что его так и не нашли.

— Не нашли! — машинально повторила Эллена.

— Да, синьорина, не нашли. Но, может, он духовник не только одной маркизы, не одной ей он отпускал грехи, потому и не нашли его в тот час...

Эллена благоразумно решила больше не спрашивать о Скедони. Чем больше она думала о Винченцо, тем больше надеялась, что он не попал в руки настоящей инквизиции, а кого-нибудь вроде тех, что увезли ее. Может, они отпустили его и он продолжает ее поиски.

— Так вот, как я говорила, — продолжала Беатриса, — в доме была порядочная суматоха, когда умирала маркиза. Когда не нашли отца Скедони, позвали другого духовника. Он просидел у нее Бог знает сколько, а потом позвали маркиза, и там что-то такое произошло, потому что, как сказал слуга, было слышно, как хозяин говорил так громко, что кто был в комнате рядом, слышали его голос, да и голос маркизы, хотя она была очень плоха. А потом стало тихо, и вскоре вышел хозяин, очень сердитый и очень печальный. А духовник еще долго сидел у нее, а когда ушел, слуга говорил, что маркиза была совсем плоха. Она прожила ночь и половину следующего дня. Что-то, видимо, очень мучило ее, потому что она то плакала, то стонала, и на нее было просто жалко смотреть, так она страдала. Она часто просила к себе маркиза, и тогда, оставшись вдвоем, они долго разговаривали. Снова позвали духовника, и все трое заперлись в комнате маркизы. После этого, как говорил слуга, его хозяйка успокоилась, и вскоре Господь призвал ее к себе.

Эллена внимательно выслушала конец этой нерадостной повести. От вопросов, которые она хотела задать, ее удержала вошедшая Оливия, которая, увидев, что Эллена не одна, тут же хотела уйти. Эллена, решившая, что эти вопросы не столь уж важны и могут подождать, попросила ее остаться и предложила ей свой стул перед пальцами, который освободила.

Поговорив пару минут с Оливией, она снова вернулась к Беатрисе, чтобы продолжить разговор. Поскольку отсутствие Скедони пока не очень беспокоило ее, а прямо спрашивать о нем у Беатрисы она не хотела, она как бы мимоходом справилась, не видела ли она в последнее время того незнакомца, который привез ее на виллу. Беатриса его знала как освободителя Эллены.

— Нет, синьорина, — ответила служанка недовольно. — Я так и не видела его лица, да и покинул он дом ночью, даже не знаю как. Мог бы показать лицо, нечего было бояться, я только поблагодарила бы его за ваше спасение.

Эллена была удивлена, что Беатриса заметила внезапный уход Скедони, и поспешила сказать, что сама проводила его и заперла за ним дверь.

Пока Беатриса говорила, Оливия не раз, оторвавшись от пальцев, останавливала на ней пристальный взгляд. Это не укрылось от Беатрисы, которая, отвечая на взгляды, вежливо отводила глаза. Эллена с удивлением заметила их взаимный интерес друг к другу.

Когда Беатриса, выслушав распоряжение Эллены прислать ей в монастырь некоторые рисунки для вышивания, что-то ответила ей, Оливия, подняв голову, снова внимательно и с любопытством посмотрела на нее.

— Я где-то слышала этот голос, — наконец взволнованно промолвила она. — Я знаю его, но ваше лицо мне незнакомо. Неужели это вы? Беатриса Олка! — вдруг воскликнула она. — Сколько лет прошло...

Беатриса была удивлена:

— Да, так меня зовут, синьора. Но кто вы, если вы меня знаете?

Эллена заметила, как на лице служанки возросла растерянность, когда та буквально впиалась взглядом в монахиню. Оливия побледнела и пыталась что-то сказать, но Беатриса опередила ее.

— Неужели мои глаза обманывают меня?! — воскликнула она. — Но какое сходство! Моя госпожа, как вы похожи на нее! Святая Дева Мария! Как похожи и какие разные...

Оливия, чей взгляд был прикован теперь к Эллене, чувствуя, что теряет силы, еле вымолвила, указывая на девушку:

— Скажи мне, Беатриса, кто она!..

Беатриса ответила не сразу. Она испуганно смотрела то на одну, то на другую из своих собеседниц.

— Да, это и вправду синьора Оливия, — наконец сказала она. — Это она. Ради всех святых, скажите, как вы оказались здесь? О, какое счастье, что вы нашли друг друга!

Она как зачарованная продолжала смотреть то на Эллену, то на Оливию. А Эллена стояла, недоумевая, пока не почувствовала, как ее крепко прижали к груди, оросили ее лицо слезами. Но даже тогда она не смогла вымолвить ни слова.

— Что-то случилось? — наконец настороженно спросила она монахиню, отстраняясь. — Вы кого-то нашли? Я тоже совсем недавно нашла своего отца. Скажите, кем я прихожусь вам, каким нежным именем могу назвать вас?

— Нашла отца? — удивилась Оливия.

— Вашего отца? — повторила за ней Беатриса.

Эллена, испугавшись, что поспешила раскрыть тайну Скедони, растерянно умолкла.

— Нет, дитя мое, — промолвила наконец Оливия, и в голосе ее прозвучали нотки глубокой печали. Она снова прижала Эллену к своей груди. — Твой отец умер.

Эллена, почувствовав, что не может ответить тем же на ее ласку, недоверчиво смотрела на Оливию.

— Вы моя мать, не так ли? Когда же придет конец этим открытиям?

— Да, я — твоя мать, — тихо сказала Оливия. — И благословляю тебя.

Она постаралась успокоить взволнованную и обескураженную девушку, хотя сама была не менее потрясена происшедшим. Они обе долго молчали, ибо не могли прийти в себя от неожиданности и обменяться словами радости. Но эта минута была уже где-то совсем близко, и встретить ее мать была более готова, чем дочь. Лишь дав волю слезам, Эллена постепенно успокоилась и ощутила, как отходит ее сжавшееся от испуга сердце и его заполняют теплые волны нежности и любви.

А в это время старая Беатриса, оправившись от удивления, вдруг ощутила тревогу, глядя на радостную встречу дочери и матери. Она пока настороженно наблюдала.

Наконец, успокоившись, Оливия спросила о том, чего так страшилась старая служанка, — она спросила о своей сестре, синьоре Бианки. Эллена испуганно молчала, старая Беатриса, услышав имя своей госпожи, сразу обрела дар речи:

— Увы, госпожа. Ее, бедняжки, нет уже с нами. Скоро, совсем скоро я увижусь с ней. Этот час уже близок.

Однако Оливия, взволнованная встречей с дочерью, не так трагично восприняла весть о смерти сестры. Осушив слезы, она призналась, что догадывалась об этом, потому что, послав письмо на виллу Алтиери в первый же день своего пребывания в монастыре Санта-Мария-дель-Пианто, она до сих пор не получила ответа.

— Неужели госпожа игуменья не сообщила вам об этом? Ведь моя дорогая госпожа похоронена на здешнем кладбище. А письмо ваше я принесла синьорине Эллене, чтобы она сама его открыла.

— Игуменья ничего не знает о нашем родстве, и мне хотелось бы, чтобы это осталось пока тайной. Даже ты, моя дорогая Эллена, будешь по-прежнему лишь моим другом. Это нужно, пока многое, что так важно для моего душевного покоя, не прояснится.

Оливия не могла не спросить у Эллены, что означают ее слова о том, что она нашла отца. В ее вопросе не было радости или надежды, а лишь тревога и недоумение. Эллена объяснила это тем, что Оливия так же, как и она, после стольких лет разлуки не может поверить в вероятность этой встречи. Сама она испытывала сдержанность и смущение оттого, что вынуждена будет нарушить данное Скедони обещание хранить его тайну. Тем не менее она понимала, что этого будет трудно избежать в столь непредвиденных обстоятельствах, в которых они все оказались. Когда Беатриса ушла, Эллена подтвердила свои слова о том, что ее отец жив, но это не убедило Оливию, а лишь вызвало еще большее ее удивление.

Оливия плакала, когда рассказывала Эллене о смерти ее отца, она точно назвала дату

его смерти и ее обстоятельства. Но поскольку ее мать не была свидетелем всех этих печальных событий, Эллину это не убедило. Она, в свою очередь, для убедительности привела Оливии несколько фактов из того, что рассказал ей Скедони и что должно было убедить Оливию в том, что он жив. В качестве последнего аргумента она предложила показать ей медальон с его портретом. Это привело Оливию в страшное волнение, она хотела немедленно увидеть этот медальон, и Эллена вышла в другую комнату, чтобы принести его.

Каждая минута ее отсутствия казалась Оливии вечностью. Она взволнованно ходила по комнате, прислушивалась, не идет ли Эллена, но той все не было. Что-то странное, зловеще загадочное было в рассказе Эллены, который она сейчас выслушала, и это сулило беду. Наконец вернулась Эллена и протянула Оливии медальон. Взяв его дрожащей рукой, Оливия взглянула на него и, побелев как мел, упала без чувств.

Эллена более не сомневалась, что Скедони сказал ей правду. Она лишь корила себя за то, что не сумела подготовить мать к этой новости и нервы той не выдержали.хлопоты Эллены вскоре привели Оливию в чувство, и она снова попросила дать ей взглянуть на медальон.

Эллена, объясняя обморок Оливии радостными эмоциями и страхом, что надежда слишком хрупка, торопливо заверила ее, что граф ди Бруно не только жив, но находится в Неаполе и она сможет вскоре увидеть его, ибо Эллена уже послала ему весточку.

— Он будет не более чем через час. Покинув комнату, я послала за ним немедленно, чтобы он разделил нашу радость.

Сказав это, она жадно искала на лице Оливии радостное удивление и благодарность, но, к ее разочарованию, на нем не было ничего, кроме подлинного ужаса. Из груди Оливии вырвался крик отчаяния:

— Если он увидит меня, я погибла. О, моя бедная Эллена! Твоя поспешность погубила меня. Этот портрет не графа ди Бруно, моего дорогого мужа и твоего отца... Это портрет его брата. Он был моим вторым мужем...

Она умолкла, словно и без того сказала слишком много. Эллена была столь поражена услышанным, что не смогла вымолвить ни слова.

— Я не представляю, как этот портрет мог оказаться у тебя, дорогая девочка! Но это он — граф Фернандо ди Бруно, брат моего мужа, мой жестокий... — Произнести ужасные для нее слова «второй супруг» несчастной Оливии не хватило сил, и она отрешенно умолкла.

Однако, поборов слабость, охватившую ее, она пояснила:

— Я не в силах сейчас объяснить тебе все. Это слишком тяжело. Прошу об одном — дай мне возможность не встречаться с ним. Даже больше: он не должен знать, что я жива.

Оливия немного успокоилась, когда узнала, что Эллена не упомянула о ней в своем письме Скедони. Эллена просто просила его о встрече.

Пока они обсуждали, как объяснить ему, когда он приедет, зачем Эллена настоятельно просила о встрече, вернулся слуга с нераспечатанным конвертом и сообщил, что отца Скедони нет в монастыре. По словам монастырских братьев, он отправился в долгое паломничество. Блюдя честь монастыря Святого Духа, они предпочли не разглашать истинную причину отсутствия отца Скедони, которая им уже была известна.

Оливия, успокоившись, согласна была все объяснить Эллене, однако ее состояние позволило ей сделать это лишь через несколько дней. В первой части ее печальной повести она не добавила ничего нового к тому, что читателю уже известно из исповеди, выслушанной отцом Ансальдо от кающегося монаха в канун праздника святого Марко. То, что она сказала далее, было известно ей, ее сестре Бианки, врачу и верному ей слуге.

Как известно, Скедони, ударив жену кинжалом, тут же скрылся. Он не сомневался, что убил ее. Графиня, без сознания, была перенесена в свои покои, где затем пришла в себя. Рана, к счастью, оказалась несмертельной. Оправившись и поняв, какой опасности она подвергается, если останется в этом доме, а также видя в этом последнюю возможность избавиться от жестокой тирании нелюбимого человека, она решила скрыться. К правосудию прибегать она, однако, не стала, чтобы не порочить доброе имя семьи ди Бруно. Покинуть

дом навсегда ей помогли три верных человека. Она уехала в глухой уголок Италии, где, приняв монашество, нашла приют в монастыре Сан-Стефано. А тем временем в поместье ди Бруно, как и положено, состоялась панихида и погребение умершей графини. Ее сестра Бианки еще пожила какое-то время в своем доме поблизости от виллы ди Бруно, а затем тоже покинула эти места, взяв на себя заботу о двух малолетних дочерях графини: двухлетней Эллене, дочери от первого брака, и совсем крохотной дочери Скедони. Разлученная таким образом со своими детьми, Оливия так и не познала счастья материнства, ибо ее сестра не решилась поселиться поблизости от монастыря, чтобы не подвергать Оливию опасности. Скедони, хотя и поверивший в смерть жены, мог бы что-либо заподозрить, выследив синьору Бианки. Поэтому она вскоре совсем уехала из этих мест. В это время Эллене не было даже двух лет, а малютке всего несколько месяцев. Бедняжка вскоре умерла, не дожив и до года.

Скедони, след которого с той трагической ночи совсем затерялся, не знал о смерти дочери, поэтому с такой готовностью принял Эллenu за свою дочь, тем более что девушка сохранила медальон с его портретом.

Синьора Бианки, рассказав Эллене о ее родителях, умолчала о том, что мать ее жива, не только из предосторожности, но и чтобы скрыть от нее все жестокие подробности семейной трагедии. Умирая, несчастная, видимо, пыталась рассказать Эллене правду, но так и не успела, унеся с собой эту тайну.

Поэтому, даже встретившись в монастыре Сан-Стефано, мать и дочь ничего не знали друг о друге. Опасаясь мести Скедони, осторожная синьора ди Бианки дала Эллене вымышленную фамилию ди Розальба. Служанка Беатриса не была полностью посвящена в тайну и знала лишь, что Эллена — дочь графа ди Бруно, а мать ее умерла. Поэтому после смерти синьоры Бианки она ничем не могла помочь Эллене. Однако счастливый случай наконец помог им встретиться. Оливия узнала служанку, а та тоже узнала в ней считавшуюся умершей графиню ди Бруно, и все это произошло на глазах у Эллены.

Поселившись в окрестностях Неаполя, синьора Бианки никак не могла предполагать, что Скедони, о котором с той ночи она ничего не слышала, находится совсем поблизости в одном из монастырей. Она редко покидала виллу, и неудивительно, что они никогда не встречались. Ее постоянная вуаль, а его монашеское одеяние и низко надвинутый на глаза капюшон могли даже при встрече помешать им узнать друг друга после стольких лет.

Синьора Бианки намеревалась объявить семье ди Вивальди, кто Эллена по своему происхождению, и сделала бы это до бракосочетания. Но в тот вечер, когда она собиралась рассказать об этом Винченцо, она, давно недомогая, почувствовала себя особенно плохо и отложила все до другой встречи. Неожиданная смерть помешала ей это сделать. Тетушка Эллены не считала род ди Бруно менее знатным, чем род ди Вивальди. Единственным пятном было преступление младшего графа ди Бруно. Это и заставляло ее так долго хранить тайну от молодых людей.

Фернандо ди Бруно распорядился доставшейся ему после смерти брата долей семейного наследства не менее беспечно, а его собственное поместье законно или незаконно досталось кредиторам, чему он воспротивиться уже не смог. Таким образом, Эллена оказалась полностью зависимой от тетушки. И без того скромные возможности синьоры Бианки едва позволили ей внести значительную сумму монастырю Сан-Стефано за пребывание там Оливии. На остаток денег она купила небольшую виллу Алтиери в окрестностях Неаполя. Последние расходы она считала необходимыми, ибо привыкла к независимости и определенному образу жизни. Синьора Бианки была обучена искусству рисования и художественной вышивки. Любовь к этому она передала и Эллене. Их работы высоко ценились монахинями монастыря Санта-Мария-дель-Пианто и богатыми неаполитанками. Это обеспечивало тетушке и племяннице возможность вести скромный, но достойный образ жизни.

В молитвах и уединении прошел первый год пребывания Оливии в монастыре. Она постепенно успокоилась, лишь разлука с дочерью постоянно напоминала о себе щемящей

болью в сердце. Она поддерживала связь с сестрой столь же регулярно, сколь позволяли обстоятельства. Ее радостью и утешением были хорошие вести о дочери и единственная встреча с ней, хотя Оливию поразила и встревожила молчаливость при этом ее сестры Бианки.

Увидев впервые девушку в церкви монастыря, она с испугом уловила что-то знакомое в ее лице и после этого всегда пристально и с тревожным любопытством следила за ней. Однажды, не выдержав, она поинтересовалась ее фамилией, но, услышав, что она Розальба, прекратила дальнейшие расспросы. Знала бы она, что, искренне сочувствуя девушке и помогая ей бежать из монастыря, она спасала жизнь собственной дочери, которую чуть было не погубил затем Скедони.

ГЛАВА X

Часы улыбчивые, где они?
От хмурой думы побледнело время.

Э. Янг

Маркиза ди Вивальди перед смертью, мучаясь раскаянием и вспоминая зло, которое причинила Эллене, а также опасаясь кары Господней, послала за духовником и во всем исповедовалась ему, надеясь на утешение. Из-за отсутствия Скедони духовником стал умный и добрый священник, который, узнав печальную историю Винченцо и Эллены, мудро посоветовал маркизе благословить их брак и этим замолить свои грехи перед ними и Господом. Маркиза давно сама приняла такое решение и теперь с таким же нетерпением хотела этого брака, как недавно препятствовала ему. Зная, что ей не дожить до него, она доверилась в этом мужу, взяв с него обещание, что он не будет противиться этому и выполнит ее последнюю волю. Она призналась ему, что оговорила Эллену, но о других, более зловещих своих замыслах умолчала.

Маркиз был потрясен коварством и двоедушием своей супруги, но сам, однако, не испытывал угрызений совести и страха наказания. Он воспротивился браку сына с Элленой из-за ее низкого происхождения. Мольбы и просьбы жены позволить ей умереть спокойно, однако, вынудили его дать обещание. Он сделал это в присутствии духовника, и маркиза наконец успокоилась. Она умерла с сознанием того, что хотя бы частично получила отпущение грехов. Маркиз же не торопился выполнять свое обещание, которое дал против своей воли, тем более что поиски Винченцо не увенчались успехом.

Когда маркиз почти потерял надежду увидеть сына живым, однажды поздней ночью дом был разбужен громким стуком в главные ворота и криками, переполошившими прислугу. Разбудили они и маркиза, чьи окна выходили во двор, и он послал слугу узнать, что происходит.

Вскоре маркиз услышал громкий требовательный голос кого-то, кто препирался со слугой:

— Я должен видеть господина маркиза. Он не будет гневаться, что я разбудил его, когда все узнает.

И прежде чем маркиз успел приказать никого не пускать к нему в этот час, перед ним уже стоял грязный и оборванный слуга его сына.

Паоло был худ и изможден, одежда его была в клочьях, и весь его вид говорил о том, что он до сих пор опасается, что сию минуту будет схвачен своими преследователями. Маркиз был настолько перепуган, что не мог вымолвить ни слова, страшаясь услышать недобрую весть. Но Паоло не нужно было ждать от него каких-либо вопросов, ибо он, не дав маркизу опомниться, уже сам рассказывал ему о сыне. Молодой хозяин находится в руках инквизиции в Риме, и ему грозит опасность. Возможно, его дорогого хозяина нет уже в

живых.

— Да, мой господин, я только что сам оттуда. Они не разрешили мне быть с синьором Винченцо, поэтому мне там делать было нечего. Нелегко мне было решиться оставить там моего дорогого хозяина одного, но я подумал, что вы, синьор, узнав, где он, сможете вызволить его оттуда. Нельзя терять ни минуты, синьор. Если кто попал в лапы инквизиции, никогда не знаешь, чем это может кончиться. Позвольте, я сейчас же закажу лошадей на Рим, синьор? Я готов ехать немедленно.

Подобное известие способно было потрясти любого, даже более сильного человека, чем маркиз. Для него же это было ударом. Он не мог ни двинуться, ни вымолвить хоть слово и тем более решить, что следует делать. Когда он пришел в себя, он понял, что надо действовать немедленно. Но ему необходимо было посоветоваться со своими друзьями, имеющими связи в Риме, что могло бы значительно облегчить освобождение Винченцо. Однако все это можно было сделать лишь утром. Маркиз отдал наконец распоряжение приготовить лошадей, чтобы немедля двинуться в путь. Затем, выслушав уже подробный рассказ Паоло, он отправил слугу отдохнуть.

Паоло, однако, не собирался этого делать, он был слишком возбужден и поэтому, возможно, преувеличивал, сам того не сознавая, опасность, угрожающую Винченцо. Своей свободой Паоло был обязан молодому стражу, которого в наказание перевели охранять другого заключенного. С помощью офицера, принявшего от Винченцо деньги, он мог общаться с Паоло. Простой юноша с отзывчивой душой и добрым сердцем, страдая от того, что видел вокруг, решил бежать отсюда, хотя срок его службы еще не истек. Для него сторожить заключенного в камере было все равно что самому сидеть в ней.

«Не вижу разницы, — сказал он Паоло. — Только вы по одну сторону двери, а я по другую».

Приняв решение, он доверился Паоло, которому сразу поверил. У него уже был готов план их совместного бегства отсюда. Однако Паоло не хотелось бросать в беде своего хозяина. Он вынашивал планы спасения хозяина, но ни один из них не мог быть осуществлен без риска для жизни Винченцо.

Наконец решившись, Паоло и молодой стражник через лабиринты коридоров выбрались во двор, а там и за стены тюрьмы. Но тут стражник никак не смог заставить Паоло двинуться дальше. Около часа бродил под зловещими стенами бедный Паоло, плача и произнося имя Винченцо, чем подвергал себя и его опасности. Там бы он и остался до утра, если бы не честный малый, который не бросил его. Наконец, когда рассвело и пребывание их под стенами тюрьмы стало опасным, они отправились каждый в свою сторону. Паоло держал путь в Неаполь. В дороге он почти не останавливался ни на ночлег, ни на отдых и вскоре был в родном городе. Теперь, даже не отдохнув, он был готов отправиться в обратный путь.

Положение, занимаемое маркизом, и его влияние при дворе вселяли надежду на быстрое освобождение сына. Но больше всего он полагался на помощь своего друга графа ди Маро, имевшего связи в римской церкви.

Однако, подав прошение, маркиз не получил такого быстрого ответа, на какой рассчитывал. Прошло целых две недели, прежде чем ему разрешили первое свидание с сыном. Увидев Винченцо, бледного и изможденного, все еще страдающего от ран, полученных в Челано, и ужасные коридоры и темницы тюрьмы, маркиз проникся подлинно отцовской нежностью и состраданием к непокорному юнцу, простил ему все его прегрешения, строптивость и непослушание. Он решил приложить все усилия, чтобы вызволить его оттуда.

Юноша искренне сокрушался, узнав о смерти матери, и со слезами сожалел, что причинил ей столько горя. Он забыл о ее самодурстве и тирании, а о других ее пороках и грехах он, к счастью, не ведал. А когда он узнал, что ее последним желанием было видеть его счастливым, смерть ее показалась ему высшей несправедливостью, и отчаянию его не было предела. Чтобы не винить себя так сильно, он невольно вспомнил, как она обошлась с Элленой, заточив ее в монастырь. Лишь это помогло ему примириться с самим собой.

ГЛАВА XI

Ты в списке том.

В. Шекспир

Минуло три недели, а маркиз не получил из священной инквизиции ответа на свое прошение. Но вдруг неожиданно ему и Винченцо было дано разрешение навестить отца Скедони в его заключении. Сделано это было по его настоятельной просьбе. Маркизу было чрезвычайно неприятно встречаться с человеком, который причинил столько зла семье ди Вивальди, но, когда он попробовал отказаться, ему не разрешили. В назначенный час он пришел в камеру сына, и затем их провели к Скедони.

Пока они ждали, когда откроют многочисленные засовы и замки камеры, где содержался Скедони, Винченцо нервничал еще больше, чем тогда, когда узнал, что монах хочет его видеть. Ему снова предстояла встреча с этим несчастным, который посмел назваться отцом Эллены.

Маркиза, однако, тревожили совсем другие чувства, и, кроме раздражения, он испытывал известную долю любопытства: зачем монах попросил свидания?

Наконец дверь открылась, и, следуя за офицером стражи, маркиз и Винченцо вошли в камеру. Скедони лежал на матрасе и при их появлении не встал, а, лишь слегка приподняв голову с подушки, кивнул в знак приветствия. Свет, падавший из зарешеченного окна, осветил его еще более исхудавшее лицо и глубоко запавшие глаза в темных глазницах. Казалось, что оно уже отмечено печатью смерти. Винченцо едва не застонал, словно от боли, и поспешно отвернулся. Однако, взяв себя в руки, он приблизился к Скедони.

Маркиз предпочел не выдавать своих чувств к поверженному врагу и тут же спросил о причине свидания.

— А где отец Никола? — обратился Скедони к офицеру, не отвечая маркизу. — Я здесь его не вижу. Неужели он уже отбыл, сделав вид, что не получил моего приглашения?

Офицер попросил охранника найти отца Николу.

— Кто пожаловал сюда? — промолвил Скедони. — Кто тот, что стоит в ногах моей постели? — Глаза его остановились на Винченцо, и тот, растерявшись, послушно ответил:

— Это я, Винченцо ди Вивальди. Я пришел по вашему зову и хочу знать цель нашего свидания.

Маркиз тоже повторил свой вопрос, но Скедони ничего не ответил, и казалось, что он погружен в глубокое раздумье. На мгновение его взгляд остановился на Винченцо, но он тут же отвел его. А когда он наконец поднял глаза, в них горел какой-то странный недобрый огонь.

— А кто там прячется в темноте?

Он смотрел куда-то мимо Винченцо, и тот, обернувшись, увидел за своей спиной отца Николу.

— Это я. Что тебе нужно от меня? — ответил тот.

— Подтвердить, что все, что я сейчас скажу, правда, — сказал Скедони.

Отец Никола и вошедший с ним еще один инквизитор быстро встали по одну сторону матраса, на котором лежал Скедони, маркиз — по другую, а Винченцо так и остался стоять там, где стоял, — в ногах.

— Я буду говорить о заговоре против одной невинной души, который по моему указанию успешно осуществлял отец Никола, — после недолгого молчания промолвил Скедони.

Монах попытался прервать его, но Винченцо остановил его.

— Вы знаете Эллену ди Розальба? — неожиданно обратился к маркизу Скедони.

Винченцо побледнел, услышав имя Эллены, но промолчал.

— Я слышал о ней, — холодно промолвил маркиз.

— Вы слышали о ней только ложь, — заметил Скедони. — А теперь поднимите глаза и хорошенько взгляните в лицо этого человека, — и он указал пальцем на Николу ди Зампари.

Маркиз внимательно посмотрел на отца Николу.

— Такое лицо не забудешь, — ответил он. — Я видел его, и не раз.

— Где вы его видели, синьор?

— В своем дворце в Неаполе. Как мне помнится, вы сами нас познакомили.

— Да, я сделал это, — согласился Скедони.

— Тогда почему вы обвиняете его во лжи? — спросил маркиз. — Не вы ли сами подсказали ему эту ложь?

— О небо! — воскликнул Винченцо. — Этот монах и есть тот клеветник, который оговорил Эллену ди Розальба?

— Это святая правда, — подтвердил Скедони, — он сделал это с целью отомстить...

— Вы признаетесь в том, что помогали оклеветать родную дочь! — гневно воскликнул юноша и тут же осекся. Ведь отец не знает, что Эллена ди Розальба — дочь Скедони. Он в ужасе понял, каким роковым образом это может сказаться на его с Элленой судьбе. Маркиз в этом случае может отказаться выполнить обещание, данное жене, и не согласится на брак сына с дочерью такого отъявленного негодяя, как Скедони.

Маркиз действительно был поражен услышанным и смотрел то на сына, то с крайним презрением на Скедони. Однако Винченцо вместо объяснений попросил отца позволить ему поговорить со Скедони.

Маркиз весьма неохотно дал согласие. Видимо, свое решение о браке Винченцо он уже для себя принял.

— Значит, вы были автором этих злостных измышлений? — спросил юноша у Скедони дрожащим от возмущения голосом.

— Выслушайте меня! — неожиданно воскликнул тот. Видимо, это стоило ему немалых усилий, ибо он тут же обессиленно умолк и откинулся на подушку. — Я уже говорил вам и могу повторить еще раз, — наконец собравшись с силами, продолжал он, — что Эллена ди Розальба — моя дочь, а я — ее недостойный отец, долго скрывавший это.

Бедный юноша издал стон, полный отчаяния, но не прервал Скедони. Маркиз, однако, рассудил иначе:

— Вы пригласили меня сюда, чтобы оправдать вашу дочь? Однако мне нет никакого дела до того, виновата она в чем-либо или нет.

Винченцо не ожидал, что слова отца произведут такое впечатление на Скедони. В ослабшее тело монаха снова вернулся гордый непреклонный дух.

— Она из знатного и старинного рода, синьор, — надменно произнес он, приподнимаясь на своем ложе. — Перед вами последний из рода графов ди Бруно.

Презрительная усмешка искривила губы маркиза.

— Я прошу тебя, Никола ди Зампари, поборник справедливости, каким ты выставил себя на суде, подтвердить во имя торжества истины, что Эллена ди Розальба чиста, безгрешна и не повинна ни в одном из тех пороков, в которых ты ее обвинил перед маркизом ди Вивальди.

— Говори же, негодяй! — воскликнул пришедший в неописуемый гнев Винченцо. — Возьми обратно свои злостные измышления, опорочившие безвинную, лишившие ее покоя, возможно, уже навсегда. Или ты смеешь по-прежнему утверждать...

Казалось, Винченцо был готов на все, но маркиз решительно остановил его.

— Я не намерен, сын мой, более участвовать в этой неприглядной истории, — холодно и надменно заявил он. — Все это не имеет никакого отношения ко мне, и я считаю недостойным для себя дальнейшее присутствие здесь.

С этими словами маркиз повернулся к двери, чтобы покинуть камеру, однако состояние сына, должно быть, беспокоило его. К тому же мелькнула еще и догадка, что не только попытка защитить честь своей дочери была причиной того, что Скедони осмелился позвать

их всех сюда.

Скедони, заметив колебания маркиза, воспользовался этим.

— Если вы согласитесь, синьор, — обратился он к нему, — выслушать слова в защиту чести моей дочери, вы узнаете, что, как бы низко ни пал ее отец, он искренне вознамерился исправить причиненное ей зло. Все, что сейчас вы узнаете, будет иметь непосредственное значение для вашего собственного спокойствия, маркиз ди Вивальди, человека столь известного и почитаемого и к тому же свято блюдущего свою честь и достоинство, как вы только что нам доказали.

Последние слова заставили маркиза, уже сделавшего несколько шагов к двери, остановиться. Гордость его была задета. К тому же он подумал, что то, что скажет Никола, может помочь скорейшему освобождению Винченцо. Поэтому он милостиво, хотя и без особой охоты, согласился остаться.

Тем временем в душе Николы ди Зампари шла нешуточная борьба. Признание в клевете и оговоре не сулило ничего хорошего, судя по поведению разгневанного Винченцо. Угрызений совести он не испытывал, и отчаянная попытка Скедони с его помощью подтвердить невиновность дочери мало его трогала. Он думал прежде всего, как самому избежать сурового наказания, и решил большую часть вины переложить на Скедони. Но Скедони трудно было провести. Он заставил его говорить под присягой, и только одну правду, и своими вопросами уточнял все до мельчайших деталей. Даже у предвзятого слушателя не могло бы возникнуть сомнений в том, что Никола говорит правду, и невольно росло негодование на клеветника и сострадание к его невинной жертве. Однако присутствующие по-разному отнеслись к услышанному.

Маркиз, хотя и слушал внимательно, оставался спокойным. Винченцо, переполненный гневом и презрением к клеветнику, еле сдерживал себя и, впившись взглядом в Николу, боялся пропустить хотя бы одно слово. Когда наконец он смог с торжествующей улыбкой обратиться к отцу в поисках понимания и ответной радости, он был поражен его равнодушием и холодным взглядом. Тот по-прежнему считал, что происходящее не имеет к нему никакого отношения.

Все это время Скедони мучительно вновь переживал все, о чем рассказывал монах, и ему стоило огромных усилий задавать ему вопросы. Когда монах закончил, голова Скедони бессильно упала на подушку. Глаза его закрылись, лицо было мертвенно-бледным, и Винченцо испугался, что он умирает. Состояние Скедони вызвало сочувствие не только у одного Винченцо, его испытал даже офицер охраны, ибо приблизился к Скедони, намереваясь ему помочь.

Маркиз, не сделавший ни одного замечания по только что выслушанному признанию Николы ди Зампари, спросил Скедони, что означает его заявление о каком-то сообщении, непосредственно касающемся маркиза. Скедони справился, есть ли здесь тот, кто должен официально записать то, что он сейчас скажет. Им оказался инквизитор, который сопровождал отца Николу. Тогда Скедони справился, есть ли те, кто может стать свидетелями. Эту роль взяли на себя два офицера стражи.

Скедони заметно успокоился.

Послали за светильником для секретаря, который должен был все записать, а пока внесли факел, взяв его у охранника за дверь. Пламя его хорошо осветило камеру, позволяя Скедони увидеть всех присутствующих. Глядя на изможденное лицо Скедони, Винченцо вдруг понял, что за спиной этого человека стоит смерть.

Все были готовы, однако Скедони продолжал лежать, закрыв глаза. Наконец он открыл их и невероятным усилием воли заставил себя подняться и сесть, чтобы сделать последние признания. Не останавливаясь, он рассказал обо всем, что было им предпринято против Винченцо, и закончил официальным признанием, что, оговорив его, передал в руки инквизиции. Его обвинение Винченцо ди Вивальди в ереси было ложным.

Винченцо не был удивлен этим, ибо давно подозревал, кто повинен во всех его злоключениях. Новым теперь было лишь то, что он более не обвинялся в похищении

монахини. Следовательно, у инквизиции против Эллены не было никаких обвинений. Он решил потребовать у Скедони объяснений, и тот признался, что люди, увезшие Эллену, не имели никакого отношения к инквизиции. Обвинение в похищении монахини было ложным. Он прибег к нему для того, чтобы священник церкви Святого Себастьяна не смог воспротивиться аресту Эллены.

Тогда удивленный юноша задал ему один вопрос: стоило ли прибегать к столь опасной лжи, если Скедони, как отец девушки, мог просто собственной властью увести ее? Скедони признался, что не знал тогда, что Эллена его дочь. На вопросы о дальнейшей судьбе Эллены, куда ее увезли и как Скедони узнал, что она его дочь, он ничего не ответил. Было видно, что силы его иссякли.

Признание Скедони было должным образом подписано инквизитором и свидетелями. Таким образом, невиновность Винченцо была доказана. Его спасителем стал тот, кто предал его. Но радости в душе Винченцо не было. Его возлюбленная — дочь злодея, которого он сам в какой-то мере изобличил и обрек на смерть. Лелея хрупкую надежду на то, что все это может быть ошибкой, Эллена не может быть дочерью этого человека, Винченцо решил потребовать от Скедони доказательств.

Однако маркиз решительно воспрепятствовал дальнейшим расспросам при многочисленных свидетелях и заявил, что намерен немедленно уйти.

— Мое присутствие здесь не требуется, — добавил он. — Заключенный подтвердил невиновность моего сына, и это все, что мне было нужно. За это я готов простить ему все то зло, что он причинил моей семье. Документ с его признанием у вас в руках, святой отец, — обратился он к инквизитору, — и вам остается только передать его судьям священной инквизиции. Мой сын должен быть немедленно освобожден. Но прежде я должен получить копию этого документа, должным образом подписанную свидетелями.

Пока маркиз ждал, когда будет готова копия, — а он объявил, что не покинет камеру, пока не получит ее, — Винченцо, вопреки запрету отца, продолжал расспрашивать Скедони об Эллени и ее семье. Священник, вынужденный отвечать, тщательно избегал всего, что касалось их с маркизой совместных планов в отношении Эллены. Однако ему пришлось рассказать историю с медальоном, который и открыл ему, что Эллена его дочь.

Стоявший поодаль Никола ди Зампарри прислушивался к их разговору и недобро поглядывал на Скедони. Он снова низко надвинул на лоб капюшон, что напомнило Винченцо о встрече с ним на развалинах крепости Палуцци. Он более не сомневался, что этот человек был способен на все злодеяния, в которых обвинил Скедони. Вспомнилась вдруг окровавленная одежда в подземелье крепости, где его и Паоло заставили провести ночь, внезапная смерть синьоры Бианки и странная осведомленность о ней монаха, предупредившего его не ходить на виллу. Винченцо наконец решил получить ответ, как и отчего умерла бедная синьора Бианки. Осужденному на смерть Скедони теперь нечего хранить эту тайну. Задавая ему этот вопрос, Винченцо не сводил глаз с отца Николы, но тот отнесся к этому совершенно равнодушно, лишь еще ниже опустил на лоб капюшон.

К удивлению Винченцо, Скедони самым решительным образом отрицал свою причастность к смерти синьоры Бианки. Более того, он даже не знал, что она умерла. Но это не убедило Винченцо, и он спросил, каким образом об этом узнал отец Никола и предупредил его не ходить на виллу.

Скедони на мгновение задумался.

— Полагаю, — сказал он, — это было всего лишь предупреждение не посещать виллу Алтиери. Всего лишь совет.

— Видимо, синьор, вы никогда не были влюблены! — горячо возразил юноша. — Иначе бы знали, сколь бесполезно давать такие советы влюбленным, особенно если это делает случайный незнакомец.

— Я полагал, — тихим голосом промолвил Скедони, — что совет постороннего окажет на вас большее воздействие, особенно если он дан в столь таинственной и необычной обстановке. На людей вашего склада это должно было произвести впечатление. Я решил

воспользоваться этой особенностью вашего характера, вернее, вашей главной слабостью.

— Какой именно? — встревоженно воскликнул юноша и почувствовал, что краснеет.

— Излишней впечатлительностью, способной сделать вас рабом суеверий.

— Суеверий? И вы, монах, называете суеверия слабостью! — Винченцо был ошеломлен. — Где и когда я выдал себя перед вами в этом отношении?

— Разве вы забыли нашу беседу о призраках крепости Палуцци? — напомнил Скедони.

Винченцо поразили тон, каким это было сказано, и он с любопытством пристально посмотрел ему прямо в глаза и, медленно произнося слова, переспросил:

— Нет, я хорошо помню наш разговор, но не помню, чтобы я говорил вам что-то, что позволило вам прийти к такому странному заключению.

— Да, все, что вы говорили, было разумным, — согласился Скедони, — но ваша горячность, сила воображения выдали вас. А способно ли воображение прислушиваться к голосу разума или доверять фактам? Нет, оно не склонно ограничиваться скромными реалиями жизни, оно устремляется ввысь, жаждет простора, ждет чудес!

Краска снова залила лицо бедного юноши, который не мог не признать справедливости этих слов. Он был удивлен тем, что Скедони так точно угадал склад его ума, склонность к догадкам и преувеличениям вместо возвышенности и трезвого разума в оценке того случая, на который Скедони ссылался сейчас.

— В чем-то я согласен с вами, — вынужден был признать Винченцо. — Но я хочу поговорить о вещах менее абстрактных, к которым мои фантазии не имеют никакого отношения. Я говорю об окровавленной монашеской одежде, которую я нашел в подземелье крепости Палуцци. Чья она? Что случилось с тем, кому она принадлежала?

На лице Скедони появилось выражение полного недоумения.

— Какая одежда? — спросил он.

— Скорее всего, она принадлежала тому, кто умер насильственной смертью, — продолжал Винченцо, — и найдена мною там, где столь часто появлялся послушный вашей воле монах Никола.

Сказав это, Винченцо грозно взглянул на монаха. Глаза всех присутствующих в камере тоже были устремлены на него.

— Это была моя одежда, — спокойно ответил отец Никола.

— Ваша? В таком состоянии, вся в крови? — не верил своим ушам Винченцо.

— Моя, — твердо ответил монах. — А тому, что она в крови, я обязан вам. Кровь из раны, нанесенной пулей из вашего пистолета.

Винченцо возмутила эта явная ложь.

— У меня не было пистолета! — воскликнул он. — При мне была лишь шпага.

— Подождите, послушайте дальше, — остановил его монах.

— Повторяю, у меня не было огнестрельного оружия.

— Обращаюсь к вам, отец Скедони. Вы можете подтвердить, что я был ранен из пистолета?

— Ты не можешь обращаться ко мне за подтверждением, — резко возразил Скедони. — Почему я должен спасти тебя от подозрений после того, как ты уготовил мне эту участь?

— Вашу участь вы сами уготовили себе своими злодеяниями, — парировал монах. — Я всего лишь выполнил свой долг. Что сделали и другие, например священник или Спалатро.

— Никогда не пожелал бы иметь на своей совести то, что сделали вы, — не выдержал Винченцо. — Вы предали своего друга да еще заставили меня помогать вам!

— Мы с вами обезвредили преступника, — не сдавался монах. — Он отнял жизнь у других и пусть поплатится за это собственной жизнью. Для успокоения вашей совести могу сообщить, что были и другие способы доказать, что он граф ди Бруно, помимо свидетельства священника Ансальдо, но я, когда просил вас, не знал еще об этом.

— Если бы вы сделали свое признание раньше, — заметил Винченцо, — к вам было бы больше доверия. Просто вы не хотите, чтобы я разгласил тайну вашего собственного

преступления. Тот, кто убил, заслуживает такой же участи. Так кому принадлежало это окровавленное платье?

— Мне, повторяю вам! — воскликнул отец Никола. — Скедони может подтвердить, что на развалинах Палуцци я был ранен из пистолета.

— Это невозможно! У меня была лишь шпага.

— А у вашего спутника? — быстро спросил Никола. — Разве у него не было пистолета?

После минутного замешательства Винченцо вдруг вспомнил, что Паоло действительно имел при себе пистолет и даже выстрелил один раз куда-то в темноту, откуда, как им показалось, они услышали шаги.

— Однако мы не слышали ни крика, ни стога, — удивился он. — К тому же эту одежду я нашел далеко от места, где Паоло выстрелил. Человек с такой серьезной раной, судя по количеству крови на одежде, не смог бы сам без шума добраться до далекого подземелья, чтобы там снять ее и бросить.

— Но все было именно так, синьор, — твердил отец Никола. — Чтобы сдержать крик, на это у меня достало воли, а также чтобы добраться до подземелья. Но вы следовали за мной по пятам. Когда я смог раздеться, я покинул подземелье и встретился с людьми, которым поручил продержать вас и вашего слугу в подземелье всю ночь. Они-то и достали мне другую одежду, чтобы я смог вернуться в монастырь. Эти же люди потом увезли синьорину ди Розальба из виллы Алтиери. Хотя вы меня не видели в подземелье, вы слышали мои стоны. Я находился совсем рядом, это могут подтвердить те, кто был тогда со мной. Теперь вы верите мне?

Да, Винченцо хорошо запомнил эту ночь и стоны за стеной, да и все другие подробности, о которых упоминал Никола. Монах говорил правду. Однако смерть синьоры Бианки не давала ему покоя. Скедони к ней непричастен. А отец Никола? Разве не согласился бы он сделать все, что угодно, за вознаграждение? Тогда какой смысл Скедони утаивать это и спасать своего врага? Но Винченцо все же пришлось примириться с мыслью, что смерть синьоры Бианки могла произойти по естественным причинам. К такому выводу пришел тогда врач.

В течение этой длительной беседы маркиз нетерпеливо ждал, когда будет готова копия. Поскольку это затянулось, он снова напомнил о себе и потребовал у секретаря поторопиться. Но вместо секретаря ему ответил чей-то другой голос. Он показался Винченцо знакомым. Вглядевшись, он узнал узника, который навестил его однажды. Теперь ему скрываться было незачем, и он предстал в одежде инквизитора. Вспомнив его советы, попытку разговорить его и выведать имена друзей, Винченцо понял, какую опасность представлял этот «визит сострадания». Не удержавшись, он спросил у инквизитора, каким образом он смог тогда проникнуть в его камеру. Тот ничего не ответил и лишь ухмыльнулся, если кривую гримасу на его лице можно было назвать улыбкой. Всем своим видом он давал ему понять, что священная инквизиция умеет хранить свои тайны.

Это рассердило Винченцо, и он решил не сдаваться. На этот раз его уже интересовало, надежна ли охрана камер, если в них может войти любой без ведома охраны, и не понесли ли нерадивые охранники из-за этого наказания.

Неожиданно на помощь инквизитору пришел Никола.

— Службу они несут честно, — заступился он за стражей. — Лучше не спрашивайте, синьор.

— Следовательно, суд не сомневается в их честности? — продолжал допытываться Винченцо.

— Нет, синьор, не сомневается, — ответил Никола и недобро улыбнулся.

— Если в их честности никто не сомневался, почему их всех арестовали?

— Вам мало того, что вы уже узнали об инквизиции? — строго спросил Никола. — Не пытайтесь узнать больше, не советую.

— Это страшная тайна! — не выдержав, воскликнул долго молчавший Скедони. —

Знайте, юноша, почти во всех камерах есть потайная дверь, в которую слуги смерти могут войти беспрепятственно и незаметно. Одним из таких слуг является наш отец Никола. Кто-то, а он-то знает секреты своей профессии.

Винченцо в ужасе отшатнулся от монаха. Скедони умолк. Но пока он говорил, Винченцо заметил, как изменился его голос. Это напугало его не меньше, чем его слова. Никола молчал, но взор его был полон ненависти.

— Его роль была ничтожной, — продолжал Скедони, — и он ее уже сыграл. — Он остановил неподвижный взгляд на монахе.

Тот, услышав эти слова, приблизился к нему. Торжествующая, страшная усмешка искривила губы Скедони.

— Скоро, очень скоро ты сам в этом убедишься, — глухо произнес он, глядя на монаха.

Тот совсем низко склонился над Скедони и впился в него горящим взглядом, словно пытался что-то прочесть в его глазах.

Лицо Скедони испугало Винченцо, хотя победоносная улыбка продолжала играть на его устах. Однако вскоре что-то произошло, улыбка исчезла, тело Скедони вздрогнуло, словно по нему пробежали конвульсии, и из груди вырвался тяжкий стон. Винченцо понял, что священник умирает.

Менее всего испуганным маркизу и Винченцо хотелось оставаться в камере умирающего, где уже началась суматоха. Лишь один отец Никола не тронулся с места, и злорадная ухмылка кривила его губы. Но удивленный Винченцо, глядя на него, увидел, как странно вдруг изменилось лицо монаха, словно он, глядя на агонию умирающего, решил повторить все то, что с тем происходило. Но это длилось лишь мгновение, и вот лицо его снова приобрело прежний угрюмый вид, судорога, сковавшая тело, прошла, и Никола обессиленно оперся о плечо стоявшего рядом офицера охраны. Похоже, торжество победы над врагом исчерпало все его силы. Мог ли он думать, что вскоре сам разделит судьбу своего заклятого врага?

Скедони умирал тяжело. Конвульсии то затихали, то снова возобновлялись. В перерывах между ними он лежал неподвижно, глаза его погасли, и казалось, он даже не осознает, где он. Но неожиданно к нему опять вернулось сознание, губы его зашевелились и, обведя камеру взглядом, словно ища кого-то, он невнятно что-то произнес, а затем повторил еще раз. Наконец удалось расслышать, что он произносит имя отца Николы. Тот, все еще опираясь на чье-то плечо, обернулся и был напуган горящим взглядом умирающего. На губах Скедони опять появилось подобие торжествующей улыбки. Его палец указывал на Николу. Монах застыл, словно пригвожденный, лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он чувствовал, как силы оставляют его, тело пронизала дрожь, и он рухнул бы на пол, если б его не подхватили чьи-то руки. Из груди Скедони вырвался странный хриплый звук, не то стон, не то торжествующий крик, от которого все присутствующие в ужасе вздрогнули и попятились к двери. Остались неподвижными те, на чьих руках лежал бесчувственный Никола.

Однако дверь камеры оказалась запертой изнутри. Ждали прихода врача, за которым послали, и до выяснения всех обстоятельств всем надлежало оставаться на месте. Маркизу и Винченцо, хотели они того или нет, предстояло стать невольными свидетелями ужасной смерти Скедони. А тот, видимо не сделав или не сказав того, что хотел, снова забился в конвульсиях.

Наконец появился врач. Увидев состояние Скедони и бросив взгляд на бесчувственного Николу, он коротко и не задумываясь поставил диагноз: отравление. По его мнению, яд был очень сильный, действовал исподволь, коварно, и в этом случае противоядий у него не было. Однако он отдал необходимые распоряжения, могущие облегчить страдания.

Скедони стало лучше, конвульсии прошли, но состояние Николы было ужасным, он задыхался и, видимо, испытывал страшные муки. Он скончался, не приходя в сознание, прежде чем врач, пославший за лекарством, смог облегчить его страдания.

Доставленное лекарство, однако, на время помогло Скедони, к нему вернулось

сознание, и он вновь обрел дар речи. Первым, что он произнес, было имя Николы.

— Он жив? — спросил Скедони, с великим трудом произнося слова. Окружившие его люди молчали, и это молчание, казалось, придало ему силы.

Этим воспользовался присутствующий здесь инквизитор и справился о самочувствии самого Скедони, а затем осторожно спросил о причине смерти Николы.

— Отравлен, — коротко и с видимой радостью произнес Скедони.

— Кем? — не останавливаясь, спросил инквизитор. — Помни, брат, ты на смертном одре. Говори только правду.

— Я не намерен ее скрывать, — охотно ответил Скедони. — Как и своего удовлетворения, — добавил он и умолк, обессиленный. — Я отплатил тому, кто уничтожил меня... И смог избежать позорной смерти... — еле слышно добавил он.

Скедони умолк. Видимо, силы покидали его. Инквизитор приказал секретарю записывать все слова умирающего.

— Вы признаетесь в том, что отравили себя и отца Николу? — дав ему немного отдохнуть, снова спросил инквизитор.

Скедони ответил не сразу, но наконец после долгой паузы произнес:

— Признаюсь.

Инквизитор торопливо спросил, как он это сделал, где достал яд, были ли у него соучастники.

— Я сделал это сам, — коротко ответил Скедони.

— Где вы достали яд?

Скедони опять молчал, собираясь с силами.

— Я прятал его в одежде, — наконец промолвил он.

— Вы умираете, — напомнил ему инквизитор, — поэтому говорите только правду. Мы не верим тому, что вы сейчас сказали. У вас не было возможности достать яд, пока вы были в тюрьме, а до этого у вас не было в нем надобности. Признайтесь, кто был вашим соучастником.

С этим несправедливым обвинением во лжи Скедони не смог согласиться. Прежний гордый дух победил телесную слабость. Голос его был тверд, когда он ответил:

— Это был яд, который я наносил на кончик клинка своего кинжала. А кинжал я всегда ношу с собой.

Инквизитор насмешливо усмехнулся. Тогда Скедони предложил обыскать его. Он был столь настойчив в своей просьбе, что в конце концов его обыскали. Яд нашли зашитым в подоле его сутаны.

Однако по-прежнему оставалось неясным, как он мог воспользоваться им, чтобы отравить Николу, хотя накануне тот оставался с ним на какое-то время наедине. Никола не мог быть так неосторожен, чтобы принять что-либо из рук своего врага. Инквизитор продолжал настойчиво требовать назвать имя сообщника, но Скедони более уже не мог отвечать. Глаза, в которых еще минуту назад светилась жизнь, медленно тускнели, и вскоре от злодея Скедони осталось лишь страшное мертвое тело.

Маркиз, не в силах выносить того ужаса, свидетелем которого он стал, давно отошел в дальний конец камеры, где с одним из офицеров стражи пытался предугадать, чем все это кончится для него и как долго он будет вынужден здесь находиться. Бедняга Винченцо, забыв обо всем, даже пытался помочь врачу напоить Скедони лекарством.

Когда все было кончено и свидетели ожидали последнее признание Скедони, все постарались поскорее покинуть это ужасное место. Винченцо снова был отведен в свою камеру, где должен был ждать решения суда. Он был слишком потрясен всем виденным, чтобы отвечать отцу на его вопросы об Элене. Маркиз, побыв с сыном еще какое-то время, отбыл в резиденцию своего римского друга.

ГЛАВА XII

Через несколько дней после смерти Скедони Винченцо ди Вивальди был освобожден, и маркиз отвез сына в дом своего друга в Риме.

Многие из общих друзей маркиза ди Вивальди и графа ди Марко собрались в этот день в доме последнего, чтобы приветствовать благополучное освобождение юноши.

Винченцо, худой и бледный, окруженный толпой друзей отца, принимал их искренние поздравления и отвечал на их расспросы, как вдруг раздался громкий радостный крик. Знакомый голос заставил юношу оглянуться, и он увидел в дверях гостиной Паоло, который, несмотря на усилия удерживающих его слуг, устремился к нему сквозь толпу недоумевающих вельмож.

— Мой хозяин! Мой дорогой господин! Пустите же меня к нему!

Воспользовавшись паузой, и недоумением гостей, и тем, что слуги, отпустив его, теперь лишь наблюдали, пряча улыбки, темпераментный и прямодушный Паоло, не обращая ни на кого внимания и умело действуя локтями, успешно пробился к своему хозяину и уже обнимал его. Для Винченцо это было самым счастливым мигом за все эти недели страха, неуверенности и страданий. Искренняя радость Паоло видеть его живым и свободным настолько растрогала его, что он забыл даже извиниться перед шокированным обществом за поведение своего слуги. Тем временем, пока слуги пытались как-то навести порядок, поднять упавшие стулья и оброненные табакерки, а маркиз направо и налево извинялся перед гостями, Винченцо, совершенно забыв, где он находится, обнял своего слугу. Наконец маркиз, подойдя к ним, решительно приказал Паоло покинуть гостиную, а сыну напомнил, что он в гостях, а не в своем доме. Напрасными были попытки Паоло объяснить, что они с синьором Винченцо были вместе в тюрьме инквизиции. Граф ди Марко, чтобы найти выход из создавшегося неловкого положения, наконец объяснил гостям, что верный слуга синьора Винченцо просто потерял разум от радости.

А Паоло, воспользовавшись молчанием все еще недоумевающих гостей, со свойственными ему пылкостью и многословием стал рассказывать о том, как он бродил под стенами тюрьмы, не желая расставаться с господином, как строил отчаянные планы его спасения и, наконец, пустился в путь в Неаполь, чтобы поскорее известить обо всем синьора маркиза.

— А теперь вот все так счастливо обернулось, я снова вижу своего господина. — Паоло, не сдержав слез, припал к ногам Винченцо.

Юноша, тронутый искренностью слуги, тем не менее тоже испытывал некую неловкость и тревогу от излишней экзальтированности Паоло и попытался его успокоить. Он нежно обнял его за плечи и поднял с колен, а затем торжественно представил его всем присутствующим как своего верного слугу и друга, кому обязан своим спасением.

Даже холодное сердце маркиза было тронутو таким бурным проявлением любви и преданности слуги, и он вполне искренне пожал Паоло руку.

— Я никогда не забуду твоей преданности, Паоло, и с этого момента считай себя свободным человеком. Перед всем благородным собранием я обещаю тебе свободу и тысячу секвинов в придачу за честную службу.

Но благодарности от Паоло, как все ожидали, не последовало. Бедняга покраснел, затем побледнел и, поклонившись маркизу, запинаясь, что-то невнятно пробормотал. Обеспокоенный Винченцо спросил его, что с ним.

— Нет, нет, синьор, зачем мне тысяча секвинов? — взволнованно ответил Паоло. — Зачем мне свобода, если я не смогу остаться с вами?

Растроганный Винченцо заверил его, что он не собирается расставаться с ним.

— Теперь ты будешь у меня первым и главным слугой в доме. Пусть это будет доказательством моего полного доверия к тебе.

— Благодарю вас, господин, — растерянно бормотал Паоло, — но я просто хочу

остаться у вас в услужении, как это было, и мне больше ничего не надо. Я надеюсь, синьор маркиз не разгневается, если я откажусь от тысячи секвинов. Я их уже получил, услышав ваши добрые слова. Они стоят много больше, чем деньги.

Но маркиз не собирался менять свое решение.

— Поскольку я не понимаю, как твоему желанию остаться с моим сыном может помешать эта тысяча секвинов, — заявил он с улыбкой, — я настаиваю, чтобы ты их принял. Я дам тебе еще тысячу как приданое твоей невесте.

— Вы очень добры, синьор, очень добры! — воскликнул Паоло и, поняв, что, к неудовольствию маркиза, снова разрыдается, бросился вон из гостиной. Вслед славному малому послышались слова одобрения и хлопки.

Через несколько часов маркиз с сыном отбыли в Неаполь, куда прибыли без каких-либо приключений на четвертый день.

Печальным было это путешествие для бедного Винченцо. Маркиз, обдумав все, заявил сыну, что при создавшихся обстоятельствах, когда все теперь известно, не считает его брак с Эллиной ди Розальба возможным. Поскольку девушка является дочерью Скедони, он считает себя вправе нарушить обещание, данное маркизе, да и сам Винченцо должен отказаться от Эллены.

Несмотря на все это, юноша по приезде в Неаполь тут же поспешил в монастырь Санта-Мария-дель-Пианто.

Эллена сразу же узнала его голос, когда, стоя у окна, услышала, как он расспрашивает монахиню, где найти ее, и в ту же минуту они увидели друг друга.

Встреча их была радостной и грустной. Сразу же вспомнилось все: разлука, тревога, опасности, надежды и ожидания. Эллена даже разрыдалась, и Винченцо стоило немалого труда успокоить ее. Лишь теперь она заметила, как изменила ее возлюбленного разлука и тяжкие испытания. Некогда открытое веселое лицо юноши стало неузнаваемо серьезным. Эллину испугала его бледность — след пребывания в казематах инквизиции.

Он рассказал ей все, что с ним произошло после их разлуки в церкви Святого Себастьяна в Челано, но, когда он дошел в своем рассказе до последних дней своего пребывания в римской тюрьме инквизиции и встречи со Скедони, он вдруг испытал замешательство и тревогу. Как сказать Эллине о ее отце то, чего она еще не знает? Эллена заметила его растерянность, и расспросы ее стали еще более настойчивыми.

Наконец, в качестве своеобразного вступления, которое позволило бы ему заговорить о Скедони, он обмолвился о том, что знает, что она нашла своего отца. Радость, которую он увидел на ее лице, привела его в смятение. Он понял, что теперь он уже не сможет сообщить ей о его смерти.

Видя, как Эллена жаждет поговорить с ним об отце, о котором, как она сказала, узнала так много хорошего, Винченцо был окончательно обескуражен. Скедони, каким он его знал, не мог ни у кого вызвать подобных чувств. Но вскоре это удивление сменилось еще большим, когда вошла сестра Оливия, узнавшая, что у ее дочери гость, и тут же была представлена ему как мать Эллены.

Однако прежде чем Винченцо покинул монастырь, обе стороны достаточно подробно узнали друг о друге и своих семьях. Недоразумения, к счастью, рассеялись: юноша был несказанно рад, что Скедони не является отцом Эллены, а Оливия узнала, что Скедони никогда более не причинит ей зла. Однако Винченцо благоразумно умолчал о трагических обстоятельствах смерти Скедони.

Вскоре Эллена покинула их, и юноша поведал Оливии о своей нежной привязанности к той, о печальной судьбе, постигшей их любовь, и попросил у нее теперь, когда они вновь нашли друг друга, дать согласие на их брак с Эллиной. Оливия благосклонно и с пониманием выслушала юношу. Отдав должное его мужеству и верности, признав, что они с Эллиной сумели сохранить свое чувство, несмотря на страшные испытания, она, однако, заявила, что не даст своего согласия на брак, если семья жениха не признает Эллину. В этом случае не Винченцо, а сам маркиз ди Вивальди должен просить у нее согласия на брак своего сына с ее

дочерью.

Это нисколько не встревожило Винченцо, ибо он был уверен, что отец, узнав правду, более не станет препятствовать его браку и немедленно выполнит свое обещание, данное его умирающей матери.

Маркиз тем временем, верный себе, предпринял все, чтобы разузнать о семье ди Бруно, и в частности об Оливии, ныне графине ди Бруно. Это было нелегко, но, к счастью, удалось найти врача, помогшего Оливии бежать, была также жива старая Беатриса, хорошо помнившая сестру покойной хозяйки, синьоры Бианки. Успокоенный, маркиз нанес визит в монастырь Санта-Мария-дель-Пианто и должным образом попросил у Оливии согласия на брак его сына с Элленой.

Маркиз остался очарованным светскими манерами графини и юной прелестью и чистотой ее дочери и более не сомневался, что его сын нашел свое счастье. Забыв о своем богатстве и родовой спеси, он отдал должное достоинству и благородству этих двух женщин.

Бракосочетание было назначено на двадцатое мая, день, когда юной Эллене исполнялось восемнадцать лет. Состоялось оно в церкви монастыря в присутствии маркиза ди Вивальди и графини ди Бруно.

Подходя к алтарю, Эллена вспомнила, как однажды они с Винченцо уже стояли перед ним в церкви Святого Себастьяна в маленькой далекой деревушке Челано. Как несравнимо было это с тем, что происходит с ними сейчас! Тогда, окруженная врагами, она боялась, что видит Винченцо в последний раз. Теперь, с благословения ее матери и отца Винченцо, они счастливо соединяют навеки свои судьбы. Слезы радости и благодарности наполнили ее глаза.

Оливия, слегка опечаленная тем, что, едва обретя дочь, снова теряет ее, утешала себя тем, что Эллена будет счастлива в браке, и еще тем, что дворец ди Вивальди и монастырь Санта-Мария-дель-Пианто находятся так близко друг от друга. Ничто теперь ей не мешает видеть свою дорогую девочку так часто, как она того захочет.

Верный Паоло, которому тоже было разрешено присутствовать в церкви, стоя на хорах, с интересом наблюдал за церемонией. Ему хорошо были видны лица всех: сияющие от счастья лица молодых, подобревшее лицо старого маркиза, умиротворенность и спокойствие на лице графини. В душе его все пело, и, не удержавшись, он излишне громко воскликнул:

— О счастливый день! О счастливый день!

ГЛАВА XIII

Где сладостней жилище я найду,
Что так же излучало бы добро,
Восторг и нежность? Скорую беду
Ничто здесь не предвещало. В череду
Благую там я побывал.

Д. Томсон

Празднества по случаю свадьбы сына происходили на прекрасной вилле маркиза в нескольких милях от Неаполя. Она была расположена на побережье залива в окружении огромного парка и так понравилась молодым, что они пожелали избрать ее своим главным местом пребывания. Отсюда открывался великолепный вид на залив, от величественного пика Мизено до южной гряды гор, словно вырастающей из глубины вод и отделяющей Неаполитанский залив от залива Салерно.

Мраморный портик виллы затеняли цветущие магнолии, акации и величественные пальмы. Комнаты в доме были просторны и прохладны, с окнами, выходящими на обе стороны. На западе они смотрели на залив, на востоке — на роскошную зелень долины и

предгорья Неаполитанских Альп с их разноцветьем скал.

Парк был разбит согласно входившей тогда в моду английской планировке с ухоженными зелеными лужайками и разбросанными по ним многочисленными тенистыми рощицами. Но любимые сердцу итальянца длинные затененные аллеи с внезапно открывающейся перспективой были тоже сохранены.

Вилла сияла огнями. Разряженная неаполитанская знать заполнила просторные гостиные и залы. Эллена была в центре внимания и помнила об этом. Но для нее и Винченцо праздник не стал бы всеобщим, если бы в нем не приняли участие все обитатели виллы. Во дворе и саду для прислуги были поставлены столы с яствами и напитками, весело играла музыка. Паоло, которому было поручено быть распорядителем, наконец смог осуществить свою мечту — снова потанцевать всласть под родным неаполитанским небом.

Наведавшись, чтобы взглянуть, как здесь веселятся, Винченцо и Эллена увидели, как лихо он отплясывает в кругу, все время выкрикивая:

— Счастливый день, счастливый день!

Заметив их, он тут же поспешил к ним.

— Мой господин! — воскликнул он, запыхавшись. — Вы помните, как, въехав в Челано, мы угодили прямо на народный праздник? Это было еще до того, как нам так не повезло с венчанием в церкви Святого Себастьяна. Помните, как я вам тогда сказал, что их праздник напомнил мне родной Неаполь и веселые гулянья на набережной?

— Я хорошо помню это, Паоло, — ответил Винченцо.

— Вы еще сказали мне тогда, что скоро мы будем дома и я спляшу тогда под родным небом. Увы, в первом случае вы тогда ошиблись, синьор. Наш путь домой оказался слишком длинным. Прежде чем попасть в рай, нам пришлось пройти через чистилище. А во втором случае вы были полностью правы — я здесь, в Неаполе, и я пляшу при свете луны, передо мной родной Везувий, залив, горы и вы, мой господин, а рядом с вами госпожа, все живы и здоровы и в полной безопасности. Все так же счастливы, как я. А я боялся, что никогда больше не увижу, как курится старик Везувий, то и дело посылая то дым, а то и пламя в ночное небо, да еще ворчит помаленьку. Счастливый день, синьор, счастливый день!

— Я рад за тебя, мой друг Паоло, — согласился растроганный Винченцо. — Я рад за тебя, да и за себя тоже.

— Я многим тебе обязана, Паоло, — присоединилась к мужу Эллена. — Да и твой господин обязан своим спасением прежде всего тебе. Свою благодарность я докажу тебе моим уважением и заботой. Я хотела бы, чтобы и твои друзья знали об этом.

Паоло, покраснев, низко поклонился. Он был растроган до глубины души. Он был счастлив и только твердил: «Счастливый день, счастливый день». Это все, что он мог ответить своей госпоже. Его слова подхватили остальные и, танцуя, повторяли до тех пор, пока Винченцо и Эллена не скрылись в доме.

— Вот видите, друзья мои, — воскликнул Паоло, — какими сильными могут быть люди, чьи сердца искренни, а совесть чиста, как радость может прийти, когда человек совсем уже не верит в нее. Думал ли я и мой бедный господин, очутившись в темнице инквизиции, что когда-нибудь придет этот день и мы снова будем свободны и увидим родной дом? Знали бы вы этих чертей в зале суда, где все черно, даже стены. Они не позволили мне и рта открыть, чтобы поговорить с моим господином. Кто думал, что нам удастся вернуться оттуда? Но вот мы все на свободе. Мы можем ехать или идти куда нам вздумается, можем плескаться в море или глядеть на небо, или же веселиться, как мы вот сейчас, под луной. Человек, он все может, друзья мои, его не остановишь.

— Ты говоришь о купанье в море и пляске под луной? — спросил кто-то. — Или еще о чем-то?

— Стоит ли гадать об этом, друзья! Стоит ли нам сейчас над этим задумываться? Я хочу, чтобы сегодня все были счастливы и веселились от души. Но одно правило не следует забывать: прежде чем сказать, подумай. Никто из вас, слава Богу, не видел стен и казематов тюрьмы, никому не довелось бежать из нее, оставлять там своего бедного господина...

Поэтому никто из вас не может понять, как я счастлив. Вам этого не понять. Счастливый день, счастливый день!

Паоло смешался с танцующей толпой, которая хором подхватила:

— Счастливый день!